

ИМАМ ШАМИЛЬ

Шамиль
Казиев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга Шапи Казиева повествует о жизни имама Шамиля (1797–1871), легендарного полководца Кавказской войны, выдающегося ученого и государственного деятеля. Автор ярко освещает эпизоды богатой событиями истории Кавказа, вводит читателя в атмосферу противостояния великих держав и сильных личностей, увлекает в мир народов, подобных многоцветию ковра и многослойной стали горского кинжала. Лейтмотив книги — торжество мира над войной, утверждение справедливости и человеческого достоинства, которым учит история, помогая избегать трагических ошибок.

Среди использованных исторических материалов автор впервые вводит в научный оборот множество новых архивных документов, мемуаров, писем и других свидетельств современников описываемых событий.

Новое издание книги значительно доработано автором.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [Шапи Казиев](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [КАВКАЗСКИЙ ПРЕСТОЛ](#)
 - [МЕЖДУ ТРЕХ ОГНЕЙ](#)
 - [ШЕЙХ МАНСУР](#)
 - [ВОСТОЧНЫЕ ПРОЕКТЫ](#)
 - [Часть первая](#)
 - [РОЖДЕНИЕ СЫНА](#)
 - [МИР ГОРЦА](#)
 - [ЮНОСТЬ ШАМИЛЯ](#)

- [СТРАНСТВИЯ МУТАЛИМА](#)
- [ПРОКОНСУЛ И ИМПЕРАТОР](#)
- [НАЧАЛО КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ](#)
- [БЕЙБУЛАТ](#)
- [ЦАРИ И МЯТЕЖНИКИ](#)
- [ГРИБОЕДОВ](#)
- [НИЗВЕРЖЕНИЕ ЕРМОЛОВА](#)
- [КАВКАЗ ПРИ ПАСКЕВИЧЕ](#)
- [ОБНОВИТЕЛИ ВЕРЫ](#)
- [ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ](#)
- [ШЕЙХ МАГОМЕД ЯРАГИНСКИЙ](#)
- [СЕИД ДЖАМАЛУДДИН КАЗИКУМУХСКИЙ](#)
- [ГИБЕЛЬ ДИПЛОМАТА](#)
- [ПУШКИН НА КАВКАЗЕ](#)
- [ПЕРВЫЙ ИМАМ](#)
- [РОЗЕН СМЕНЯЕТ ПАСКЕВИЧА](#)
- [ПОХОДЫ ГАЗИ-МАГОМЕДА](#)
- [ПЫЛАЮЩИЙ КАВКАЗ](#)
- [ГИМРИНСКАЯ БАШНЯ](#)
- [БОГ ВОЗРОДИЛ ЕГО ИЗ МЕРТВЫХ](#)
- [ВТОРОЙ ИМАМ](#)
- [КРУШЕНИЕ АВАРСКОГО ХАНСТВА](#)
- [ПРАВЛЕНИЕ ГАМЗАТ-БЕКА](#)
- [МЕСТЬ ХУНЗАХЦЕВ](#)
- [БЕЗ ИМАМА](#)
- [Часть вторая](#)
 - [ИЗБРАНИЕ ШАМИЛЯ](#)
 - [ВООРУЖЕННЫЕ ПРОПОВЕДНИКИ](#)
 - [ОСТАНОВИТЬ ИМАМА!](#)
 - [«МЫ ЗАКЛЮЧИЛИ МИР...»](#)
 - [НИКОЛАЙ ПРИГЛАШАЕТ ШАМИЛЯ](#)
 - [КАТАСТРОФА РОЗЕНА](#)
 - [ПУТЕШЕСТВИЕ ИМПЕРАТОРА](#)
 - [ДЕКАБРИСТЫ НА КАВКАЗЕ](#)
 - [СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ](#)
 - [ШАМИЛЬ НАЧИНАЕТ РЕФОРМЫ](#)
 - [ГОЛОВИН ГОТОВИТ ЭКСПЕДИЦИИ](#)
 - [«ДАБЫ ИМЕТЬ СВЕДЕНИЯ...»](#)
 - [БИТВА ЗА АХУЛЬГО](#)

- [ПЕРЕГОВОРЫ](#)
- [ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ](#)
- [СПАСЕНИЕ ШАМИЛЯ](#)
- [«ПОСМОТРИМ, ЧТО ДАЛЬШЕ БУДЕТ»](#)
- [ШАМИЛЬ В ЧЕЧНЕ](#)
- [ИЛЛЮЗИИ ГРАББЕ](#)
- [СХВАТКА С ВЕЛИКАНОМ](#)
- [КРИЗИС НА ВОСТОКЕ](#)
- [ДЕЛА В ЧЕРКЕСИИ](#)
- [ШАМИЛЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ДАГЕСТАН](#)
- [ПРЕКРАСНАЯ ПЛЕННИЦА](#)
- [ПЕРЕХОД ХАДЖИ-МУРАДА К ШАМИЛЮ](#)
- [НЕУДАЧИ ГОЛОВИНА](#)
- [ПЕВЕЦ КАВКАЗА](#)
- [Часть третья](#)
 - [ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ](#)
 - [ОРДЕНА И ЗНАМЕНА](#)
 - [КНЯЗЬ ОРБЕЛИАНИ](#)
 - [РАСПЛАТА ЗА АХУЛЬГО](#)
 - [ВИЗИТ ВОЕННОГО МИНИСТРА](#)
 - [«СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ КАВКАЗА»](#)
 - [ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО](#)
 - [УПРАВЛЕНИЕ ИМАМАТОМ](#)
 - [ПОЛОЖЕНИЕ О НАИБАХ](#)
 - [КОДЕКС ШАМИЛЯ](#)
 - [ЗАПРЕЩЕНИЕ КРОВНОЙ МЕСТИ](#)
 - [ПОХИТИТЕЛИ НЕВЕСТ](#)
 - [БРАЧНЫЕ РЕФОРМЫ](#)
 - [ОБРАЗОВАНИЕ](#)
 - [ДОХОДЫ И РАСХОДЫ](#)
 - [ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ](#)
 - [ЭКОНОМИКА ИМАМАТА](#)
 - [ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ](#)
 - [ПЛЕННЫЕ](#)
 - [ПЕРЕБЕЖЧИКИ](#)
 - [ПОЛЬСКАЯ СОТНЯ](#)
 - [ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ](#)
 - [ЗАПИСКИ РЯДОВОГО ЗАГОРСКОГО](#)
 - [ВОЗЗВАНИЯ И ЛАЗУТЧИКИ НЕЙДГАРДТА](#)

- [БЛИСТАТЕЛЬНАЯ ЭПОХА ШАМИЛЯ](#)
- [ВЗЯТИЕ ХУНЗАХА](#)
- [СУЛТАН-ПЕРЕБЕЖЧИК](#)
- [НЕЙДГАРДТ УМЫВАЕТ РУКИ](#)
- [НАМЕСТНИК ВОРОНЦОВ](#)
- [«СУХАРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ»](#)
- [ВЕДЕНО](#)
- [ЖЕНИТЬБА НА ЗАГИДАТ](#)
- [ПОХОД В КАБАРДУ](#)
- [БОИ ЗА АКУША-ДАРГО](#)
- [ХАДЖИ-МУРАД ПОХИЩАЕТ ХАНШУ](#)
- [НАСЛЕДНИКИ ФАБИЯ](#)
- [ОБОРОНА ГЕРГЕБИЛЯ](#)
- [САЛТА — ВТОРОЕ АХУЛЬГО](#)
- [ПРОФЕССОР ПИРОГОВ](#)
- [ПРОЕКТЫ БИРОНА](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [НАСЛЕДНИК ИМАМА](#)
 - [КУЗЕН НАВЕШАЕТ ШУАЙНАТ](#)
 - [СНОВА ГЕРГЕБИЛЬ](#)
 - [ПОХОД В САМУРСКУЮ ДОЛИНУ](#)
 - [«ВТОРОЙ ШАМИЛЬ»](#)
 - [НАБЕГ ХАДЖИ-МУРАДА НА ТЕМИР-ХАН-ШУРУ](#)
 - [БОИ ЗА ЧОХ](#)
 - [БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ ЦЕСАРЕВИЧА](#)
 - [ПЛАНЫ ДАНИЯЛ-БЕКА](#)
 - [ВОЙНА С ДЕРЕВЬЯМИ](#)
 - [СЫН ШАМИЛЯ СТАНОВИТСЯ НАИБОМ](#)
 - [ШАМИЛЬ И БАРЯТИНСКИЙ. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА](#)
 - [ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ХАДЖИ-МУРАДА](#)
 - [РАЗРЫВ](#)
 - [ПОБЕГ](#)
 - [В ТИФЛИСЕ](#)
 - [ГОЛОВА ХАДЖИ-МУРАДА](#)
 - [ГРАФ ТОЛСТОЙ НА КАВКАЗЕ](#)
 - [НАПРАСНЫЙ ПОДВИГ АРГУТИНСКОГО](#)
 - [ГОРЦЫ И КРЫМСКАЯ ВОЙНА](#)
 - [НОВЫЙ ПОХОД ШАМИЛЯ](#)
 - [КАХЕТИНСКАЯ ДРАМА](#)

- [ПЛЕНЕНИЕ КНЯГИНЬ](#)
- [ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГОРЫ](#)
- [ПЕЧАЛЬНЫЕ ИЗВЕСТИЯ](#)
- [ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЗОНАНС](#)
- [ДРАМА НИКОЛАЯ I](#)
- [УЗНИЦЫ ВЕДЕНО](#)
- [ЖЕНЫ ИМАМА](#)
- [БЫТ ШАМИЛЯ](#)
- [ТРУДНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ](#)
- [ЗАБОТЫ КАЗНАЧЕЯ](#)
- [НОВЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ](#)
- [ДЖАМАЛУДДИН В РОССИИ](#)
- [ВЫСОЧАЙШАЯ АУДИЕНЦИЯ](#)
- [ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КАВКАЗ](#)
- [РАЗРЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ](#)
- [ОБМЕН](#)
- [БЫВШИЕ ПЛЕННИЦЫ](#)
- [НА РОДИНЕ](#)
- [ТАЙНОЕ ПЕРЕМИРИЕ](#)
- [ВОЙНА ОКОНЧЕНА. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВОЙНА!](#)
- [ОБЕЩАНИЯ БАРЯТИНСКОГО](#)
- [ПРИШЕСТВИЕ НОВОГО НАМЕСТНИКА](#)
- [ДЮМА ПОСЕЩАЕТ КАВКАЗ](#)
- [УЧАСТЬ МИРОТВОРЦА](#)
- [БОИ НА ВСЕХ ФРОНТАХ](#)
- [ВЗЯТИЕ ВЕДЕНО](#)
- [ПОСЛЕДНИЙ ПРИЗЫВ](#)
- [«ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ»](#)
- [ГУНИБ — ВЫСОКАЯ ГОРА](#)
- [ШТУРМ ТВЕРДЫНИ](#)
- [УЛЬТИМАТУМ](#)

○ [Часть пятая](#)

- [ПОЧЕТНЫЙ ПЛЕННИК](#)
- [БАРЯТИНСКИЙ ТОРЖЕСТВУЕТ](#)
- [ПРОЩАНИЕ С КАВКАЗОМ](#)
- [ВСТРЕЧА С ИМПЕРАТОРОМ](#)
- [В МОСКВЕ](#)
- [СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА](#)
- [ОПЕКУН БОГУСЛАВСКИЙ](#)

- [ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВСТРЕЧИ](#)
- [КАВКАЗ ПЕРЕБИРАЕТСЯ В КАЛУГУ](#)
- [«КРАСНЫЙ» ГУБЕРНАТОР](#)
- [ИМАМ И ПРИСТАВ](#)
- [БЕЗ ШАМИЛЯ ВОЙНА НЕ ВОЙНА](#)
- [ПРОКЛАМАЦИИ БАРЯТИНСКОГО](#)
- [«ЛЮБИТЕ ВРАГОВ ВАШИХ...»](#)
- [АХУЛЬГО НА ОДИГИТРИЕВСКОЙ УЛИЦЕ](#)
- [НА НОВОМ МЕСТЕ](#)
- [ПРИСТАВ РАЗВЛЕКАЕТ ШАМИЛЯ](#)
- [ПРИЕЗД СЕМЬИ](#)
- [ВОЛШЕБНЫЙ МЕЧ АЛИ](#)
- [БИБЛИОТЕКА ШАМИЛЯ](#)
- [ПОЕЗДКИ ЗА ГОРОД](#)
- [ИСЦЕЛЕНИЕ ДОЧЕРИ](#)
- [МАГОМЕД-ШАПИ ПОСТУПАЕТ НА СЛУЖБУ](#)
- [ВИЗИТ «ВТОРОГО ШАМИЛЯ»](#)
- [СВЕТСКИЕ УСПЕХИ ХАДЖИЯВА](#)
- [ЧАДРА И ФОТОГРАФИИ](#)
- [ШАМИЛЬ И ПОДПОЛЬЩИКИ](#)
- [КРУШЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА](#)
- [«НЕТ У НАС ТАКОГО ЗАКОНА»](#)
- [«РОЗА КАВКАЗА» В КАЛУГЕ](#)
- [НОВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ СТОЛИЦЫ](#)
- [ПРИДВОРНЫЙ ХУДОЖНИК ЗИЧИ](#)
- [ПРИЕМ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ](#)
- [СМЕНА КАРАУЛА](#)
- [СУДЬБА РУНОВСКОГО](#)
- [ИНТРИГИ ПРЖЕЦЛАВСКОГО](#)
- [СЕМЕЙНЫЕ ДРАМЫ](#)
- [КТО КОГО](#)
- [НА РУИНАХ ВОЙНЫ](#)
- [РАЗВЯЗКА КАВКАЗСКОЙ ДРАМЫ](#)
- [ВЕЛИКИЙ ИСХОД](#)
- [КАЛУЖСКИЙ ВОИНСКИЙ НАЧАЛЬНИК](#)
- [ОТСТРАНЕНИЕ ПРИСТАВА](#)
- [СТАМБУЛ — КАЛУГА](#)
- [ПОКУШЕНИЕ](#)
- [КОНЕЦ ДАГЕСТАНСКИХ ХАНОВ](#)

-

-
-
-
-
-
-
-

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [INFO](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1434

(1234)

Шами Казиев

ИМАМ ШАМИЛЬ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

*Издание четвертое,
исправленное и дополненное*

*Научный консультант
кандидат исторических наук
И. В. КАРПЕЕВ*

© Казиев Ш. М., 2010

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2010

Предисловие

ПРИТЯЖЕНИЕ КАВКАЗА

КАВКАЗСКИЙ ПРЕСТОЛ

Древние считали неприступные вершины Кавказа престолом божеств, обителью могущественных духов, подножием неба. Эсхил называл их «соседками звезд». По Геродоту, «Саус-as» означает Гора Азов.

Эта гигантская крепость, разделяющая два мира — Европу и Азию, окутана множеством преданий, легенд и мифов.

Олимпийские боги считали Кавказ подходящим местом для своих интриг. Зевс велел приковать на Кавказе Прометея — дерзкого покровителя людей, которых он сделал «смотрящими в небо», дав им божественный огонь и разные знания.

На Арарат, главную вершину Кавказа, стихия Всемирного потопа вынесла и Ноев ковчег. Бог дал Ною завет: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю», и сыновья его стали прародителями множества народов, расселившихся по миру.

Обещав, что потоков больше не будет, Бог сделал Кавказ самым желанным и надежным местом на земле. Однако с тех пор, как ветхозаветный Пророк высадил на Арарате свой легендарный десант, для Кавказа наступили трудные времена.

Пример Ноя оказался заразительным, и к сияющим вершинам потянулось неисчислимое количество желающих оседлать знаменитые горы. Вследствие чего Кавказ сделался самым беспокойным местом.

Притяжение Кавказа было столь магическим, что мало кто из великих полководцев устоял перед соблазном украсить свои короны сиянием его снежных пиков.

Могу — значит хочу! Сила была единственным аргументом завоевателей. Стараясь превзойти предшественников, они огнем и мечом спешили запечатлеть свое имя в и без того печальной летописи мира.

После нашествия скифов на Кавказе остались богатые курганы. Александр Македонский, на манер олимпийских богов, ссылал сюда бунтарей. Римские императоры пытались обратить Кавказ в свою провинцию. Несколько столетий процветала Кавказская Албания, но была сметена гуннами и «Великим переселением народов». Наследство Албании разделили между собой иранские Сасаниды и Хазарский каганат.

Свои новые владения Сасаниды огородили Великой Кавказской стеной. Она начиналась от Железных ворот — Дербентской крепости у моря и уходила к вершинам Кавказского хребта.

Но опасность пришла с тыла. Арабский халифат разгромил Сасанидов и отбросил на север хазар.

После распада Халифата на Восточном Кавказе обособилось множество ханств, княжеств, вольных горских обществ и племенных союзов.

Новым потрясением для Кавказа стало вторжение Чингисхана. После него кавказский престол пытался узурпировать и Тамерлан.

Но так и не нашлось силы, способной окончательно покорить Кавказ и населяющие его народы.

Войны, миграции, стихийные бедствия — все оставило на Кавказе свои следы. Одни племена вытесняли в горы другие. Аборигены вынуждены были подниматься все выше и выше, туда, где их уже никто не мог достать. Следом шли те, кого выбрасывали на кавказские утесы новые волны истории. Подпирая друг друга, народы поднимались к вершинам Кавказа, пока первым не оставалось выбора — воевать или умереть. А так как оружие всегда было здесь непременной частью костюма, горцы росли воинами, умеющими за себя постоять.

Здесь веками переплетались расы и религии, языки и культуры. Процесс был сложным, но в результате возникла единая цивилизация горцев, преображающая всех, кто вступает в ее духовное пространство.

Те же, кто видел в разноликом Кавказе слоеный пирог, который легко проглотить, всегда рисковал, потому что на деле Кавказ оказывался острым клинком из многослойной стали.

К концу первого тысячелетия на Кавказе дала о себе знать и новая сила — Древнерусское государство.

Поначалу дело ограничивалось разведывательными набегами. Но, укрепившись на Тамани, великий князь «простер оружие свое до подножья Кавказского хребта», начав борьбу с черкесами и осетинами.

Со временем Кавказ превратился в арену борьбы трех основных соперников — Персии, Турции и России. Их власть на Кавказе не была прочной и требовала постоянного подтверждения. А большинство горских народов жило своей вольной жизнью, не подозревая о том, за кем они «числятся».

Кавказский престол так и не обрел своего владельца, хотя претендентов по-прежнему было в избытке.

МЕЖДУ ТРЕХ ОГНЕЙ

Иван IV (Грозный) занялся Кавказом более основательно, женился на черкесской княжне Марии и заложил на реке Терек крепость. Здесь несли службу 500 стрельцов, к которым прибилося множество беглых крестьян, и бойко шла приграничная торговля.

Став одной ногой в южных пределах, Россия собиралась с силами, чтобы пойти дальше.

На Дону и Тереке росли казачьи общины. «А по Терке реке и по иным речкам живут вольные многие казаки», — сообщает летопись.

Привыкшие к вольности, казаки доставляли московским правителям немало хлопот. Но в конце концов, после восстаний и бунтов, казачий край сделался приграничной провинцией государства. А создание новых казачьих войск и поселение их на военных линиях, постепенно продвигавшихся вглубь Кавказа, стали одним из инструментов царской политики на Кавказе.

Кавказские владетели, погрязшие в междоусобицах, били челом в Москве, ища защиты и покровительства. Первым пронял царя Федора Иоанновича грузинский царь Александр, жалуюсь на набеги горцев, хотя и сам был не чужд подобным затеям.

Весной 1594 года войско во главе с боярином А. Хворостининым захватило Тарки — резиденцию крупного дагестанского владетеля шамхала Тарковского на берегу Каспия. Но восставшие горцы отогнали воеводу за Терек. Та же участь постигла и воеводу И. Бутурлина, которого послал Борис Годунов.

После этого на Кавказе с новой силой разгорелось соперничество Персии и Турции, которое не утихало более трех веков. Войны сопровождались крайними жестокостями, свирепыми казнями непокорных, массовыми угонами в неволю и грабежами.

Набиравшее мощь Русское государство все чаще вспоминало о Кавказских горах, за которыми изнемогали под иноземным игом единоверные Грузия и Армения.

Вмешаться в спор за Кавказ решил Петр I. Прорубив окно в Европу, он решил распахнуть и ворота в Азию. Это были знаменитые Железные ворота древнего Дербента.

Дагестан и Дербент описал в своем дневнике тверской купец Афанасий Никитин, присоединившийся в 1466 году к посольству,

отправлявшемуся в Шемаху. Позже, по пути в Персию, навестил Дербент и Стенька Разин. Но если атаман ходил «за зипунами», за поживой, то Петр шел за новыми землями. Он решил продвинуть свои границы далеко на юг и овладеть Каспием, который считал «морем без хозяина».

К тому времени Персия была ослаблена противоборством с Османской империей, вторжениями афганцев и частыми восстаниями в Северном Азербайджане и Дагестане. Объединенные силы повстанцев действовали успешно и даже взяли Шемаху. При этом пострадали и русские купцы, лишившиеся своих товаров. Это и стало формальным поводом для похода Петра на Кавказ. Просьбы руководителей повстанцев принять их в российское подданство не возымели действия. Тогда они обратились за покровительством к Высокой Порте, которая ответила на это весьма благосклонно и начала военную подготовку к своему утверждению на Кавказе.

Но Петр решил опередить турок. Летом 1722 года император отправился в Каспийский (Персидский) поход. Его войско насчитывало около 100 тысяч человек. Флот под командованием адмирала Апраксина состоял из трехсот кораблей.

В Дагестане Петра встречали по-разному. Одни вступали в сражения и подвергались уничтожению вместе со своими селами. Другие, напротив, принимали русского императора с почетом. Шамхал Тарковский, понимая бессмысленность сопротивления и в надежде на обретение сильного союзника, одарил Петра подарками, за что и сам был осыпан почестями. Это, однако, не помешало ему обратить свое войско против императора, когда шамхал оказался ущемлен территориальным переделом, учиненным Петром. Кончилась эта затея печально для шамхала — поражением и ссылкой на Кольский полуостров. Тогда же Петр заложил «Стан Петра», ставший позже городом Порт-Петровском (ныне — Махачкала), и первую русскую крепость на реке Сулак — «Святой крест».

23 августа Петр уже стоял у Дербента. Шахский правитель города бежал, а жители вышли к царю с серебряными ключами от крепостных ворот.

Осенние штормы разбили часть флотилии, а болезни и недостаток провианта вынудили Петра вернуться в столицу. Оставшийся командовать Михаил Матюшкин взял Баку и двинулся дальше.

В 1723 году Персия вынуждена была подписать Петербургский договор, по которому Россия получила весь западный берег Каспия, включая некоторые иранские провинции.

Петр умер, не успев как следует распорядиться судьбой созданного им

великого государства. Тогда-то в странах-соперницах России и начали поговаривать о «Завещании Петра», по которому якобы империя должна была стать главной мировой державой и выйти к теплым морям, в которых солдаты «омоют свои сапоги».

Но в 1735 году, готовясь к новой войне с Турцией, императрица Анна Иоанновна отвела все войска за Терек, ставший по Гянджинскому договору официальной границей России и Персии. На этом рубеже была основана крепость Кизляр. В свою очередь Персия обещала России содействие в войне с Турцией.

В образовавшуюся «брешь» тут же ринулся новый властитель Персии Надир-шах. Сумевший освободить Персию от афганцев и турок, а затем покоривший Индию, шах имел далеко идущие планы, и покорение Кавказа было лишь их частью.

Горцы ожидали помощи от России, которая была теперь их естественным союзником, хотя и состояла в договорных отношениях с Персией. Но, кроме усиления гарнизона в пограничном Кизляре и моральной поддержки горцев, ничего сделано не было. Финал борьбы дагестанцев с Надир-шахом пришелся на смутную пору, когда только что закончилась война России с Турцией, началась война с Швецией, а на российский престол был возведен малолетний Иоанн VI Антонович при полномочном регентстве Э. Бирона. Противники всевластного Бирона и немецкого влияния вообще решили возвести на трон дочь Петра I Елизавету. В развернувшейся борьбе соперничающим партиям было не до горцев.

В такой ситуации Надир-шах надеялся легко расправиться с горцами. Он был так уверен в себе, что даже послал юному царю в Петербург 14 слонов с дарами, среди которых были сокровища, захваченные в Индии, во дворцах Великого Могола.

Свирепые воины шаха громили села и топтали конями младенцев. Но на пути «грозы вселенной» встали дагестанцы, которые всегда объединялись в тяжелые для родины времена.

Дагестанцы нанесли «грозе вселенной» сокрушительное поражение. Надир-шах едва унес ноги, бросив корону, казну и даже свой гарем.

В аварском сказании о разгроме Надир-шаха говорится:

Запомните, пришельцы, навсегда,
Из вас немногие в той битве уцелели.
Придете снова — уничтожим всех!

Звезда Надира закатилась, и он был убит в результате заговора. С тех пор в Персии есть поговорка: «Если шах сошел с ума, пусть идет на Дагестан».

Победа горцев вызвала в российской столице неопишемую радость. Лучшего подарка новой императрице Елизавете, взошедшей на российский престол после дворцового переворота, трудно было представить.

Но Елизавета Кавказом почти не занималась, ограничившись постройкой Азово-Моздокской линии и налаживанием отношений с горскими князьями и обществами. Зато при ней началось активное продвижение в Сибирь и вообще на Восток.

Императрица Екатерина II избрала новую тактику проникновения на Кавказ, стараясь всеми способами привлечь к себе кавказских владетелей. Предвидя, что в будущем Россия станет державой многих народов, мудрая правительница издала в 1773 году Указ «О терпимости всех вероисповеданий». «Преосвященные ж архиереи, так как и светские команды, — говорилось в Указе, — должны прилагать, в силу государственных законов, старание, чтоб от того между подданными Ее Императорского Величества не могло быть никакого разногласия, а паче б между ими любовь, тишина и согласие царствовало».

Поступив в российское подданство, многие из кавказских владетелей почувствовали себя сильнее. Но вместо утверждения «любви и согласия» стали покушаться на земли свободных горских общин. Их наглые притязания, а также изъятие земель для новых крепостей и чиновничьи бесчинства сделали положение горцев невыносимым.

ШЕЙХ МАНСУР

В 1785 году в Чечне вспыхнуло восстание под руководством шейха Мансура.

Шейх проповедовал кораническое благочестие, шариатское равенство между людьми, выступал за прекращение междоусобиц и единение горцев. Поначалу Мансур вел уединенный образ жизни суфия. Но вскоре его духовное подвижничество и миссионерские идеи привлекли к нему множество последователей из сопредельных областей Кавказа. Растущая популярность шейха многих беспокоила, и царские власти решили положить этому конец. К аулу Алды, в котором жил Мансур, был послан сильный отряд. Узнав об этом, жители заблаговременно покинули свои дома. Не найдя шейха, отряд сжег Алды и повернул назад. Но в лесу его окружили и разгромили собравшиеся из окрестных аулов чеченцы. Среди уцелевших был будущий герой Бородина князь Петр Багратион. А в числе немногих погибших повстанцев был брат Мансура.

Успех шейха прославил его далеко за пределами Чечни. К нему стали собираться не только простые горцы, но и влиятельные люди, ущемленные в своих правах царскими властями. Движение стало ядром объединения горских народов в борьбе за независимость.

Воодушевленные победой, восставшие решились взять Кизляр, но все их попытки кончились неудачей. Однако восстание стремительно разрасталось, перекинувшись и на Черкессию. Военные действия продолжались с переменным успехом несколько лет. Но силы были неравны, горцы начали терпеть поражения, и в 1790 году Мансур с остатками сил ушел в Анапу, которой владели турки. В ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 годов крепость была взята царскими войсками. Шейх попал в плен и кончил свою жизнь в застенках Шлиссельбургской крепости в 1794 году.

ВОСТОЧНЫЕ ПРОЕКТЫ

В 1796 году Екатерина II направила на Кавказ армейский корпус во главе с генералом Валерианом Зубовым. Его брат, фаворит императрицы Платон Зубов, искал случая превзойти прежнего фаворита Потемкина с его «греческим проектом», по которому предполагалось отнять у Османской империи православные народы Балкан. Зубов внушил императрице мысль о возможности овладения всем Востоком, включая Царьград (Константинополь) — родину православия.

Однако то, что так заманчиво выглядело на словах, обернулось весьма печальными последствиями на деле. По пути в Персию генерал застрял в Дагестане под Дербентом. После долгой осады город был взят, но вокруг началась партизанская война.

Зубов двинулся было в Азербайджан и захватил Баку, но императрица вскоре умерла, а ее сын, император Павел I, недолголюбивавший покойную мать и ее фаворитов, вернул войска обратно. Тем не менее Зубов возвратился в геройском ореоле и даже был воспет Державиным в оде «Прошел ты с воинством Кавказ...».

Павел I задумал создать на Кавказе дружественную конфедерацию формально независимых народов, готовых совместно действовать против общих неприятелей. Командующему Кавказским корпусом И. Гудовичу было велено открыть торговлю с горцами и употребить самые деликатные меры для их привлечения в фарватер российской политики. Но вступление России в войну с Францией похоронило и этот план.

В 1801 году, уже при Александре I, завершилось присоединение Грузии к России. В Грузии было введено российское правление, положившее конец борьбе местных претендентов на грузинский престол. К тому времени уже действовала и Военно-Грузинская дорога, проложенная царскими войсками между Владикавказом и Тифлисом через Главный Кавказский хребет.

Главкомандующим на Кавказе был назначен генерал К. Кнорринг, которого вскоре заменили более жестким и решительным генералом П. Цициановым. Он возводил новые крепости и устраивал военные экспедиции, давая понять горцам, кто на Кавказе хозяин.

Джаро-белоканцам, отказавшимся платить дань, он пообещал: «Дождетесь вы моего посещения и тогда дома ваши я сожгу, из детей ваших и жен утробу выну...» Обещания такого рода Цицианов и его

помощники исполняли в точности. Воодушевленный первыми победами, Цицианов послал генерала Гулякова покарать за набеги аварского хана. Однако горцы разгромили карательный отряд, убив и самого генерала.

Тем не менее Цицианов продолжал свою деятельность, присоединил к России несколько областей, в том числе Ширван и Гянджинское ханство, которое стало именоваться Елисаветпольским округом.

В 1806 году Цицианов блокировал Баку. Но вместо ключей от города ему достались пули от свиты бакинского хана. Потеряв своего начальника, войска отступили. А отрубленную голову Цицианова бакинский хан отправил шаху в Тегеран.

В отместку генерал Булгаков взял Баку, Карабах и Шекинское ханство, которые отошли к России.

Часть первая
НАКОВАЛЬНЯ ДЛЯ ГЕРОЯ

РОЖДЕНИЕ СЫНА

Дагестан — сердце Кавказа, и этой горной стране, простирающейся от вершин Кавказского хребта до Каспийского моря, история отвела особую роль. Что бы ни происходило между двумя морями, пока высокогорный Дагестан оставался свободным, не был покорен и Кавказ.

Как гласят летописи, «дагестанская страна, населенная многими народами, была источником учения и ученых, родником, откуда выходили храбрецы и добродетели».

Аварский аул Гимры Койсубулинского общества Дагестана славился богатыми садами. Природа подарила гимринцам чудесный уголок земли, укрытый высокими хребтами от холодных ветров. Даже само название аула происходило от аварского слова «гени» — «груша». Они здесь необыкновенно сочные и душистые.

Однажды ночью гимринцев разбудили громкие выстрелы. Вооружаясь на ходу, горцы выбегали из домов, полагая, что на село напал враг. Но оказалось, что это пьяный от счастья кузнец Денгав Магомед палил в небо с плоской крыши своей сакли. Рождение сына — большое событие для горца. В семье уже была дочь, но по такому поводу из ружей не палят.

Случилось это 26 июня 1797 года. По Хиджре — мусульманскому летосчислению — это был 1-й день месяца Мухаррама и нового, 1212 года.

На мавлид — благодарственную молитву — собралась вся аульская община. Дед Шамиля по обычаю шепнул в правое ухо младенцу особую молитву — азан, а в левое — его имя — Али.

Но счастье Денгава и его жены Баху-Меседу было недолгим. Ребенок оказался слабым и болезненным. Сверх того, он заразился оспой, от которой тогда умирали даже взрослые. Родители младенца потеряли всякую надежду. Но когда мулла уже готовился читать отходную молитву, над аулом, как гласит легенда, появился белый орел. Люди знали о нем из древних преданий, но никогда не видели. Орел долго кружил над Гимрами, затем камнем упал вниз и вновь взмыл в небо, унося в когтях змею, сползшую с грушевого дерева у сакли Денгава.

Аксакалы расценили это как доброе предзнаменование и посоветовали дать ребенку новое имя. По горским поверьям, лишь это радикальное средство могло сбить с толку шайтанов, когда те явятся за душой Али.

Родители так старались спасти сына, что имя ему выбрали редкое, о котором здесь никто и не слышал, — Шамиль. Ко всеобщему изумлению,

средство оказалось столь действенным, что мальчик стал быстро поправляться и скоро обогнал в развитии своих сверстников.

Позже Шамиль разыскал в книгах историю Пророка Самуила и остался доволен, что его назвали именем столь замечательного человека. История ветхозаветного Самуила — судьи народа Израильского — удивительным образом переплелась с жизнью Шамиля, будто дух его воплотился в горском мальчике.

Так же, как Самуил, которого бесплодная до того Анна «испросила у Бога», обещав посвятить мальчика служению Господу, Шамиль обрел второе рождение и посвятил себя служению Всевышнему.

«Отрок же Самуил более и более приходил в возраст и в благоволение у Господа и у людей», — сказано в Библии (I Цар. II, 26). И народ уповал на Самуила, как на очистителя веры и залог спасения народа. Именно так воспринимали миссию Шамиля и свидетели его деяний. В удивительном соответствии с библейскими преданиями Шамиль принял на себя тяжкое бремя очищения веры, изгнания нечестивцев и приуготовления народа своего к искреннему служению Всевышнему. Причины обрушившихся на горцев бедствий Шамиль видел во вражде и смутах, раздиравших Дагестан. И Шамиль привнес в этот хаос закон и единение, судил народ свой и с Божьей помощью побеждал сильных противников. Как и Самуилу, ему не удалось окончательно вытравить язычество и направить народ по стезям праведным. Но главное он все же совершил — объединил племена Дагестана в единый народ и тем изменил историю Кавказа.

Теперь имя Шамиль — одно из самых любимых у горцев.

МИР ГОРЦА

В горах много свободы, но мало земли. Поэтому обыденная жизнь здесь соткана из бесконечной борьбы за существование.

Реки прорезают в гранитных горах бездонные каньоны, орлы охотятся за змеями, цветы пробиваются из-под снега, а дороги такие узкие, что двоим не разойтись. Здесь, чтобы построить дом, надо разрушить скалу. Небо так низко над горами, что звезды кажутся россыпью крупных алмазов, а огненные росчерки метеоритов зовут поискать посланца небес за соседней горой. Ослепительные молнии и сокрушительный град, горные обвалы и снежные лавины...

Энергия и фатализм, страсть и упорство составляют основу природного характера горца. Даже одежда горцев схожа с их миром — бурки лесов и белизна папах, как на снежных вершинах Кавказа.

Дух вооруженной демократии, издревле вошедший в кровь и плоть горцев, не допускает и тени зависимости.

Здесь все обнажено, как в античной драме. Здесь аулы — амфитеатры, где каждый открыт перед людьми, небом и Всевышним. Здесь скажешь слово — и эхом отзовется вечность. И потому доброе слово здесь дороже золота, а злое — опаснее пули.

М. Лермонтов писал о Кавказе:

...Там за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.

Горцев считают прирожденными воинами, но сами они не менее воинских доблестей ценят знания, ум и красоту.

В Дагестане издревле неграмотность считалась позором, а книга — высшей ценностью. Образование было общедоступным, а по количеству школ на душу населения горцы превосходили самые просвещенные державы.

Богатые библиотеки украшали скромные сакли горцев, а дагестанские ученые высоко ценились во всем мусульманском мире. Устар Магомед Хаджи Ободияв (из аула Обода) даже был избран имамом Мекки.

Горцы изучали не только богословие или теологию, но и философию, алгебру, геометрию, логику, стихосложение, составляли медицинские

атласы, энциклопедии растений и минералов.

И теперь еще в горах можно увидеть древнейшие на планете наскальные солнечные календари и небесные карты.

Бережно сохранялись традиции гостеприимства и куначества, почитания старших и уважения к женщине, независимости и патриотизма.

Пришелец мог найти кров и защиту в любом доме.

Женщина могла остановить самую горячую схватку, всего лишь бросив между противниками свой платок. «Хорошо живет тот, у кого жена хорошая, — говорят в горах, — а у кого плохая — плохо».

ЮНОСТЬ ШАМИЛЯ

Денгав, чуть было не лишившийся единственного сына, старался оберегать Шамиля от тяжелой работы. Обычные обязанности горских мальчишек он переложил на дочь и позволял Шамилю лишь раздувать меха в кузнице или погонять ослов, когда в садах собирали урожай.

Из винограда Денгав, как и многие гимринцы, делал вино. Когда Шамиль подрос и достаточно окреп, Денгав поручил ему давить виноград в деревянных чанах, но Шамиль упорно отказывался, соглашаясь делать любую другую работу, даже самую трудную. Виноделие было весьма прибыльным занятием, так как неподалеку, в Темир-Хан-Шуре, стоял царский гарнизон и хмельные напитки пользовались большим спросом. Со временем Денгав и вовсе забыл свое кузнечное ремесло, зато начал делать еще и араку — виноградную водку. Вскоре и сам он пристрастился к своим веселящим душу произведениям, забросив хозяйство и воспитание детей.

Торговля вынуждала его надолго покидать аул. И Денгав решил отдать сына в медресе при мечети. Он надеялся сделать из него муллу, в полной уверенности, что дело это нетрудное и в будущем весьма выгодное.

Однако смиренного ученика-муталима из Шамиля не получилось. Когда на его старшего друга Магомеда напало сразу несколько парней, маленький еще Шамиль бросился на помощь и дрался так отчаянно, что гимринцы прозвали его львенком.

Гордый мальчишка решил закалить себя, как отец закалял клинки. По ночам, после долгих занятий или переписки очередной богословской рукописи, он пробирался в кузницу и до изнеможения упражнялся с тяжелым отцовским молотом. Разгорячившись, нырял в холодную реку. Переплыв стремительный поток, взбегал на вершину ближайшей горы, сталкивал с нее камень и бросался следом, стараясь догнать и остановить его.

Втайне от всех он уходил в сады, бился кинжалом с воображаемым противником, сбивал стрелами груши с верхушек деревьев и мечтал сразиться с мифическим огнедышащим драконом Аждахой.

Когда выпадал черед пасти сельское стадо, Шамиль гнал его на дальние луга. Там он брал на плечи ягненка и часами носил его, испытывая свои силы. И так продолжалось день за днем, до тех пор пока ягненок не превращался в большого барана.

В горах рассказывают много преданий о необыкновенной юности

Шамяля. По одному из них, однажды он вернулся в село в разодранной окровавленной одежде, погоняя отару и неся на плечах убитого волка. Гимринцы не верили, что мальчишка смог убить свирепого хищника. Пошли посмотреть на место схватки. Там лежала еще пара убитых волков.

Матери, опасавшейся за его здоровье, он упрямо твердил: «Аллах дал мне это тело не для того, чтобы я жалел его сегодня, а затем, чтобы оно спасло меня завтра». Он будто предчувствовал, что ему предстоят испытания, каких еще никто не переносил.

Люди поговаривали, что после перемены имени Всевышний очистил сердце Шамяля, как некогда сердце Пророка Мухаммеда, и сделал его святым.

Когда Денгав вернулся из очередного вояжа в Темир-Хан-Шуру, его ждали ошеломляющие новости. Говорили, что Шамяль легко перепрыгивает опасные теснины и арбу вместе с седоком, если встретит ее на узкой дороге; что он взбирается за диким медом на самые недоступные скалы, дальше всех бросает тяжелые камни, перерубает кинжалом летящую стрелу, объезжает самых непокорных жеребцов, ловит руками лис и ночует в пещерах, наводящих на остальных смертельный ужас. Что в руках его всегда Коран или кинжал, а чаще всего — и то и другое.

К тому же оказалось, что Шамяль успел побороть всех сверстников и уже задирает взрослых парней, желая помериться с ними силами. А сверх того прославился как виртуозный наездник, на всем скаку попадающий из ружья в подброшенную монету.

В довершение ко всему сельский учитель-мулла объявил Денгаву, что сыну его уготовано великое будущее и... попросил забрать Шамяля из школы, ибо успехи юноши были столь поразительны, что ему впору было не учиться, а учить.

Шамяль уже наизусть знал Коран, и в библиотеке не осталось непрочитанных им книг. А те, в которых рассказывалось о славных героях, он перечитывал снова и снова, стремясь разгадать тайну их величия. Он любил слушать легенды о сказочных богатырях-нартах, об отважных амазонках, которые даже в могилах не расставались со своим оружием и боевыми конями, о подвигах горянки Парту-Патима, поднявшей восстание горцев против кровавого завоевателя Тамерлана.

Преображение Шамяля было чудесным. Денгав не узнавал своего сына. Шамяль превратился в отважного джигита, которому не было равных.

Очень скоро Денгав ощутил это на себе.

Гордость за успехи сына вызвала в отце такой прилив чувств, что он

устроил приятелям настоящий пир, на котором вино текло рекой. Увидев, до какого безобразного состояния может опуститься человек, тем более — родной отец, Шамиль решил положить этому конец.

Для начала Шамиль напомнил отцу, почему мусульманам запрещено употребление вина. Предание гласит, что однажды Пророк Мухаммед направился за город, чтобы предаться молитвам в уединенном месте. Проезжая через пальмовую рощу, он встретил веселое общество, предававшееся неумеренным возлияниям. Пророк отказался от приглашения составить им компанию и направился дальше.

Возвращаясь обратно, он обнаружил, что все эти люди мертвы. Веселый пир обернулся ссорой, в которой они перебили друг друга.

Опечаленный Пророк воззвал к Богу, прося запретить вино, таящее в себе подобные бедствия. Всевышний услышал молитвы своего любимца и послал к нему ангела Джабраила (Гавриила) с повелением запретить употребление вина, а пьющих объявить врагами общества, способными причинить рано или поздно большое зло.

Однако проповеди Шамиля не приносили желаемого результата. Тогда Шамиль прибегнул к более действенному средству, поклявшись на Коране, что убьет себя на глазах отца, если тот не оставит греховной привычки и не перестанет позорить их род. В том, что Шамиль непременно исполнит данное слово, никто не сомневался. И Денгаву ничего не оставалось, как бросить пить. В кузнице снова загорелся огонь, зазвенела наковальня, а в винограднике пели птицы, славя щедрость Денгава и сладость виноградной лозы.

Шамиль уже был местной знаменитостью, верховодил в самых рискованных затеях и давал советы старшим, которые звали его решать трудные споры.

Но пытливый ум Шамиля жаждал большего. Вместе со своим другом Магомедом, ставшим впоследствии первым имамом Дагестана, они уединялись в пещере и, заткнув уши воском, предавались исступленным молитвам, открывая в священной книге потаенные смыслы и сокровенные знания.

Это, в свою очередь, придавало Шамилю новые силы, и невозможное для остальных становилось для него обычным делом.

Рассказывают, что однажды в Гимрах появилась огромная змея, пожиравшая ягнят и домашнюю птицу. Женщины боялись ходить за водой, работать в поле и начали опасаться за своих детей. Но змея укрывалась в реке, и мужчины не знали, как с ней справиться.

Старейшины села объявили, что убивший змею получит в награду

кинжал в богатой оправе. Но смельчаков не находилось.

Шамиль и Магомед наткнулись на чудовище, когда возвращались в село после очередных пещерных бдений. Гигантская змея грелась на речных валунах, сжимая в страшных объятиях удушенного козленка.

Магомед сделал из ремня пращу и метнул в змею камень. Но она лишь лениво подняла голову и вновь улеглась. Друзья сбросили на змею каменную глыбу, но чудовище успело скрыться в реке вместе со своей добычей. Тогда Шамиль зажал в зубах кинжал и бросился в воду.

Вода в речной заводи забурлила и окрасилась в кровавый цвет. Шамиль не появлялся. Магомед бросился на помощь, но не смог отыскать друга. Решив, что дело плохо, Магомед помчался в село звать людей на помощь.

Когда встревоженные гимринцы прибежали к реке, Шамиль сидел на валуне, читая благодарственную молитву. Неподалеку валялась отрубленная голова чудовища.

Девушки уже начали засматриваться на не по годам мужественного красавца. Мать просила Всевышнего сохранить Шамиля от опасностей, приближение которых она смутно чувствовала. И только счастливый Денгав гордо восседал на годекане, как бы нехотя соглашаясь с гимринцами, хвалившими его удивительного сына.

Сходились на том, что Шамиль пошел в своего деда — непобедимого богатыря Денгава, о котором сохранилось множество легенд.

СТРАНСТВИЯ МУТАЛИМА

Шамилю шел пятнадцатый год. Магомед был старше его на пять лет. С тех пор они жили как братья и почти никогда не расставались. Магомед старался удерживать Шамиля от опрометчивых поступков и внушал ему необходимость поиска новых знаний. «У кого нет учителя — у того учитель шайтан», — говорил он.

Стремление к знаниям — одна из главных мусульманских добродетелей. Считается, что если знания спрятаны даже в Китае — искать их нужно и там. Но знаний хватало и в Дагестане.

И вскоре друзья-муталимы, с лепешкой и куском сыра в хурджинах, с чернильницей и пером на поясе, отправились в путь. Они обошли весь Дагестан в поисках новых знаний и учителей.

Дар предвидения (горцы называют это иначе — видение сокрытого), проявившийся в Шамиле еще в детстве, развился в удивлявшую всех способность Шамиля раскрывать недобрые замыслы, чувствовать приближение опасности, совершать, казалось бы, нелогичные поступки, которые оборачивались несомненной пользой. Чтобы проверить, такой ли провидец Шамиль, как о нем говорят, один мулла спрятал под порогом медресе Коран. Все ученики спокойно перешагнули его, и только Шамиль остановился и потребовал убрать то, что спрятано: «А что именно — известно Аллаху, учителю и мне».

Молва о необыкновенном муталиме летела впереди Шамиля. Сохранилось предание о том, что когда Шамиль пришел в аул Тануси, мальчишки решили испытать его силу и устроили засаду, спрятавшись за огромным камнем. Но Шамиль вдруг исчез. Когда мальчишки решили посмотреть, куда он подевался, Шамиль окликнул их с вершины камня: «Я шел к вам учиться, а не драться, а кто хочет помериться со мной силой, пусть заберется сюда». Мальчишки оторопели, потому что этот камень был знаменит тем, что никто не мог взобраться на него одним прыжком. Они с почетом проводили Шамиля до медресе, а на том камне выбили следы его ног и прозвали камнем Шамиля.

Множество легенд и преданий о Шамиле можно и сегодня услышать в горских аулах.

Жизнь муталимов была нелегкой. Они вели полунищенское существование, жили в холодных кельях вдали от родного дома, среди разных народов. Досыта они ели только в праздники, когда у горцев

принято наделять нуждающихся. Обычной же пищей их были комки толокна, смоченные в воде. Скудные средства к существованию друзья добывали переписыванием Корана и других почитаемых книг. Но никакие трудности не смогли остановить будущих имамов, которые искали знания, как жаждущий ищет в пустыне оазис.

Выдающиеся ученые Саид Араканский, Абдурахман-хаджи Согратлинский, Хаджи-Магомед Ирганайский считали их своими лучшими учениками. К природным талантам юных гимринцев они прибавили свою духовную силу, приобщили к высоким знаниям и открыли им новые пути, о которых большинство других учеников даже не подозревали. Магомед и Шамиль получили лучшее образование из возможного, в совершенстве знали арабский язык, глубоко изучили шариат — исламское право и другие науки.

Позже, когда они уже достаточно созрели для восприятия тариката — суфийского пути к познанию истины, их духовными наставниками стали святой шейх Магомед Ярагинский и потомок Пророка Джамалуддин Казикумухский.

Была у Шамиля и своя тайна. После долгих бдений над книгами, после головокружительных зикров, а порой и во сне — ему представлялось, будто он дошел до края горной страны, за которой начинался новый, пленительной красоты мир. И над разделявшей их бездонной пропастью вдруг появлялся светлый мост. Но как только Шамиль решался ступить на него, мост исчезал и возвращалась реальность. В бесконечных дервишских странствиях Шамилю много раз казалось, что он вот-вот найдет этот чудесный мост. Он шел все дальше, поднимался к самым вершинам Кавказа, он почти уже видел его, но мираж всякий раз ускользал от него, тая в туманной дали.

Он видел аулы, разрушенные завоевателями, и леса надмогильных камней, продаваемых в рабство детей и женщин, вырубленные сады и сожженные поля. Видел крепости, построенные на отнятых у горцев землях. Видел дьявольский оскал кровной мести, губившей целые племена. Видел голод и страдания простых людей. Но видел и несомненную решимость горцев защитить свою родину и свободу, честь и достоинство, веру и справедливость. В горах зрела ненависть к ханам и прочей знати, деспотизм которых покоился на царских штыках и обретал уже невыносимые размеры.

Горы были полны преданиями о деяниях шейха Мансура, о царских генералах, подавлявших восстания на Кавказе.

Но народы гор были разобщены, вера колебалась, знания

превращались в отвлеченную науку.

Казалось, будто несокрушимый Голиаф явился погубить Кавказ, не ожидая встретить своего Давида.

ПРОКОНСУЛ И ИМПЕРАТОР

Политический мир был охвачен интригами и непрерывной переменой интересов. Европейские державы то провоцировали восточные государства к войне против России, то занимались совершенно противоположным. Разгромив в 1812 году Наполеона, а заодно и Персию, Россия формально включила в свою территорию почти весь Кавказ. Однако это еще не означало полного владычества.

В просвещенных кругах периодически рождались проекты мирного и взаимовыгодного привлечения горцев к жизни под покровительством империи. Предлагались политические меры, способные укрепить позиции России на беспокойном Кавказе. Предрасположены к этому были и сами горцы, не раз спасавшие своих соседей от вторжений восточных завоевателей. Но в эйфории победы над Наполеоном казалось, что подобные задачи проще решать силой оружия.

Окончательное покорение Кавказа было поручено генерал-лейтенанту Алексею Ермолову. С его появлением на Кавказе политика России в этом крае приняла новое направление.

Назначенный главноуправляющим в Грузию и командиром Отдельного Кавказского корпуса, Ермолов был с восторгом встречен войсками.

Рано вступивший на военное поприще, он в 15 лет уже был гвардейским капитаном. В 16 — отличился в Польском походе Суворова. Затем он воевал в Италии против французов. Оттуда впервые попал на Кавказ, где под началом графа Зубова ходил на Дербент и к Гяндже. В 19 лет Ермолов получил чин полковника. Он лелеял мечту стать проконсулом Кавказа, который столь полюбился ему, что он задумал сделать его спокойным и весьма доходным краем России.

Однако с воцарением Павла судьба Ермолова резко переменилась. Вслед за попавшим в опалу фельдмаршалом Суворовым тень пала и на Ермолова. Он оказался в Петропавловской крепости, а затем и в ссылке. Новый император Александр I вернул его, но доверил лишь роту кавалерии, предоставив Ермолову вновь добывать утерянное «с конца своей шпаги». Ермолова это не смутило, и он с лихвой возместил утраченное, отличившись в Аустерлицком сражении 1805 года, после чего карьера его резко пошла в гору. Своими воинскими талантами он заслужил золотую саблю за храбрость, новые чины и высокие награды. Бородинская битва, в которой раненый Ермолов отбил у французов батарею Раевского,

сделала его народным героем. Кутузов говорил о нем: «Он рожден командовать армиями».

Ермолова, блистательно закончившего наполеоновскую кампанию взятием Парижа, прочили в военные министры. Однако император указом от 24 мая 1816 года назначил его главнокомандующим в Грузию, а заодно и чрезвычайным посланником в Персию.

Ермолов явился на Кавказ с грандиозными планами переустройства края, но обнаружил, что со времен зубовских походов здесь мало что изменилось. Русское владычество не выходило за пределы крепостей, а о покое на Кавказе по-прежнему оставалось только мечтать. К тому же Персия требовала назад отнятые провинции, которые ей обещал вернуть Александр I.

Ермолов отправился в Персию, усмотрел слабость шаха и нашел, что возвращать земли вовсе не обязательно. Слава Ермолова, его грозный вид и стоявшая за ним несомненная военная сила привели к тому, что шах решил воздержаться на время от своих притязаний. Считая этот вопрос решенным, Ермолов принялся за радикальные преобразования на Кавказе.

Началось бурное строительство, повсюду развивались торговля, ремесла, фабрики. Для примера хозяйствования на Кавказе были поселены колонисты из Вюртембергского королевства — родины матери императора Марии Федоровны. На европейский лад устраивались курорты на минеральных водах. Виноделие ставилось на промышленную основу. В прикаспийских владениях поощрялись шелководство, ковроделие, добыча марены, зарождалась нефтяная промышленность.

Ермолов чтит великих героев и внимательно изучал их деяния. Порой он представлял себя предводителем аргонавтов, явившихся на Кавказ за золотым руном. В отличие от Ясона Ермолов не собирался возвращаться назад. Но уроки того знаменитого набега Ермолов усвоил прилежно. Зубы дракона, которыми царь Колхиды велел Ясону засеять поле, проросли лесом могучих воинов. Хитроумный аргонавт бросил в их гущу камень, вынудив воинов драться между собой. Тем самым он открыл будущим претендентам на кавказский престол великий секрет, заключавшийся в том, что овладеть Кавказом можно, лишь разделив его народы и посеяв между ними вражду.

Для развития края необходимо было спокойствие, и Ермолов взялся наводить его железной рукой. После головокружительных успехов в Европе он не считал нужным принимать в расчет чьи-либо интересы, не сходные с интересами империи. «Кавказ, — считал он, — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее или

овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого».

Не все одобряли действия Ермолова. Один из противников силовых методов, будущий декабрист Н. Лорер, писал: «Огонь и меч не принесут пользы, да и кто дал нам право вносить свои порядки к людям, которые довольствуются своей свободой и собственностью?»

Однако полагая, что единственный закон здесь есть сила, Ермолов намеревался раз и навсегда решить кавказский вопрос. «Хочу, — говорил он, — чтобы имя мое стерегло страхом наши границы крепче цепей и укреплений, чтобы слово мое было для азиатов законом вернее неизбежной смерти».

Свой план действий на Кавказе он представил Александру I. Для начала Ермолов предложил перенести линию укреплений вглубь Дагестана и Чечни.

«Живущим между Тереком и Сунжею злодеям, мирными именующимися, — писал Ермолов императору, — предложу я правила для жизни и некоторые повинности, кои истолкуют им, что они — подданные Вашего императорского величества, а не союзники, как они до сего времени о том мечтают. Если по надлежащему будут они повиноваться, назначу по числу их нужное земли количество, разделив остальную между стесненными казаками и каранагайцами, если же нет — предложу им удалиться и присоединиться к прочим разбойникам, от которых различествуют они одним только именем, и в сем случае все земли останутся в распоряжении нашем».

Осторожный Александр I колебался. Выпестованный бабкой Екатериной в духе вольтерьянства, он усвоил не только обширные знания, но и либеральный образ мыслей. Даже в суровой атмосфере правления Павла, не терпевшего «умничанья», Александр мечтал даровать России гражданские свободы, грезил конституцией, всенародным просвещением и сокрушением крепостничества.

Убийство отца заговорщиками изменило образ его мыслей. Теперь европейская просвещенность боролась в нем с унаследованной от отца приверженностью к прусскому казарменному порядку, в котором Александр видел верное средство для осуществления своих либеральных мечтаний.

Однако кавказские дела он предпочитал решать мирными способами. «Неоднократные опыты сделали неоспоримым то правило, что не убийством жителей и разорением жилищ возможно водворить спокойствие на линии Кавказской, но ласковым и дружелюбным обхождением с горскими народами... — указывал император. — Нападения заключают в

себе по большей части одно намерение воинских начальников на линии производить грабеж и получать себе часть из награбленного скота и другого имущества мнимых неприятелей... Тогда только заслужат начальники на линии особенное благоволение мое, когда будут стараться снискать дружество горских народов ласковым обхождением, спокойным с ними соседством и когда выведут из употребления поиски и вторжения, убийства и грабежи...» Вместе с тем император требовал не забывать о главной линии, которую пояснил в своем рескрипте князю Цицианову еще в 1802 году: «Что касается до горских народов, то едва ли не лучшею, или не коренною политикою нашею существовать должно, дабы отвращать между ними всякое единомыслие».

В период войны с Францией либеральная политика Александра I на Кавказе позволила избежать войны на два фронта. Горцы, откликаясь на дружественные жесты императора, были готовы сражаться и против Наполеона. Формирования > добровольцев ожидали лишь приказа, но он так и не был получен. Недоверие к «туземцам» было слишком велико.

Ермолов не желал ждать, он хотел всего и сразу. Когда европейские державы бесцеремонно грабили Африку и Индокитай, он считал естественным прибрать к рукам хотя бы Кавказ. Через посредство своего приятеля — начальника Главного штаба Его Императорского Величества П. Волконского — нетерпеливый Ермолов сумел подготовить проект императорского указа, дающий ему карт-бланш для «укрощения хищничеств чеченцев и сопредельных им народов».

НАЧАЛО КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

12 мая 1818 года Ермолов отдал войскам приказ перейти Терек и оттеснить чеченцев от реки. Это вторжение стало началом Кавказской войны, обернувшейся беспримерной трагедией для народов Кавказа и России.

10 июня на реке Сунже близ Ханкальского ущелья, открывающего дорогу вглубь Чечни, была заложена крепость Грозная.

На протесты горцев, что этим нарушаются договор 1781 года и другие соглашения, заключенные народами Кавказа с Россией, Ермолов отвечал, что выполняет волю императора и войны не боится.

Желая утвердиться на Кавказе, придавив его солдатским сапогом, Ермолов наступил на ежа. Горцы без колебаний взяли за оружие, защищая свою свободу, землю, имущество. На помощь чеченцам из Аварии пришли отряды добровольцев. Завязались ожесточенные бои и в Дагестане, где повстанцы разбили отряды генерал-майора Б. Пестеля.

Заволновались кабардинцы, вспыхнуло восстание в Имеретии. Ермолов понял, что «усмирить» Кавказ в течение полугода, как он обещал Александру I, не удастся. Но отступать было поздно. Проконсул запросил у императора подкреплений. «Государь! — писал Ермолов. — Внешней войны опасаться не можно... Внутренние беспокойства гораздо для нас опаснее! Горские народы примером независимости своей в самых подданных Вашего Императорского Величества порождают дух мятежный и любовь к независимости...»

Императору не оставалось выбора. К тому же сила русского оружия была продемонстрирована миру столь впечатляюще, а к Ермолову так явно благоволила фортуна, что перспектива окончательного овладения Кавказом перевесила все опасения. Тем более что при Александре к империи уже были присоединены Финляндия, Бессарабия, Азербайджан и герцогство Варшавское. А как один из основателей Священного союза, он обязан был пресекать всяческие смуты во избежание новых потрясений наподобие Наполеоновских войн.

На Кавказ были направлены силы даже большие, чем просил Ермолов. Шесть имевших боевой опыт пехотных полков — Апшеронский, Тенгинский, Куринский, Навагинский, Мингрельский и Ширванский — пополнили Грузинский корпус, больше теперь походивший на армию.

Ермолов с новой силой принялся осуществлять свои проекты.

Захваченные земли заселялись казаками и крестьянами из российских губерний. Но это только еще более ожесточило горцев, которые после разрозненных стычек решили объединиться для решительного отпора. Сопротивление дагестанцев возглавили Ахмед-хан Аварский и Гасан-хан Мехтулинский.

Получив подкрепление, Ермолов двинулся на восставших, в тяжелом бою разгромил Гасан-хана, а ханство его объявил упраздненным и включил в состав империи.

Аварский хан действовал против ермоловцев с переменным успехом, но в конце концов был оттеснен в горы.

Тем временем чеченцы возобновили набеги на царские крепости. Ермолов бросился в Чечню, уничтожая все на своем пути. Центром восстания был аул Дада-Юрт, вокруг которого разгорелась жаркая битва. Каждую саклю приходилось обстреливать из орудий, а уже затем брать штурмом. Аул был превращен в груды развалин, но сопротивление продолжалось. Женщины — и те бросались на штыки с кинжалами погибших мужчин.

К тому времени дагестанцы подняли новое восстание, центром которого стало село Акуша. Ермолов подавил и это восстание, а затем и ряд других. Побежденные были приведены к присяге и обложены данью. Предводителей казнили или ссылали на каторгу. Та же участь постигла и Казикумухское ханство, владетель которого был низложен.

Свободной в Дагестане оставалась лишь высокогорная Авария, правитель которой пытался поднять на борьбу весь Дагестан, но вновь потерпел поражение.

Ермолов пересек Кумыкскую равнину, вышел к морю и заложил на берегу Каспия крепость Бурную, отрезав чеченцев от кумыков и прибрежного Дагестана.

В 1822 году настал черед Кабарды, которая издавна поддерживала с Россией союзнические отношения. Общее беспокойство на Кавказе и недовольство новыми порядками вызывали волнения и здесь. Восставшие перекрывали сообщение по Военно-Грузинской дороге и испытывали набегами прочность завоеваний Ермолова. Чтобы обезопасить дорогу и ограничить возможность новых покушений, Ермолов возвел крепости у выходов из неприступных ущелий и поселил в них сильные гарнизоны.

На занятых землях Ермолов чувствовал себя полным хозяином. Склонившимся перед ним ханам он раздавал новые владения, а земли мятежников объявлял собственностью казны, жаловал поместья своим генералам и вывозил из края все, что могло сгодиться в России.

Обуздав было горцев Восточного Кавказа, Ермолов столкнулся с новой проблемой. Черкесы Западного Кавказа не оставляли надежд сохранить свою независимость. Карательные экспедиции Ермолова в Закубанские горы не приносили ожидаемого спокойствия. Черкесы продолжали сопротивляться, и неизбежность большой войны делалась все более очевидной.

БЕЙБУЛАТ

Новое крупное восстание вспыхнуло в Чечне в 1825 году. Руководил им популярный в народе старшина Бейбулат Таймиев, выступивший с призывом к священной войне — газавату. Бейбулат уже много лет доставлял царским войскам множество неприятностей. С партиями своих приверженцев он поднимал восстания, дерзко нападал на крепости и гарнизоны, попадал в плен, снова уходил в горы, опять воевал. Авторитет Бейбулата был столь высок, что Ермолов еще в 1816 году вел с ним переговоры, пытаясь склонить на свою сторону.

На призыв Бейбулата собрались отряды из Чечни и Дагестана. Горцы занимали одно укрепление за другим, осадили Герзель-аул. Несколько дней продолжался ожесточенный бой, но подоспевшие отряды генералов Д. Лисаневича и Н. Грекова вынудили горцев отступить.

После этого в Герзель-аул были вызваны более 300 чеченских и дагестанских старшин, на которых Лисаневич обрушился с бранью и упреками. В довершение он велел всех обезоружить, что для горцев считается крайним позором. В ответ чеченский мулла свалил Грекова, а затем и Лисаневича ударами кинжала. В разгоревшейся схватке все горцы были перебиты.

Однако это лишь разожгло пламя восстания с новой силой. Ермолов, лечившийся тогда в Тифлисе, был вынужден спешно явиться в Чечню и собрать все силы в мощный кулак.

Чтобы уменьшить потери и получить доступ к неприступным аулам восставших, Ермолов ввел новую тактику — вырубку лесов. Просеки рубились шириной на ружейный выстрел в обе стороны.

Тем временем Бейбулат двинулся на крепость Грозную, но попал в засаду и отступил в горы. Разгневанный Ермолов устремился за ним, но ни эта, ни следующая экспедиции Ермолова не принесли желаемого результата. Бейбулат продолжал партизанскую войну. Он появлялся в самых неожиданных местах, устраивал засады и наносил противнику ощутимые удары.

Бейбулат был не только отважным предводителем, но и человеком государственного ума. Он старался ввести в горах закон и порядок, справедливое и равноправное пользование землей, призывал соплеменников жить по правде и совести.

Погиб Бейбулат в 1832 году. Был ли причиной его гибели тайный

заговор, или это была кровная месть, так до сих пор и неясно.

ЦАРИ И МЯТЕЖНИКИ

Императора Александра больше заботила мировая политика. Он полагал, что может стать пастырем человечества и утвердить в отношениях между народами христианские принципы любви и ненасилия.

В Польше он учредил Народный сейм, в Финляндии желал ввести конституцию. И, как говорили, замысливал неслыханные реформы, имевшие целью радикальное переустройство России на прогрессивный лад — с политическими и гражданскими свободами, с решительным искоренением мздоимства, произвола и прочих пороков, губивших российское общество.

Укоренившаяся в просвещенных умах идея «революции сверху» выглядела весьма привлекательной, но Александра считали человеком нерешительным и неспособным произвести революцию на деле. А повсеместное распространение либерализма, прогрессивных взглядов, масонских лож и тайных обществ, вынашивавших еще более радикальные планы, только все запутывало.

Бескрайняя страна была будто околдована злыми чарами. И самые благие начинания превращались на ее просторах в свою противоположность. А тут еще вечно беспокойный Кавказ...

Неожиданная кончина императора 19 ноября 1825 года в Таганроге повлекла за собой грандиозные события.

Наследником считался следующий по старшинству брат Александра великий князь Константин, который женился на польке и жил в Варшаве. Однако он еще 14 января 1822 года отказался от своего права на престол в пользу брата Николая. Соответствующий манифест императора Александра от 16 августа 1823 года хранился у митрополита Филарета, но известно о нем было немногим.

Не знал об этом и сам Николай Павлович, бывший теперь законным наследником престола. Он не только присягнул императору Константину, но и привел к присяге весь столичный гарнизон. Даже когда выяснилось, что он поспешил и волей покойного государя ему надлежит стать новым императором, Николай стоял на своем и просил брата срочно прибыть в Петербург. Последовал решительный отказ Константина, и Николаю ничего не оставалось, как самому взойти на престол.

Манифест был обнародован 14 декабря.

В этом смутном междуцарствии офицеры — члены тайных обществ

решили покончить с самодержавием и вывели на Сенатскую площадь свои полки. Ни митрополит, ни великий князь Михаил не смогли образумить восставших. Когда же губернатор Петербурга — доблестный генерал М. Милорадович был смертельно ранен поручиком П. Каховским, Николай приказал дать залп из картечи. Назначенный декабристами в диктаторы князь С. Трубецкой так и не появился, а остальные были рассеяны огнем.

Расследование заговора было поручено начальнику главного штаба генералу И. Дибичу, который начал массовые аресты по всей России.

ГРИБОЕДОВ

Волны репрессий докатились до Кавказа. И среди прочих унесли бы в бездну каторги Александра Грибоедова, если бы не гигантская фигура Ермолова, заслонившая будущего классика от почти настигшей его беды.

Грибоедову шел тридцатый год. Его комедия «Горе от ума» была широко известна и... строжайше запрещена. Она вполне могла бы служить нравственным манифестом декабристов. Декабристы были среди ближайших друзей Грибоедова, но в их фантастических проектах мгновенного превращения России в общество всеобщего благоденствия Грибоедов находил лишь горький комизм пустого мечтательства.

Грибоедов возвращался в Тегеран, где он служил в русском посольстве. По долгу службы ему приходилось часто бывать в Тифлисе, где он и сблизился с Ермоловым. Грибоедову пришлось принять участие и в походах против кавказских горцев. Свои противоречивые впечатления он передал в «Путевых записках»: «...Об Ермолове мы говорили... Нет, не при нем здесь быть бунту. Надо видеть и слышать, когда он собирает здешних или по ту сторону Кавказа кабардинских и прочих князей... как он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет оружием ослушников, вешает, жжет их села — что же делать? — По законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, — здесь ребенок хватается за нож...»

Испытывая все большее отвращение к войне и насилию, Грибоедов по своему осмыслил идеи Ермолова о переустройстве кавказской жизни. В предлагавшихся им «проектах» он доказывал необходимость культурного воздействия на горцев в целях их свободного развития в лоне империи и обоюдной пользы.

Идей Грибоедова Ермолов не разделял, но любил его за беспощадные сатирические образы, в которых узнавал своих недругов. Узнав, что Грибоедова велено арестовать как ближайшего сподвижника декабристов, Ермолов предупредил его об опасности. Грибоедов едва успел избавиться от компрометирующих его писем и прочих свидетельств неблагонадежности.

В следственной комиссии к нему отнесли на удивление благосклонно. Видимо, комедия его пришлась по вкусу не только либералам из литературных салонов. Помогло Грибоедову и то, что в суде

принимал участие генерал-адъютант И. Паскевич, женатый на кузине Грибоедова. Генерал пользовался особым доверием императора: когда Паскевич командовал дивизией, великие князья Николай и Михаил командовали ее бригадами.

НИЗВЕРЖЕНИЕ ЕРМОЛОВА

Тем временем персидская армия вновь вторглась в Закавказье. Намеревавшиеся вернуть утраченное, персы в результате лишились еще большего. Но поначалу успех был на их стороне. Ермолов был растерян. Неудачные действия его привели к тому, что персы, пройдя Армению, подступали уже к границам Грузии.

Император пришел в негодование, которое было усилено подозрениями в связях Ермолова с декабристами.

Командовать войсками в войне против шаха Николай послал генерала от инфантерии И. Паскевича. Формально он должен был воевать под началом Ермолова, но мог при необходимости и отстранить его от дел, на что имел тайные полномочия. Паскевич также обязан был докладывать государю свое мнение о действиях Ермолова, но предпочел доносам битвы с неприятелем. Генерал он был опытный, добывший славу в сражениях Отечественной войны и заграничных походах. Паскевич бросился навстречу персам и разбил их под Елисаветполем. Затем взял Эривань. За эти подвиги государь пожаловал ему графский титул и приставку к фамилии — «Эриванский».

Ермолов чувствовал себя обойденным. Между генералами возникли трения, переросшие в открытое противостояние. В столицу полетели рапорты со взаимными обвинениями. В 1827 году для расследования возникших противоречий на Кавказ был послан генерал И. Дибич.

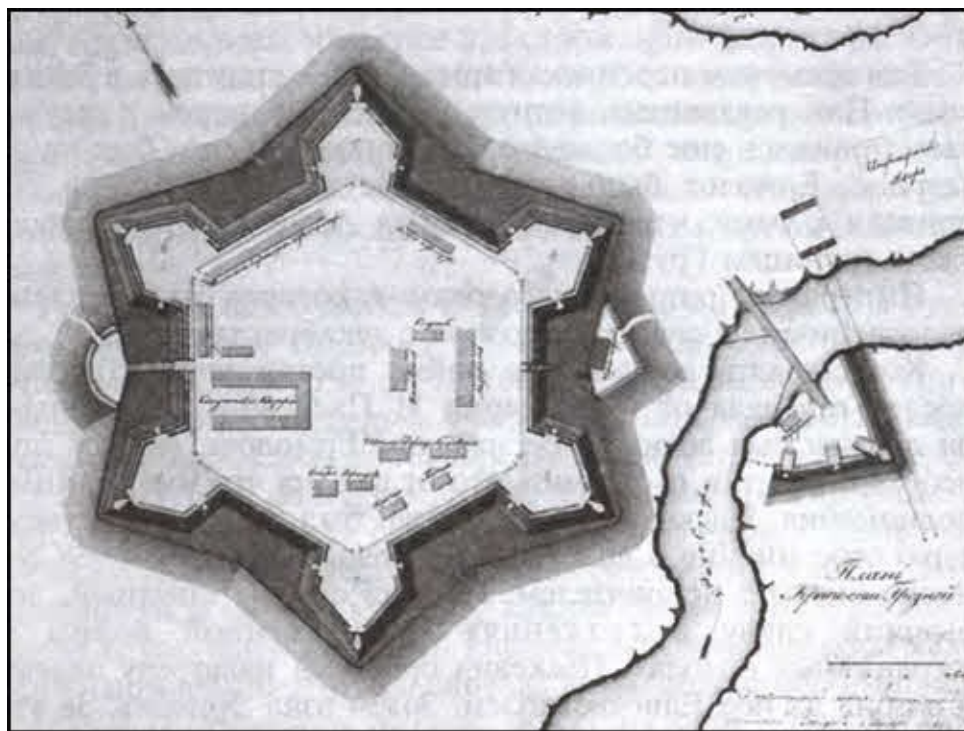
Помирить генералов Дибичу не удалось, но расследование он произвел столь основательное, что получил по возвращении графский титул. Ермолов подал в отставку. Паскевич заступил на его место.

КАВКАЗ ПРИ ПАСКЕВИЧЕ

Назначив Паскевича командиром Отдельного Кавказского корпуса и главнокомандующим на Кавказе, император Николай I велел ему «усмирить навсегда горские народы или истребить непокорных».

Генерал взялся за дело основательно. Для начала он заново разделил Кавказ на несколько частей:

1. Собственно Грузия (6 уездов).
2. Пять «татарских» дистанций.
3. Семь провинций: Карабахская, Шекинская, Ширванская, Бакинская, Кубинская, Дербентская и Ахалцыхская.
4. Четыре области: Армянская (из провинций Эриванской и Нахичеванской), Имеретия, Мингрелия и Гурия.
5. Ханство Талышинское.
6. Земли разных горских народов вдоль Главного Кавказского хребта и земля Джарского вольного общества, из которого была образована Джаро-Белоканская область (Закатальский округ).

Сверх того, под надзором царских чиновников управлялись собственными владельцами: Абхазия и Сванетия, а в Дагестане — шамхальство Тарковское и ханства Казикумухское, Аварское и Мехтулинское.

Однако начавшаяся война с Турцией вынудила Паскевича этим ограничиться и перейти на самом Кавказе к «пассивной обороне». Он больше воевал с турками, решившими заместить персов в кавказских делах. Воевал Паскевич успешно, взял Карс и Эрзерум, а в довершение дела заставил турок подписать Адрианопольский мир, после чего был произведен в генерал-фельдмаршалы.

Пока он воевал, административные дела пришли в полное расстройство, так как гражданские начальники действовали по собственному усмотрению.

«Везде учреждения временные; странная смесь российского образа правления с грузинским и мусульманским, — доносил Паскевич в своем рапорте императору. — Нет единства ни в формах управления, ни в законах, ни в финансовой системе. От сего происходит, кроме запутанностей и неудобств, еще другой немаловажный вред. Народ, видя одни временные распоряжения, приучается сомневаться в прочности нашего правления и не доверять самым благодетельным мерам правительства».

При всей своей воинственности Паскевич считал гражданское управление горцами делом более надежным, чем военное: «Управление гражданское скорее умягчит нравы и вернее приучит к познанию взаимных отношений, общественных обязанностей и законов». Он предлагал повсюду ввести российские законы и единый образ управления: «Находясь под покровительством одних законов, пользуясь одинаковыми преимуществами, они менее будут отчуждены от прочих частей государства; между тем как ныне старые обычаи, образ прежнего управления и тот же порядок — все напоминает им отдельное их существование и различие от россиян».

ОБНОВИТЕЛИ ВЕРЫ

Странствия то сводили Шамиля и Магомеда, то вновь разводили их пути. Оставаясь близкими друзьями, они шли к знаниям разными тропами, полагая, что таким образом постигнут больше. И всюду Шамиль слышал о необыкновенных дарованиях Магомеда, а тот — об удивительном ученом Шамиле. Встречаясь, они делились постигнутым, жарко спорили и вновь расставались.

Но однажды, вернувшись в Гимры, Шамиль нашел своего друга в весьма возбужденном состоянии. Магомед уже целый месяц маялся от нетерпения, желая посвятить Шамиля в свои отнюдь не отшельнические намерения.

Убедившись, что знаний в Дагестане — целые горы, а веры, добра и справедливости становится все меньше, что родники истины высыхают, не успев утолить черствеющие души, Магомед вознамерился расчистить благодатные источники, чтобы спасти гибнущий в грехах и невежестве народ.

Ему не пришлось долго убеждать друга, который давно уже был готов к подобному повороту дела. Тем более что беды и нашествия, обрушившиеся на Дагестан, оба считали наказанием Аллаха за ослабление веры.

Божественная воля, избравшая Магомеда своим орудием, преобразила доселе кроткого аима в яростного обновителя веры.

Первым делом Магомед обрушился на адаты — древние горские обычаи, которые не только противоречили шариату — мусульманскому праву, но и были главным препятствием к объединению горцев. Хронист Мухаммед Тахир аль-Карахи в своей книге «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах» писал: «На протяжении последних веков дагестанцы считались мусульманами. У них, однако, не имелось людей, призывающих к проведению в жизнь исламских решений и запрещающих мерзкие с точки зрения мусульманства поступки».

Адаты в каждом обществе, ханстве, а порой и в каждом ауле были свои. Кровная месть, опустошавшая целые области, тоже была адатом, хотя шариат запрещает кровомщение против кого-либо, кроме самого убийцы. Похищение невест, работорговля, земельные междоусобицы, всевозможные насилия и притеснения — множество давно прогнивших обычаев толкали Дагестан в хаос беззакония. В феодальных владениях, на глазах царских

властей, процветало варварство: ханы сбрасывали неугодных со скал, выменивали дочерей провинившихся крестьян на лошадей, пытали людей каленым железом и обливали кипящим маслом, выкалывали глаза и отрезали уши. Царские генералы тоже не особенно церемонились, когда речь шла о наказании непокорных.

И все же адаты были для горцев привычны и понятны, а шариат как закон для праведников казался делом слишком обременительным.

Одни лишь проповеди, даже самые пламенные, не способны были вернуть горцев на путь истинный. И молодые адепты не замедлили присовокупить к ним самые решительные действия.

Для наглядности они решили испытать гимринского муллу. Когда горцы собрались на годекане обсудить последние новости, Шамиль сообщил мулле, что его бык забодал корову Шамиля, и поинтересовался, что мулла даст ему в возмещение убытка. Мулла ответил, что ничего не даст, так как, по адату, не может отвечать за глупое животное. Тогда в спор вступил Магомед, сказав, что Шамиль все перепутал, и это корову муллы забодал бык Шамиля. Мулла переполошился и начал убеждать собравшихся, что ошибся и что, по адату, с Шамиля причитается компенсация.

Гимринцы сначала рассмеялись, а затем заспорили — что же для них лучше: адаты, которые позволяют судить и так и этак, или шариат — единый закон для всех.

Спор был готов перерасти в стычку, но Магомед легко объяснил горцам их заблуждения и нарисовал такую пленительную картину всенародного счастья, ожидавшего горцев, если те станут жить по вере и справедливости, что решено было безотлагательно ввести в Гимрах священный шариат, а несправедливого муллу удалить из общества вместе со списками богомерзких адатов.

Родители Шамиля, надеясь удержать сына от опасных увлечений и новых странствий, решили его женить. Шамиль был завидным женихом, и невесту нашли быстро, здесь же — в Гимрах. Скоро справили и свадьбу. Шамиль женился не по влечению сердца, а лишь по настоянию родителей, что в горах было обычным делом. Через месяц, убедившись, что дело распространения шариата имеет мало общего с размеренной семейной жизнью, Шамиль со своей женой развелся.

Прослышав о новшествах, в Гимры поспешили соседи, приглашая ввести шариат и у них. По такому случаю Магомед написал «Блистательное доказательство отступничества старшин Дагестана». В этом страстном трактате он обрушился на приверженцев адатов:

«Нормы обычного права — собрания трудов поклонников сатаны.

...Как же можно жить в доме, где не имеет отдыха сердце, где власть Аллаха неприемлема?

Где святой ислам отрицают, а крайний невежда выносит приговоры беспомощному человеку?

Где презреннейший считается славным, а развратный — справедливым, где мусульманство превращено в невесть что?

...Все эти люди разбрелись к нынешнему времени из-за бедствий и вражды.

Их беспокоят свое положение и свои дела, а не исполнение заповедей Аллаха, запрет осужденного исламом и верный путь.

Из-за своего характера и грехов они раздробились и ими стали править неверные и враги.

Я выражаю соболезнование горцам и другим в связи со страшной бедой, поразившей их головы.

И говорю, что если вы не предпочтете покорность своему Господу, то да будьте рабами мучителей».

Это воззвание стало манифестом вспыхнувшей в горах духовной революции.

Магомед обходил аул за аулом, призывая людей оставить адаты и принять шариат, по которому все люди должны быть свободны и независимы и жить как братья. По словам очевидцев, проповеди Магомеда «будили в душе человека бурю».

Шариат распространялся как очистительный ливень, сметая недовольных мулл, лицемерных старшин и терявшую влияние знать.

Аслан-хан Казикумухский вызвал Магомеда к себе и стал упрекать, что он подбивает народ к непослушанию: «Кто ты такой, чем ты гордишься, не тем ли, что умеешь изъясняться на арабском языке?» — «Я-то горжусь, что я ученый, а вот вы чем гордитесь? — отвечал гость. — Сегодня вы на троне, а завтра можете оказаться в аду». Объяснив хану, что ему следует делать и как себя вести, если он правоверный мусульманин, Магомед повернулся к нему спиной и начал обуваться. Ханский сын, изумленный неслыханной дерзостью, воскликнул: «Моему отцу наговорили такое, что собаке не говорят! Если бы он не был ученым, я отрубил бы ему голову!» Выходя из дома, Магомед бросил через плечо: «Отрубил бы, если бы Аллах позволил».

Горячие приверженцы нового учения сравнивали Магомеда с самим Пророком. Люди переставали платить налоги и подати, наказывали отступников, возвращались к истинной вере. Брожения и бунты охватывали

уже подвластные царским властям области.

Опасаясь за свою власть, шамхал Тарковский — крупнейший владетель Дагестана — пригласил Магомеда для введения шариата в Тарки — столицу шамхальства на берегу Каспия. Явившись к шамхалу, Магомед заявил: «Не знания должны идти за человеком, а человек за знаниями». Поведение и речи богоугодника так поразили шамхала, что он обещал незамедлительно ввести в своих владениях шариат и непременно обратиться из грозного владыки в смиренного праведника. Но вместо этого, едва придя в себя от наваждения, бросился в Темир-Хан-Шуру и потребовал от царских властей положить конец успехам проповедников.

Власти, однако, не придали этому особого значения, полагая, что шариатисты могут быть даже полезны в смысле обуздания ханов, дикие нравы которых возбуждали в населении ненависть к властям.

Зато силу нового учения хорошо понял почитаемый в горах ученый Саид Араканский. Он написал своим бывшим ученикам письма, в которых требовал оставить опасные проповеди и вернуться к ученым занятиям. В ответ Магомед и Шамиль призвали его поддержать их в деле введения шариата и сплочения горцев для освободительной борьбы, пока царские войска, расправившись с восставшими чеченцами и жителями Южного Дагестана, не принялись за высокогорные аулы, которым уже некого будет звать на помощь.

Араканский не соглашался, полагая, что дело это безнадежное и непосильное. Тогда Магомед обратился к его многочисленным ученикам: «Эй, вы, ищущие знаний! Как бы ваши аулы не превратились в пепелища, пока вы сделаетесь большими учеными! Саид может дать вам только то, что имеет! А он — нищий! Иначе бы ему не понадобилось царское жалованье!»

Уязвленный Саид Араканский собрал своих сторонников и открыто выступил против Магомеда. Но было уже слишком поздно. Приверженцы шариата явились в Аракань и разогнали отступников. Саид бежал к шамхалу Тарковскому, сказав, что его кусает щенок, которого он сам выкормил. Саид любил хорошее вино, и в Араканах его оказалось достаточно, чтобы исполнить волю Магомеда: дом бывшего учителя был залит вином доверху, пока не рухнул. Ручейки с дьявольским зельем текли по аулу несколько дней, а захмелевшие ослы и домашняя птица изрядно повеселили араканцев.

ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ

Ислам принесли на Кавказ арабы. Это произошло еще в VII веке, во времена стремительных завоеваний Халифата. Арабы построили в Дербенте первую мечеть, существующую и поныне. Считается, что главным проповедником ислама в Дагестане был шейх и полководец АбуМуслим, похороненный в Хунзахе — столице Аварского ханства. Арабы ушли, но ислам остался, постепенно вытесняя древние языческие культы.

К началу XIX века наибольшее распространение получила здесь суннитская ветвь ислама, на которой ярко расцвело несколько суфийских тарикатов. Поначалу это были элитарные братства (ордены), открывавшие своим немногочисленным адептам тайные пути к духовному совершенству и постижению божественной истины.

Плоды же этих, казалось бы, отвлеченных эзотерических занятий имели уже совсем иное свойство и вошли в историю Кавказа под именем мюридизма.

Накшбандийский тарикат (путь, метод), названный по имени своего основателя Бахауддина Накшбанда («Чеканщика»), сформировался еще в XIV веке в далекой Бухаре. Пройдя путь от ученика и бродячего дервиша до суфийского шейха, Накшбанд был причислен к святым и стал новым звеном «Золотой цепи» (Силсила), восходившей к самому Пророку.

Духовное руководство орденом осуществляли шейхи, которые затем передавали его своему преемнику, становившемуся новым звеном цепи. Послушниками или учениками шейхов были тарикатские мюриды. Этот институт тоже претерпел на Кавказе значительные изменения, и наряду с тарикатскими появились имамские мюриды — нечто вроде гвардии из отборных воинов. Они же были и безотказным механизмом, приводившим в движение огромные массы людей, когда вожди поднимали знамя газавата — борьбы за веру и независимость. И тогда суфизм из утонченных занятий для посвященных превращался в грозное орудие общенародной борьбы. Простых людей привлекал демократизм суфизма, проповедовавшего свободу и равенство, чистоту веры и шариат, как единый для всех закон. В некоторых странах тарикатские шейхи пользовались таким огромным влиянием, что даже приходили к власти, считая ее необходимым средством для установления в государстве истинной веры, общественной гармонии и справедливости. Суфии бродили по миру смиренными миссионерами

ислама. Были среди них и дервиши, распространявшие мудрость в самых разных обличьях, как, например, знаменитый Ходжа Насреддин. Когда же приходилось воевать, именно суфии, наделенные тайной духовной силой, оказывались самыми лучшими и бесстрашными воинами.

В 1830 году, победно завершив войну с турками, фельдмаршал Паскевич вернулся на Кавказ, покорение которого считал уже делом внутренним. Но даже беглое ознакомление с положением дел вызвало в нем чрезвычайные опасения.

Тревожные признаки грядущей бури разглядел еще его предшественник Ермолов, когда в 1820 году столкнулся с сильным противодействием мусульманских проповедников в завоеванном Ширванском ханстве.

В начальный период наместничества Ермолова кутбом — главой Накшбандийского тариката — был шейх Халид-Шах из Сулеймании. Его опорой на Кавказе был Исмаил ал-Ширвани, носивший титул «вершина веры». С упорными приверженцами Исмаила-эфенди и столкнулись царские войска в Ширване. У Исмаила было много мюридов — учеников, которые звали народ к открытому неповиновению и подавали в этом наглядный пример. Чуждое владычество было для них еще более неприемлемо, чем ханский произвол. Чувствуя, что дела могут принять самое опасное направление, и подозревая в этом происки иностранных эмиссаров, Ермолов употребил решительные меры для водворения в крае спокойствия и порядка. Часть приверженцев шейха была сослана, а остальные изгнаны из края. Сам шейх был вынужден эмигрировать в Турцию.

Однако задача была не столь проста, чтобы ее можно было решить таким грубым способом. Эхо ширванских событий разнеслось по дагестанским ущельям и побудило к энергичным действиям сторонников шариата. «Умиротворив» Ширван, Ермолов лишь ускорил пробуждение Дагестана.

Дар предвидения — только малая доля из необычайных свойств, присущих суфийским шейхам. И еще задолго до эмиграции Исмаил-эфенди, окинув духовным взором пределы Кавказа, обнаружил в дагестанском селе Яраг источник света, способный озарить заблудшим истинный путь. Сияние это исходило от ученого праведника Магомеда Ярагинского (Мухаммада-эфенди ал-Яраги).

ШЕЙХ МАГОМЕД ЯРАГИНСКИЙ

Магомед Ярагинский родился в 1777 году (1191 году по хиджре) в семье ученого-богослова. С детства проявив необычайную тягу к знаниям, он очень скоро стал известным алимом, постигшим разнообразные науки. В Дагестане ему не было равных в знании Корана. Глубина его проникновения в сокровенные знания привлекла к Ярагинскому множество учеников. Его сравнивали с благоухающим садом роз, слова его — с чудесным нектаром. Искавшие счастья и истины находили их в обществе учителя, который был кроток с учениками и суров с теми, кто отступал от веры ради бренных земных благ.

Шейх Исмаил велел своему ближайшему последователю — Хасс Магомеду отправиться в Дагестан и стать одним из простых учеников Ярагинского. Хасс Магомед несколько лет изучал у Ярагинского богословие, а затем исчез, так и не открыв учителю свои истинные намерения. Сообщив Исмаилу-эфенди о необыкновенных дарованиях и духовной чистоте Ярагинского, он вскоре вернулся в Дагестан, открылся учителю и передал ему приглашение шейха прибыть в Ширван. Ярагинский немедленно отправился к светилу веры и принял у него посвящение в тарикат. Обсуждая состояние уммы (мусульманского сообщества), они пришли к выводу, что ислам в Дагестане находится в крайнем упадке, а народ гибнет в пучине безбожия.

Вернувшись на родину, Ярагинский стал ревностно проповедовать тарикат. Шариат был фундаментом нового учения, и Ярагинский прилагал все силы к восстановлению чистоты веры.

Удаляясь в Турцию, Исмаил рукоположил в шейхи Накшбандийского тариката Хасс Магомеда, а Ярагинского возвел в звание мюршида (наставника), сделав его главой последователей Накшбандийского тариката в Дагестане.

Молитвы Ярагинского, ставшего вскоре шейхом и новым звеном цепи, творили чудеса: слепые и увечные исцелялись, несчастные обретали душевный покой. Существует предание, что четырехмесячный мальчик, когда его позвал шейх, подошел к нему и повторил за Ярагинским суру из Корана. Шейх умел читать в людских сердцах, предсказывать будущее. Прежде чем открыть ученикам завесу истинного знания, он их испытывал. Одним из правил было долгое уединение в подземных кельях. Муталимы молились и постились, пока их способность восприятия не обновлялась

совершенно; тогда только они становились способными учиться, и это был лишь первый шаг к постижению тариката.

Ярагинского считали символом совершенства и животворящим источником благочестия. Он был скромн и воздержан до аскетизма, но обладал духовными сокровищами, достаточными для всего народа. Его наукой была любовь к Богу. Его практикой — любовь к ближнему, превращавшая грешника в образец благочестия. Он говорил: «Ислам означает открыть свое сердце Богу и не причинять зла ближнему».

Он призывал народ к покаянию и первым подал пример, отказавшись от традиционно причитавшейся ему доли заката — налога, который «очищает» имущество мусульман и передается мечети для распределения нуждающимся. Теперь закат полностью отдавался на помощь беднякам, содержание медресе и другие богоугодные дела.

Ярагинский поначалу проповедовал ненасильственный, духовный газават против дьявольской порчи в людских душах. К нему стекались люди, жаждавшие ощутить на себе его чудесную силу. Стремительно росло число учеников, становившихся преданными мюридами Ярагинского.

Тарикатисты, вооружившись деревянными мечами, шли по селам, призывая людей покаяться и вернуться к истинной вере. Но видя, что одни лишь мирные средства не способны изменить ситуацию, Ярагинский все более склонялся к необходимости заменить деревянные мечи настоящими. Духовный газават за очищение веры стремительно преображался в газават политический.

Ермолов, распознав в мирных тарикатистах весьма серьезную угрозу своему владычеству, велел и здесь пресечь брожения, а зачинщика доставить к нему в резиденцию. Местный правитель Аслан-хан принародно оскорбил шейха, но вскоре горько пожалел о случившемся и просил шейха простить его. Шейх предрек хану, что он нужен царю, пока тот не овладел горами, но если это случится, то хана выбросят «как ненужную ветошь». Хан призадумался, щедро наградил шейха, но все же просил его распустить учеников и прекратить опасные проповеди, иначе он вынужден будет арестовать его и отправить к Ермолову.

Но вместо покорности и смирения шейх объявил: «Мусульманин не может быть ничьим рабом или подданным и никому не должен платить подати, даже мусульманину. Кто мусульманин, тот должен быть свободным человеком, и между всеми мусульманами должно быть равенство».

Призывая горцев к борьбе, он произнес слова, ставшие исторической вехой в судьбе горцев Кавказа: «Находясь под властью неверных или чьей бы то ни было, все ваши намазы, уроки, все странствования в Мекку, ваш

брак и все ваши дети — незаконны».

В своих молитвах шейх взывал: «О Аллах, ты посылаи Пророку сподвижников, пошли же мне имамов, чтобы наставить народ на верный путь и поддерживать его с помощью шейхов Золотой цепи».

СЕИД ДЖАМАЛУДДИН КАЗИКУМУХСКИЙ

Потомков рода Пророка величают титулом Сеид. Самым почитаемым Сеидом в Дагестане был Джамалуддин Казикумухский.

Люди верили, что в нем отразилась благодать Пророка, наделившая его необычайной духовной силой и «океаном знаний». Предания о явленных им чудесах живы в горах до сих пор.

Джамалуддин обладал ораторским искусством, знал множество наук и языков, в том числе и русский, что было в горах большой редкостью. Когда он читал Коран, который знал наизусть, горцев очаровывал его чудесный голос, а чтецы перенимали особый стиль наставника. Ученики со всего Кавказа приходили к нему за знаниями, но получали от Джамалуддина больше, чем могла дать наука. Они сами становились источниками знаний и благочестия.

Аслан-хан Казикумухский, гордый тем, что Джамалуддин согласился быть его секретарем, осыпал его почестями и щедрыми дарами, тем более что Джамалуддин предсказал хану рождение сына.

Когда хану сообщили, что Ермолов рассержен новыми проповедями шейха Ярагинского, он послал к нему Джамалуддина, чтобы ученый уговорил ученого не гневить царские власти.

Но путь Джамалуддина сопровождало столько необъяснимых явлений, что, явившись к Ярагинскому, он пожелал лишь одного — принять от него тарикат. Ему даже не пришлось просить об этом шейха, Ярагинский и без того знал, что творится в его душе и какая судьба его ждет. Он посвятил Джамалуддина в тарикат и сделал его своим ближайшим последователем. А затем они вместе посетили шейха Исмаила аш-Ширвани, который открыл им обоим новые тайные знания, необходимые для обучения и развития последователей.

Когда Джамалуддин вернулся в Казикумух, он раздал людям все свои богатства и объявил хану, что отказывается от должности секретаря, ибо «не желает быть соучастником грехов и злодеяний». Хан попытался наказать Джамалуддина, но натолкнулся на невидимую силу, которая едва не погубила его самого.

Своим ученикам, число которых увеличивалось с каждым днем, Джамалуддин начал проповедовать шариат, который был начальной ступенью тариката и превращал верующих в людей свободных, равных и справедливых.

Джамалуддин Казикумухский вошел в историю и как автор суфийского трактата «Адабуль марзия» («Правила достойных приличий») — одной из лучших книг о тарикате.

ГИБЕЛЬ ДИПЛОМАТА

Когда освобожденный из-под следствия Грибоедов вернулся к своим обязанностям, Ермолова в Тифлисе уже не было. Замещавший его Паскевич принял Грибоедова радушно. Война с Персией переместилась с полей сражений в дипломатическую сферу, и приезд Грибоедова был очень кстати.

Потерпевшая поражение Персия вынуждена была подписать весьма выгодный для России Туркманчайский договор. Условия договора во многом стали заслугой Грибоедова.

После столь успешного предприятия Грибоедов обрел и семейное счастье. Внезапно вспыхнувшая любовь к прелестной 16-летней княгине Нине Чавчавадзе привела к пышной свадьбе.

Но счастье молодых было недолгим. Персы, лишившись обширных владений на Кавказе, не желали сверх того платить еще огромную контрибуцию. Добиться выполнения условий договора в Тегеран был послан Грибоедов.

Его дерзкое поведение и твердые требования возбудили при дворе шаха такую ненависть, что призывы к расправе над русскими слышались даже на базарных площадях.

30 января 1829 года многотысячная толпа ринулась громить русское посольство. Почти все сотрудники посольства были убиты. Грибоедов погиб с саблей в руке, до конца исполняя служебный долг.

Улаживать дипломатический скандал шах послал в Петербург своего сына. В возмещение пролитой крови он привез императору знаменитый алмаз «Шах» — главную драгоценность шахской сокровищницы. Некогда этот великолепный алмаз, обрамленный множеством рубинов и изумрудов, украшал трон Великих Моголов. Затем стал трофеем Надир-шаха. Теперь он сияет в коллекции Алмазного фонда в Кремле.

Убитый Грибоедов был привезен в Тифлис и похоронен в монастыре Святого Давида. Вдова поставила Грибоедову памятник, на котором начертано: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русских, но для чего пережила тебя любовь моя».

ПУШКИН НА КАВКАЗЕ

На скорбном пути арбу с телом покойного Грибоедова встретил его великий тезка Александр Пушкин. Непонятно, как он оказался один в такой опасной глуши, но в своих путевых заметках он написал: «Два вола, впряженные в арбу, поднимались на крутую дорогу. Несколько грузин сопровождали арбу. — Откуда вы? — спросил я их. — Из Тегерана. — Что вы везете? — Грибоеда. — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис. Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге, перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия...» Было ли это фактом или плодом гениального воображения, уже не так важно, потому что для истории ценно и то и другое.

Это было второе посещение Кавказа Пушкиным. Впервые он оказался здесь летом 1820 года: 21-летний поэт был отправлен в ссылку в Екатеринослав за написание «возмутительных» стихов. Попечитель южных колонистов генерал Н. Инзов, в канцелярии которого Пушкин должен был служить, предоставил поэту полную свободу. Бурная жизнь, которой предался Пушкин, не проходила бесследно. Однажды он тяжело простудился и лежал в горячке. Проезжавшая из Петербурга на Кавказ семья генерал-аншефа Н. Раевского пригласила Пушкина отправиться с ними на минеральные воды, которые тогда входили в моду. Путешествие произвело на поэта неизгладимое впечатление. «Суди, был ли я счастлив, — писал он брату Льву, — свободная беспечная жизнь в кругу милого семейства, жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался — счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение; горы, сады, море». В Гурзуфе Пушкин начал писать «Кавказского пленника», посвятив его Н. Раевскому-младшему, тому самому, который в 11 лет вместе с отцом и старшим братом ходил в атаку на французов.

Герой поэмы, искавший свободы и нашедший плен, был созвучен эпохе и самому Пушкину. Романтическая история любви русского пленника и молодой черкешенки, описание тогда еще никому не ведомого экзотического горного края очаровали публику и принесли поэме шумный успех. Но эпилог поэмы вызвал и критические отзывы. Автор славил в нем завоевателей Кавказа — «пылкого Цицианова», генерала Котляревского, Ермолова («Поникни снежною главой, смирись, Кавказ: идет Ермолов!»).

«На негодующий Кавказ поднялся наш орел двуглавый...»

П. Вяземский писал А. Тургеневу: «Мне жаль, что Пушкин окровавил последние стихи своей повести. Что за герои Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего, что он, «как черная зараза, губил, ничтожил племена»? От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если бы мы просвещали племена, то было бы что воспеть. Поэзия — не союзница палачей».

И вот теперь, весной 1829 года, отставной чиновник X класса А. Пушкин вновь отправился на Кавказ. Но это был уже не восторженный юноша, а знаменитый поэт, переживший две ссылки и имевший непростые отношения с императором. Поэту не позволяли выезжать из столицы, но он решился бежать на Кавказ — в мир живых страстей и деятельных натур. «Тоска произвольная гнала меня из Москвы», — признавался Пушкин в письме брату.

По пути поэт посетил А. Ермолова. Отставной проконсул принял гостя в черкеске в кабинете, увешанном кавказским оружием. Реальный облик «грозы Кавказа» разительно отличался от нарисованного воображением поэта: «Лицо круглое, огненные серые глаза, седые волосы дыбом... Он, по-видимому, нетерпеливо сносит свое бездействие». Победы Паскевича Ермолов ни во что ни ставил. А свое отстранение считал державной ошибкой.

Еще более разительно контрастировало с идиллиями «Кавказского пленника» реальное положение дел в крае. «Ни мира, ни процветания под сенью «двуглавого орла» не наблюдается! — писал Пушкин в своих заметках. — Более того, путешествовать по Кавказу небезопасно... Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги».

Во время путешествия Пушкин живо интересовался нравами и бытом народов Кавказа, размышлял о средствах, могущих поселить в крае мир и процветание, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Тифлис встретил Пушкина праздником, устроенным в его честь русской и грузинской молодежью.

Шла война с Турцией, и Отдельный Кавказский корпус уже вступил на территорию Турецкой Армении. «Желание видеть войну и сторону мало известную побудило меня просить у его светлости графа Паскевича-Эриванского позволения приехать в армию, — писал Пушкин. — Таким образом видел я блистательный поход, увенчанный взятием Арзрума».

Пушкин участвовал в перестрелке с турками и даже пытался в одиночку атаковать отступающих янычар.

Плодом путешествия Пушкина стали «Путешествие в Арзрум» и стихотворения «Кавказ», «Обвал», «Делибаш», «Монастырь на Казбеке», «На холмах Грузии...».

Побег поэта на Кавказ привел в ярость Николая I, который устроил разнос Бенкендорфу, «прозевавшему» Пушкина.

В обстановку эйфории, охватившей российское общество в связи с победами на Юге, трезвый взгляд Пушкина на кавказскую политику явно не вписывался. Българинская «Северная пчела» обвинила Пушкина в отсутствии патриотизма. «Вестник Европы» обрушился на «певунов, не воспевших нашего оружия».

Полностью очерк «Путешествие в Арзрум» увидел свет лишь в 1836 году в первом номере основанного Пушкиным журнала «Современник». Произошло это всего за год до трагической дуэли поэта с Ж. Ш. Дантесом.

ПЕРВЫЙ ИМАМ

Тем временем в свободной еще Аварии Магомед и Шамиль разворачивали свою борьбу за введение шариата. Борясь с отступниками-горцами, они все чаще натывались на царские штыки. И становилось все более очевидно, что шариат нуждается в острых кинжалах.

Однако Джамалуддин Казикумухский, в чье ведение входило распространение тариката в нагорном Дагестане, считал невозможной борьбу с заведомо более сильным противником. Он верил, что дети единого Бога смогут уладить дело миром, исходя из любви к ближнему и других священных и для ислама, и для христианства заповедей.

Предпочитая мирное распространение шариата, он пригласил к себе Магомеда и Шамиля, надеясь умирить их пыл и предостеречь от больших неприятностей. Шамиль, прежде учившийся у Джамалуддина, воспринял приглашение как великую честь. Он глубоко почитал Сеида, называя его «учителем учителей». Но Магомед считал тарикатистов слишком мирными и ехать к Джамалуддину не торопился. Шамиль с трудом убедил друга посетить великого учителя.

Магомед согласился, дабы проверить, действительно ли Джамалуддин обладает теми сверхъестественными способностями, о которых шла слава по всему Дагестану, но с условием, что выдаст себя за обычного посетителя.

Вскоре они прибыли в КазиКумух — столицу одноименного ханства. Как только они переступили порог дома Джамалуддина, Магомед почувствовал, что ему открылся иной мир. Первым делом учитель назвал его по имени и пригласил сесть на почетное место рядом с собой. Затем он уединился с Магомедом и Шамилем для особого общения. Он будто читал в их душах и открывал потаенные уголки их сердец. Встреча с учителем обернулась посвящением Магомеда и Шамиля в тарикат.

Это произвело в них необыкновенные перемены. Воинственные вожди шариатистов обратились в смиренных послушников, для которых молитвы стали средством более привлекательным, чем битвы.

С тем они и вернулись. Магомеда будто подменили. Вместо кинжалов он вновь взялся за проповеди, что мало соответствовало темпераменту его последователей. Они полагали, что волчьи аппетиты ханов и прочей знати можно укротить лишь силой, а вовсе не чудодейственными молитвами. Вскоре люди стали расходиться по домам, а первоначальные успехи

шариатистов обращались в пыль.

Но Магомед недолго оставался в плену очарования Джамалуддина. Он уже колебался между тягой к постижению пленительных высот тариката и стремлением к решительному искоренению адатов. В конце концов он объявил Шамилю: «Что бы там ни говорили Ярагинский с Джамалуддином о тарикате, на какой бы манер мы с тобой ни молились и каких бы чудес ни делали, а с одним тарикатом мы не спасемся: без газавата не быть нам в царствии небесном... Давай, Шамиль, газават делать».

Деятельность шариатистов развернулась с новой силой. К началу 1830 года большинство обществ нагорного Дагестана признало шариат, росло его влияние и в других областях. И лишь Аварское ханство, располагавшееся в самом сердце горного Дагестана, не спешило менять свои порядки, всецело полагаясь на силу войск кавказского главнокомандующего.

В феврале 1830 года Магомед с восьмьютысячным отрядом сподвижников уже стоял у стен Хунзаха — столицы Аварского ханства, владетелей которого Магомед считал главными виновниками падения веры и порчи общественных нравов.

Аварский ханский дом был одним из самых древних и почитаемых в Дагестане. Владения его распространялись далеко за пределы Аварии. Но события начала XIX века, особенно в период правления Ермолова, нанесли ханству непоправимый урон и породили в нем раскол. Султан-Ахмед-хан, упорно сопротивлявшийся войскам Ермолова, умер в 1823 году, оставив вдову и малолетних сыновей. Объявленный наследником престола Нуцал-хан Ермоловым признан не был. Вместо него был назначен Сурхай-хан — родственник аварских ханов. В результате ханство разделилось. Но большей частью все же управлял молодой Нуцал-хан, вернее его мать, которая по малолетству сына вынуждена была взять на себя ханские заботы. Впрочем, Баху-бика, вдова хана, справлялась с ролью регентши довольно успешно. Народ уважал ее за мудрость и необычайную храбрость. Конь, обнаженная сабля и винтовка были ей знакомы не хуже, чем самому отчаянному джигиту. В делах государственных она была тверда, в делах житейских — великодушна.

Отдавшись под покровительство России, Хунзах стал довольно спокойным местом. «Я возьму, бывало, книжку, — вспоминал участник тех событий, — и пойду гулять по полям хунзахским, как будто в Малороссии по собственным поместьям... Встречающиеся аварцы приветствовали меня «салам алейкум», как будто своего земляка».

Магомед предложил ханше принять шариат, объявив: «Аллаху было

угодно очистить и возвеличить веру! Мы лишь смиренные исполнители его воли!» Хунзах ответил огнем.

Шариатистов было мало, но они были уверены, что лучше один истинно верующий, чем сто колеблющихся. Началась битва. Был уже захвачен ханский дворец, но тут смелая ханша поднялась на крышу, сорвала с головы платок и закричала: «Мужчины Хунзаха! Наденьте платки, а папахи отдайте женщинам! Вы их недостойны!» Хунзахцы воспряли духом и нанесли нападавшим жестокое поражение.

Уцелевшие повстанцы разошлись по домам, а Магомед и Шамиль с ближайшими сподвижниками вернулись в Гимры.

За эту победу Николай I пожаловал ханству знамя с гербом Российской империи. Ханша потребовала от царских властей подавить восстание и прислать в Хунзах войско для удержания населения в покорности.

Чтобы покончить с шариатистами, Паскевич направил к Гимрам сильный отряд. После демонстрационного артиллерийского обстрела гимринцам было велено изгнать Магомеда и выдать аманатов (заложников).

Магомед и его последователи ушли из аула и начали строить невдалеке от него каменную башню.

Оборонительные башни были традиционным сооружением на Кавказе. Они строились различных форм и размеров. Бывало, что целый род помещался в одной башне, каждый этаж которой имел свое предназначение. Иногда башни строились для бежавшего кровника его родственниками. Обычно башня служила для защиты всего аула, но были и аулы, состоявшие из одних башен.

Когда башня под Гимрами была закончена, Магомед сказал Шамилю: «Они еще придут на меня. И я погибну на этом месте». Позже это предвидение сбылось.

Полагая, что с мятежниками покончено, командующий отправил императору успокоительное донесение. Однако, сомневаясь в искоренении самой идеи восстания, Паскевич присовокупил: «Несомненная цель нового учения заключается в том, чтобы отторгнуть от нас все дагестанские племена и соединить их под одно общее теократическое правление».

Опечаленный Джамалуддин велел Магомеду «оставить такой образ действий, если он называется его мюридом в тарикате». Однако Магомед не собирался опускать руки. Под Хунзахом он потерпел поражение, но в народном мнении одержал победу, дерзнув пошатнуть главную опору отступников в Дагестане.

Шамиль убеждал Магомеда, что для развертывания всенародной борьбы нужно нечто большее, чем убежденность в своей правоте и

кинжалы. Размышления о случившемся и сомнения в правильности своих действий привели Магомеда к светилу тариката Магомеду Ярагинскому: «Аллах велит воевать против неверных, а Джамалуддин запрещает нам это. Что делать?»

Убедившись в чистоте души и праведности намерений Магомеда, шейх разрешил его сомнения: «Повеления Божьи мы должны исполнять прежде людских». И открыл ему, что Джамалуддин лишь испытывал — истинно ли он достоин принять на себя миссию очистителя веры и освободителя страны.

Видя в Магомедe воплощение своих надежд и считая, что «отшельников-мюридов можно найти много: хорошие же военачальники и народные предводители слишком редки», Ярагинский наделил его духовной силой, восходящей к самому Пророку, и благословил на борьбу.

Обращаясь ко всем своим последователям, Ярагинский велел: «Ступайте на свою родину, соберите народ. Вооружитесь и идите на газават».

Молва о том, что Магомед получил разрешение шейха на газават, всколыхнула весь Дагестан. Число последователей Магомеда стало неудержимо расти.

Царские власти решили положить конец деятельности шейха. Магомед Ярагинский был арестован и отправлен в Тифлис. Но, в очередной раз явив свою необыкновенную силу, шейх легко избавился от пут и укрылся в горах. Вскоре он появился в Аварии, обеспечивая духовную поддержку ширящемуся восстанию.

В том же 1830 году в аварском ауле Унцукуль состоялся съезд представителей народов Дагестана. Ярагинский выступил с пламенной речью о необходимости совместной борьбы против завоевателей и их вассалов. По его предложению Магомед был избран имамом — верховным правителем Дагестана. К его имени теперь добавлялось «Гази» — почетный титул предводителя борцов за веру.

Принимая имамское звание, Гази-Магомед воззвал: «Душа горца соткана из веры и свободы. Такими уж создал нас Всевышний. Но нет веры под властью неверных. Вставайте же на священную войну, братья! Газават изменникам! Газават предателям! Газават всем, кто посягает на нашу свободу!»

Во время подготовки и проведения съезда в Унцукуле Шамиль, по обычаю, остановился в доме кунака своего отца — известного лекаря Абдул-Азиза. Осмотрев раны, полученные Шамилем в Хунзахском деле, лекарь нашел их не опасными, но требующими лечения. Шамиль вежливо

отказался, ссылаясь на нехватку времени. Тогда Абдул-Азиз приготовил снадобья, которые могли бы хоть немного заменить более радикальные средства. Однако Шамиль забывал их пить, поглощенный более важными делами. Но вскоре он стал замечать, что вместо кефира или бульона, подаваемого дочерью Абдул-Азиза другим гостям, в его чаше оказывались настои целебных трав. Он стал наблюдать за Патимат — дочерью лекаря, пытаясь понять, как ей удастся сделать это незаметно для других. Он так и не раскрыл эту маленькую загадку, зато иное таинство — любовь — овладело им с неодолимой силой. Очарованный красавицей Патимат, он уже начал подумывать о более серьезном и долгом лечении в доме Абдул-Азиза, но понял, что это сладкое наваждение способно серьезно помешать его бурной деятельности в качестве ближайшего сподвижника имама. Шамиль решил не отказываться ни от одного, ни от другого. Выход был один — жениться. Родители Шамиля несказанно обрадовались, узнав о намерении сына. Они все еще надеялись, что семейная жизнь умерит в Шамиле пыл общественного переустройства. Денгав устроил пышную по горским меркам свадьбу, созвав на нее множество гостей. Но Шамиль и Гази-Магомед сумели и ее превратить в народный сход для пропаганды своих идей.

РОЗЕН СМЕНЯЕТ ПАСКЕВИЧА

В апреле 1831 года Паскевич был срочно отозван с Кавказа и послан в Польшу заменить Дибича. Генерал успел отличиться на Балканах, получил к графскому титулу приставку «Забалканский» и в должности главнокомандующего подавлял Польское восстание, но, не доведя дела до конца, умер от холеры.

Дибича настигла волна эпидемии, вспыхнувшей в «аракчеевских» военных поселениях и приведшей к «холерным бунтам». Уверенные, что смертельный мор наслан «их благородиями» докторами для истребления отслуживших свое солдат, поселяне убивали военных врачей, громили и жгли лазареты, поднимали бунты и ударялись в бег.

Печальную участь Дибича разделил и великий князь Константин, надеявшийся укрыться в Польше от беспокойной российской жизни, но не сумевший отгородиться от эпидемии.

Паскевич довершил успехи Дибича, взял Варшаву, навел повсюду жесткий порядок, сильно пошатнувшийся после либеральных экспериментов Александра I, получил титул светлейшего князя Варшавского и должность наместника Царства Польского. Восстание было разгромлено окончательно, главари и зачинщики сурово наказаны, а их соратники сосланы в Сибирь и на Кавказ. Многие повстанцы бежали во Францию и Турцию, где образовали правительство в изгнании и употребляли все силы на организацию новых восстаний. Изгнанники сочувствовали освободительному движению горцев, часть из них, как и множество сосланных на Кавказ, оказалась позже в рядах армии горцев.

Вместо Паскевича командиром Отдельного Кавказского корпуса, главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами был назначен барон генерал от инфантерии Григорий Розен.

Изучив положение дел на Кавказе, Розен счел идеи Паскевича о введении гражданского управления делом несбыточным и решил вернуться к управлению военному.

Административное деление тоже претерпело изменения: теперь край был разделен на две главные части: западную — под названием Грузино-Имеретинской губернии, и восточную — названную Каспийской областью.

ПОХОДЫ ГАЗИ-МАГОМЕДА

При Розене были начаты широкомасштабные военные действия против повстанцев по всему Дагестану.

Собрав сильный отряд мюридов, Гази-Магомед спустился на плоскость и построил укрепление в урочище Чумескент. Отсюда он призвал народы Дагестана объединиться для совместной борьбы за свободу и независимость. Главным его советником и военным командиром стал Шамиль. Первые стычки с регулярными царскими войсками принесли горцам первые победы. Гази-Магомед взял Параул — резиденцию шамхала Тарковского. 25 мая 1831 года он осадил крепость Бурную. Но взрыв порохового погреба, унесший сотни жизней, и прибытие царских подкреплений вынудили Гази-Магомеда отступить.

Мощи царских войск имам противопоставил свое нововведение — тактику стремительных малых походов. Неожиданно для всех он совершил бросок в Чечню, где с отрядом своего сторонника Ших-Абдуллы осадил Внезапную — одну из главных царских крепостей на Кавказе. Горцы отвели от крепости воду и держали блокаду, отбивая вылазки осажденных. Только прибытие семитысячного отряда генерала Г. Эммануэля спасло осажденных. Эммануэль преследовал Гази-Магомеда, разрушая по пути аулы, но попал в окружение и был разбит при отступлении в Ауховских лесах. Сам генерал был ранен и вскоре покинул Кавказ.

Гази-Магомед тем временем атаковал укрепления на Кумыкской плоскости, поджигал нефтяные колодцы вокруг Грозной и рассылал эмиссаров, чтобы поднять на борьбу горцев Кабарды, Черкесии и Осетии.

В августе 1831 года Гази-Магомед совершил рейд на юг и осадил Дербент. На помощь дербентскому гарнизону двинулся генерал С. Каханов.

В ответ Гази-Магомед совершил стремительный переход через горы, прорвал Кавказскую пограничную линию и захватил крепость Кизляр. Среди прочих трофеев горцы увезли в горы много железа, которого им так не хватало для изготовления оружия.

Для решительного натиска на восставших было решено усилить Кавказский корпус частями, освободившимися после подавления восстания в Польше. Но привычная тактика не давала в горах желаемого результата. Значительно уступая отрядам Розена по численности, горцы превосходили их в маневренности и умении использовать местность. Поддерживало их и население. На помощь имаму прибывали все новые партии вооруженных

горцев. В ряды восставших вставали не только простые горцы, бывшие рабы или крепостные, но и известные в народе люди.

Одним из первых поддержал имама Гамзат-бек Гоцатлинский, происходивший из рода аварских беков — чанка (рожденный от брака с женщиной простого происхождения). В первом походе на Хунзах Гамзат-бек был среди главных сподвижников Гази-Магомеда. Когда джаро-белоканцы, жившие за Кавказским хребтом, восстали и призвали на помощь имама, он направил к ним Гамзат-бека с отрядом мюридов. Гамзат-бек действовал весьма удачно и захватил четыре пушки. Ему удалось сдержать двигавшиеся с юга на Дагестан царские войска и даже угрожать царской администрации в Грузии. Но рано наступившая зима засыпала снегом горные перевалы и сделала невозможным его возвращение. Надеясь выиграть время, Гамзат-бек вступил в переговоры и явился в крепость Закаталы. Однако генерал С. Стрекалов задержал его под предлогом, что такие переговоры может вести лишь главнокомандующий, и отправил под усиленной охраной в Тифлис, где Гамзат-бек был арестован. Через несколько месяцев за пленного вступился Аслан-хан Казикумухский. Гамзат-бека отпустили, но оставили в заложниках его племянника. Хан с почестями принял Гамзат-бека, на которого имел свои виды. С его помощью он надеялся отомстить хунзахской ханше Баху-бике, которая оскорбила Аслан-хана, отдав обещанную его сыну дочь в дом шамхала Тарковского.

Гамзат-бек некоторое время жил у себя в Гоцатле. Когда же пришла весть, что племянник его бежал, но, пробираясь в Дагестан, замерз на одном из перевалов Кавказского хребта, Гамзат-бек вновь включился в борьбу на стороне Гази-Магомеда.

ПЫЛАЮЩИЙ КАВКАЗ

В начале 1832 года восстания охватили Чечню, Джаро-Белоканы и Закатали. Гази-Магомед укрепился в Чечне, откуда совершал нападения на укрепления пограничной линии. Вскоре его отряды уже угрожали крепостям Грозная и Владикавказ. При атаке на последнюю в коня имама попало ядро. Гази-Магомед был тяжело контужен. Когда спросили, кто будет после него, Гази-Магомед, ссылаясь на виденный сон, ответил: «Шамиль. Он будет долговечнее меня и успеет сделать гораздо больше благодеяний для мусульман». Это никого не удивило, потому что Шамиль был не только ближайшим сподвижником имама, признанным ученым и талантливым военачальником, но давно уже стал и народным любимцем.

В том же году был предпринят большой поход против имама. Соединившись на реке Ассе с отрядом генерала А. Вельяминова, однофамилец Г. Розена — командующий левым флангом Кавказской линии генерал-лейтенант барон Роман (Роберт) Розен прошел с запада на восток всю Чечню, разоряя восставшие села и беря штурмом укрепления горцев, но добраться до имама так и не смог. Отряды вернулись в Темир-Хан-Шуру, откуда затем была снаряжена экспедиция к Гимрам — родине имама, с расчетом на то, что Гази-Магомед не оставит свой аул в беде.

Как и ожидалось, Гази-Магомед не замедлил явиться к родному очагу. Он даже велел бросить обоз с трофеями, который сдерживал движение отряда. «У хорошего воина карманы должны быть пусты, — считал он. — Наша награда у Аллаха». Прибыв к Гимрам на несколько дней раньше неприятеля, имам принялся спешно укреплять подступы к аулу. Теснина была перегорожена каменными стенами, на уступах скал были устроены каменные завалы. Гимры являли собой неприступную крепость, и горцы полагали, что проникнуть сюда может лишь дождь.

В ауле остались только те, кто способен был держать в руках оружие. Старики красили хной седые бороды, чтобы издали походить на молодых джигитов. Семьи и имущество гимринцев были переправлены в другие аулы. Жена Шамиля Патимат с годовалым сыном Джамалуддином, названным Шамилем в честь своего учителя, укрылась в Унцукуле, в доме своего отца. Там же укрылась и жена Гази-Магомеда — дочь шейха Ярагинского.

10 октября 1832 года войска Р. Розена подступили к Гимрам. Сквозь туман и гололедицу, теряя на крутых горных тропах людей, лошадей и

пушки, передовой отряд Вельяминова сумел подняться на окружающие Гимры высоты со значительными силами.

Имаму было предложено сдаться. Когда он отказался, начался мощный штурм. С окружающих высот непрерывно палили пушки. Мюриды отразили множество атак, но силы были слишком неравны. После ожесточенного боя Гимры были взяты.

Отряд Гамзат-бека шел на подмогу имаму, но был атакован из засады и не смог помочь осажденным.

ГИМРИНСКАЯ БАШНЯ

Гази-Магомед и Шамиль с немногими уцелевшими мюридами решили защищаться до последней возможности и засели в башне, построенной после хунзахской битвы. Именно у нее Гази-Магомед предсказал свою гибель.

Войска Розена обстреливали башню со всех сторон, а смельчаки взобрались на крышу, пробили в ней дыры и бросали внутрь горящие фитили, пытаясь выкурить мюридов. Горцы отстреливались, пока их оружие не пришло в негодность. Вельяминов велел подтащить пушки прямо к башне и расстреливать ее в упор. Эта последняя битва Гази-Магомеда подробно описана у аль-Карахи.

Когда двери были разбиты, Гази-Магомед засучил рукава, подоткнул за пояс полы черкески и улыбнулся, потрясая саблей: «Кажется, сила не изменила еще молодцу. Встретимся перед судом Всевышнего!» Имам окинул друзей прощальным взглядом и бросился из башни на осаждавших. Увидев, как частокол штыков пронзил имама, Шамиль воскликнул: «Райские гурии посещают мучеников раньше, чем их покидают души. Возможно, они уже ожидают нас вместе с нашим имамом!» Шамиль изготовился к прыжку, но прежде выбросил из башни седло. В суматохе солдаты начали стрелять по нему и колоть штыками. Тогда Шамиль разбежался и выскочил из башни с такой нечеловеческой силой, что оказался позади кольца солдат. Сверху бросали тяжелые камни, которые разбили Шамилю плечо и сломали несколько ребер, но он сумел зарубить оказавшегося на пути солдата и бросился бежать. Стоявшие вдоль ущелья солдаты не стреляли, потрясенные такой дерзостью и опасаясь попасть в своих. Один все же вскинул ружье, но Шамиль увернулся от пули и раскроил ему череп. Тогда другой сделал выпад и всадил штык в грудь Шамиля. Казалось, все было кончено.

Но Шамиль схватился за штык, притянул к себе солдата и свалил его ударом сабли. Затем вырвал штык из груди и вновь побежал. Вслед затрещали запоздалые выстрелы, а на пути его встал офицер. Шамиль выбил шашку из его рук. Офицер стал защищаться буркой, но Шамиль изловчился и проткнул противника саблей. Потом Шамиль пробежал еще немного, но силы стали покидать его. Услышав приближающиеся шаги, он обернулся, чтобы нанести последний удар. Но оказалось, что Шамиля догонял юный гимринский муэдзин, который выпрыгнул из башни вслед за

ним и остался невредимым, так как осаждавшие были отвлечены Шамилем. Юноша подставил обессилевшему Шамилю плечо, они сделали несколько шагов и бросились в пропасть.

Когда солдаты добрались до края пропасти, открывшаяся перед ними картина была столь ужасной, что дальнейшее преследование представлялось уже бессмысленным. Один из солдат бросил в темную бездну камень, чтобы по звуку определить ее глубину, но отклика так и не дождался. Лишь клекот орлов нарушал воцарившуюся после битвы тишину.

Во всеподданнейшем рапорте Розена от 25 октября 1832 года говорилось: «...Неустранимость, мужество и усердие войск Вашего Императорского Величества начальству моему всемилостивейше вверенных, преодолев все преграды самой природой в огромном виде устроенные и руками с достаточным военным соображением укрепленные, несмотря на суровость горного климата, провели их чрез непроходимые доселе хребты и ущелья Кавказа до неприступной Гимри, соделавшейся с 1829 года гнездилищем всех замыслов и восстаний дагестанцев, чеченцев и других горских племен, руководимых Кази-муллою (Гази-Магомедом. — *Ш. К.*), известным своими злодеяниями, хитростью, изуверством и смелую военную предприимчивостью... Погибель Кази-муллы, взятие Гимров и покорение койсубулинцев, служа разительным примером для всего Кавказа, обещают ныне спокойствие в Горном Дагестане».

Тело имама принесли на аульскую площадь. Гази-Магомед лежал, умиротворенно улыбаясь. Одной рукой он сжимал бороду, другая указывала на небо, туда, где была теперь его душа — в божественных пределах, недостижимых для пуль и штыков.

Опасаясь паломничества на могилу имама, его похоронили подальше от Гимров — в Тарках.

Гази-Магомед хотел лишь одного — постичь прекрасную сущность Создателя. Мечтал преобразить свою несчастную родину, откинув завесу людских заблуждений и несовершенств. Он искал путь чистый и верный. Но стоило ему поделиться своей мечтой с другими, как вспыхнули на его пути ненависть, вражда и война.

Гази-Магомед прожил недолгую жизнь, но в памяти потомков он остался великим имамом, заложившим краеугольный камень единения горских народов.

БОГ ВОЗРОДИЛ ЕГО ИЗ МЕРТВЫХ

Очнувшись, Шамиль увидел себя лежащим в скальной расщелине среди зарослей шиповника. Колючий кустарник и спас их, уцепившись за одежду, когда они катились вниз. Увидев рядом муэдзина, который отделался ушибами и царапинами, Шамиль сказал ему: «Оставь мертвого. Я уж не жилец этого мира. Твои заботы не спасут меня от Божьего предопределения. Гяуры знают цену нашим шкурам и не оставят нас в покое. Спасайся, пока есть возможность». Шамиль был уверен, что Всевышний вот-вот призовет его душу и что хлопоты муэдзина способны лишь погубить его самого. Не договорив, Шамиль закрыл глаза и вскоре лишился последних признаков жизни. Полученных им ран хватило бы на несколько человек, чтобы отправить их к праотцам. Так прошел весь день, и лишь слабое угасающее дыхание еще связывало Шамиля с бренной жизнью. Муэдзин отер лицо Шамиля и стал читать отходную молитву.

Белый орел кружил над умирающим Шамилем, и клетот его вторил муэдзину. Шамиль очнулся. Обращаясь к пораженному муэдзину, он спросил: «Не пропустил ли я вечернюю молитву?» Шамиля стошнило кровью, но дышать стало легче. Превозмогая слабость, он начал омовение. За неимением воды он совершил его растертой в порошок землей.

Закончив молитву, гимринцы двинулись по едва заметным козьим тропинкам в сторону соседнего аула Унцукуль. Но скоро силы вновь оставили Шамиля, он упал на камни и пролежал без сознания до утра. Холодный ночной воздух проникал в его легкие через открытую рану. «Ах, какой Божьей благодатью была в ту ночь моя рана! — вспоминал позже Шамиль. — Она умеряла мой жар, она освежала все мое раскаленное нутро».

Утром Шамиль почувствовал себя лучше, и они отправились дальше.

Унцукульцы, опасаясь возмездия, не решились принять Шамиля. Но законы гостеприимства не позволяли им оставаться вовсе безучастными. Тем более что никто не сомневался в его скорой смерти. Они помогли его тестю Абдул-Азизу спрятать Шамиля в молельне, скрытой в садах за аулом. Вскоре и Патимат с младенцем на руках перебралась в это временное пристанище. Лекарь, удивляясь, что Шамиль остался жив после таких страшных ран, приготовил турунды из целебных трав и мазь из смеси меда, воска, масла и древесной смолы.

Когда Шамиль приходил в себя, то видел заботливую жену и

маленького сына, понимал, что не может оставить их, и это помогало ему преодолевать боль и бороться за жизнь. Не зря он так упорно тренировал свое тело в молодости, теперь оно возвращало ему долги. Преданность жены и искусство Абдул-Азиза тоже делали свое дело. И Шамиль начал понемногу поправляться.

Вскоре он вернулся в Гимры. Увиденное в селе заставило его упрекнуть земляков: «Неужели вы думаете, что с уходом Гази-Магомеда ушел в тот мир и шариат?» Когда оказалось, что одних слов недостаточно для возвращения отступников на путь истинный, Шамиль решил восстановить шариат силой. Отступников было много, но Шамиля это не смутило. Застав их собраться в купальне, где они бахвалились, что вышвырнут из Гимров оставшихся мюридов, Шамиль бросился на них с обнаженным кинжалом: «А ну, неверные собаки, посмотрим, кто над кем потешится: вы ли над мюридами или мюриды над вами!» Толпа в ужасе разбежалась, а вслед ей полетел забытый бубен. Устрашился и назначенный царскими властями старшина Гимров, который не посмел препятствовать Шамилю.

Когда гимринцы собрались в мечеть на праздничную молитву по случаю праздника Курбан-байрам, Шамиль объявил им: «Гимринцы! Вы, кажется, думаете, что с Гази-Магомедом погибло и святое дело, за которое мы так ревностно боролись? Но я докажу, что вы ошибаетесь. Клянусь вот этой мечетью, клянусь и всеми находившимися в ней Божьими книгами, что я подниму святую веру на подобающую ей высоту. Желающие изменить шариату пусть объявят себя теперь же. Я хочу посмотреть на этих молодцов и полюбоваться их храбростью!»

Шариат в Гимрах был восстановлен, а старшина, потерявший всяческое уважение, бежал из аула.

В горах разнеслись слухи о воскрешении Шамиля. Люди верили, что Бог возродил его из мертвых, чтобы он спас живых.

ВТОРОЙ ИМАМ

Но Розену казалось, что в горах все застыло. В Петербург полетели победные реляции. Розен великодушно простил гимринцев, не забыв, однако, обложить их штрафом. Спокойствие, наступившее в Дагестане, внушало главнокомандующему надежды на окончательное успокоение края. Мятежный мюридизм то ли был сломлен, то ли укрылся в недоступных аулах, то ли его вовсе не было...

Но это был обманчивый покой снежной лавины, ждущей лишь рокового толчка.

Тем временем, не желая оставлять народ без пастыря, шейх Ярагинский призвал к себе ближайших сподвижников покойного имама, чтобы подготовить избрание нового предводителя. Все сошлись во мнении, что лучшим преемником Гази-Магомеда мог бы стать Шамиль. Но, учитывая его состояние, в имамы теперь прочили Гамзат-бека.

Вскоре общества Дагестана получили приглашение шейха прислать представителей в аул Корода для важнейшего совещания. Когда посланцы собрались в кородинской мечети, шейх объявил, что им предстоит избрать нового имама. С тем, что им должен стать Гамзат-бек, соглашались не все, но тут было оглашено письмо самого Шамиля: «...Для поддержания ислама нужно единодушие. Кто бы ни был предводителем мюридов, внушите народу повиноваться ему покуда. Да не будут наши горцы подобны собакам, которые грызутся из-за кости властолюбия, тогда как кость эта может быть похищена неверными. Соединимся новыми силами, призвав Аллаха на помощь и избрав одного для исполнения его воли. Так делали наши отцы, первые мусульмане. Мир вам».

Чаша весов окончательно склонилась в пользу Гамзат-бека.

После торжественной молитвы Гамзат-бек обратился к народу: «Мудрые сподвижники тариката, почетные старшины храбрых обществ! Гази-Магомед молится за нас на небесах. Он не умер, он святой, он в раю, и прелестные гурии услаждают новую жизнь его! Из вас, правоверные мусульмане, может всякий быть вместе с ним, если будете следовать его примеру. Он свято исполнял тарикат, первый объявил газават и погиб с оружием в руках, защищая родину. Будем ли к нему не признательны, уменьшим ли ревность к исполнению тариката, ослабнем ли духом после смерти Гази-Магомеда, когда он во всяком деле будет помогать нам, оставляя на время битвы гурий и рай из любви к нам? Мы не будем его

видеть, но он будет показываться гяурам во время боя на белом коне в зеленой одежде, и все мюриды, с ним погибшие, окружают его на белых конях. Меч его будет сокрушителен, и гяуры, объятые ужасом, будут искать спасение в бегстве».

Избрание состоялось, и воодушевленные приверженцы нового имама отправились готовить народ к грядущим битвам.

Гамзат-бек был человеком ученым, отважным и веселым. Он любил жизнь, но считал, что судьба предначертана свыше, и противиться ей не желал. В молодости он прославился грандиозными пирами и всевозможными увеселениями, он любил музыку и танцы, он хотел сделать жизнь прекрасной и получить от нее все, что она способна была предложить одаренному юноше из богатого и знатного рода. Пресытившись праздностью, он окунулся в познание наук, надеясь найти в них способы расширить границы бытия. Отец определил его к знаменитому ученому Нур-Магомеду из Хунзаха. Помня о заслугах отца Гамзата — отважного военачальника Алискендер-бека, ханша поселила Гамзата в своем доме. Здесь Гамзат и увидел, как наивны были его прежние представления о полноте жизни и как необъятны возможности властей предержащих. На родине, в Гоцатле, он был первым, здесь же он был всего лишь одним из свиты могущественных аварских ханов. Природные дарования показались ему ничтожными по сравнению с властью, которая иным достается без особых трудов — по наследству. Он понимал, что власть — тяжелое бремя, но бремя это всегда кажется сладостным. А когда в горах стремительно возвысился простой крестьянин из Гимров Гази-Магомед, приводивший в трепет великих ханов, Гамзат почувствовал, что замкнутый круг наследственных монархий вот-вот разомкнется. Что судьба предлагает народу и ему редкую возможность изменить свою тягостную участь. Мир менялся на глазах. Казавшееся вековечным и неколебимым легко рушилось от новых веяний, а народ будто просыпался от тягостного сна. Идеи реформатора совпали с надеждами Гамзата. И он решительно ступил на это тернистое, но столь увлекательное поприще, уверенный, что его способности позволят ему занять достойное место в этом мире.

Гази-Магомед сумел проложить новый путь во мраке кавказской истории. Дела и слова его не ушли в песок и дали сильные всходы. Оставалось взрастить их и довершить начатое.

Вскоре Гамзат получил письмо от матери покойного Гази-Магомеда. Она поздравляла Гамзата и сообщала, что готова передать ему как преемнику Гази-Магомеда хранившуюся у нее имамскую казну (байт-аль-

маль), содержащую деньги и драгоценности, которые употреблялись на военные издержки.

Получив имамское наследство, Гамзат не замедлил подкрепить свои страстные проповеди вполне ощутимым содержанием. На призыв нового имама стали стекаться мюриды. Простые горцы, воспламененные его речами, грезившие отомстить за погибших родственников и разоренные аулы, тоже собирались к Гамзату. Беглые русские солдаты и офицеры находили у Гамзата убежище и защиту, становились его верными сподвижниками. Поляки, оплакивая униженную родину, тоже переходили к горцам. Вскоре они уже составили почетный эскорт имама и были у него военными советниками. Гамзат не скупился, наделяя своих приверженцев оружием, конями и властью. Власть Гамзата распространялась незаметно, но быстро. Общества, не желавшие присоединяться к Гамзату добровольно, покорялись силой. Впрочем, слава его предшественника и личная неустранимость Гамзата обезоруживали противников задолго до появления имамских мюридов.

Действуя «для Бога, а не для себя», стремительно и решительно, вдохновляя, убеждая и наказывая, Гамзат значительно расширил границы влияния шариата.

Тем временем в апреле 1833 года у Шамиля родился второй сын. Он назвал его Гази-Магомедом в честь покойного друга. Немного оправившись от ран, Шамиль поспешил к Гамзату.

Горцы встретили своего любимца ликованием и оглушительным салютом. Заняв свою прежнюю должность «военного министра», Шамиль сделался самым ревностным сподвижником нового имама. Результатом его первого похода в колеблющиеся общества стали признание ими власти Гамзата и пополнение его армии отборными воинами.

КРУШЕНИЕ АВАРСКОГО ХАНСТВА

Не прошло и полутора лет со дня гибели Гази-Магомеда, как все переменилось. В нагорном Дагестане одно лишь Аварское ханство не признавало власти Гамзата и готовилось к неминуемой схватке.

Забеспокоились и другие владельцы, чьи земли располагались в предгорьях и находились под покровительством царских властей. Они хорошо знали, с какой быстротой пламя восстаний в горах перекидывается на их феодальные вотчины, где всегда много недовольных, а власть и без того зыбка и ненадежна.

Надеясь, что мятежников еще можно остановить, шамхал Тарковский и Ахмед-хан Мехтулинский, имевшие звания генерал-майоров русской службы, в союзе с Акушинским кадием Асланом составили военный союз против Гамзат-бека. Акушинский кадий обладал в своем обществе и светской властью, в отличие от обычных кади, которые обладали только властью духовной. Объединенные силы союза, заручившись поддержкой царских властей, стремительно двинулись к Гоцатлю — родине и резиденции Гамзат-бека. Но на пути к нему, у аула Гергебиль, их уже поджидали отряды имама. Предводительствуемые Гамзатом, повстанцы наголову разбили пришельцев, захватили богатые трофеи и со славой возвратились в Гоцатль.

Окрыленный успехом и энергично побуждаемый Шамилем, имам задумал сделать то, что не удалось в свое время Гази-Магомеду, — овладеть Аварским ханством. Однако предприятие это было делом не простым. И даже перевес в силе не мог быть залогом успеха в борьбе с почитаемым в горах ханским домом. Существовали и другие препятствия. Отец Гамзата был предан покойному аварскому хану. Гамзат сам жил в ханском доме, когда учился в Хунзахе. В этом же доме ему отказали, когда он хотел посвататься к ханской дочери и войти в родственные отношения. Когда генерал Розен разбил горцев в Гимрах и потребовал от ханши выдачи Гамзата, Баху-бика могла легко это сделать, но не сделала, заявив, что, по соображениям горцев, это не очень удобно, тем более что Гамзат был лицом духовным.

И все же в августе 1834 года имам обложил Хунзах.

Его мюриды старались склонить подданных ханства к шариату. Окрестные села приняли сторону Гамзата. Ханша надеялась на помощь Аслан-хана Казикумухского, но тот отказал ей, помня старую обиду.

Мюриды начали роптать, недовольные медлительностью Гамзата. К тому же им не хватало еды. А те, которые надеялись на добычу в богатом Хунзахе, стали понемногу покидать лагерь. Видя, как редет войско, Шамиль убеждал Гамзата начать решительные действия.

Но имам, все еще надеясь на мирный исход дела, вступил с ханшей в переговоры. Посланцы Гамзат-бека предложили ханше принять шариат и действовать заодно с имамом за освобождение от иноземного владычества по примеру ее отца и мужа.

Не дождавшись ни от кого помощи, Баху-бика поняла, что, согласившись на условия, вернее — ультиматум Гамзата, она потеряет не только лицо, но и ханство. Отвергнув же их, она потеряла бы и голову. Не зная, как поступить, она собрала своих ученых. Но это мало помогло делу. Оставалась одна надежда — послать к имаму его бывшего учителя кадия Хунзаха Нур-Магомеда.

В сопровождении почтенных старцев кадий прибыл в лагерь Гамзата и попытался уговорить его отойти от Хунзаха. Он также сообщил, что ханша согласна ввести в своих владениях шариат и готова принять от Гамзата ученого для его истолкования. Но газават решительно отвергает, считая его делом безнадежным ввиду несоизмеримости сил. Вместе с тем ханша обещала не мешать Гамзату, если он вступит в войну против царских генералов.

Гамзат-бек ответил, что пришлет проповедника шариата, только если ханша в подтверждение своих добрых намерений отдаст ему в аманаты младшего сына Булач-хана. Скрепя сердце Баху-бика послала в лагерь Гамзата своего сына в сопровождении почетных людей. Имам принял их с подобающими почестями, отправил Булач-хана в свою резиденцию в Гоцатле, а сам отступил на несколько верст от Хунзаха.

На следующий день к ханше явился новый посланец Гамзата, приглашая двух других ее сыновей явиться к имаму для переговоров о судьбе ханского дома и будущем Аварии. Ханша почувствовала неладное, но ей не оставалось выбора. Отправляя к Гамзату своих сыновей Абу-Нуцал-хана и Умма-хана в сопровождении свиты из двухсот хунзахских удальцов, ханша поручила своему надежному нукеру и тайную миссию.

Гамзат принял молодых ханов с теми же почестями и пригласил в свой шатер. Тем временем тайный посланец ханши разыскал Шамиля и передал ее слова: «Ты пользуешься у Гамзата неограниченным доверием, имеешь на него сильное влияние. Отвлеки его от Хунзаха на плоскость против шамхала и получишь в награду две тысячи рублей».

Это стало роковой ошибкой ханши. Возмущенный ее лицемерием,

Шамиль сообщил обо всем Гамзату. Тогда имам, желая окончательно убедиться в намерениях ханши, послал Шамиля в Хунзах с требованием немедленно разрушить все башни и другие оборонительные сооружения. Выслушав Шамиля, ханша пришла в отчаяние, но исполнять требование отказалась. Хунзах пришел в движение. Ханше советовали первой напасть на лагерь Гамзата, чтобы попытаться спасти молодых ханов.

Когда Шамиль вернулся, стало ясно, что дело принимает самый опасный оборот. Ситуация накалялась, и переговоры были на грани срыва. Тогда Гамзат-бек, надеясь разрядить обстановку, вышел из шатра, чтобы совершить омовение перед молитвой у реки Тобот. Остальные собирались последовать за ним, но тут выяснилось, что в свите аварских ханов находится Буга Цудахарский, которого давно разыскивали за убийство двоюродного брата Гамзат-бека. Сподвижники имама узнали кровника и потребовали выдать его для расплаты. Ханы отказались это сделать. Завязалась яростная схватка, в которой с обеих сторон погибло немало горцев. Ханы бились с отчаянием обреченных, проявили чудеса мужества, но в конце концов били убиты. Шамиль был ранен. Среди убитых оказался и родной брат Гамзата.

Пылая мщением, Гамзат-бек ворвался в Хунзах и захватил ханский дворец. Но дом оказался пуст и разграблен. Имам велел хунзахцам немедленно вернуть ханское добро и казну, угрожая мародерам неминуемой расправой. Возвращенное добро отправили в Гоцатль, но затем вернули, так как Гамзат решил перенести свою резиденцию в ханский дворец.

Вскоре были найдены бежавшие в соседний аул Баху-бика, ее свекровь Кистаман, беременная жена убитого Нуцал-хана и Сурхай-хан — владелец части ханства.

Представ перед Гамзатом, лишившим ее детей и ханства, Баху-бика в последний раз выказала силу своего духа и поздравила победителя.

На следующее утро ханша и Сурхай-хан были казнены. Гамзат знал, что это не понравится ни хунзахцам, ни его мюридам. Но отступить было некуда — слишком сильно было влияние ханского дома и слишком опасны были колебания горцев между ханами и имамом.

Из древнего рода аварских ханов в живых остались лишь старая Кистаман, беременная вдова Нуцал-хана и малолетний Булач-хан, содержавшийся под охраной в Гоцатле.

Шамиль советовал имаму не оставаться в ханском доме. Он считал, что Гамзату лучше вернуться домой и предаться посту и молитвам, прося у Всевышнего прощения за пролитую кровь. Зная преданность хунзахцев

погибшим ханам, Шамиль считал, что только время может сгладить нанесенный им урон.

ПРАВЛЕНИЕ ГАМЗАТ-БЕКА

Весть об истреблении ханского дома и утверждении в Аварии власти Гамзата всколыхнула весь Дагестан.

Ждали его новых действий. И Гамзат не замедлил обнаружить свои намерения. План его состоял в том, чтобы овладеть всем горным краем, взять Дербент, Тарки и вытеснить царские войска из Дагестана.

Пока владетели размышляли о трагической судьбе аварских ханов, Гамзат со своими войсками уже подступил к вольным обществам Акуша и Цудахар, лежавшим на пути к Дербенту. Эти богатые и сильные общества, управляемые избранными кадиями, в свое время испытали на себе методы Ермолова и с тех пор находились в нейтральном состоянии, формально подчиняясь царскому командованию, но с условием, что русские войска не будут входить в их земли.

Гамзат потребовал пропустить его к Дербенту. Кадии, сохраняя нейтралитет, отказались. Когда же Гамзат попытался пройти их земли силой, то встретил дружный отпор. По иронии судьбы и те и другие были вольными горцами, которые боролись за свою независимость и свободу.

Потерпев неожиданное поражение, Гамзат был вынужден вернуться в Хунзах. Однако воинственный дух его не был поколеблен. Приготовления к новым военным походам не прекращались ни на день. Повсеместно набирались новые воины, закупались порох и свинец, по всему Дагестану и за его пределы рассылались эмиссары, побуждавшие различные племена к совместным выступлениям. Гамзат приступил также к некоторым государственным переустройствам подвластных ему областей: назначались наибы (губернаторы), создавалась основа регулярной армии, приводились в порядок налогообложение и финансы. Укрепление шариата сопровождалось публичными наказаниями закоренелых отступников. К примеру, те, у кого находили вино, получали сорок палочных ударов и надолго сажались в яму. С них еще брался штраф за каждый день под арестом.

«Товарищи Шамиля находились долгое время, более трех месяцев, вдали от своих домов, — писал аль-Карахи. — Их одежды пришли в негодность. Они пожаловались на это Шамилю. Шамиль попросил Хамзата (Гамзата. — *Ш. К.*) дать его товарищам что-либо для обновления их одежд или их починки. Но Хамзат не расщедрился на это».

Вместо всего этого Гамзат взялся расширять хунзахскую мечеть «за

счет развалин части княжеского дворца».

Тогда Шамиль со своим отрядом вернулся в Гимры. Там он занялся исправлением нравов своих соплеменников и дальнейшим распространением шариата.

Гамзат понимал, что спокойная жизнь в Хунзахе, в окружении враждебных владений, не может продолжаться вечно. Понимали это и дагестанские владельцы. Царское командование на Кавказе было завалено тревожными депешами.

Аслан-хан Казикумухский, прежде покровительствовавший Гамзату, теперь писал барону Розену: «...Почитавшиеся искони веков первейшими во всем Дагестане дома, наш и Нуцал-хана, уже за таких больше не признаются: большая половина дагестанских народов приняла сторону Гамзат-бека и через то собралось к нему войско 30 тысяч человек, с коим не трудно было ему овладеть Хунзахом и, призвав к себе сыновей Баху-бики, умертвить их».

Но Гамзат и без того уже успел обратить на себя внимание кавказского начальства. Решено было послать против повстанцев сильную экспедицию, чтобы положить конец предприятиям имама и вернуть аварский трон его законным владельцам. Отряд генерал-майора Ланского из 13 батальонов пехоты, 30 полевых и 10 горных орудий, 500 донских и 400 линейных казаков должен был выступить в горы из крепости Темир-Хан-Шура.

В предписании Розена Ланскому говорилось: «...По взятии Хунзаха и постановлении там правителя обласкайте аварцев; распоряжениями вашими и дисциплиной войск вселите в них выгодное об нас мнение; тем же, кои будут держаться стороны Гамзата, угрожайте наказанием, и если найдутся таких целые селения, то истребите оных совершенно».

Желая окончательно обезопасить свои владения от посягательств шариатистов, к экспедиции присоединились шамхал Тарковский, Ахмед-хан Мехтулинский и другие дагестанские владельцы. Кадии Акушинский и Цудахарский, желая отомстить за недавние покушения Гамзат-бека, выразили готовность не только пропустить войска через свои земли, но даже снабжать их продовольствием и фуражом, а сверх того предоставить своих ополченцев.

МЕСТЬ ХУНЗАХЦЕВ

«Гамзат затем остановился в Гоцатле, — писал аль-Карахи, — и забрал там множество ружей, и отправился для того, чтобы расположить к себе людей Хунзаха, обойтись с ними ласково и привлечь их на свою сторону».

Постепенно хунзахцы разделились на явных приверженцев и тайных противников имама, возбуждаемых к мщению обычаем кровной мести. Среди этих последних и созрел заговор, одним из главных вдохновителей которого был молочный брат погибших ханов Хаджи-Мурад, сын Гитино-Магомед, павшего в сражении с имамом Гази-Магомедом.

Это был тот самый Хаджи-Мурад, который позже стал героем Кавказской войны и повести Л. Толстого. Замысел заговорщиков был весьма рискованным и почти не имел шансов, если бы не крайний фатализм Гамзат-бека.

Хотя заговорщики и пригрозили женам, что разведутся с ними, если те не сохраняют в тайне услышанное, о заговоре стало известно. Было даже известно, что покушение на имама состоится в священную пятницу в хунзахской мечети. Были перечислены по именам все заговорщики. Самые надежные мюриды клялись на Коране, подтверждая верность сведений о заговоре. Однако на имама это не возымело никакого действия. «Можете ли вы остановить ангелов, если они придут за моею душой? — спросил их Гамзат-бек. — Что определено Аллахом, того не избегнем, и если завтра назначено умереть мне, то завтрашний день — день моей смерти». Уступая просьбам мюридов, он лишь приказал, чтобы никто не входил в мечеть в бурках, дабы можно было отличить вооруженных заговорщиков.

Фатализм Гамзата, его уверенность в своей счастливой судьбе перешли все пределы.

В пятницу, 19 сентября 1834 года, заслышав призыв муэдзина, он, как и все правоверные, направился в мечеть. Когда Гамзат-бек, сопровождаемый двумя вооруженными мюридами, вошел, людей в бурках в мечети оказалось множество. Один из них — Осман, брат Хаджи-Мурада, — встал с ковра и, подавая знак, воскликнул: «Что же вы не встаете, когда великий имам пришел в вашу мечеть?!»

Кругом поднялись заговорщики и, достав из-под одежды пистолеты, начали стрелять в Гамзат-бека. Мюриды стали отстреливаться. Но роковые выстрелы уже нашли свою жертву. Падая, сраженный Гамзат-бек лишь успел поднять полу бурки, чтобы не испачкать ковры мечети своей кровью.

Рядом упал Осман, убитый мюридом Гамзат-бека. Уцелевшие мюриды засели в ханском дворце. Тогда Хаджи-Мурад велел поджечь дом. Спасшихся из огня схватили и сбросили в пропасть, открывающую свои страшные объятия сразу за Хунзахом.

В народных песнях говорится, что кровь в Хунзахе не высыхала три дня. Мечеть была осквернена злодеянием, и люди долго обходили ее стороной.

Изгнав мюридов, хунзахцы ввели в ханский дворец старую ханшу Кистаман, а Хаджи-Мурада выбрали своим старшиной.

Тело Гамзат-бека три дня пролежало у мечети и лишь затем было погребено на хунзахском кладбище.

БЕЗ ИМАМА

Шамиль узнал о случившемся в Гимрах. Спешно собрав своих приверженцев, он двинулся на Хунзах, намереваясь наказать преступников. Но там уже образовалась сильная партия во главе с Хаджи-Мурадом. Их решимость защищаться и известия о начатых против горцев походах царских войск сделали невозможным длительную осаду. Удрученный гибелью имама, Шамиль велел сбросить в реку последнего отпрыска ханского дома — Булач-хана. Существует и иное предание, согласно которому Булач-хан утонул, когда соревновался с гоцатлинскими мальчишками в том, кто скорее переплывет бурную реку Аварское Койсу.

Отряд Ланского еще не был до конца сформирован. Но, следуя указаниям Розена, для демонстрации силы и устрашения горцев он предпринял стремительный набег на Гимры, которые считались источником всех мятежных замыслов.

После жаркой схватки Гимры были взяты, дома сожжены, а сады окрест вырублены. Явившийся на помощь Шамиль атаковал отряд Ланского и вынудил его отступить.

Через несколько дней после возвращения из Гимров генерал Ланской скончался от желтухи. На его место заступил ученик Ермолова полковник Ф. Клюки фон Клюгенау, хорошо знавший особенности войны в горах.

Чтобы восстановить аварский трон и покарать мюридов, отряд Клюгенау спешно двинулся в горы. Испортившаяся погода и дурные дороги сильно замедляли движение, но привыкшие ко всему солдаты уже через десять дней подступили к Гергебилю, располагавшемуся у подножия Хунзахского плато. Здесь наступавших уже поджидали мюриды.

Шамиль решил сначала отбить наступление Клюгенау, а с оставшимися в тылу хунзахцами разделаться позже.

Штурм Гергебиля обещал во многом повторить ужасы первой битвы в Гимрах. Увидев, с какой силой придется иметь дело, часть жителей явилась с изъявлением покорности. Но имамские гвардейцы сдаваться отказались и засели в домах. Отстреливаясь от осадивших их егерей, они пели, восхваляя имамов. Мюриды не переставали петь даже тогда, когда дома их уже были объаты пламенем.

Шамиль отступил к Гоцатлю, решив дать здесь решительный бой.

После взятия Гергебиля Клюгенау получил неожиданную весть: вдова Нуцал-хана родила сына, который теперь был законным и единственным

наследником аварского престола.

Наследнику требовался опекун, которым был назначен Аслан-хан Казикумухский. Если хан действительно помышлял об овладении Аварским ханством, когда вызволял из тифлисского плена Гамзат-бека, то план его увенчался совершенным успехом.

Он вступил в Аварию с небольшим отрядом, отдельно от Ключенау, демонстрируя горцам, что желает лишь успокоения и порядка и что готов посредничать между непримиримыми мюридами и царским командованием. Миссия его была успешной. Недоволен был лишь Хаджи-Мурад, предчувствуя потерю своей власти в Хунзахе.

Ключенау тяжело и долго штурмовал Гоцатль, державшийся, пока в нем оставались люди, способные поднять кинжал. После упорного сопротивления поредевшие отряды Шамиля ушли дальше в горы.

Заняв Гоцатль, Ключенау намеревался двинуться дальше на Хунзах. Но вскоре оттуда явилась депутация с заверениями в верноподданности. Затем прибыл и Аслан-хан Казикумухский вместе со старейшинами нескольких обществ Аварии, которых он успел расположить к себе щедрыми обещаниями. Хунзахцы объявили, что готовы принять Аслан-хана Казикумухского в качестве временного управляющего ханством, пока не подрастет законный наследник. К тому же они резонно опасались, что приход в Хунзах царских войск грозит новыми стычками с партиями мюридов.

Сочтя, что цель экспедиции вполне достигнута, Ключенау вернулся в Темир-Хан-Шуру и принялся возводить там мощную крепость — форпост царских войск у ворот в нагорный Дагестан. Не забыл он и своих союзников, выхлопотав кадиям и старшинам почетные собольи шубы, по 100 рублей серебром, а сверх того — императорскую «похвальную грамоту с переводом оной на арабский язык».

Часть вторая
БИТВЫ ЗА ИМАМАТ

ИЗБРАНИЕ ШАМИЛЯ

Шейх Ярагинский предпринимал экстренные усилия, чтобы народ не впал в отчаяние, а начатое дело не осталось без продолжения. Горцы знали, что их единственная надежда — Шамиль Гимринский, чье имя было овеяно легендами и окружено народной любовью. Но законное избрание нового имама требовало соблюдения определенных формальностей.

19 сентября 1834 года представители горских общин и почитаемые ученые собрались в ауле Ашильта, чтобы назвать преемника Гамзат-бека.

К удивлению собравшихся, Шамиль предложил избрать имамом известного ученого Саида Игалинского. Шамиль хорошо понимал, какая нелегкая ноша ложится на плечи предводителя горцев. Как непросто управлять непокорным народом, как тяжело самому решать, кого казнить, а кого миловать. Он знал, что любые неудачи движения будут считаться его личным поражением, а успехи делиться на всех. И что воевать куда легче, чем управлять. Однако доводы его были учтены, но не были приняты. В свою очередь делегаты считали, что лишь Шамиль способен прекратить хаос, возникший в горах после гибели Гамзат-бека, и сплотить народ для борьбы с могущественным противником, что только в его руках власть принесет пользу народу. Некоторые даже стали гневно укорять Шамиля за нежелание защитить родину и веру. И когда руководитель съезда прямо спросил, согласен ли Шамиль принять имамское звание и оказанную ему народом честь, Шамиль ответил: «Согласен».

«Тронная» речь нового вождя также немало удивила собравшихся. Шамиль призвал народ на борьбу за достойное существование, обрушился на изменников и отступников, просил забыть взаимные обиды и сплотиться перед опасностью полного порабощения. Но главной целью его была отнюдь не война. Он объявил о необходимости объединения всех народов гор в независимое государство — Имамат, основанное на равенстве и свободе, вере и справедливости. Он вдохновенно убеждал горцев, что только единое государство свободных горцев сможет себя защитить, что только так простые горцы избавятся от нужды и притеснений, и с ними станут всерьез считаться великие державы. И что лишь так можно обрести мир и покончить с войнами.

В конце речи он воздел руку к небу и сжал пальцы в кулак, ясно обозначив свои истинные намерения.

Убедившись, что их судьба теперь в надежных руках, люди

разъехались по горам, объявляя повсюду волю нового имама.

Аулы заволновались. Часть горцев была готова влиться в ряды армии имама, другие воодушевленно молились за дарование имаму помощи Всевышнего. Иные же с тревогой ждали грядущих событий. Они знали, что даже самые праведные законы утверждаются в горах не перьями и чернилами, а кинжалами и кровью.

ВООРУЖЕННЫЕ ПРОПОВЕДНИКИ

Весть об избрании Шамиля имамом не особенно встревожила царское командование на Кавказе. Полагая, что силы мятежников разгромлены, гнезда их разорены, а в стратегических центрах Дагестана утверждена законная власть, барон Розен принялся за постройку крепостных линий у Черного моря. Оградить российские владения от турецких, усмирить черкесов и лишить их надежды на помощь единоверцев генерал считал задачей более важной, чем разорительный для казны контроль за внутренними дагестанскими делами. К тому же на весь Кавказ войск не хватало, а лазутчики доносили, что Шамиль больше занят благочестивыми проповедями да исправлением нравов своих соплеменников, опасных же для царского владычества намерений не выказывает. Клюгенау был даже благодарен Шамилю за его старания укрепить в горах шариат. Он не считал мусульманский закон чем-то неприемлемым, видя в нем средство хоть какого-то порядка и успокоения населения. Его больше беспокоили регулярные волнения в «мирных» областях, где мздоимство царских чиновников доводило горцев до крайности, а междоусобицы между дагестанскими ханами, их произвол и откровенный грабеж населения грозили обернуться новыми бунтами.

Шамиль сделал своей резиденцией отдаленную от царских укреплений Ашильту, родину своей матери. Отсюда он развернул активную деятельность по расширению имамской власти в горах. «Поднявший меч против истины поднимает его на свою погибель», — провозгласил Шамиль и полтора года словом и силой утверждал в вольных обществах шариат, наказывал отступников, изгонял знать и проповедовал идеи единства.

«Засучите рукава для установления закона Милосердного и устранения наущения дьявола, — призывал Шамиль горцев в своих письмах. — Знайте, что мы никому не причиним никакого вреда за грехи и упущения, имевшие место в прошлом. Я заверяю, что каждому Аллах простит то, что было в прошлом, и не будет вам укора сегодня — Аллах помилует вас, если вы отныне примете шариат, а если не примете, то у меня будет ко всякому, кто противится Аллаху и его посланнику, враждебное отношение, которое не изменится, пока я не одержу верх или буду убит, если Аллах пожелает этого. Поймите это. И мир».

Объединение горцев было делом трудным, учитывая независимый характер горцев, прежние военные неудачи, опасения подвергнуть свои

аулы разорению и большое число заложников, выданных обществами царским властям в залог своего «замирения».

У многих на месте Шамиля опустились бы руки, но имам был искренне убежден, что делает это в интересах самого народа и из глубокой к нему любви. Его пленительное красноречие, непреклонная воля и страстная вера в грядущее торжество справедливости превращали колеблющихся в преданных мюридов, врагов в друзей, а грешников обращали к раскаянию. Одни бежали от него, как от огня, но большинство принимало его как Божью благодать.

Сообразуясь с потребностями горцев, Шамиль помышлял о введении новых законов, начал собирать совет из лучших представителей общин, распространял свое влияние за пределы Дагестана. На одном из таких советов Шамиль договорился о будущих совместных действиях с прибывшими из Чечни соратником первого имама Гази-Магомеда Ташов-Гаджи и его ближайшими сподвижниками Уди и Магомедом-эфенди.

ОСТАНОВИТЬ ИМАМА!

Дагестанские ханы первыми почувствовали, что распространение «мирного шариата» все серьезнее угрожает их интересам. Соратники Шамиля в Чечне уже совершали набеги на Кавказскую крепостную линию. Владелец приморских областей шамхал Тарковский, видя бездействие царских властей, даже попытался заключить с Шамилем превентивное мирное соглашение, обещая ввести у себя шариат. Из этого ничего не вышло, так как Шамиль потребовал выдать одну из жен шамхала в залог его искренних намерений.

К концу 1836 года Шамиль подчинил своей власти весь горный Дагестан. Оставалось лишь решить старую проблему — покорить Хунзах, столицу Аварского ханства. Правитель Аварии, искушенный в горских делах, настойчиво требовал от царского командования пресечь деятельность Шамиля, пока это еще было возможно.

Клюгенау долго колебался, не желая нарушать сложившееся в Дагестане относительное спокойствие. Но тревога командующего Кавказским корпусом барона Розена относительно усиливающегося в горах влияния Шамиля, которого он называл «хитрым возмутителем», заставила военно-окружного начальника в Дагестане генерала И. Реутта трезво взглянуть на реальное положение дел.

В Дагестане и Чечне было спешно организовано несколько экспедиций с целью уничтожить влияние Шамиля и окончательно усмирить край.

Реутт добрался до Хунзаха, не встретив сопротивления, и вернулся в Темир-Хан-Шуру ни с чем. Горцы расценили это как победу Шамиля.

Генерал А. Пулло в безуспешной погоне за Ташов-Гаджи после тяжелого боя занял Зандак и установил в округе свою власть. Но как только его отряд ушел обратно, новая власть исчезла вместе с ним.

Результат всех этих предприятий оказался прямо противоположным их цели. Авторитет и власть Шамиля только усилились, набеги на линии участились, восстания охватывали прежде спокойные области, а армия имама быстро увеличивалась.

Наряду с военными мерами Розен предпринимал усилия и для морального противодействия Шамилю. Его пламенным призывам, увлекавшим целые общества, было решено противопоставить проповеди ученого муфтия из Казани Т. Мустафина.

В инструкции, данной Мустафину при отправлении его в Дагестан

«для убеждения горцев в неправильном толковании шариата мюридами и расположении их в пользу царизма», Розен обрисовал ему свое понимание истории Кавказа, объяснил разделение Дагестана и положение главных его лиц. Особое внимание муфтия было обращено на деятельность имамов, представленных разбойниками и изуверами, которые «вводили легковерный народ в заблуждение под видом сохранения буйной независимости и домогались лишь личных выгод».

Несмотря на столь серьезную подготовку, миссия успеха не имела, так как простых горцев больше интересовали не тонкости шариата, а неотделимые от него свобода и независимость. К тому же воззвания Мустафина не шли ни в какое сравнение с популярным в горах трактатом ученого Муртазали из Урады «Ал-Мургим» («Преодолевающий») о легитимности Имамата Шамиля и его власти.

Ввиду того, что дела в Дагестане принимали все более опасный оборот, в мае 1837 года была организована новая, более сильная, «Аварская» экспедиция под командованием генерала К. Фезе (Фези). Фезе тоже был горцем, только швейцарским. Наемником участвовал в Наполеоновских войнах, затем поступил на русскую службу. В Польской кампании 1831 года он уже командовал бригадой гренадеров, а теперь, на Кавказе, — пехотной дивизией. Фезе предписывалось решительно покончить с мятежниками, разорить столицу Имамата Ашильту и окончательно утвердиться в Аварии.

Отряд, насчитывающий более пяти тысяч человек, с пушками и мортирами, двинулся к Хунзаху. По пути Фезе исправлял дороги и строил укрепления. В Хунзахе выяснилось, что Шамиль с отрядом мюридов находится в Телетле, южнее Хунзаха, тогда как Ашильта расположена севернее. И что имама уже осадила милиция местных ханов. Послав им на помощь часть своих войск, Фезе решил сначала покончить с Ашилтой.

«МЫ ЗАКЛЮЧИЛИ МИР...»

Столица Имамата, укрытая в недрах дагестанских гор, встретила Фезе в полной боевой готовности. В искусно укрепленных каменных саклях засели мюриды. Их было немного, но это были воины, знавшие толк в битвах.

Фезе пустил в ход артиллерию, затем бросил на штурм аула войска. Жестокая схватка длилась с утра до заката солнца. Но, заняв наконец Ашильту, Фезе увидел себя почти полностью окруженным толпами повстанцев, пришедших на помощь имаму. Под угрозой полного разгрома Фезе не решился вернуться в Хунзах и, неся большие потери, спешно отступил к Темир-Хан-Шуре. Пополнив отряд свежими частями, упрямый Фезе вновь двинулся на Хунзах, а затем — к Телетлю, надеясь покончить с блокированным там Шамилем.

Его надежды увидеть Шамиля уже плененным не оправдались. Вдохновляемые личным примером имама и предводителем телетлинцев Кебед-Магомой, ставшим позже ближайшим сподвижником Шамиля, защитники аула стойко отражали атаки и совершали дерзкие вылазки.

Фезе потерял уже более четверти отряда и часть пушек. Осада Телетля грозила обернуться катастрофой наподобие ашильтинской и полным крахом экспедиции.

К тому же приверженцы Шамиля подняли восстание в Южном Дагестане, а к Телетлю спешили новые отряды сочувствующих горцев.

Бесконечно продолжать осаду непокорного имама не было возможности. Но взять Шамиля не удавалось, а уйти с пустыми руками означало для Фезе позорное окончание карьеры.

Оставалось одно — переговоры. Это был единственный шанс для Фезе и великий шанс для истории. Шамиль пошел на мирные переговоры, тем более что такое разрешение конфликтов предписано и Кораном: «А если они отойдут от вас, не сражаясь с вами, и предложат мир, то Аллах не дает вам никакого пути против них» (4:92). Дальнейших трагедий могло и не случиться, если бы сильные имели обыкновение соблюдать договоренности с менее сильными.

В письме Шамиля к Фезе говорилось: «Мы заключили мир с Российским государством, которого никто из нас не нарушит, с тем, однако, условием, чтобы ни с какой стороны не было оказано ни малейшей обиды против другой. Если же какая-либо сторона нарушит данное ею обещание,

то она будет считаться изменницей, а изменник почтется проклятым перед Богом и перед народом. Сие наше письмо объяснит всю точность и справедливость наших намерений».

Договор, заключенный между Фезе и Шамилем, был выгоден обеим сторонам. Кроме чисто военной целесообразности, прекращавшей военные действия и позволявшей Фезе с достоинством удалиться, договор имел важное политическое содержание — Шамиль фактически признавался в нем главой государства.

В соответствии с одним из пунктов договора Шамиль выдал в аманаты своего племянника Гамзата, который затем был отправлен в Россию и провел там много лет, пока Шамиль не сумел вернуть его на родину.

Фезе возвратился в Хунзах, а затем направился в Темир-Хан-Шуру.

В мнении народа Шамиль сделался триумфатором, сумевшим победить и изгнать из горных пределов царские войска.

Власть его стали признавать самые отдаленные общества. Влияние Шамиля обретало уже ясные географические очертания, и имам, не теряя времени, принялся за разработку государственного устройства и управления Имамата.

НИКОЛАЙ ПРИГЛАШАЕТ ШАМИЛЯ

Розен полученным от Фезе донесением остался весьма недоволен, считая, что тот упустил Шамиля, который почти уже был в его руках. Но императору все же направил торжественный доклад о взятии Телетля, покорности Шамиля и водворении в Дагестане совершенного спокойствия.

Доклад этот пришелся как нельзя кстати. Николай получил его в Крыму, где только что учинил смотр Черноморскому флоту и намеревался вскоре посетить Кавказ, который собственно и был главной целью предпринятой им инспекционной поездки. Первоначально император считал достаточным ограничиться посещением Грузии и Армении, а также осмотром закавказских укреплений. Но торжественные реляции Розена, видимо, побудили Его Императорское Величество изменить свои планы. Открывалась долгожданная возможность окончить Кавказскую войну, столь обременительную для казны и международного престижа России.

Розену было велено экстренным образом снестись с Шамилем и непременно убедить его явиться с ближайшими сподвижниками в Тифлис на высочайшую аудиенцию для принесения раскаяния, выражения полнейшей преданности и «испрошения всемилостивейшего помилования» за свои деяния. Сделать это надлежало таким образом, чтобы инициатива, по возможности, исходила от самого Шамиля. В крайнем случае — от кавказского командования.

В благодарность за раскаяние предполагалось оказать Шамилю монарший милости, могущие якобы укрепить его авторитет как вождя мирных горцев под сенью императорского скипетра.

Знай Розен, к чему все это приведет, он бы, наверное, поостерегся сообщать о победе над Шамилем. Теперь же у него не оставалось выбора.

Дело было поручено Фезе, скорый ответ которого поверг Розена в изумление. Выходило, что Шамиль не то чтобы покорился, а, напротив, весьма возвысился и собирается с силами на случай новых покушений на независимость своего Имамата.

Краснобайство Фезе сулило Розену весьма мрачные перспективы. Оставалось одно — положиться на Ключенау, которого Розен недолюбливал и обходил наградами, но который один мог иметь на Шамиля хоть какое-то влияние ввиду их прежних относительно мирных отношений.

Шамиль действительно откликнулся на приглашение Ключенау о встрече. Она состоялась под Гимрами, куда оба прибыли с небольшими

конвоями. Ключенау горячо убеждал Шамиля не упускать счастливого случая воспользоваться благосклонностью императора, обещал полное прощение и соблазнял неслыханными благами, предъявлял неоспоримые аргументы в пользу прекращения войны и обрисовывал прелести мирной жизни.

Шамиль, казалось, сочувственно внимал благим советам Ключенау, здраво входил в положение вещей и вовсе не был против мира, который недавно заключил с Фезе. Но о поездке в Тифлис ничего определенного не ответил, заметив, что не может принять такое решение, не получив согласие Ташов-Гаджи, Кебед-Магомы и Абдурахмана Карахского, с которыми у него на подобные случаи заключен клятвенный договор, тем более что они тоже приглашались на аудиенцию. Между прочим, Шамиль упомянул и о прежних мирных договоренностях с Ключенау, которые, хоть и не по воле генерала, были нарушены.

По настоянию своего окружения Шамиль при встрече не подал генералу руки, но, прощаясь, хотел все же пожать ему руку, сообразуясь с требованиями дипломатического этикета. И тут сподвижник Шамиля — Ахбердилав (Ахбердиль Мухаммад Хунзахский) отвел его руку, чем вызвал гнев и без того раздосадованного Ключенау. Вспыльчивый генерал замахнулся на дерзкого горца своей тростью, Ахбердилав выхватил кинжал... Чтобы не допустить кровавой стычки, Шамиль схватил генерала за трость, а Ахбердилава за руку с кинжалом. Ситуацию разрядил адъютант Ключенау штабс-капитан Н. Евдокимов, оттащив за полу сюртука яростно бранящегося командира.

Однако Ключенау не терял надежды на удачный исход переговоров. Но на следующий день получил письмо Шамиля, в котором говорилось:

«От бедного писателя сего письма, представляющего все свои дела на волю Божию — Шамиля, ген. — майору Ключи фон Ключенау.

Сообщаю вам, что наконец решился не отправляться в Тифлис, если даже и изрежут меня по кускам, потому что я многократно видел от вас измены, которые всем известны».

КАТАСТРОФА РОЗЕНА

Розен был в отчаянии. Шамиль засел в своих горах, а император неумолимо приближался к Тифлису. Даже осенняя распутица не в силах была задержать царский поезд.

К тому времени город заполнили зеваки, среди которых замечены были злостные жалобщики. В приемных толпились отпрыски знатных семейств, нахлынувшие на Кавказ в поисках чинов и наград и искавшие аудиенции с государем в надежде получить выгодное назначение. Канцелярия трещала от челобитных, в которых излагались все безобразия, чинимые пьяными офицерами в местных заведениях.

Дела в крае шли из рук вон плохо. Интриги, доносы и очковтирательство стали местным обыкновением. Казнокрадство не только превышало мыслимые пределы, но и принимало причудливые «военные» формы. В надежде, что война все спишет, некоторые командиры устраивали набеги на мирные аулы, если узнавали, что мужчины ушли на подмогу мюридам. Набег выдавался за победу, награбленное имущество спускалось на базаре и пропивалось, фураж и скот употреблялись на воинские нужды, а полагающееся на это денежное содержание тихо присваивалось. Маркитанты кутили с чинами, от которых зависели подряды, и не забывали щедро одалживать их из своих барышей. Население принуждали строить дороги и крепости, забывая платить за работу. Не говоря уже о торговле с горцами порохом, свинцом и прочим казенным имуществом.

Одним словом — война. И казалось, что конца ее желают лишь царь да гибнущие на войне солдаты.

Чтобы как-то спасти положение и умиловить государя, известного своим крутым нравом, Розен устроил великолепный военный парад на Дидубийском поле под Тифлисом. Но тут-то его и ожидал главный конфуз. Оказалось, что Николай весьма осведомлен о творящихся на Кавказе злоупотреблениях. И первой жертвой монаршего гнева пал зять самого Розена — уличенный в казнокрадстве командир Эриванского гренадерского полка флигель-адъютант князь А. Дадияни. Князь располагал большими суммами, предназначенными для особых поручений — наград, выкупа, подкупа, но, как выяснилось, не все деньги использовал по назначению и жил в Тифлисе на широкую ногу.

Перед всем строем император самолично сорвал с него аксельбанты и

тут же надел их на сына барона, Александра Розена. Дадияни был отправлен в Бобруйск, в крепость 3-го класса, охранять армейские склады и арестантов. А сам Розен не снес унижения и подал в отставку. Прошение его было удовлетворено 30 ноября 1837 года. На посту командира Отдельного Кавказского корпуса его сменил генерал-лейтенант Е. Головин.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИМПЕРАТОРА

Покинув Тифлис, Николай направился по Военно-Грузинской дороге во Владикавказ. По пути в Аксаевскую станицу, где его ждал наследник цесаревич — атаман всех казачьих войск, царь посетил Пятигорск, Георгиевск и Ставрополь.

В ту ночь в номере губернской гостиницы пиновала компания молодых офицеров. Были среди них и два поэта — М. Лермонтов и А. Одоевский. И свел их здесь недавно погибший на дуэли Пушкин. Лермонтов был сослан на Кавказ за стихотворение «На смерть поэта», а декабрист Одоевский попал сюда из сибирской ссылки, где прославился ответом на пушкинское «Послание в Сибирь». Строка Одоевского «Из искры возгорится пламя» вошла в историю и даже украсила в качестве эпиграфа ленинскую «Искру».

Встречать царя вышли толпы ставропольчан. Была даже устроена иллюминация — вдоль дороги горели смоляные бочки. Наконец показались казаки с факелами, сопровождавшие царский поезд. Одоевский объявил, что это похоже на похороны, а затем вдруг прокричал в темноту на манер гладиаторов, салютующих императору: «Ave, Caesar, morituri te salutant!» («Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!»). Встрешенных приятелей он успокоил тем, что «русская полиция полатыни еще не обучена». Возможно, тогда друзья припомнили и другие строки его знаменитого стихотворения:

...И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей —
И радостно вздохнут народы.

После Аксаевской император посетил Новочеркасск — столицу Войска Донского, а затем, через Воронеж и Москву, вернулся 10 декабря в Царское Село.

Вскоре и друзья-поэты оставили Ставрополь, отправившись воевать с горцами и Шамилем. А гладиаторское приветствие Одоевского, к сожалению, оказалось пророческим.

ДЕКАБРИСТЫ НА КАВКАЗЕ БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

Если бы всех декабристов, оказавшихся в разное время на Кавказе, удалось собрать вместе, они легко могли бы организовать тайное общество и составить новый заговор. С середины 1826 года около 70 офицеров и более трех тысяч рядовых участников восстания были сосланы на Кавказскую войну. Рассудив, что немалый военный опыт офицеров-декабристов более пригоден для батальи, чем для каторги, Николай позволил им искупить свою вину кровью на Кавказе.

Прослышав, что многие ранее сосланные на Кавказ декабристы сумели не только восстановиться в чинах, дворянских званиях и правах, но даже и вышли в отставку, большинство каторжан сами просили отправить их на войну. Конституционные иллюзии сменились романтикой кавказских сражений, которая, впрочем, тоже во многом оказалась иллюзией, к тому же весьма опасной для жизни. Но воевали они с горцами неохотно, «лишь для вида», считая их скорее союзниками в борьбе против самодержавия, чем врагами.

Вскоре оказалось, что вслед за бывшими каторжанами переместился на Кавказ и российский литературный Олимп. Воспетый Пушкиным Кавказ сделался местом паломничества писателей. Именно здесь, под грохот пушек и в сиянии сабель, русская литература обретала новое свежее дыхание. Пасынки остывшего севера становились преданными сыновьями пламенного юга. Здесь, в чарующем калейдоскопе необычайных событий, писатели быстро получали известность. А наиболее удачливые стяжали громкую славу и даже составили себе капиталы. Но для многих из них вершины Кавказа стали и надмогильными памятниками.

Одной из самых ярких фигур кавказской литературной академии стал декабрист Александр Бестужев-Марлинский.

Штабс-капитан, известный писатель и соиздатель альманаха «Полярная звезда» за участие в мятеже был приговорен к 20 годам каторги. Почти пять лет пробыл он в Якутске, успев тем не менее издать пять томов своих сочинений. Двое его братьев — Михаил, тоже приговоренный к 20 годам, и Николай, которого как деятельного заговорщика приговорили к вечной ссылке, — маялись на Нерчинских рудниках, а третий — Петр, разжалованный из мичманов в рядовые, отслужив три года на Кавказе, уже возвращался домой.

Бестужев несколько раз подавал повинную, прося отправить его на войну. И наконец в 1829 году разжалованный в солдаты Бестужев был брошен в пламенные объятия Кавказа.

Кавказ изменил его, а он изменил представление российского общества о Кавказе. «Я вижу Кавказ, — писал Марлинский, — совсем в другом виде, как воображают его себе власти наши». Прекрасная, окутанная чарующими легендами страна, ее воинственные жители, их героическое противоборство с северным титаном, смешение языков, рас, религий, политических интересов и человеческих страстей — все это стало для Бестужева бурным источником творческого вдохновения. Здесь в день приключалось столько необыкновенного, что иным краям хватило бы на годы. Герои Ф. Купера бледнели в сравнении с персонажами бестужевских произведений.

Кавказские произведения сделали Бестужева популярнейшим писателем. Его очерками из кавказской жизни, «Письмами к доктору Эрману», «Письмами из Дагестана», «Кавказской стеной», «Рассказом офицера, бывшего в плену у горцев», повестями «Аммалат-Бек», «Мулла-Нур», «Шах Гусейн» зачитывались все — от сентиментальных девиц до самого императора.

Но героям Бестужева было далеко до популярности самого писателя, сделавшегося человеком-легендой. У всех на устах были его отчаянная удаля и головокружительные романы, грандиозные пиры и самые фантастические предприятия, на которые другие способны были решиться лишь в воображении. А образ декабриста-мученика добавлял славе Бестужева трагический ореол.

Его книги выходили огромными тиражами. Издатели боролись за его новые произведения. Размеры гонораров приводили в изумление публику и писателей, еще не привыкших находить в литературе средства к существованию.

В. Сахаров писал: «Жил он не в казарме, а на прекрасной частной квартире, всегда держал великолепный стол, выписывал французские вина, духи, помаду, дорогие шведские перчатки, столовое серебро, батистовые голландские рубашки с кружевом, покупал персидские халаты, какие-то фантастические шапочки, хлыстики, модные мужские перстни с чеканкой — всего не перечесать. Власти отказали ему в награде солдатским Георгиевским крестом, считая, что этот солдат роскошно живет».

Рядовому солдату Бестужеву завидовали генералы. Бестужева обходили заслуженными наградами, но не забывали одолжить у него денег. Его посылали в самые опасные экспедиции, а он и там бросался в самые

рискованные дела, поражая сослуживцев бесшабашной отвагой. Но если другого ждали бы генеральские эполеты, Бестужев лишь вернул офицерское звание.

«Не ищите земного рая на Евфрате, он здесь...» — писал Бестужев, сроднившийся с Кавказом, как перелетная птица, обретшая родину вдали от гнезда. Искренне восторгаясь горцами, видя в них братьев по духу, Бестужев восклицал: «Черт меня возьми, какие удалыцы, что я готов расцеловать иною!» У него было много кунаков среди горцев, он узнал их, как никто другой. «Кавказских горцев напрасно обвиняют в жестокости, — писал он. — Очень редко были примеры, чтобы они терзали попавшихся им русских даже в пылу гнева или мести, на самом поле сражения. У себя дома горец заботливо промочит раны пленнику, «попотчует бузой», разделит пополам черный чурек свой...»

Бестужев сам стал похож на горца в своей дорогой бурке и лихой папахе. Он предпочитал горское оружие и отличался воинской дерзостью. Он ввел моду на все кавказское, и мода эта проникла в высшее общество. Уже и самого императора живописцы изображали в черкесском костюме на фоне кавказских гор. Но при всем том Бестужев заронил в общественное сознание идеи о необходимости мирного сосуществования с народами Кавказа, о том, что лишь добром и наглядной пользой можно привлечь кавказцев в единое отечество, а насилие лишь углубляет пропасть между ними. И главное — о том, что мужественных и сильных детей гор куда лучше иметь друзьями, чем врагами: «Я топтал снега Кавказа, я дрался с сынами его — достойные враги... Как искусно умеют они сражаться, как геройски решаются умирать!»

Бессмысленное кавказское братоубийство делалось для писателя все более тягостным. «Я дерусь совершенно без цели, без долга даже», — признавал Бестужев. Он видел, как с обеих сторон здесь гибли лучшие, как целые народы исчезали в водовороте истории.

Так же бессмысленно, нелепо исчез и сам Бестужев-Марлинский. Случилось это в сентябре 1837 года во время черноморской экспедиции под началом Г. Розена, перед самым визитом императора на Кавказ. У мыса Адлер был высажен десант, в первых рядах которого бросился на приступ неприятельских позиций прапорщик Бестужев. Оттесняя горцев, гренадеры бились врукопашную. Увлечшись схваткой, раненый Бестужев углубился в лес, и больше его никто не видел.

Но в столицах больше были увлечены другими слухами — якобы Бестужев перешел к горцам, оказался в большом почете у Шамиля и даже сделался генералом и вот-вот нахлынет со своими мюридами на Тифлис

брать в плен императора. Что произошло с Бестужевым на самом деле, так и осталось тайной, еще долго будоражившей воображение публики.

Зато ясно обнаружилось другое — пока царь завоевывал Кавказ, Кавказ Бестужева успел покорить Россию.

У легендарного писателя появилось множество подражателей, а кавказская тема породила новое романтическое направление в литературе. Но в отличие от Бестужева, глубоко проникшего в душу Кавказа, подражателей, по словам В. Белинского, больше занимало «изображение неистовых страстей и неистовых положений».

Поддался очарованию Бестужевым и А. Дюма, который перевел и опубликовал некоторые его произведения, а позже и сам явился на Кавказ, влекомый необыкновенными героями и событиями. А популярная писательница Е. Лачинова сделала Бестужева, под именем Александра Пустогородова, героем своего романа «Проделки на Кавказе». Правдивое описание кавказских дел вызвало такое негодование Николая I, что роман был запрещен, большая часть его уничтожена, а за автором установлен полицейский надзор.

СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Воодушевленные успехом Шамиля и побуждаемые невыносимыми условиями существования, заволновались жители Южного Дагестана и Азербайджана. Непокойно было и на Западном Кавказе, где черкесы сопротивлялись усилению царской власти и строительству новых крепостей вдоль Черного моря, которые лишали их возможности получать порох, свинец, оружие и другую помощь из Турции. Новый главнокомандующий генерал Головин считал утверждение на Черноморском побережье делом куда более важным, чем «внутренние» дагестанские неурядицы. К имевшимся крепостям добавились новые укрепления — Наваги некое на реке Сочи, Вельяминовское на реке Туапсе и ряд других. Но это мало помогало усмирению черкесов. Крепости, города и вся Военно-Грузинская дорога постоянно находились на осадном положении. Лихорадка и прочие южные болезни косили гарнизоны, а неурожаи и голод в горах порой вынуждали горцев искать добычу в непрерывных набегах. Барон Г. Засс, командующий Кубанской линией, оттесняя горцев суровыми ермоловскими методами, старался заселять отнятые земли казаками, считая их поселения более надежной опорой, чем дорогостоящие и малополезные крепости. Горцев он пытался укротить не только силой, но и внушением страха перед своими сверхъестественными способностями. Черкесским старшинам Засс показывал всевозможные фокусы с волшебными зеркалами, электрическими машинками и музыкальными шкатулками. Пораженные горцы прозвали его шайтаном, но воевать не переставали.

Вообще же, представления о том, что горец есть дитя малое и совершенная игра природы, как и горы, его сохраняющие, имели среди офицеров широкое распространение.

«Превесело воевать с этим народом! — сообщал в своих записках комендант Анапы полковник Трегубов. — ...Прибыв в Анапу, я разочаровался, узнав о подвигах предшественников моих. Они с такими средствами, какие и я теперь имею (до 2 тысяч войск на бумаге, притом разбросанных по укреплениям и станицам), могли вести войну вот какую: тайным образом, посредством лазутчиков, захватывали у горцев по ночам отары овец, отдалявшихся от аулов к нашей стороне, и едва уносили сами ноги, а потом расплачивались за это слишком невыгодно, кроме потери при

этих случаях.

Раздраженные горцы нередко захватывали в плен наших поселян и скотину и не давали работать в поле непрерывными набегами.

...Чтобы отдалить этих каналов от наших поселений — это другое дело, но для этого надо немного больше сил: с 5-ю или 6-ю стами не суйтесь к аулам. На пути вы наткнетесь на сторожевых, пронзительный крик коих тотчас передается по ущельям, и всадники, как черти, летят к вам со всех сторон.

...Вы видите только дымок, да слышите выстрелы, кусты стреляют, а каждый раз из фронта убыль, конечно, наши ребята тотчас запустят батальный, инда верхушки кустов летят, а уж небу-то достается порядком.

...Не успели вы сказать: «Уж верно досталось!» — как пропавшая кучка на том же месте. Стоит удивления, как проворно падают эти каналы на землю при появлении дыма из орудия. Ружейного нашего огня они не слишком боятся, наши любят стрелять без прицела, почти всегда вверх. Удивительно ли после этого, что джигеты прогуливаются вдоль цепи, под выстрелами ее, шагах во ста и остаются невредимыми.

...Опять представлен за какие-то неутомимости также в генералы, но это будет слишком часто и потому, думаю, представление не пойдет далеко. Да Бог с ним. Если бы царь знал, сколько я сделал, сблизив к нам непокорных и к какому это поведет результату, то не поскупился бы наградить.

...Горцы после всегдашних неудач начали поговаривать, что я колдун, и потеряли охоту делать набеги. Потом некоторые желали познакомиться со мною. Приехал сначала один из старшин, вот другой, третий, а там и десятками и началась дружба. Я наговорил им всякой всячины и поселил уважение к нам, которого они вовсе не имели, называя нас грабителями. «Твой Падишах — добра, генерал — не добра, ты — добра!» Толкуйте с ними!..»

ШАМИЛЬ НАЧИНАЕТ РЕФОРМЫ

Шамиль закладывал основы своего будущего могущества. Фундаментом его были равенство и свобода — то, чего и без проповедей желало большинство народа и что соответствовало требованиям шариата.

Первым делом Шамиль уничтожил сословные различия и лишил знать всех привилегий, уравнив их в правах с остальным населением. Затем он сделал то, с чего в свое время начинал Пророк Мухаммед, — освободил рабов и зависимых крестьян. Это было важнее мобилизации — освобожденные рабы всегда были первыми борцами за свободу. Даже пленные обрели некоторые права и возможность стать свободными гражданами, а дети их получали это право безусловно.

Знать, лишенная прав и какой-либо власти, стала беспомощным посмешищем. Те, кто не успел спастись бегством, выселялись в особые аулы, где им предоставлялась возможность добывать себе хлеб наравне с бывшими рабами и слугами. Более дальновидные сами переходили к Шамилю со своими подданными.

В горах было немало и таких обществ, которые, по своей природной недоступности, вообще не желали признавать чью-либо власть. Шариат, ограничивавший их необузданные нравы, они считали делом слишком обременительным и мюридов к себе не пускали, хотя в походах, суливших добычу, участвовали весьма охотно. Убедившись, что одними проповедями сладить с ними не удастся, Шамиль взял в одну руку Коран, а в другую — саблю и сурово проучил самых закоренелых отступников. Остальных он или расселял в другие общества, разрушая их прежние пристанища, или обкладывал такими штрафами, что более ревностных исполнителей шариата уже трудно было сыскать.

Народ вскоре убедился, что новое управление весьма выгодно отличалось от деспотизма ханов. Теперь все были равны, никто никому не кланялся, а единственным обращением стало «Салам алейкум!» — «Мир вам!». Расовые или национальные различия тоже ушли в прошлое. Аварцы, лакцы, даргинцы и множество других народов горной страны стали единым народом — дагестанцами, а национализм был объявлен тяжким преступлением.

Формирующееся государство оказывало все большее влияние на сопредельные области. Даже «мирные» горцы в ответ на требования начальства отвечали, что сделают что-либо, только если имам разрешит.

Когда какому-то обществу требовалось построить мост или исправить дорогу, то, испрашивая деньги у царского начальства, они не забывали спросить разрешения и у Шамиля.

Уже первые реформы привлекли к Шамилю такое количество горцев даже из неподвластных ему областей, что для их поселения, как некогда в древней Палестине, предоставлены были покинутые аулы со всеми их землями, а также государственные льготы и пособия.

Из самых преданных приверженцев имам образовал гвардию — подразделения мюридов. Они, в отличие от тарикатских мюридов, более походивших на монастырских послушников, стали самыми деятельными проводниками имамских установлений, примером мужества и отваги в ратных делах.

Предвидя, что в покое его не оставят, Шамиль принялся возводить новую столицу Имамата — крепость Ахульго. Остатки крепости на огромной скале, окруженной глубокими ущельями, и теперь еще поражают своей грандиозностью. Тогда же твердыня Ахульго (Призывная гора) считалась и вовсе неприступной. Мощные защитные сооружения, обустроенные пещеры и подземные ходы, многоярусные боевые укрепления строились лучшими мастерами под руководством наиба Ахбердилава, Сурхая и искусного военного инженера чеченца Хаджи-Юсуфа, изучавшего премудрости фортификации в Египте и Турции. На самом деле Ахульго состояло из двух скал, разделенных узким ущельем реки Ашильтинки. Столицу возвели на Новом Ахульго. Старое Ахульго, разрушенное генералом Фезе два года назад, тоже было укреплено и защищено глубоким рвом и завалами.

Жена Шамиля уже не справлялась с разросшимся хозяйством имама. Двое непоседливых сыновей и непрерывные визиты многочисленных гостей превращали ее жизнь в сущую каторгу. К тому же гимринцы роптали, что Шамиль предпочел жену из другого аула. Шамиль решил взять вторую жену. Гимринка Джавгарат ладила с первой женой имама, помогала ей с детьми, а вскоре и сама родила сына. Мальчика называли Саидом.

Когда новая столица была более-менее обустроена, Шамиль перевез в Ахульго свою семью. Примеру имама последовали и его сподвижники. Даже большая библиотека Шамиля была привезена в Ахульго и помещена в специальном подземном хранилище.

ГОЛОВИН ГОТОВИТ ЭКСПЕДИЦИИ

Сплочение горских народов в единое государство открывало новые военные перспективы. Шамилевские стратеги задумывали походы в ханские владения, а пути сообщения между царскими крепостями стали небезопасны.

Не имея сил для радикального решения проблемы, Головин пробовал покончить с Шамилем иными способами. К нему направлялись доверенные люди с предложением прекратить сопротивление. В ответ Шамиль предлагал царским властям оставить Дагестан и обещал казнить новых «доброжелателей». Регулярно велась работа по дискредитации Шамиля, по обществам распространялись всевозможные пасквилы. Однако эти предприятия не имели успеха. К имаму засылались и тайные агенты, которым за голову Шамиля была обещана большая награда. Но вместо головы имама обратно прибывали в мешках головы самих охотников.

Получаемые сведения рисовали тревожную картину: повсюду в Дагестане проходили народные сборы, постановлявшие присоединиться к Шамилю, толпы мюридов стекались в его ставку, казна Имамата пополнялась, изготовление оружия принимало промышленные размеры, а бегство русских солдат к Шамилю стало обычным делом.

Все говорило о том, что Шамиль необычайно усилился и реально угрожает царскому владычеству на Кавказе. В результате к концу 1838 года взгляды Головина резко изменились. Теперь он сообщал императору: «На правом фронте мы хотя и имеем сильного неприятеля, но там никогда не было единства, там народ не соединяется общими силами, как это есть в Дагестане... По этим соображениям, я считаю усмирение Дагестана делом первостепенным, для которого употребить должно все способы. Усмирение же племен черкесских считаю делом второстепенным».

Николай вполне разделял опасения Головина и велел покончить с Шамилем одним решительным ударом, «ибо без одного ни покоя, ни верного владычества иметь на Кавказе не можем».

Новая экспедиция вглубь Дагестана готовилась долго и основательно. Необходимы были не только опытные войска, но также припасы и обоз, без которых движение в горы встречало множество трудностей. На прежних союзников теперь нельзя было положиться, а провианта и фуража в горах было не достать. Охрана же большого обоза сама по себе была нелегкой задачей ввиду непременных покушений на него горцев.

Горы и леса, вечные и самые надежные союзники горцев, предоставляли обширное поприще любителям дерзких набегов. Когда же отряд был обременен неповоротливым обозом, то ждать можно было чего угодно. Если горцам не доставало сил для атаки, в дело вступали снайперы, сильно затруднявшие продвижение отряда. Поджидали непрошенных гостей и искусственные горные обвалы, лесные завалы и разрушенные мосты. На привалах, особенно ночью, целыми табунами пропадали лошади. Особым удалством считалось у горцев угнать лошадей особых — артиллерийских — и оставить противника без тяжелого вооружения. А «проводники» из горцев частенько заводили солдат в такие дебри, выбраться из которых уже было подвигом, если не чудом.

«ДАБЫ ИМЕТЬ СВЕДЕНИЯ...»

Головин делал попытки разведать дороги, подступы к аулам, расположение укреплений и воинских подразделений Имамата.

Начало тайным службам на Кавказе положил еще в 1830 году фельдмаршал Паскевич: «Дабы иметь сведения о всех происшествиях между горцами и о намерениях их и предприятиях, нужно послать лазутчиков». Он скрупулезно расписал, сколько, каких и в каком народе нужно иметь осведомителей и куда они должны доставлять сведения. Определил Паскевич и их жалованье: «...Всех лазутчиков — 21, и на содержание их — 420 руб. в месяц, каждому по 20 руб. серебром, для чего отпустить начальникам сумму из экстраординарного распоряжения главнокомандующего. В случае важнейших услуг и открытий лазутчики представляются особо к наградам сверх жалованья. Они должны служить на своих лошадях.

Полезно склонить для сего людей, оказавших преданность, и из фамилий, значущих между теми народами, куда посылаются».

Не особенно полагаясь на купленные сведения, в горы направлялись и профессиональные разведчики для обозрения и описания местности. Для больших экспедиций требовались точные карты. Картографическая служба в русской армии была поставлена отменно, сохранилось множество подробнейших карт и планов, замечательных как в научном, так и в художественном отношении. Ни один штурм не начинался без детальной рекогносцировки местности, плана устройства подкопов и проведения других фортификационных работ. В отсутствие картографических сведений не только об укреплениях горцев, но даже о дорогах, ведущих к ним, задачей разведчиков была в первую очередь глазомерная съемка местности.

Ценные сведения собрал картограф полковник Генерального штаба барон Ф. Торнау, которому удалось дважды перейти через Кавказский хребет. Но удача, в которую он так верил, все же отвернулась от него. Торнау оказался в плену у кабардинцев, где и провел два года. Один из местных князей хоть и считался «мирным», но затаил на что-то обиду и взял барона в плен. Поначалу он собирался получить за Торнау большой выкуп, но затем решил оставить его у себя. Иметь в плену большого начальника считалось делом необычайно престижным. Торнау жил у князя довольно свободно, почти на положении гостя. И не терял времени даром,

внимательно изучая быт и нравы горцев. «Лета у горцев в общежитии выше звания, — писал Торнау. — Молодой человек самого высокого происхождения обязан вставать перед каждым стариком, не спрашивая его имени, уступать ему место, не садиться без его позволения, молчать перед ним, кратко и почтительно отвечать на его вопросы. Каждая услуга, оказанная седине, ставится молодому человеку в честь».

Торнау пытался бежать, но неудачно. По просьбе главнокомандующего выручил его из плена кумыкский князь. Он подкупил охрану и увез Торнау прямо из дома, в котором тот содержался.

Результатом приключений Торнау в горах стала книга «Воспоминания кавказского офицера». Его записками пользовался Л. Толстой, работая над «Кавказским пленником». Именем Торнау был назван один из кавказских перевалов.

Однако в обитель мюридизма — недра дагестанских гор, куда еще не ступала нога солдата, — удавалось проникнуть немногим. Туземцам командование не доверяло, да и необходимых военно-инженерных понятий они не имели. Русским же путешествовать в горах было опасно, а действовать долго и скрытно — и вовсе невозможно. Так что отважиться на такое рискованное предприятие мог лишь умалишенный или... за такового себя выдающий.

Этот смертельно опасный трюк, судя по документам, удался штабс-капитану Мочульскому, хотя и не до конца. Искусно прикидываясь глухонемым, а то и вовсе юродивым, с мирными горцами-проводатыми он сумел проделать немалый путь вглубь дагестанских гор по еще неизвестным дорогам. Правда, большую часть его успеха следует приписать не шпионским уловкам и маскарладу, которые вызвали сильные подозрения горцев уже в самом начале путешествия, а законам гостеприимства и другим местным традициям. Хозяева, в чьих домах останавливались разведчики, не соглашались выдавать их на расправу горцам, убежденным, что гости не те, за кого себя выдают. Когда же количество счастливых случайностей превысило все пределы, и горцы прибегли к особому средству, которое легко могло обнаружить в Мочульском иноземца через отсутствие обрезания, в дело вмешалась угроза кровной мести. Насильственное спускание штанов считалось крайним позором, и горцы отступили. Однако ненадолго. Чувя подвох, они устроили засаду на дороге. Но хозяин последнего дома, в котором ночевали путники, дал им понять, что не стоит больше искушать судьбу и лучше вернуться назад, пока есть возможность. Нашелся и добродушный проводатый, мюрид Шамяля, который доставил их до границы с Грузией.

Особо ценные сведения доставляли командованию русские пленные, которых выкупали или обменивали на захваченных горцев.

Один из них, вернувшись из полугодового плена, составил столь обстоятельную записку, что старшие чины, слегка подправив, представляли ее далее по начальству уже от своего имени.

«Соображения горцев для военных действий здравы, дальновидны, всегда основаны на знании местности и обстоятельствах, — сообщал бывший пленник. — Когда угрожает опасность одному неприятельскому пункту, они обращаются туда, где их не ожидают, в ту часть края, которая обнажена от войска; таким образом отвлекают наши силы и ободряют своих. При слабости с нашей стороны делают одновременные вторжения с нескольких сторон или самые быстрые и нечаянные нападения на удаленные от них места, где вовсе их не ожидают.

Искусство укрепляться у горцев доведено до совершенства. Завалы и все укрепления их всегда имеют сильный перекрестный огонь; против артиллерии они вырывают канавы с крепкими навесами, засыпанными землей, где совершенно безопасны для ядер и гранат; а для большей безопасности защитников делают крытые ходы; иногда подземные канавы устраиваются в несколько ярусов или рядов. Вообще же завалы делаются из камня или деревянных срубов, пересыпанных землей.

Горцы ведут войну положительную, иногда с целями важными — завоевания или защиты аулов и обществ; встречают нас большею частью открытым боем на крепких позициях; усиливают их завалами, башнями, подземными канавами с навесами для защиты от гранат; занимают пещеры, переправы через реки, овраги и держатся в них с удивительной решимостью; стреляют метко, дерутся до последней крайности; на позициях же некрепких или удобообходимых слабо защищаются; на обозы и партии фуражиров редко нападают. Потеряв решительное дело, все кругом усмирится и успокаивается...

...Во сне и пище горцы чрезвычайно умеренны; несмотря на то, сильны, ловки и неутомимы. Кусок чурека с куском бараньего сала или сыру и десяток хинкала составляют всю их пищу.

Несмотря на бедность свою, горцы сакли свои содержат в большой чистоте; вообще дома их удобны и красивы... Сакли их вроде замков; над многими устраиваются башни, иногда сакли обнесены стеной, и в каждом доме в каждой стене проделаны бойницы. Весь аул представляет особого рода крепость.

В отличие от агентов Головина разведчики Шамиля действовали более эффективно. Помогало им и население. Ценнейшие сведения доставляли

перебежчики. Любое движение царских войск быстро становилось известным Шамилю.

Для такого рода экстренных сообщений и передачи указов имама существовала «летучая почта» — целая система передачи сообщений, включавшая бегунов, всадников, специальные сигналы, костры на сторожевых башнях и скалах и даже почтовых голубей, которыми обменивались аулы и которых выпускали в нужный момент в определенном направлении.

Так было и на этот раз. О готовящейся экспедиции Шамиль узнал заблаговременно и предпринял необходимые меры.

БИТВА ЗА АХУЛЬГО

Высочайше утвержденный план Головина состоял в том, чтобы уничтожить резиденцию имама Ахульго, утвердиться на реке Андийское Койсу, контролируя оттуда нагорный Дагестан, и учредить укрепленную линию по реке Самур, чтобы изолировать юг Дагестана от Азербайджана и Грузии.

Сам Головин отправился усмирять жителей Южного Дагестана и строить там крепости. Действовать же непосредственно против Шамиля был назначен отряд нового начальника войск на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанта П. Граббе. Он был новичком на Кавказе, но имел боевой опыт войн с Наполеоном, против турок в Валахии, где при переправе через Дунай был ранен пулей в ногу, и в Польской кампании 1831 года, где командовал пехотным корпусом. Назначенный на место скоропостижно скончавшегося Вельяминова, Граббе горел желанием отличиться. Последние годы он был не у дел, сказывалась его давняя «прикосновенность к делу декабристов», хотя он и отошел от них задолго до восстания на Сенатской площади.

9 мая 1839 года, при выступлении из крепости Внезапной, отряд Граббе имел восемь тысяч штыков и сабель, 22 орудия и до трех тысяч горской милиции. Но по пути в горы отряд был встречен повстанцами во главе с наибом Шамиля Ташов-Гаджи. Наиб даже успел построить укрепление у села Мискит, откуда совершал набеги на крепости Сунженской линии и готовился ударить в тыл Граббе, когда тот двинется на Дагестан. После первых ожесточенных боев с повстанцами Граббе понял, что вместо Шамиля ему придется иметь дело с его наибами в Чечне. Собрав все силы в кулак, Граббе двинулся против Ташов-Гаджи. Несмотря на завалы, разбитые мосты и неожиданные нападения, Граббе захватил и разрушил укрепления повстанцев, сжег несколько аулов и штурмом взял аул Саясаны. Не настигнув самого наиба и его главных помощников, потеряв часть отряда и обоз, Граббе вынужден был вернуться во Внезапную. Тем не менее он полагал, что путь на Ахульго теперь открыт.

Отвоеванное время Шамиль употребил на укрепление подступов к Ахульго, устройство гигантских каменных завалов и разрушение дорог. В крепости были превращены и окрестные села, жителей которых имам переселил в горы и в Ахульго.

Укрепив свой отряд, 21 мая Граббе вновь выступил в поход на

Ахульго. Задолго до цели, на высотах у села Буртунай его встретили огнем передовые отряды имама. Взять высоты с ходу не представлялось возможным, и Граббе предпринял обходной маневр, вынудивший горцев отступить. Когда Граббе занял Буртунай, то оказался на безлюдном пепелище. Он столкнулся с тактикой «выжженной земли», когда горцы отдавали противнику аулы, от которых уже не было никакой пользы победителю: ни фуража, ни припасов, ни пленных.

Отступившие горцы укрепились на очередном рубеже обороны — в ауле Аргвани. Миновать его уже было невозможно, и Граббе пришлось сперва под пулями исправлять дороги к селу и только затем вступить в бой с мюридами Шамиля, занявшими выгодные позиции.

Горцы предстали перед неприятелем большой организованной силой, твердо руководимой самим главнокомандующим, на позициях, искусно сооруженных грамотными инженерами с учетом всех преимуществ горной местности.

Первые атаки Граббе были отбиты с большим для него уроном. Пушки палили по каменным саклям без видимого успеха. Граббе пытался атаковать аул с разных направлений, но Шамиль стойко отражал все атаки, пока перед завалами горцев не выросли завалы из убитых. После долгого рукопашного боя отряды Граббе все же сумели ворваться в село. Каждую саклю приходилось брать по несколько раз, потому что горцы уходили по подземным коридорам в другие сакли, а затем вновь возвращались и оказывались в тылу нападавших. Битва продолжалась до глубокой ночи. Обе стороны понесли большие потери.

Аул был взят, а Шамиль с остатками своего отряда отошел к Ахульго. Граббе бросился преследовать имама, но позиционные бои затрудняли движение уставших войск. Только 12 июня Граббе достиг резиденции имама.

Грозный вид Ахульго поразил даже видавших виды солдат, которые говорили: «Легче снять месяц с неба, чем полумесяц с минарета Ахульго». Крепость располагалась на скалистом полуострове, окаймленном глубокими ущельями. Здесь была устроена многоярусная система обороны, включавшая боевые башни, орудийные расчеты, подземные жилища и ходы, крытые траншеи, окопы, завалы. Лишь узкий перешеек соединял Ахульго с соседними горами, но и он находился под контролем Шамиля. Над перешейком, на высокой горе, была сооружена боевая башня, прозванная Сурхасевой, по имени ее создателя. Она прикрывала все подходы к Новому Ахульго. По этому перешейку Ахбердилав перебрасывал на Ахульго подкрепления и оружие. Гарнизон Ахульго состоял из пяти

тысяч горцев и горянок.

Готовясь к штурму, Граббе установил на окрестных вершинах артиллерийские батареи и рыл траншеи, чтобы как можно ближе подобраться к укреплениям горцев.

Тем временем ополченцы начинали угрожать войскам Граббе с тыла. Опасаясь повторения телетлинского конфуза, Граббе открыл по ополченцам оружейный огонь, а затем бросил на них кавалерию и несколько батальонов пехоты. После двухдневных боев ополченцы были рассеяны. А их место занимали подоспевшие отряды горской милиции, предводительствуемые дагестанскими ханами.

В ответ Шамиль возглавил ночную вылазку, результатом которой было приведение в негодность осадных работ Граббе.

Затем целую неделю Граббе бомбардировал и штурмовал важную позицию горцев — Сурхаеву башню. Она была взята лишь тогда, когда погибли все ее защитники. С этой вестью приполз к Шамилю мюрид Магомед-Мирза, которому ядром оторвало обе ноги. Убить его у солдат уже не поднялась рука.

На штурм Ахульго Граббе пошел тремя колоннами. Войскам приходилось под перекрестным огнем спускаться по лестницам в пропасть, а затем вновь подниматься по крутому склону. Атака, стоившая Граббе около тысячи человек убитыми и ранеными, была отбита. А дерзкие ночные вылазки горцев вносили смятение в ряды штурмующих.

Тогда были сооружены передвижные укрытия из бревен, под защитой которых удавалось вплотную подойти к крепостным завалам. Но и эти укрытия были уничтожены в очередной вылазке мюридов.

Граббе стремился установить полную блокаду Ахульго. Это удалось лишь тогда, когда Головин прислал ему на помощь часть своего отряда с горными орудиями и осадными мортирами, часть которых расположили над рекой с другой стороны Ахульго.

Кольцо осады замкнулось в начале августа. Каждый клочок Ахульго теперь простреливался со всех сторон. У осажденных появились трудности с водой, так как Граббе устроил акведуки и отвел от Ахульго речку Ашильтинку, из которой мюриды брали воду. Теперь ее приходилось добывать из Койсу, с риском для жизни, «отдавая на погибель каждую ночь по одному человеку», как писал хронист.

Мужество защитников Ахульго доходило до невероятия. Друг и сподвижник Шамиля Алибек Хунзахский, когда пушечное ядро раздробило ему правое плечо и рука повисла на одних жилах, просил друзей отрубить ее, чтобы не мешала сражаться. Когда никто не решился это сделать,

Алибек наступил на свою руку ногой, отрубил ее и вновь ринулся в бой. Другие бросались в пропасть, стараясь на лету перерубить веревки, по которым взбирались солдаты. Женщины заряжали ружья, а дети метали камни пращами.

Несмотря на блокаду, многие прорывались в Ахульго, на помощь имаму. Они влезали по самым опасным уступам, вонзая в гору свои кинжалы.

Не менее поразительной была храбрость русских солдат. Они штурмовали Ахульго на плечах друг у друга, взбираясь на веревках и лестницах над головокружительной пропастью, под огнем мюридов и лавинами камней. К сожалению, история сделала этих отчаянных удальцов не союзниками, а противниками.

ПЕРЕГОВОРЫ

Но взять Ахульго не удавалось, и Граббе пошел на переговоры, которые предложил Шамиль. Имам надеялся выиграть время и повторить успех переговоров с Фезе.

На этот раз для встречи с Шамилем отрядили генерала Пулло. Условия Граббе больше походили на ультиматум, главным пунктом которого были выдача в аманаты старшего сына Шамиля — восьмилетнего Джамалуддина — и выход имама из Ахульго. В обмен на это Граббе гарантировал имаму и его сподвижникам жизнь, неприкосновенность семей и имущества и обещал вернуться на равнину.

Шамиль отверг предложенные условия. И 17 августа Граббе вновь пошел на штурм.

Битве за Ахульго не было видно конца. Разрушенные днем укрепления горцы заново возводили ночью. Женщины надевали мужскую одежду, чтобы казалось, что в Ахульго еще много защитников, а порой и дрались наравне с мужчинами. Шамиль, казалось, держался из последних сил, но силы Граббе тоже были на исходе. И тем и другим не хватало продовольствия и боеприпасов. И тех и других косили болезни. И все до крайней степени устали.

Как писали очевидцы, гора содрогалась от взрывов, а изнуренные блокадой горцы, будто ища в смерти спасения от бесконечного ужаса, решались на самые отчаянные предприятия. И даже сам Шамиль выходил молиться на открытое место или просто подолгу сидел там с сыном на коленях, ожидая пули как избавления.

Затянувшееся противостояние и неопределенность создавшегося положения побудили стороны вновь начать переговоры.

Шамиль решился выдать Граббе своего сына, надеясь, что это остановит кровопролитие. Объясняя свое решение сподвижникам, он ссыался на Пророка Мусу (Моисея), которому Бог определил расти во власти фараона.

Однако Граббе не удовлетворился получением заложника, не отошел от Ахульго и потребовал к себе самого Шамиля.

Новая встреча Шамиля с Пулло проходила в виду обеих сторон, на нейтральной территории. Аль-Карахи, секретарь Шамиля, свидетельствовал в своей хронике:

«Для придания большого вида и многочисленности были выведены

все домочадцы и «камили». Женщины были одеты в мужскую одежду, опоясаны шашками, вооружены и в чалмах.

Когда русские увидели эти ряды женщин, то чаландар спросил Юнуса: «Кто это такие, которых мы не видели до сих пор?» — «Истинно этот холм наполнен людьми точно так же, как ваши палатки наполнены солдатами», — ответил Юнус. Но тот, увидев некоторых в шапках без чалмы, спросил вновь: «Но среди них есть наши люди, не мюриды?» Юнус сказал: «Они из наших рядов, ибо у нас мюрид тот, кто повинуется Аллаху всевышнему и соблюдает его религию, а не тот, кто [только] носит чалму».

При желании Пулло мог захватить Шамиля, так как перевес сил был на его стороне. Опасаясь вероломства, Шамиль сел на край сюртука Пулло, чтобы в случае необходимости не дать ему встать первым и нанести генералу упреждающий удар. Речь Пулло сводилась к тому, что решать судьбу Шамиля и всей кампании может только сам Граббе и для окончательного утверждения условий перемирия Шамилю непременно следует явиться в лагерь командующего.

Шамиль готов был броситься на генерала, который, отняв у него сына, заманивал в ловушку и его самого, вместо того чтобы выполнить прежние условия и покинуть горы. Но тут один из мюридов Шамиля — Хусейн — спас положение, пропев призыв к полуденной молитве, хотя время ее еще не наступило. Шамиль сказал Пулло: «После призыва на молитву разговоров не бывает» и вернулся в Ахульго.

Граббе еще несколько раз пытался добиться выхода Шамиля, посылая к нему его помощника Юнуса, который находился с юным заложником Джамалуддином. Юнус уходил и возвращался, пока не последовал решительный отказ Шамиля. «Он вам не верит, — сообщил Юнус. — Вы взяли у него сына, обещая заключить мир и отвести войска, но этого не сделали».

ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

21 августа начался решительный штурм Ахульго. Его подробное описание, как отмечал хронист, «составило бы толстую книгу, от чтения которой горели бы сердца, а глаза стали бы влажными».

В ночь на 22 августа саперы заложили в скале минную галерею и произвели сокрушительный взрыв, открывший батальонам путь в крепость. Завязалась ожесточенная рукопашная. Умирая, мюриды обещали победителям: «Наши души вознесутся на небо, но вернутся сюда с ангелами и будут сражаться за родную землю».

Последствия битвы были ужасны. Тысячи убитых и раненых усеяли истерзанную гору. Жена Шамиля Джавгарат погибла с младенцем на руках. Погиб дядя Шамиля Бартыхан. Сестра Шамиля Патимат закрыла платком лицо и кинулась в пропасть.

«...В два часа пополудни на обоих замках развевалось русское знамя, — рапортовал Граббе. — 23 августа два батальона Апшеронского полка брали приступом нижние пещеры, в которых засели мюриды, и истребили всех тех, которые не решились немедленно сдаться... Потеря неприятеля огромна: 900 тел убитых на одной поверхности Ахульго, исключая тех, которые разбросаны по пещерам и оврагам, с лишком 700 пленных и имущество осажденных, множество оружия, один фальконет и два значка остались в наших руках...»

СПАСЕНИЕ ШАМИЛЯ

Но еще несколько дней шли бои в подземных укрытиях и пещерах. В одной из пещер укрывался Шамиль с несколькими мюридами, женой Патимат и сыном Гази-Магомедом. В период ночного затишья им удалось незамеченными выбраться из пещеры. Пробиваясь через кордоны, они уходили вдоль реки. У слияния Андийского и Аварского койсу они смогли перекинуть бревно через узкое ущелье и перейти на другую сторону.

Уже почти добравшись до безопасного места, они наткнулись на конный дозор своих земляков-гимринцев. Это были отступники во главе с аульской знатью, которая весьма пострадала от Шамиля и имела к нему свои счеты. Видя, что силой пробиться уже не удастся, Шамиль вышел вперед, назвал гимринцев по именам и поклялся, что его сабля настигнет каждого, кто посмеет встать на его пути. Слова Шамиля и блеск его сабли, хорошо известной своей необычайной величиной и беспощадностью, смутили отступников. Они не посмели напасть на Шамиля и позволили пройти его небольшому отряду. Изнемогая от голода и усталости, помогая друг другу, возвращаясь за отставшими, они уходили все дальше. Раненого сына Шамиль нес на себе. Жена Шамиля, Патимат, которая вскоре должна была родить, проделала весь этот тяжелый путь безропотно. Только когда она теряла сознание и не могла идти, все останавливались, стараясь добыть хоть немного воды. Жажда заставляла их пить росу, скопившуюся в следах животных.

Однажды утром они обнаружили, что их окружает отряд горцев. Но это были люди, преданные имаму. Путников накормили, дали отдохнуть и проводили дальше. Шамиль направился в сторону Чечни.

Сын Шамиля Джамалуддин, которого Граббе в письме военному министру А. Чернышеву называл «мальчиком бойким и свыше лет умным», был увезен с Кавказа и определен сначала в 1-й Московский кадетский корпус, а затем в Александровский кадетский корпус для малолетних сирот в Царском Селе, где был мусульманский священник.

«ПОСМОТРИМ, ЧТО ДАЛЬШЕ БУДЕТ»

Победу над Шамилем в Петербурге встретили с ликованием. На участников экспедиции посыпались награды. Головин получил чин генерала от инфантерии, Граббе — звание генерал-адъютанта и орден Святого Георгия второй степени, остальные участники похода — специально учрежденные серебряные медали с надписью «За взятие штурмом Ахульго».

Штурм этот остался в истории столь значимым событием, что правительство решило увековечить его посредством живописи. На исходе века работа была поручена Францу Рубо, который создал сначала ряд картин, а затем и целую панораму «Штурм аула Ахульго». Панорама имела большой успех в Европе и России, принесла автору звание академика, орден Святого Михаила и новые заказы. После «Ахульго» Рубо написал панорамы «Оборона Севастополя» и «Бородинская битва».

Граббе уверял Николая I в полном «успокоении» Кавказа и окончательной гибели мюридизма, а самого Шамиля объявил «бесприютным и бессильным бродягой, голова которого стоит не более 100 червонцев». В докладе с места военных действий Граббе писал: «Не сомневаюсь, что настоящая экспедиция не только поведет к успокоению края, где производились военные действия, но отразится далеко в горах Кавказа, и что впечатление штурма и взятия Ахульго надолго не изгладится из умов горцев и будет передаваемо одним поколением другому. Партия Шамиля истреблена до основания; но это только частный результат, гораздо важнейшим считаю я нравственное влияние, произведенное над горцами силой русского оружия...»

Полагая, что настало время, «когда горцы не должны уже более обманывать начальство призраком покорности», Граббе обещал составить проект системы управления горскими племенами и решительно претворить его в жизнь.

На докладе Граббе и Пулло военный министр Чернышев сделал помету: «...Одного недоставало к славе оной — это взятия Шамиля, он успел скрыться. Теперь желательно знать, как ген. Граббе полагает воспользоваться как естественными, так и нравственными выгодами сей экспедиции».

Усомнился в полном успехе и император, наложивший на полях

доклада резолюцию: «Прекрасно, но жаль очень, что Шамиль ушел; и признаюсь, что опасаясь новых его козней, хотя неоспоримо, что он лишился большей части своих способов и своего влияния. Посмотрим, что дальше будет».

ШАМИЛЬ В ЧЕЧНЕ

Молва о великом сражении на Ахульго достигла Чечни раньше Шамиля. Его встречали как героя, оказывали почести и старались превзойти друг друга в гостеприимстве. Немало жертвенных овец и быков было заколото в ознаменование чудесного спасения Шамиля. Это походило на то, как жители Медины приняли Пророка Мухаммеда, когда он ушел из Мекки.

Шамиль старался нигде долго не задерживаться, полагая, что погоня если и не настигнет его самого, то способна повредить принимавшим его людям. Жители Беноя не хотели отпускать Шамиля, считая свой аул совершенно недоступным для чьих-либо покушений. Здесь Шамиль оставался некоторое время. Здесь родился и его сын Магомед-Шапи (Магомед-Шефи).

Затем Шамиль перебрался в Ведено, а оттуда в Шатой. Сюда начали стягиваться его уцелевшие мюриды, наибы и уважаемые предводители чеченцев. Знаменитые храбрецы Шугаиб Центороевский и Джавад-хан Даргоевский старались ободрить Шамиля, обещая, что взамен павших товарищей он найдет в Чечне новых друзей, которые будут ему верной опорой.

В тот период еще одно несчастье опечалило горцев: скончался их духовный вдохновитель и наставник шейх Магомед Ярагинский. До последних дней он поддерживал Шамиля и борьбу горцев, служа живой связью с благодатью шейхов Золотой цепи. Шейх Ярагинский был похоронен в ауле Согратль, где когда-то учился и где прожил последние годы. Над его могилой был возведен мавзолей, который до сих пор остается особо почитаемым местом.

Духовное руководство горцами принял на себя преемник Ярагинского — шейх Джамалуддин Казикумухский.

ИЛЛЮЗИИ ГРАББЕ

Затишье, воцарившееся в горах после Ахульго, подвигну-ло Граббе на энергичное введение в крае новой системы управления. Чечню и Дагестан он разделил на приставства, назначил управлять ими надежных людей. Он объявил горцам, что не хочет полупокорности, потребовал полного подчинения, выдачи аманатов и по одному хорошему ружью с каждого десяти домов. Им также было велено «не давать убежище абрекам и мюридам и отказаться от всякого участия в пагубном учении Шамиля». Без дозволения начальства даже запрещено было переходить на жительство из одного аула в другой. Сверх того горцы были обложены всевозможными податями и повинностями. А произвол чиновников, грабежи и реквизиции скота стали повсеместным явлением. Вместе с тем Граббе понимал, что одной лишь силой оружия «нельзя дойти до покорения гор», и в будущем предполагал перейти к мерам экономическим, дабы продемонстрировать горцам выгоды его благоустроенного правления. Однако на первых порах считал необходимым утвердиться в крае крепостями и поселениями, чтобы, контролируя поля и пастбища, поставить население в полную от себя зависимость. Это, по замыслу Граббе, должно было вынудить горцев постепенно сложить оружие и привести их к совершенной покорности.

Первые результаты новой системы вселяли оптимизм. Но это была лишь видимость покорности. Если кто и отдавал добровольно оружие, то старое и никчемное. В аманаты старались выдать людей, от которых общества и сами мечтали избавиться. Начальство на местах подкупалось или запугивалось. Скот или угонялся в безопасные места, или его предпочитали резать и сушить мясо впрок, вместо того чтобы подвергать опасности конфискации. А самые невероятные и пугающие слухи о грядущем поголовном разоружении, введении воинской повинности и даже запрещении женщинам носить шальвары приводили к тому, что целые аулы, не спрашивая никакого начальства, уходили в недоступные горные леса и примыкали к Шамилю.

Дело кончилось тем, что чеченцы предпочли приставам власть Шамиля и 8 марта 1840 года провозгласили его своим имамом. Приняв это звание, Шамиль не замедлил развернуть самую энергичную деятельность. Слава героя-мученика, восставшего из пепла Ахульго, привлекала к имаму все новых приверженцев. Влияние имама стремительно возрождалось и скоро распространилось далеко за пределы Чечни. Горцы вновь взялись за

оружие. Шамиль объезжал аул за аулом, поднимая людей на новую борьбу. Многие из назначенных приставами старшин приходили к Шамилю и разбивали перед ним старшинские значки. Реальная власть, миновав приставов, вновь оказалась в руках шамилевских наибов, число которых теперь еще более возросло. Восстанавливалась административная система Имамата и вводились новые законы.

По приказу Шамиля люди уходили с равнин в горы, сжигая свои старые аулы и строя новые. А если какие-то аулы имели претензии друг к другу, Шамиль улаживал дело миром, основываясь на законах шариата. Тех же, кто противился шариату, он призывал вернуться на путь истинный и обещал никого строго не наказывать. Он был уверен, что люди сами поймут, что законы шариата есть благо для них.

СХВАТКА С ВЕЛИКАНОМ

В одном из таких сел люди обратились к Шамилю с просьбой избавить их от разбойника, от которого все страдали и с которым никто не мог справиться. Аль-Карахи в своей хронике называл его Губашем, а А. Руновский, записавший историю со слов самого Шамиля, — Сокуром. Это был гигант, обладавший злобным нравом и невероятной физической силой. К тому же у него было много родственников, и убийство его односельчанами неминуемо привело бы ко всем ужасам кровной мести.

Помня свое обещание никого не казнить, Шамиль приказал своим мюридам выколоть преступнику глаза. Предупрежденный родственниками, тот решил удалиться на время из села, но был встречен мюридами. Разбойник легко разметал нападавших, а нескольких даже ранил кинжалом. Но мюриды бросались на него снова и снова, пока им наконец не удалось свалить и связать преступника. Его привели в дом кунака Шамиля Шабана, где остановился имам, поместили в отдельное помещение и там привели приговор в исполнение. Вслед за тем были освобождены пленники разбойника, сидевшие в колодках у него в подвале.

Однако этим дело не кончилось. Ночью ослепленный разбойник сумел разорвать путы и выбросить в окно часового. Услышав шум, Шамиль решил, что на дом напали родственники разбойника, желая отомстить за обиду. Он бросился к двери, чтобы позвать своих мюридов, но наткнулся на разъяренного гиганта, который надвигался на него с кинжалом в руке. Шамиль повернулся к стене, где висело оружие, но разбойник обхватил его огромной рукой и стал наносить удары кинжалом. Он ранил Шамиля в бок, но не причинил особого вреда, потому что Шамиль сумел так крепко обхватить нападавшего, что тот уже не мог работать кинжалом с прежней силой. Подоспевший кунак Шабан выхватил пистолет и собирался прострелить разбойнику голову, выжидая лишь момент, чтобы не попасть в Шамиля. Но в темноте сам напоролся на кинжал и упал замертво. Шамилю ничего не оставалось, как обхватить разбойника еще крепче и кружить с ним по темной комнате, дожидаясь подмоги.

Спас Шамиля все тот же Шабан. Споткнувшись о его бездыханное тело, противники упали на пол. Тогда Шамилю удалось придавить разбойника коленом и схватить за руку, в которой было оружие. Изранив свои руки, Шамиль все же вырвал кинжал и тут же вонзил его в грудь гиганта. В этом положении и застал его Юнус, который с другими

мюридами дежурил ночью в сторожевой башне на случай возмущения родственников разбойника.

Умирая, разбойник спросил:

— Чувствует ли этот богатырь, какова моя сила?

— А чувствует ли этот богатырь, какова сила того, кто сражался с ним без оружия? — ответил Шамиль.

Слух о побоище в доме Шамиля уже облетел аул, и люди сочли, что, должно быть, убит сам Шамиль. Этим попытались воспользоваться родственники разбойника, чтобы в возникшей суматохе отомстить мюридам за обиду. Зная, чем все это может обернуться, истекавший кровью Шамиль явился перед народом. Это произвело на собравшихся столь сильное впечатление, что большинство тут же приняло сторону Шамиля, а родственники убитого предпочли поскорее покинуть аул. После этого случая имама везде сопровождал конвой из надежных телохранителей.

Ранения вынудили Шамиля отложить намечавшуюся экспедицию в еще неподвластные ему аулы. Но молва о его невероятном подвиге и без того прибавила ему множество сторонников.

КРИЗИС НА ВОСТОКЕ

К тому времени разразился новый восточный кризис, причиной которого стали притязания египетского паши Мухаммеда Али на передел Малой Азии. Формально оставаясь вассалом Турции, паша провел в Египте ряд важных реформ, создал сильную армию и флот и помог своему сюзерену в борьбе с греческими повстанцами. Взамен он требовал отдать ему Сирию и намеревался создать независимое государство.

Получив решительный отказ, египетский правитель двинул свои войска на север и осенью 1831 года разгромил турецкую армию. К лету следующего года он занял Палестину, Сирию, Киликию, вступил в Анатолию, а зимой уже угрожал захватом Константинополя.

Паша стремительно возвысился в международной политике, его притязания расширились и вскоре отразились на положении в Причерноморье. Горы Черкесии наводнили агенты паши, побуждая население к восстаниям.

Вожди черкесов также получали письма, в которых сообщалось, что египетский паша уже разгромил почти все великие державы и скоро его непобедимая армия явится на Кавказ на помощь единоверцам. Попадали такие письма и в Имамат, но Шамиль позже вспоминал, что большинство этих писем сочинял его секретарь, дабы ободрить народ и укрепить в нем веру в победу. Настоящей помощи ни от турок, ни от паши он никогда не получал.

Европейские державы отказались поддержать Турцию, и тогда султан решил обратиться за помощью к России.

Николай I согласился помочь вчерашнему противнику, тем более что это сулило новые уступки на Черном и Средиземном морях.

Вскоре после визита в Турцию посланника императора генерал-лейтенанта Н. Муравьева на Босфоре появилась эскадра Черноморского флота, а к Стамбулу прибыл большой сухопутный десант.

Ошеломленная британская дипломатия попыталась склонить турецкое правительство к отказу от российской помощи, а французский посол требовал пропустить через Дарданеллы свой флот и даже угрожал пробиться силой. Однако западные державы получили отказ.

Весной 1833 года под Стамбулом состоялся парад союзных войск. По такому случаю султан даже облачился в гусарский мундир и выучил несколько приветствий по-русски. Грандиозный парад, громогласные крики

«ура!», взаимная раздача подарков и специально изготовленных наград произвели на послов других держав сильное впечатление.

В 1833 году состоялось подписание Ункяр-Искелесийского договора, который устанавливал между Россией и Турцией вечный мир, дружбу и военный союз. Теперь Турция могла рассчитывать на дальнейшую военную поддержку России и обещала в случае необходимости закрыть проливы Босфор и Дарданеллы для военных кораблей других стран.

Египетский паша, оставаясь вассалом Турции, поспешил отвести войска и заключить перемирие, хотя из Сирии так и не ушел.

Для горцев Черкесии это обернулось резким уменьшением помощи из Турции. Иногда повстанцы получали по морю оружие и боеприпасы, но большей частью шхуны с контрабандой перехватывались русскими военными кораблями. Не имели особого успеха и иностранные эмиссары, хотя усилия их были настойчивы и постоянны.

ДЕЛА В ЧЕРКЕСИИ

Обезопасив себя со стороны Турции, царское командование начало активное строительство новых черноморских береговых укреплений, оттесняя горцев с благодатных земель все дальше в горы. В начале 1840 года на Западном Кавказе вспыхнуло всеобщее восстание. Черкесские племена обрушились с гор на Черноморскую береговую линию, разгромив ее главные крепости и редуты. О том, какие это были жаркие битвы, свидетельствует история гибели Михайловского укрепления. Защитники решились взорвать его, если не удастся устоять против горцев. Исполнить задуманное вызвался кавказский ветеран рядовой Архип Осипов. Когда горцы обложили крепость, он уже был в пороховом погребе с зажженным фитилем в руке. Так просидел он несколько часов, прислушиваясь к шуму битвы. Наконец все смолкло, и Архип услышал, как с двери в погреб сбивают замки. Порох считался лучшим трофеем, и победители спешили им овладеть. Архип перекрестился и бросил фитиль. Страшный взрыв превратил Михайловское укрепление в огромную братскую могилу.

Отбивать крепости пришлось целый год, подтянув для этого дополнительные военные силы.

Все это не могло не сказаться и на Северном Кавказе, где Шамиль не замедлил перейти к новым военным операциям.

Используя проверенную тактику малых походов, заманивая, а затем контратакуя противника, изматывая его неповоротливые части своими стремительными набегами в самых неожиданных направлениях, Шамиль вскоре стал хозяином положения, диктуя царскому командованию свою стратегию. Успехи Шамиля побуждали признавать его власть все новые общества, тем самым значительно расширяя театр военных действий и делая борьбу всенародной. Тех же, кто не желал признавать власть имама, мюриды подвергали перевоспитанию, после которого «шариат становился им ближе, чем жена».

ШАМИЛЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ДАГЕСТАН

В недрах непроходимых ичкерийских лесов Шамиль заложил новую столицу Имамата — Новое Дарго, откуда направлял действия своих наибов. К лету Шамиль собрал сильный отряд и перешел в Дагестан, намереваясь вернуть его в свое владычество. Подойдя к богатому аулу Чиркей, Шамиль призвал его жителей выступить с ним за правое дело. Среди чиркеевцев, живших в пределах легкой досягаемости царского командования, начались споры, следует ли вступать в союз с Шамилем. Но когда мюриды предложили, чтобы те, кто предпочитает Шамиля, встали по одну сторону от сельского кадия, а те, кто не желает, — по другую, все дружно встали на сторону Шамиля. В дальнейшем чиркеевцы были среди самых верных и надежных воинов имама. Один из них — Амирхан даже сумел добраться до Стамбула и добыть там целый корабль оружия. Но на обратном пути корабль был захвачен, и добраться до Шамиля смог только сам Амирхан.

После Чиркея значительно пополнившийся отряд имама двинулся дальше. Обеспокоенное царское командование решило положить конец «беспорядкам» и выслало навстречу Шамилю отряд во главе с начальником Левого фланга Кавказской линии генералом Клюгенау. 10 июля старые знакомые встретились во владениях шамхала Тарковского у села Ишкарты. О переговорах на этот раз никто и не помышлял. Шамиль атаковал генерала с нескольких сторон. Решительный натиск опрокинул авангард Клюгенау, бой завязался в селе. Мюриды накатывались волнами, сломили сопротивление и вынудили Клюгенау отступить.

Развивая успех, Шамиль занял еще два больших села — Каранай и Эрпели. Сообщения между Темир-Хан-Шурой и царскими укреплениями в нагорном Дагестане были прерваны. Теперь Шамиль имел полную возможность заняться утверждением своей власти в Аварии.

Тогда же в Эрпели Шамиль решил преподать урок неотвратимости наказания, ждущего предателей. Он разрушил и сжег дом князя Уллубия, который после битвы за Ахульго был назначен в Гимрах старшиной и сжег дом Шамиля. Этот же самый Уллубий дважды пытался отравить Шамиля, подсылая к нему убийц с ядом. Но оба раза заговор был раскрыт.

Вернувшись в Темир-Хан-Шуру, Клюгенау значительно укрепил свой отряд и вновь двинулся в горы, пылая мщением и надеясь не дать Шамилю укрепиться в Дагестане. К тому времени Шамиль, утвердив свою власть во множестве сел, пришел в Гимры, после чего распустил часть войск ввиду

начавшейся в горах жатвы. Здесь его 14 сентября и застал Ключенау. Гимры так часто подвергались нападениям, что захватом села Юпогенау мог руководить с закрытыми глазами. Те же орудия на окрестных высотах, те же завалы в ущелье на подступах к аулу, те же укрепленные сакли, которые горцы не сдавали до последнего. И все же Ключенау потребовалась целая неделя, чтобы овладеть селом. Опытные, закаленные в боях мюриды 1840-го были уже совсем не теми новобранцами Гази-Магомеда, что сражались в 1832-м. Шамиль был вынужден отступить, контратаковал, но отбить родное село ему не удалось.

Однако не удалось и Ключенау положить конец деятельности Шамиля в Дагестане. Восстание вскоре охватило всю Аварию.

ПРЕКРАСНАЯ ПЛЕННИЦА

Пока Шамиль был занят дагестанскими делами, его наибы развернули в Чечне партизанскую войну. Генерал-лейтенант А. Галафеев не в силах был поспеть за мобильными отрядами и нес большие потери в густых лесах, а на открытых местностях находил лишь покинутые аулы. И пока одни завлекали противника в глухие дебри, другие совершали опустошительные рейды на линейные крепости.

На рассвете 11 октября наиб Магомед Ахбердилав подошел к крепости Моздок. Все было окутано густым туманом, и наиб рассчитывал захватить городок внезапным вторжением. Однако туман скрывал не только неожиданных гостей, но и разлившийся после сильных дождей Терек. Пока искали брод, туман рассеялся и горцев заметили со сторожевых вышек. Горцы бросились на приступ, но шквал картечи заставил их остановиться. В Моздоке стоял сильный гарнизон, и взять крепость открытым натиском было невозможно.

Не сумев достичь главной цели, Ахбердилав обложил крепость и предал все вокруг опустошению. Имение генерала князя Бековича-Черкасского было полностью разорено. В Моздоке жило много состоятельных людей, и Ахбердилав захватил богатую добычу. Сверх того, он взял в плен дюжину горожан, надеясь получить за них выкуп.

Не успел Ахбердилав удалиться за Терек, как его догнали посланцы из Моздока, предлагая выкупить пленных. Ахбердилав легко расстался почти со всеми. Не вернул он лишь юную армянку Анну, дочь моздокского купца-миллионщика Улуханова. Девушка отличалась удивительной красотой, которая, как надеялся Ахбердилав, смягчит его вину за неудачный штурм крепости.

В ожидании возвращения Шамиля из Дагестана Ахбердилав устроил Анну в лучшем из имевшихся у него помещений. Деньги же, полученные за других пленных, за вычетом установленного взноса в казну Имамата, раздал нуждающимся чеченцам из своего наибства.

Когда Шамиль вернулся в Чечню, Ахбердилав явился к нему со склоненной головой. Повинившись за невзятую крепость, он объявил, что привез имаму сокровище, которого не стоят все крепости вместе взятые.

Шамиль долго молчал, глядя на прекрасную пленницу. Чувствовал, как ее удивительная красота властно берет в плен его самого. Очнувшись от наваждения, он сказал своему наibu:

— За ангелов денег не берут.

Через несколько дней он велел отправить девушку обратно без всякого выкупа... Если только сама она не пожелает стать его женой.

Но что-то свершилось и в душе юной пленницы. Она отказалась возвращаться домой и согласилась выйти замуж за Шамиля. Анне было тогда 18 лет. На Кавказе, так же как и в России, брак заключался только между единоверцами. Анна приняла ислам и новое имя — Шуайнат, после чего и был совершен обряд бракосочетания. Нарекая невесту новым именем, найденным им в книге о благочестивых женщинах, Шамиль вспоминал, как его самого обратили из Али в Шамиля и какие чудесные изменения произвело в нем это событие. Он верил, что с его юной женой произойдет то же самое. Так оно и случилось. С тех пор и до самой смерти Шамиля Шуайнат оставалась его преданной женой.

Наиб Ахбердилав не раз становился участником необыкновенных романтических историй. Одна из них произошла с ним самим. Однажды в Чечне он увидел девушку необычайной красоты и грации. Ахбердилав решил, что это его судьба, и попросил своего друга — чеченского наиба сосватать ему прекрасную чеченку. Наиб отправился к родителям девушки и вскоре обрадовал взволнованного друга их согласием. Увозя в Дагестан свою невесту, Ахбердилав был счастлив как никогда. По горским обычаям невесте полагалось грустить, но ее скупые слезы показались Ахбердилаву слишком уж горькими. Он осторожно, мизинцем, снял слезинку с глаз девушки и попросил открыть причину ее печали. Девушка молчала. Но настойчивый Ахбердилав добился от нее неожиданного признания, ранившего его в самое сердце. Девушка любила его друга — того самого наиба, которого Ахбердилав посылал сватом. Верный мужской дружбе и своему обыкновению решать трудные дела посредством кинжала, Ахбердилав тут же отрубил свой мизинец, коснувшийся девушки. Подобные рыцарские поступки не были в горах редкостью. На свадьбе друга Ахбердилав был самым желанным гостем.

ПЕРЕХОД ХАДЖИ-МУРАДА К ШАМИЛЮ

В конце того же 1840 года случилось еще одно событие, заметно повлиявшее на дальнейший ход Кавказской войны.

Аварский старшина Хаджи-Мурад был в Дагестане весьма известной личностью. Несмотря на то, что управлять Аварией после истребления ханского дома был назначен родственник аварских ханов Ахмед-хан Мехтулинский, настоящим правителем был Хаджи-Мурад. Славу свою он добыл отнюдь не участием в убийстве имама Гамзат-бека и не благородным происхождением, а безумной храбростью, неукротимой силой и воинскими талантами. На сабле его было написано: «Не вынимай из ножен без нужды», но лишь благодаря Хаджи-Мураду, которому едва исполнилось 20 лет, горная Авария все еще оставалась независимой от Шамиля.

Как это часто случается, заслуженная популярность его в народе не давала покоя формальным правителям ханства, опасавшимся, что власть окончательно перейдет к Хаджи-Мураду. Бессильная зависть оборачивалась клеветой и доносами начальству. Но это не помогало, и Ахмед-хан старался всячески утвердить свое превосходство, допекая Хаджи-Мурада мелочными придирами и невыполнимыми приказами. Он ждал, пока Хаджи-Мурад не выдержит издевательств и выкажет открытое неповиновение, чтобы затем уничтожить его на «законных» основаниях.

Ждать пришлось недолго. Царский гарнизон в Хунзахе нуждался в дровах, а доставлять их с плоскости было делом хлопотным и опасным. Тогда Ахмед-хан велел Хаджи-Мураду обложить этой повинностью население ханства — по выюку с каждого дома. Население резонно ответило отказом, потому что на Хунзахском плато леса не растут. Когда Хаджи-Мурад сообщил Ахмед-хану, что приказ его не может быть исполнен, тот решил, что настал его час.

Хаджи-Мурад был обвинен в том, что он возмущает население против властей и принуждает к неповиновению. Сверх того, Хаджи-Мурад объявлялся тайным сторонником Шамиля, хотя последний должен был числить его своим личным врагом за убийство Гамзат-бека.

Клюгенау, которого целый год преследовали неудачи, решил отличиться в раскрытии опасного заговора и сгоряча велел арестовать Хаджи-Мурада. И без того униженный вздорными подозрениями, Хаджи-Мурад был на девять дней прикован к пушке и подвергался всяческим оскорблениям. Затем его заковали в кандалы, завязали рот, чтобы он не

смог позвать на помощь родственников, и ночью тайно отправили в Темир-Хан-Шуру под усиленной охраной.

Дорога была длинная и трудная. Чтобы сократить путь, конвой направился по узкой тропе, проходившей над глубоким ущельем. Начальник конвоя, прежде бывший с Хаджи-Мурадом в дружеских отношениях, из сострадания разрешил снять кандалы. Хаджи-Мурад теперь шел между двумя солдатами, державшими концы веревки, которой были связаны руки арестанта. Но не таков был гордый Хаджи-Мурад, чтобы долго сносить унижение, которое для него было хуже смерти. В самом опасном месте он вдруг оттолкнулся от каменной стены и бросился в пропасть. Увлеченные им за собой конвоиры разбились насмерть об острые уступы, а сам Хаджи-Мурад исчез в темной бездне. Конвой не сомневался, что погиб и Хаджи-Мурад, о чем и сообщил начальству по прибытии в Темир-Хан-Шуру.

Но дело обернулось иначе. Хаджи-Мурад был искалечен, но остался жив. Его почти бездыханное тело нашли чабаны и скрытно доставили Хаджи-Мурада в аул Цельмес. Он вскоре поправился, но ноги его были повреждены так сильно, что он хромал до конца своих дней.

Обида и жажда мщения привели Хаджи-Мурада к решению, перевернувшему всю его дальнейшую жизнь. Вскоре Шамиль получил от него письмо, в котором говорилось: «Ты узнал мою храбрость, когда я защищал против тебя Хунзах. Желает ли испытать ее теперь, когда я хочу биться рядом с тобой?»

Шамиль понял, что в этом письме ключ к покорению Аварии, и мысленно поблагодарил Ключенау, подарившего ему столь значительного союзника.

В ответном письме Шамиль отдал должное храбрости Хаджи-Мурада и назначил его наибом нескольких аварских сел, которые еще не подчинялись Шамилю. И Хаджи-Мурад не замедлил проявить свои дарования самым опасным для царского командования образом.

Народ принял нового наиба с радостью, а в начале 1841 года аул Цельмес, располагавшийся недалеко от Хунзаха, уже превратился в центр восстания, охватившего всю Аварию.

Письма царского командования Хаджи-Мураду с угрозами сурового наказания, если он не прекратит подстрекать население и не явится к начальству, только подливали масла в огонь. Правивший в Аварии Ахмед-хан, опасаясь мести и растущего влияния Хаджи-Мурада, у которого даже в Хунзахе было немало сторонников, убеждал начальство незамедлительно покончить с мятежником.

Войска в Дагестане были значительно усилены. А против Хаджи-Мурада были брошены части Апшеронского полка. Возглавить карательную экспедицию вызвался генерал Бакунин, находившийся здесь с инспекционной поездкой и решивший «схватить награду, ленту или чин». Цельмес был окружен. Битва продолжалась целый день. Но подоспевшие на помощь отряды Шамиля обратили нападавших в бегство. Был убит и сам Бакунин, так и не успевший отличиться.

Этот эпизод нашел отражение в письме капитана Вранкена к отцу: «... Из всего этого дела видно, что о Бакунине нечего жалеть, он сам заварил кашу, которую не мог размешать. Вообще эти господа, приезжая из Петербурга, думают, что на Кавказе можно воевать по правилам тактики (которую они, впрочем, не знают), бросаются в огонь, не имея понятия об образе войны горцев, и ломают себе шеи. Впрочем, Бакунин храбрый и добрый генерал. Да послужит это уроком и для других, которые судят о Кавказе, сидя на мягких диванах в Петербурге».

Хаджи-Мурад, преследуя отступавших, захватил несколько принадлежавших ханству сел. Взбешенный Ахмед-хан казнил в Хунзахе ближайших родственников Хаджи-Мурада. С тех пор желание отомстить кровному врагу стало одной из главных целей Хаджи-Мурада. Он подстерегал его на дорогах, делал засады и набегил. Ахмед-хан хорошо знал, на что способен Хаджи-Мурад, и принимал чрезвычайные меры для своей защиты. Он даже подсылал к нему убийц, но Хаджи-Мурад с ними раздался, а жизнь хана превратилась в сплошной кошмар.

Союз Хаджи-Мурада с Шамилем был скреплен на долгие годы. О том, что Шамиль полностью доверял Хаджи-Мураду, свидетельствовали письма имама по поводу возникавших в наибстве споров. «...Пошли обе стороны к Хаджи-Мураду для рассмотрения известного дела и для того, чтобы все стало на свое место. И если он решит это по справедливости, — ему награда, а если нет — ему и отвечать. И мир».

К весне власть Шамиля утвердилась на огромной территории. Следуя примеру Хаджи-Мурада, на сторону имама стали переходить влиятельные люди из еще подвластных царскому командованию областей.

Значительным событием стал и окончательный переход в лагерь Шамиля шейха Джагалуддина Казикумухского, ставшего духовным полюсом освободительного движения.

НЕУДАЧИ ГОЛОВИНА

Оказавшись перед угрозой полной потери края, Головин решил переломить ситуацию. Свои войска в Дагестане и Чечне, усиленные 14-й пехотной дивизией, Головин разделил на три отряда: Дагестанский, Чеченский и Назрановский. Два первых отряда, соединившись на реке Сулак, атаковали Шамиля, засевшего на Хубарских высотах. Оттеснив имама, заняв стратегически важный аул Чиркей и желая оградить приморские владения от новых вторжений, они принялись строить на Сулаке сильное укрепление, названное в честь Головина Евгеньевским.

Чеченский отряд вернулся в Грозную и занялся укреплением Сунженской линии, а Назрановский оседлал Военно-Грузинскую дорогу и старался удержать в повиновении окрестное население.

Но и Шамиль не сидел сложа руки. Укрепляя свою власть, распространяя шариат и набирая новых воинов, он непрерывно совершал военные рейды. А его небольшие «летучие» отряды нападали на царские войска повсюду, где они находились, изматывая и лишая покоя самые боеспособные части.

Его отряды легко преодолевали кордоны и появлялись в самых неожиданных местах, вплоть до берегов Каспия. Наиб Шугаиб Центороевский совершил удачный набег на Кизляр, а наиб Ахбердилава проник даже на Военно-Грузинскую дорогу, где захватил Александровское укрепление, и вернулся с богатыми трофеями.

Граббе, намереваясь вернуть в повиновение чеченцев, прошел по Чечне. Но, подвергаясь беспрерывным нападениям, штурмуя лесные завалы и не имея точного плана действий, вынужден был с большими потерями вернуться назад в Грозную.

Неясность положения, неудачи экспедиций и грозящая отовсюду опасность повергли кавказское начальство в уныние. В столице требовали впечатляющих результатов и неоспоримых побед. Между генералами начались споры и интриги, окончательно расстроившие и без того не блестящее состояние дел на Кавказе. А попытки Головина вступить в новые переговоры с Шамилем не дали никаких результатов, кроме поднятия авторитета имама среди его приверженцев.

ПЕВЕЦ КАВКАЗА

Тот 1841 год был омрачен еще одним событием, возбудившим в обществе неприязненное отношение к делам на Кавказе. Сосланный в ссылку «властитель дум», знаменитый поэт Михаил Лермонтов погиб 15 июля на дуэли в Пятигорске.

Он знал Кавказ не понаслышке. Здесь он бывал с детства. Под Кизляром, почти на самой кордонной линии, располагалось имение Е. Хостатовой — сестры его бабушки. Лермонтов подолгу жил здесь, отсюда его возили на минеральные воды. «...Как сладкую песню отчизны моей, люблю я Кавказ!..» — писал 16-летний юноша под впечатлением первых поездок в горы. Еще тогда он впитал дух горской жизни, с восторгом слушал героические легенды и были, знал песни, танцы и обычаи горцев и казаков. «Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы возлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили...» — писал уже зрелый поэт.

В 1837 году, сосланный на Кавказ за стихотворение на смерть Пушкина, Лермонтов нашел горную страну уже объята войной.

Живой, опасный и деятельный мир сильных людей принял Лермонтова в свои объятия как родного. Влиятельные люди старались уберечь поэта от пуль бесконечными переводами в новые части.

Проехав весь Кавказ, Лермонтов прибыл в Тамань. Новые впечатления и знакомства, в том числе с четой молодых черкесов-контрабандистов, промышлявших доставкой пороха и свинца немирным горцам, стали затем материалом для повести «Тамань». Здесь Лермонтов едва не стал жертвой рискованного приключения, но отделался утратой дорогого оружия и шкатулки с деньгами.

Круиз поэта по Кавказу закончился там же, где и начался, — в Ставрополе. Здесь он встретил сосланных на Кавказ декабристов, с которыми и присутствовал при въезде в город императора.

Хлопоты бабки Лермонтова привели к переводу его в Гродненский гусарский полк в Новгород. Лермонтов до последнего откладывал свой отъезд, душа его отогрелась на юге и не желала новых мытарств.

Прощаясь с Кавказом, Лермонтов создал серию живописных работ, будто торопясь запечатлеть образы мира, окружающего героев «Мцыри», «Демона», «Сна», «Измаил-Бея», «Хаджи Абрека», «Беглеца», «Героя нашего времени», «Поэта» и многих других его кавказских произведений.

Однако прощание оказалось недолгим. В 1840 году, после дуэли с сыном французского посла де-Барантом, Лермонтов был отправлен в Тенгинский полк, стоявший в Темир-Хан-Шуре.

«Убьют меня, Владимир», — предрекал Лермонтов В. Соллогубу на прощальном вечере у Карамзиных. А уже с Кавказа писал А. Лопухину: «Завтра я еду в действующий отряд на левый фланг в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму...»

В июле 1840 года Лермонтов попал в отряд под началом генерал-лейтенанта Галафеева, воевавшего в чеченских лесах с наибами Шамиля. Сражение при реке Валерик продемонстрировало высокое боевое искусство горцев. Галафеев отмечал в своем донесении: «Должно отдать также справедливость чеченцам; они предприняли все, чтобы сделать успех наш сомнительным». В этой битве участвовал и Лермонтов, описавший ее в послании к В. Лопухиной: «Я Вам пишу: случайно! право...» Как свидетельствовали очевидцы, «гарцевал Лермонтов на белом, как снег, коне, на котором, молодецки заломив белую холщовую шапку, бросался на чеченские завалы. Чистое молодечество! — ибо кто же кидался на завалы верхом?!». За храбрость, проявленную в этом бою, Галафеев представил Лермонтова к ордену Владимира 4-й степени с бантом, но Головин заменил его на Станислава 3-й степени, так как орден Владимира давался лишь тем, у кого уже были ордена. У Лермонтова их не было, была лишь слава замечательного поэта. Но и это представление было императором отклонено. Как и более позднее представление князя Голицына о награждении Лермонтова золотой саблей с надписью «За храбрость».

Описывая жаркое сражение, Лермонтов, наряду с документальной точностью этого «трагического балета», обнажал бесчеловечную сущность братоубийства:

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!., небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

Дальнейшая военная жизнь поэта вошла в легенды. Компания бесшабашных удалцов образовала «беззаветную команду», мало соответствовавшую воинскому уставу. Барон Л. Россильон, представитель

Генштаба в отряде Галафеева, гневно сообщал: «Лермонтов собрал какую-то шайку грязных головорезов. Они не признавали огнестрельного оружия, врезывались в неприятельские силы, вели партизанскую войну и именовались громким именем Лермонтовского отряда...»

Участвуя в походах против горцев, Лермонтов тем не менее не стал их врагом: «Я многому научился у азиатов, и мне хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания... Поверьте мне, там на Востоке тайник богатых откровений».

Уважение противников друг к другу являло самые удивительные картины. Русских, оставшихся лежать убитыми под Гехами, наиб Ахбердила велел похоронить по христианскому обряду. Для этого даже был выкраден священник, которого затем доставили обратно.

А неизбежное преобразование офицеров, попавших на эту войну, в людей, мало отличимых от самих горцев, Лермонтов описал в очерке «Кавказец»:

«Во-первых, что такое именно кавказец и какие бывают кавказцы?

Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское; склонность к обычаям восточным берет над ним перевес... Настоящих кавказцев вы находите на Линии; за горами, в Грузии, они имеют другой оттенок; статские кавказцы редки: они большею частию неловкое подражание...

Настоящий кавказец человек удивительный, достойный всякого уважения и участия. До восемнадцати лет он воспитывался в кадетском корпусе и вышел оттуда отличным офицером; он потихоньку в классах читал «Кавказского пленника» и воспламенился страстью к Кавказу. Он с десятью товарищами был отправлен туда на казенный счет с большими надеждами и маленьким чемоданом. Он еще в Петербурге сшил себе ахалук, достал мохнатую шапку и черкесскую плетть на ямщика. Приехав в Ставрополь, он дорого заплатил за дрянной кинжал и первые дни, пока не надоело, не снимал его ни днем, ни ночью. Наконец он явился в свой полк, который расположен на зиму в какой-нибудь станице, тут влюбился, как следует, в казачку, пока до экспедиции; все прекрасно! сколько поэзии! Вот пошли в экспедицию, наш юноша кидался всюду, где только провизжала одна пуля. Он думает поймать руками десятка два горцев, ему снятся страшные битвы, реки крови и генеральские эполеты. Он во сне совершает рыцарские подвиги — мечта, вздор, неприятеля не видать, схватки редки, и, к его великой печали, горцы не выдерживают штыков, в плен не сдаются, тела свои уносят. Между тем жары изнурительны летом, а осенью слякоть и холода. Скучно! промелькнуло пять, шесть лет: все одно и то же. Он приобретает опытность, становится холодно-храбр и смеется над

новичками, которые подставляют лоб без нужды.

Между тем хотя грудь его увешана крестами, а чины нейдут. Он стал мрачен и молчалив; сидит себе да покуривает из маленькой трубочки; он также на свободе читает Марлинского и говорит, что очень хорошо; в экспедицию он больше не напрашивается: старая рана болит! Казачки его не прельщают, он одно время мечтал о пленной черкешенке, но теперь забыл и эту почти несбыточную мечту. Зато у него явилась новая страсть, и тут-то он делается настоящим кавказцем...

Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств. Знает, какой князь надежный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь. Он легонько маракует по-татарски; у него завелась шашка, настоящая гурда, кинжал — старый базалай, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает, лошадь — чистый шаллох и весь костюм черкесский, который надевается только в важных случаях и сшит ему в подарок какой-нибудь дикой княгиней. Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия...

Он равно в жар и в холод носит под сюртуком ахалук на вате и на голове баранью шапку; у него сильное предубеждение против шинели в пользу бурки; бурка его тога, он в нее драпируется; дождь льет за воротник, ветер ее раздувает — ничего! бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова, не сходит с его плеча, он спит на ней и покрывает ею лошадь; он пускается на разные хитрости и пронырства, чтобы достать настоящую андийскую бурку, особенно белую с черной каймой внизу, и тогда уже смотрит на других с некоторым презрением...»

Новые хлопоты бабушки и бесспорное отличие в службе позволили Лермонтову получить двухмесячный отпуск в Петербург. Общество упивалось его рассказами о кавказских приключениях, зачитывалось новыми его произведениями, завистники и соглядатаи писали на него доносы, а генералы вновь ходатайствовали о награждении поручика. Однако император был строг и последователен: вместо награды, прощения и разрешения выйти в отставку он повелел, чтобы Лермонтов «состоял налицо на фронте» и ни под каким видом больше не покидал полк.

Возвращаясь на родной уже Кавказ, Лермонтов с горечью написал:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,

И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

На этот раз Лермонтов ехал на Кавказ неохотно, подолгу задерживаясь в пути, будто предчувствуя и стараясь отсрочить свой роковой час. Добравшись до Ставрополя, он решил изменить маршрут. Сопровождавший его А. Столыпин убеждал не гневить начальство, но подброшенная монета решила судьбу Лермонтова — выпало ехать в Пятигорск. Там он надеялся выхлопотать разрешение лечиться водами от лихорадки, якобы подхваченной в дороге. Ему разрешили. Пятигорск ожил, поглядеть на знаменитость съезжались отовсюду. Гвардейская молодежь расслаблялась после боевых будней отнюдь не минеральными водами. Завертелась упоительная курортная жизнь.

«Лермонтов был душой общества и делал сильное впечатление на женский пол. Стали давать танцевальные вечера, устраивать пикники, кавалькады, прогулки в горы», — вспоминал Н. Лорер. Однако острый на язык Лермонтов, сам того не заметив, создал себе и партию тайных врагов, считавших его выскочкой и несносным задирой и ожидавших, что непременно найдется желающий проучить дерзкого поэта. Поводов было предостаточно. Бывший однокашник Лермонтова майор в отставке Н. Мартынов появлялся в обществе в нелепом подобию горца, с пистолетами за поясом, плетью на плече и даже с обритой головой. Лермонтов не раз выставлял его шутком и совершенно извел насмешками, на которые Мартынов не находил, что ответить. Когда же в присутствии дам Лермонтов откровенно поднял Мартынова на смех, тот вызвал обидчика на дуэль. Дуэли были запрещены, секунданты пытались предотвратить поединок, но Мартынов настоял на своем. В назначенный час дуэлянты стояли у барьера. Были нарушены важнейшие статьи дуэльного кодекса, но Лермонтова это не интересовало, он объявил, что стрелять не будет. Мартынов сначала не решался стрелять, но затем прицелился в Лермонтова, гордо скрестившего руки, и нажал на курок. Лермонтов, получив смертельное ранение, упал. В нарушение того же кодекса врача на месте дуэли не было. Остальные участники, один за другим, уехали в Пятигорск. Туда же отбыл и перепуганный секундант Глебов, накрывший

Лермонтова своей шинелью и оставивший умирающего лежать под разразившейся грозой. Почти в точности сбылось предсказание поэта:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь сочилась моя.
Лежал один я...

Только через четыре часа Лермонтова привезли в Пятигорск. Он скончался по дороге.

Город наводнило невиданное количество зевак и жандармов в голубых мундирах. Духовенство не решалось хоронить Лермонтова на кладбище, как самоубийцу. Священник Эрастов спрятался с ключами от церкви. Похоронив поэта в могиле на краю кладбища, его друзья бросились искать участников дуэли: Мартынова — чтобы вызвать на дуэль, а остальных, чтобы расправиться за нарушение всех правил, приведшее к убийству. Однако все соучастники уже сидели под арестом. Это их и спасло.

Начались волнения. Ходили слухи, что Мартынов — подставное лицо. Сравнивали гибель Лермонтова с гибелью Пушкина. Особо опасные элементы были задержаны жандармами и высланы из Пятигорска к местам службы. Было немало и тех, кто тайно благодарил Мартынова. Тот же священник Эрастов, как писал А. Попов, позже злорадствовал: «Мало, что убили! А кто виноват? Сам виноват! От него в Пятигорске никому проходу не было. Каверзник был, всем досаждал. Поэт, поэт!.. Эка штука! Всяк себя поэтом назовет, чтобы другим неприятность наносить...»

Через полгода прах Лермонтова был перезахоронен в Тарханах.

Поэтический Кавказ лишился своего преданного сына, сделавшего этот удивительный край одним из очагов русской культуры. Мартынов отделался трехмесячной гауптвахтой и покаянием, секунданты были прощены. Так император отблагодарил палачей русской поэзии.

Часть третья
ИМПЕРИЯ СВОБОДЫ

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ

Зимой, как правило, военные действия в горах не велись. Дороги, и без того опасные, покрывались снегом и становились труднопроходимыми. Гарнизоны запирались в крепостях, приводя в порядок амуницию и вооружение, части пополнялись новыми силами, а начальство отправлялось в Петербург докладывать царю о состоянии дел и утверждать планы военных кампаний на следующий год.

На этот раз похвастаться было нечем. Оставалось лишь преувеличивать успехи, валить вину за неудачи на других да просить денег и подкреплений, обещая в новом году окончательно усмирить горцев.

Шамиль был занят другим. Война шла на несколько фронтов, потери обнажали несовершенство военного управления, ополчение было плохо организовано для ведения постоянных боевых действий против регулярных войск. Необходимо было завершить военную реформу, придав войскам Имамата четко организованную структуру. При этом учитывались как местные особенности, так и опыт управления войсками в царской армии, который теперь был хорошо знаком горцам.

Свое войско, состоявшее примерно из 15 тысяч мюридов, Шамиль реорганизовал в регулярную армию, разделив ее на тысячи, полутысячи, сотни и десятки с назначением командиров. Теперь у Шамиля были и генералитет, и старший офицерский состав, и другие командиры.

Служба в армии имама считалась делом благородным и была мечтой молодых горцев. Но брали не всех. Кандидаты подвергались суровым испытаниям. Десять дворов выставляли одного — самого лучшего воина с конем и полным вооружением. Дальше заботу о содержании воина и его семьи брал на себя Имамат. В отличие от царской армии горцы обходились без обозов. Это делало их части мобильными и избавляло от многих военных неудобств. Сушеное мясо, сыр, кукурузные лепешки или горсть жареной муки в карманах за пазухой составляли обычное «меню» воюющего горца. Бараны и хлеб для войска поставлялись за счет особого военного фонда «Ибн-Сабль». К тому же местное население всегда было готово поделиться с мюридами всем необходимым.

Регулярные войска состояли из кавалерии и пехоты. Было создано и ополчение со своими командирами. В экстренных случаях происходила всеобщая мобилизация.

Для упорядочения воинских учреждений Шамиль издал и

специальный низам (указ), ставший воинским уставом для всех — от наибов до рядовых.

Кроме гражданского и военного устройства, низам определял, каким должно быть отношение наибов к гражданам: «Ты не склоняйся ни в сторону насилия, ни в сторону насильников. Гляди на своих людей глазами милосердия и заботы. Смотри за ними, как жалостливый к своим детям отец, управляй ими на основе справедливости и совести, не приближай к себе никого из-за дружбы и приятельства и не отдаляй никого из-за вражды. Будь для старшего сыном, для равного — братом, а для младшего — отцом. Тогда ты не найдешь в своем округе врага. Если ты будешь вести себя противно тому, что я говорю, если будешь вести себя несправедливо к народу, то вызовешь на себя прежде всего гнев Всевышнего, а затем гнев мой и народа. Твое дело тогда обернется плохо».

Низам вводил также принципы гуманного отношения к пленным, населению завоеванных территорий и строго ограничивал использование природных ресурсов в военных надобностях: «Когда победите неверных, не убивайте ни стариков, ни женщин, ни детей; не жгите ниву, не рубите деревья, не режьте животных (кроме тех случаев, когда они необходимы вам для пищи), не обманывайте, когда вы находитесь во взаимном перемирии, и не нарушайте мир, когда вы заключили его».

ОРДЕНА И ЗНАМЕНА

Заметным нововведением Шамиля стало учреждение воинских знаков отличия, знамен и наград. Большое влияние на это оказали наибы Ахбердилав и особенно Юсуф-Хаджи, в тонкостях изучивший наградную систему в Турции. Первые наградные знаки появились в Чечне. В одном из донесений Граббе говорилось: «Давно уже до меня доходили слухи, что Шамиль для поощрения наивов, отличившихся в скопищах своих, раздает им знаки отличия вроде наших орденов и старается вводить некоторую правильность между своими полчищами. Высшей наградой среди мюридов считался военный знак отличия».

Были специальные знаки и для трусов. «Трусость никогда и никого не спасала», — говорил Шамиль и приказывал пришивать на спину провинившимся кусок войлока или медную бляху, пока воин не искупал вину достойным образом. К проявившим слабость наibaм Шамиль был особенно суров. Одному из них он отсек в наказание ухо. Но когда узнал, что наиб проявил чудеса храбрости в тяжелом бою, то велел мастерам сделать ухо из золота и преподнес его герою на серебряном блюде.

Награды Шамиля уникальны не только в историческом смысле, но замечательны и в художественном отношении. Их создавали дагестанские ювелиры из серебра с позолотой, чернью, зернистой сканью. Полузвезды для генералов, треугольные медали для трехсотенных командиров, круглые для сотенных, особые награды, эполеты, сабли с темляками (кистями на рукоятке) за храбрость и другие знаки отличия украшались надписями на арабском языке. Надписи эти тоже были весьма разнообразны, порой они содержали и имена награжденных. «Это — герой, искусный в войне и нападающий в битве как лев» — можно было прочитать на медали храбреца. Сам Ахбердилав имел серебряный орден с надписью «Нет человека храбрее его. Нет сабли острее, чем его сабля», а также темляк за свою неустрашимость. Имам Шамиль, имевший титул Амир аль-муминин (повелитель правоверных), орденов никогда не носил.

Л. Толстой в «Хаджи-Мурате» писал: «Вообще на имаме не было ничего блестящего, золотого или серебряного, и высокая, прямая, могучая фигура его, в одежде без украшений, окруженная мюридами с золотыми и серебряными украшениями на одежде и оружии, производила то самое впечатление величия, которое он желал и умел производить в народе».

Особо почитаемы были в войсках Шамиля знамена и вымпелы

различных цветов, размеров и назначений. На многих знаменах были надписи. Обычно это были призывы, изречения или отдельные суры из Корана. На белом двухконцовом знамени первого имама Гази-Магомеда было написано: «О Аллах! Даруй нам победу над неверными! О кроткий! О милостивый! О Вездесущий!» На зеленом трехконцовом знамени второго имама Гамзат-бека было начертано: «Среди ужасов битвы не слабей духом ни одной минуты. Будь тверд перед опасностями, смерть не приходит раньше часа, назначенного волей Всевышнего». На бело-красном двухконцовом знамени Хаджи-Мурада — «Помощь от Бога и победа верна». На знаменах наибов и других предводителей можно было прочесть: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед Его Пророк», «Божья рука — выше всех рук» или «Не каждый воин достоин ездить на коне, не каждая рука достойна держать копье. Достоин похвал тот храбрый воин, который бросается в битву с пылкостью льва».

КНЯЗЬ ОРБЕЛИАНИ

Целью военной кампании 1842 года стало овладение столицей Имамата — Новым Дарго в горах Ичкерии. Граббе начал собирать силы, надеясь сделать эту экспедицию решающей.

Но из Хунзаха не переставали поступать тревожные вести. Ахмед-хан, обложенный в столице Аварии Хаджи-Мурадом, требовал помощи. Со дня на день ожидали падения Хунзаха. Надеясь удержать Аварию от полного перехода в руки Шамиля, туда в феврале был направлен отряд Фезе.

Шамиль встретил генерала на подступах к Хунзаху, у аула Гергебиль. Разгорелся бой, после которого Шамиль отступил. 7 марта Фезе вошел в Хунзах. Казалось, цель экспедиции была достигнута. Но тем временем Шамиль обошел Фезе и захватил один из главнейших стратегических пунктов царских войск КазиКумух, жители которого подняли восстание и присоединились к имаму. Они же тайно открыли ворота укрепления, обеспечив его внезапный захват.

Здесь Шамиль взял множество пленных, богатые трофеи и заложников от ханского дома, которые должны были гарантировать по крайней мере лояльность местных правителей к Шамилю. Заложников отправили в Анди, но затем отпустили.

Среди трофеев были захвачены два знамени, которые пожаловал казикумухским ханам еще Паскевич за удержание края в спокойствии во время Персидской войны.

В числе знатных пленников оказался подпоручик князь И. Орбелиани. Отец его тоже побывал в плену, только у персиян. Орбелиани мог бы принять свою беду как родовой знак судьбы, если бы знал, что ждет в будущем все его семейство.

Пленников повели к Шамилю. Миновав многочисленных телохранителей, глядевших на офицеров с нескрываемой ненавистью, они предстали перед имамом, который поразил их добродушной улыбкой, пронизательным взглядом и молодой осанкой. Весь облик его и эффектный наряд, в котором чалма праведника соседствовала с хорошим оружием, показался пленникам воплощением мужества и красоты.

Шамиль молчал и только доброжелательно улыбался, глядя на пленников. Орбелиани решился начать первым: «Шамиль! Исполняя свои обязанности, мы попали в плен... Теперь мы в твоих руках. Реши скорее участь нашу. Объяви, что ждет нас: смерть, плен или свобода?»

Шамиль отвечал, что теперь занят и что решение его пленники узнают в свое время.

Пленных увели и заключили под арест в соседнем доме. На другой день их вновь привели к Шамилю, который теперь был уже не так благодушен. Он объявил, что отпустит пленных в Тифлис, если царь вернет ему сына Джамалуддина, взятого в аманаты при Ахульго. В противном случае Шамиль обещал изрубить их и отправить в ад. Орбелиани ответил имаму с откровенной прямоотой, что условия его невыполнимы и требовать можно лишь того, что могут исполнить родные или начальство пленных. Орбелиани считал, что за них могут дать несколько пленных мюридов, но сына не вернут.

Пленных отвели за аул и поставили у стены. Все было готово к расстрелу. Орбелиани и его товарищи не стали просить о пощаде. В последнее мгновение расстрел отменили. За проявленное мужество горцы прониклись к пленникам особым уважением.

Смелость Орбелиани понравилась Шамилю и сослужила пленнику хорошую службу в будущем. Шамиль обещал не казнить пленников и вернуться к этому разговору позже, а пока велел отправить их в свою резиденцию в Дарго, куда направлялся и сам.

Лошадь князя приглянулась одному из конвоиров, и тот бесцеремонно ссадил с нее пленника. Но тут на мародера налетел разгневанный помощник Шамиля Юнус, тот самый, который отводил к Граббе имамского сына-заложника. Конвоир не хотел отдавать коня и даже вскинул винтовку, но был повергнут на землю и изрублен мюридами. Коня Орбелиани вернули, и процессия двинулась дальше.

В Дарго Шамиля встретили пением гимна «Ла-ильлаха-иль-алла» («Нет Бога кроме Аллаха»), поздравлением с большой победой, закланием жертвенных баранов и пиром.

Отчасти в пире участвовали и пленники. Но затем судьба их резко переменилась. Их отвели на окраину Дарго и спустили в яму, которая и стала их темницей на несколько месяцев. Ночью верхние дверцы ямы запирались на замок. Над самой ямой было устроено караульное помещение. Однажды ураган обрушил это строение и узники остались почти без воздуха. Они бы задохнулись, не успей местные жители их спасти.

Над ямой построили новую, более прочную караульную. Но пленников по-прежнему поднимали из ямы, только чтобы написать очередное письмо начальству с прежними условиями Шамиля или представить знатным наibaм. Эти знакомства, описанные впоследствии Орбелиани, стали едва

ли не единственными документами, содержащими портреты главных на то время наивов.

«Таким образом, — вспоминал Орбелиани, — познакомился я с некоторыми из сподвижников Шамиля.

Ахверды-Магомед (Магомед Ахбердилава), мужчина среднего роста, около сорока лет, в чертах которого отображаются доброта и хладнокровие. Плотное телосложение показывает силу и здоровье, он одевается лучше прочих чеченских начальников. В горах славятся мужественная его храбрость, неутомимая деятельность и удачные набеги.

Шуемб (Шугаиб) небольшого роста, лицо смуглое с небольшими рябинками, ловкий во всех приемах и в особенности верхом. Он известен как человек с хитрым и бойким умом, как отличный рубака, лихой наездник и искусный предводитель в бою.

Улу-Бей (Уллубий) молодой человек, не более двадцати пяти, много тридцати лет, хорош лицом и сложением. Смелые набеги и отличная храбрость поставили его наряду с предыдущими...

Как Улу-Бей, так и Шуемб имели на груди, выше патронников, серебряные пятиугольные звезды».

Двое последних наивов обещали, что после Орбелиани Шамиль доберется и до Ключенау с Граббе, а затем возьмет Тифлис и самого царя. И посадит в ту же яму еще много знатных персон, чтобы Орбелиани не скучал.

Ахбердилава говорил с пленными отдельно. Он объяснил им, как дорог Шамилю его старший сын, а потому он и держит пленных впроголодь в столь стесненных условиях, чтобы они писали письма поубедительнее. Он считал, что они, как люди военные, не должны терять твердости духа и терпения. А большей частью советовал не унывать и уповать на Бога, который спасет их, если ему это будет угодно.

В виде лучшего примера он приводил все того же Шамиля и самого себя, которые перенесли столько бедствий и множество раз бывали в когтях у смерти, но остались живы и здоровы.

Пленные благодарили наива за душевное участие и просили лишь добавить им еды, что Ахбердилава и обещал исполнить. На прощание он дал пленникам два рубля серебром, что было в их положении целым состоянием.

Пленники решились бежать. Для этого они несколько недель рыли палками проход в боковой стене. Дождливой ночью они выбрались из ямы и разошлись в нескольких направлениях. Орбелиани с рядовым Загорским и еще одним казаком решили идти окружными дорогами в Чиркей. Другие

выбрали более короткие пути к укреплениям Герзель-аул и Внезапной.

Орбелиани с товарищами сбились с пути. Едва живые от голода, они блуждали несколько дней. Когда их настигли, они пытались отбиваться дубинами. Орбелиани удалось уйти, тогда как друзья его были схвачены. Он шел еще несколько дней, пока не лишился чувств. Очнувшись, он нашел себя среди пастухов. Орбелиани предложил им 100 рублей серебром, если они доставят его в Чиркей. Но его доставили обратно в Дарго, в ту же самую яму, из которой он бежал, но значительно более укрепленную. Там его уже ждали другие беглецы. Уйти удалось лишь тем, кто направился к Герзель-аулу. Пленных сковали большой мельничной цепью, которая не позволяла им даже встать.

Убедившись, что сына на этот раз не вызволить, Шамиль пошел на переговоры об обмене. Переговоры шли трудно, несколько раз откладывались, но в конце концов пленным решено было обменять на двух мулл, содержащихся в Тифлисе, тринадцать пленных мюридов и девять женщин, мужа которых погибли при Ахульго.

На решение Шамиля весьма повлиял почитаемый им тесть шейх Джамалуддин Казикумухский, который задолго до окончания переговоров взял над пленными особое попечительство, считая это делом богоугодным. Накануне обмена шейх привел пленных в свой дом, накормил и велел перевязать их раны. На прощанье шейх сказал Орбелиани: «Теперь мы с тобой кунаки. Приезжай к нам, когда захочешь, и ты всегда будешь в совершенной безопасности и принят как свой».

28 ноября, после девятимесячного плена, Илико Орбелиани был передан его сослуживцам.

РАСПЛАТА ЗА АХУЛЬГО

Отбивать столицу Казикумухского ханства спешно прибыл генерал князь М. Аргутинский-Долгоруков во главе Самурского отряда, располагавшегося на южной границе Дагестана. Происходивший из грузинских князей и замеченный еще Ермоловым, Аргутинский-Долгоруков хорошо знал Кавказ, тактику горцев и тонкости горной войны. Храбрый, напористый и хитроумный, он участвовал во многих экспедициях и часто брал верх, за что горцы прозвали его «Самурским вепрем». Генерал вытеснил мюридов из Кумуха, но сам оказался окруженным отрядами Хаджи-Мурада и Ахбердилава.

Несколько дней шли позиционные бои, пока не выяснилось, что Шамиль с основными силами вернулся в Чечню. Его разведка сообщила о движении к Дарго большой колонны неприятеля. Замысел Граббе, состоявший в том, чтобы отвлечь основные силы Шамиля в Дагестан, а самому форсированным маршем захватить Дарго, провалился. Его десяти тысячный отряд с огромным обозом растянулся на несколько верст. Камнепады в тесных ущельях и непроходимые завалы в лесах, непрерывные нападения горцев и необходимость защищать сам обоз привели к тому, что за три дня тяжелых боев Граббе удалось продвинуться лишь на 20 верст, обоз был полон ранеными, а контроль над отрядом окончательно потерян. Мюриды и ополченцы, которыми руководил наиб Шугаиб Центороевский, яростно атаковали со всех направлений, угоняли лошадей, захватывали пленных и возводили все новые и новые завалы.

Не дойдя до Дарго около 12 верст, Граббе, под угрозой полного разгрома, был вынужден повернуть назад. На обратном пути его уже ждали Шамиль и тяжелая расплата за Ахульго. Повторились все ужасы лесного боя, в котором горцы теперь имели явное превосходство.

4 июня остатки отряда вернулись обратно в Герзель-аул, потеряв убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 1800 человек, в том числе 66 офицеров, оставив одно оружие и весь огромный обоз.

Не желая признавать своего поражения, Граббе организовал новую экспедицию, теперь уже в Дагестан. Результаты ее были менее масштабными, но такими же плачевными.

ВИЗИТ ВОЕННОГО МИНИСТРА

Шамиль возвысился чрезвычайно. Слава о его победах облетела весь Кавказ, будоража пока еще «мирных» горцев.

Обескураженный Граббе вернулся в Темир-Хан-Шуру, заперся в крепости и ожидал нового удара — теперь уже из Петербурга. И он не заставил себя ждать.

Терпению императора пришел конец. Лучшие войска и реки денег исчезали в ущельях Кавказа. Общество глухо роптало, а на политической репутации мировой державы зияли прорехи от горских кинжалов. Английская агентура норовила вновь взбунтовать черкесов. Турки мечтали вернуть утраченное влияние, и даже египетский паша строил возмутительные кавказские планы, засылая к Шамилю своих людей с сочувственными письмами.

Положить конец кавказским неурядицам было поручено военному министру светлейшему князю генерал-адъютанту А. Чернышеву.

Ветеран Наполеоновских войн хорошо знал тактику партизанских войн, так как сам прославился блестящими успехами в тылу французских войск и даже занял в 1813 году город Кассель.

Николай I так его ценил, что в день своей коронации возвел в графское достоинство, а вскоре назначил и военным министром.

Учинив тщательнейшую ревизию, Чернышев нашел, что принятая система экспедиций никуда не годится и только подрывает основы прежних завоеваний. Предложить же новую, более эффективную систему командование на Кавказе было не в состоянии. Командиры не успевали за меняющейся обстановкой, восстание в горах набирало невиданную силу, и «закидать горцев шапками», когда не помогали пушки, было уже невозможно. Справедливо рассудив, что «лучше синица в руках, чем журавль в небе», Чернышев решил повременить с военными действиями, пока в Генеральном штабе не выработают новую стратегию. Войскам предписывалось занять оборону и удерживать все, что еще можно было удержать. Олицетворявшие старую систему командиры были смещены. Главнокомандующего на Кавказе генерала от инфантерии Е. Головина заменил генерал от инфантерии А. Нейдгардт. Та же участь постигла и П. Граббе, вместо которого командовать войсками Кавказской линии был назначен генерал-лейтенант В. Гурко.

После возвращения Чернышева был создан особый «Кавказский

комитет», который кроме военного планирования принялся за проекты переустройства системы управления на Кавказе. Чернышев полагал, что старая система, введенная еще Ермоловым, пала жертвой мздоимства и злоупотреблений чиновников, превративших Кавказ в изощренный механизм наживы. И что этим административным мошенникам и дела не было до государственных интересов, не говоря уже об интересах горских народов. Именно в разрушении традиционного уклада жизни и неэффективности новых способов управления Чернышев увидел причину бесконечных волнений по всему Кавказу, когда восставала даже бывшая аристократия. Разрушение прежней системы управления, правовой хаос, нарушение традиционных экономических связей, неуважение к традициям и обычаям народов Кавказа, как считал Чернышев, объединили горцев и расчистили путь мюридизму — единственной силе, предлагавшей закон, порядок, свободу и справедливость. Систему правления Шамиля Чернышев объявил республиканской, за которой всем стал мерещиться новый Наполеон.

Комитет предлагал не полагаться только на силу оружия, но начать серьезное изучение истории и культуры народов Кавказа, этнографии и языков, традиций и обычаев, правовых систем.

Было положено начало многочисленным исследованиям и публикациям материалов по истории Кавказа и его народов. Акты Кавказской археографической комиссии, Археолого-этнографические сборники, Сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа, переводы Корана и религиозных трактатов, эпоса и фольклора, своды законов и множество других материалов начали систематизироваться в архивах, издаваться в Тифлисе и Петербурге в специальных журналах и обычных газетах. Эти издания стали уникальными источниками сведений о горцах Кавказа.

В Петербурге понимали, что дали Шамилю передышку, но никто не мог предположить, что пока в Генеральном штабе изобретут новую систему покорения горцев, на Кавказе сменится целая историческая эпоха.

«СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ КАВКАЗА»

К началу 1843 года имам Шамиль сделался повелителем гор. Власть его распространялась на огромную территорию, равную почти тысяче километров в окружности и населенную полумиллионом человек.

Были еще неподвластные имаму общества, кое-где ошетинились царские гарнизоны, но их покорение или уничтожение было уже вопросом второстепенным. Шамиль думал теперь о будущем всего Кавказа.

Военные успехи требовали политического оформления. На фундаменте, заложенном первыми имамами и многолетним правлением самого Шамиля, предстояло возвести государство свободных людей.

О таком государстве во все века мечтали светлые умы человечества, таковым представлялись древнегреческие полисы, хотя рабство было их основой, к этому призывали ранние христиане, о такой идеальной общине в своем «Городе солнца» грезил, сидя в темнице, Кампанелла, то же обещал в будущем К. Маркс. Однако действительного живого примера справедливого государственного устройства, основанного на абсолютном равенстве и свободе, человеческая цивилизация еще не знала.

Не знал этого и Шамиль, и это было его преимуществом. Зато он ясно сознавал, что история предоставила горцам великий шанс изменить свою трагическую судьбу.

Создание единого и независимого государства горцев было заветной мечтой Шамиля. Но это оказалось весьма непростым делом. В «Соединенные штаты Кавказа» вошли часть Дагестана, почти вся Чечня, отдельные области Северо-Западного Кавказа. И повсюду были самые разные правовые нормы, традиционные предпочтения, интересы и жизненные уклады, которые во многом определялись географическими и природными различиями. Сверх того, фантастическое разнообразие племен и народов, каждый из которых говорил на своем особенном языке и имел к соседям свои претензии по поводу земель, пастбищ и водных ресурсов, бесконечно усложняло и без того трудную задачу их объединения в единое государство с равными правами для всех.

Но только так можно было отстоять свободу, защитить родину от непрерывных покушений великих держав, сделать жизнь горцев светлой и благополучной. Не так уж много хотели горцы. И уже достаточно жертв принесли на алтарь своей великой мечты.

Размышляя о принципах государственного строительства, Шамиль

обратился к своей библиотеке, которую некогда укрыл в тайнике на Ахульго и которую теперь доставили ему в Дарго.

Опираясь на почтенную науку и сообразуясь с реалиями жизни, Шамиль положил в основу государственного устройства естественные потребности населения, общие для всех цели и природный характер горцев.

Равенство и свобода были внутренней потребностью горцев. Однако многие воспринимали их как нечто чудесное и несбыточное. В реальной жизни им зачастую отводилась роль дорогой черкески, надеваемой лишь по особым торжественным случаям. Таким людям и даже целым обществам Шамиль и его мюриды убедительно объясняли, что «чудесные» понятия могут иметь вид вполне реальных кинжалов и винтовок. И очень скоро свобода и равенство сделались для всех такой же естественной необходимостью, как хлеб и вода.

Правление Шамиля с определяющей ролью религии в жизни Имамата все более обретало черты теократии. И в чем-то напоминало правление папы римского — главы римско-католической церкви и государства Ватикан. Но в глазах горцев это было подобием того, как Пророк Мухаммед воздвиг и возглавил первое мусульманское государство в Аравии. Многие даже пророчили Имамату силу и гигантские завоевания Арабского халифата. Шамиль этих планов не разделял. Он лишь надеялся в будущем, если представится возможным, расширить границы Имамата до естественно возможных пределов — от Каспийского моря до Черного, по Кавказскому хребту, где издревле жили горцы.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

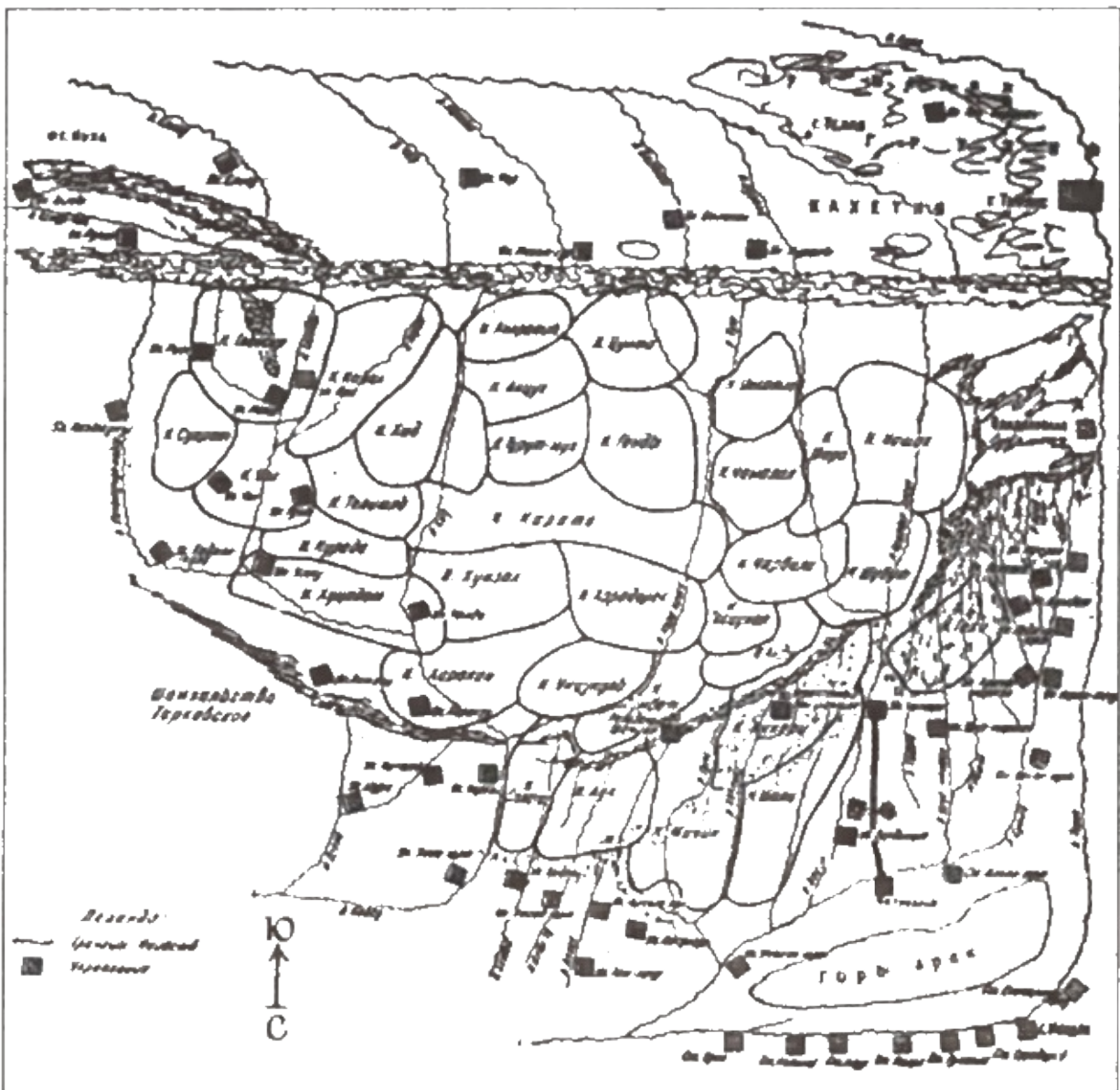
Наведя в горах относительный порядок, Шамиль принялся за укрепление государственных органов управления и введение единой правовой системы.

В полную силу заработал обновленный Государственный совет (Диван-хана), состоявший из известных ученых, военачальников и других выдающихся личностей. Возглавлял Госсовет сам имам Шамиль. Здесь решались дела государственной важности, обсуждались необходимые реформы, территориальные вопросы, выносились судебные решения по самым сложным делам. Деятельность Госсовета и права его членов регулировались особым уложением. Для решения вопросов общегосударственного масштаба созывались специальные съезды наибов, ученых и других влиятельных людей.

УПРАВЛЕНИЕ ИМАМАТОМ

В целях эффективного управления государством Шамиль разделил его на наибства — территории, границы которых соответствовали расселению народов и обществ, а не произволу прежних владельцев. Для решения этого вопроса было созвано специальное совещание в селе Анди. Учитывая сложность этого мероприятия, Шамиль приглашал наибов, ученых и законовевдов «посоветоваться относительно того, что для нас лучше всего в этой жизни и в будущей».

Всего было учреждено более 50 наибств, которые, в свою очередь, делились на участки. Наибами (губернаторами) были люди, как правило, ученые, известные умом и отвагой, проявившие административные способности и заслужившие уважение народа.

Карта Имамата Шамиля

Наибов назначал сам Шамиль, исходя из соображений государственной пользы и учитывая пожелания населения. Зачастую жители отдельных районов сами просили Шамиля назначить к ним наиба по своему усмотрению. «...Мы поставили над вами нашего брата, алима и адиба Гебека, — сообщал Шамиль жителям Салатавии. — Так слушайте же

его и повинуйтесь ему. Кто повинуется ему, тот повинуется мне, а кто не подчиняется ему, тот не подчиняется мне. И мир».

Среди самых известных наибов тогда и позже были Магомед Ахбердилав, Кебед-Магома, Шугаиб, Байсунгур, Хаджи-Мурад, Дуба, Талгик, Инкав-Хаджи (Глухой Хаджи), Бук-Магомед, Геха, Ташов-Гаджи, Инквачилав, Айдемир, Нур-Магомед, Эски, Уллубий, Муртазали, Абакар-Хаджи, Газияв, Идиль, Батуко, Магомед-Амин, Магомед-Кади, Абдурахман-Дибир, Галбац, Даниял-бек, Гази-Магомед (сын Шамиля), Гамзат, Сааду, Хаджияв, Идрис.

Наделенные большими правами, наибы не могли только вводить новые законы и начинать большие военные кампании, это было делом имама и Государственного совета.

Наибы заведовали военными и гражданскими делами, творили суд и расправу. Шамиль доверял своим наibaм, в которых видел искренних своих сподвижников и преданных сыновей народа. Тем же, кто приходил к Шамилю жаловаться на действия наибов, он отвечал: «Твой наиб потому сделан наibaм, что он умный, честный и ученый человек; к тому же он разбирает твое дело и знает его лучше меня. Стало быть, оно решено по справедливости. Ступай себе с Богом».

Наибу Баширу, ставшему жертвой клеветы, Шамиль писал: «О благородный брат, никогда не думай, что я помышляю относительно тебя, поверив словам доносчиков, клеветующих на тебя. Я испытал на себе деяния людей с давних пор и понял, что многие из них поступают как собаки, волки, лисы и дьявол-искуситель. Приободришься. Распоряжайся в своем вилайате, руководствуясь высокочтимым шариатом. Запрещай им неприличные дурные поступки и распутство. Избавь себя и семью свою от того, что ненавистно твоему Господу — и люди будут довольны тобой».

Не уставал имам наставлять своих помощников и стихами из Корана: «И помогайте одни другим в благочестии и богобоязненности, но не помогайте в грехе и вражде...» (5:2), «Будьте справедливыми — это ближе всего к богобоязненности» (5:11).

Поначалу наибы выносили и смертные приговоры, но так как имущество казненного поступало в распоряжение наiba и это могло привести к корыстной подоплеке приговора, Шамиль принял утверждение таких приговоров на себя.

Наибы также заботились о безопасности территории и благосостоянии населения, набирали войска, которыми сами же и командовали, заготавливали продовольствие, собирали налоги, строили дороги и крепости, содержали школы и нуждающихся горцев. Они же выдавали

специальные пропуска для проезда из одного наибства в другое.

Судебные уголовные дела были поручены муфтиям — высшим духовным лицам наибств и их помощникам кадиям — ученым, знавшим шариат и свой народ. Назначая кадия в село Короды, Шамиль напутствовал его так: «...направляй их на благо двух миров, распространяя среди них свет сути шариата — всенепременно».

Приговоры утверждал наиб, а исполняли их мюриды. Но бывали случаи, когда за дело брался сам Шамиль.

Существует предание, что однажды представители общества, попавшего под власть царского командования и не имевшего сил к сопротивлению, попросили мать Шамиля убедить его, чтобы тот или защитил их, или разрешил им сделаться «мирными». Разгневанный имам объявил, что предательство карается по меньшей мере сотней палочных ударов и что исключений не будет ни для кого. Потрясенное население с ужасом ожидало исполнения приговора над старой женщиной. Экзекутор не посмел сильно бить старую женщину, но и после пяти его ударов та лишилась чувств. Тогда Шамиль взял остальные удары на себя и объявил экзекуторам, что отрубит им руки, если они будут бить его не в полную силу. Виновники столь впечатляющего события уже прощались с собственной жизнью, но Шамиль отпустил их, велел передать всем то, что они увидели и слышали. После этого никто уже и не помышлял о решении своих проблем подобными способами. Этот случай приводит в своей книге М. Гаммер, память о нем сохранилась также в народных преданиях в различных вариантах.

Наказания были самые разные. Некоторые из них совмещали в себе назидание и развлечение для горцев. За курение табака в носу виновного проделывали дырку и продевали в нее веревку, на которую нанизывали трубку или табачные листья. Точно так же подвешивали к носу вора украденную вещь, если кража случалась впервые и была незначительной. При повторении преступления воров ожидало куда более строгое наказание, вплоть до отрубания руки и даже казни. Пьяниц окунали в чан с вином, пока они не начинали захлебываться, при этом остальные осыпали грешников грязью и коровьим пометом. Были и более позорные наказания, об одном из которых свидетельствует письмо Шамиля: «...Провези ее по всему селению, посадив верхом на осла и вымазав ей лицо сажей, прикажи бить ее без пощады ногами, а затем прогони из села как подлую собаку — без всякого снисхождения».

При наибах состояли дибирь, управлявшие отдельными участками наибства. Им подчинялись выборные старшины сел, руководившие, в свою

очередь, делами джамаатов (сельских общин).

В ведении дибиров находились и татели, следившие за общественной нравственностью, точным исполнением предписаний религии и недопущением действий, вредных для безопасности государства. Они же приводили в исполнение приговоры, предусматривавшие телесные наказания. Причем за каждый удар палкой сверх назначенного количества татель мог подвергнуться десяти ударам рукою наказуемого.

Стать наибом мог любой горец, независимо от происхождения, национальности или имущественного состояния. Все зависело от его человеческих качеств и преданности общему делу. Такая демократичность поддерживала в народе уважение к власти и ее учреждениям.

Над несколькими наибствами назначался мудир (генерал-губернатор), представлявший имама и верховную власть.

Такая структура, в которой каждый знал свои права и обязанности, обеспечивала точное выполнение законов и распоряжений властей, регулировала общественную жизнь и соответствовала военным потребностям государства.

Устраивая порядок в обществе, Шамиль позаботился и о введении внешних отличий между разными званиями и должностями.

Отличие это заключалось в цвете чалмы. Кадиям, муллам и другим ученым людям — алимам был присвоен зеленый цвет. Хаджиям — мекканским пилигримам, особо уважаемым в народе, — гранатовый, наибам — желтый и т. д. Сам Шамиль носил белую чалму, как и все простые мюриды. Впрочем, эти головные уборы не были чалмой в ее натуральном виде. Для горцев, занятых войной, это было бы слишком хлопотно и не всегда по средствам. Роль чалмы в горах исполнял кусок кисеи или другой материи, обернутой вокруг обычной папахи.

Для упорядочения деятельности наибов и других должностных лиц Шамиль издал специальный низам.

ПОЛОЖЕНИЕ О НАИБАХ

Глава первая

Должно быть исполняемо приказание имама, все равно, будет ли оно выражено словесно, или письменно, или другими какими-либо знаками, будет ли оно согласно с мыслями получившего приказание, или не согласно, или даже в том случае, если бы исполнитель считал себя умнее, воздержаннее и религиознее имама.

Глава вторая

Должно быть приводимо в исполнение приказание его векиля (представителя) по всем необходимым делам, как, например, выход на войну или на работу, подобно тому, как исполняется приказание самого имама — без лицемерия.

Не исполнивший сего наиб низводится на должность начальника сотни.

Глава третья

Когда в чьем-либо наибстве произойдет несчастье, прочие наибы должны спешить на помощь, как только узнают о том, без замедления, и оказать должную помощь, забыв все враждебные отношения друг к другу.

Не исполнивший сего наиб низводится на должность начальника сотни.

Глава четвертая

Не должно быть оставляемо без взыскания, когда кто будет порицать имама, или этот низам, или службу наибов.

Виновный в таком порицании наказывается выговором при народе.

Глава пятая

Не должно наговаривать (одному набу на другого) перед имамом, хотя бы они знали друг о друге в действительности предосудительные поступки.

Глава шестая

Не должны быть беспечными относительно охранения страны своей и границы днем и ночью, невзирая на то, находится ли граница в опасности

от вторжений неприятеля.

Глава седьмая

Не должны одобрительно относиться к мнению народа, клонящемуся к нарушению порядка в делах необходимых, как то: в постройке оборонительных стен, в защите границ, пресечении неприятелю путей и прочего.

Виновный в этом наиб низводится на должность начальника сотни.

Глава восьмая

Должны удерживать себя и сослуживцев своих от взяточничества, потому что взяточничество есть причина разрушения государства и порядка.

Взятка отбирается, поступок оглашается и виновный арестовывается на 10 дней и 10 ночей.

Глава девятая

Если войска отправятся в какую-нибудь страну с имамом или с тем, кому он поручит предводительство над ними, то они должны идти в порядке, куда поведет их старший, — каждая часть под значком наиба своего, отнюдь не смешиваясь с другими частями.

Нарушитель порядка сего наказывается публичным выговором.

Глава десятая

Если случится, что обстоятельства сражения заставят сделать нападение или обратиться в бегство, то этого не следует делать врассыпную, в беспорядке, и не должны оставлять сзади себя имама, или его поверенного, на произвол судьбы, напротив, должны окружать его и не делать без него ни одного шагу вперед.

Виновный наиб смещается и низводится в рядовые.

Глава одиннадцатая

Когда остановятся в городе, селении или в провинции, то не должны грабить или другим изменническим образом завладевать какою бы то ни было вещью без позволения имама или его векиля.

Виновный наиб низводится на должность начальника сотни.

Глава двенадцатая

Каждый отряд охраняет порученное ему место, и если место открытое,

то защита делается посредством возведения стен и прочего. Наибы не должны уходить из мест, которые охраняют, без разрешения имама или его векиля.

Виновный наиб низводится в рядовые.

Глава тринадцатая

Не должны никогда открывать секреты имама и других (наибов) ни семейству своему, ни братьям, ни мюридам своим, потому что распространение секретов есть одно из главных орудий вреда и нарушения порядка страны, поэтому всеми средствами должно стараться сохранять тайну.

Некто сказал: «Когда будут открыты тайны, то дело дойдет до гибели».

Виновный наказывается 15-дневным арестом.

Глава четырнадцатая

Наибы должны оставить решение дел по шариату муфтиям и кадиям и не входить в разбирательство тяжб, хотя бы были и алимами. Им предоставляется вести дела только военные.

Этим низамом запрещается вручать одному лицу две должности, для того чтобы устранить всякое сомнение народа относительно наива и пресечь всякие дурные и подозрительные помышления о нем.

Виновный наказывается выговором при народе.

Предписание имама всем наивам

Те из вас, которые одобряют этот низам и согласятся поступать по нему, пусть подпишут свои имена и приложат печати свои на этом журнале. Это будет доказательством согласия и пусть каждый из вас снимет копию с этого низама, чтобы хранить и справляться с ней. Если же между вами найдется такой, который не в состоянии будет перенести его трудностей и привести его в исполнение, тот пусть оставит свою должность и сойдет в число простонародья. Это даст нам возможность осмотреться и обратиться к тому, кто способен занять высокий пост наива, который могут занимать только люди истинно храбрые и мужественные.

О делах, подлежащих владению муфтиев и кадиев

В заключение к этим главам нужно прибавить, чтобы каждый законовед, ученый, муфтий и кадий был готов, по первому же движению войска, выступить в поход против неверных. Если не будут сражаться

руками, то пусть сражаются языками: наставляют, предостерегают, побуждают к тому, что Бог обещал сражающимся.

Вместе с тем, зная сколь несовершенна человеческая натура и как трудно обладающим властью удержаться от греховных соблазнов, Шамиль учредил тайную полицию — подразделение мухтасибов, обязанностью которых был негласный надзор за деятельностью наибов, других государственных лиц и положением общества в целом. Периодически Шамиль устраивал инспекционные проверки, заранее извещая об этом наибов. «...Мы договорились, — писал Шамиль, — что будем направлять к вам время от времени надежных посланцев для наблюдения за вами, вашим положением и действиями, а также для проверки ваших усилий в ваших вилайатах. С этой целью мы направили к вам сейчас верного брата нашего, благочестивого Талхата. Слушайте его, повинуйтесь, принимайте его поучения и наставления. Пусть же не обольщает вас ближайшая жизнь, ибо она быстротечна и преходяща. Постарайтесь же извлечь пользу из его присутствия, насколько это возможно. И мир».

Если мухтасибы подтверждали преступность чьих-либо деяний, то за судебным приговором незамедлительно следовали смертная казнь, ссылка, заключение в яму или смещение с должности и крупный штраф.

В особых случаях мухтасибы или специально назначенные мюриды передавали «шамилевское рукопожатие». Отыскав нужного человека, двое одновременно протягивали ему руку, а так как пожать лишь одну из них считалось бы оскорблением для обладателя другой, то преступник вынужден был с извинениями пожимать протянутые руки обеими своими. Тогда мюриды выворачивали его руки назад, повергали преступника на землю и тут же приводили смертный приговор в исполнение. То, что такие приговоры выносились заочно, никого не смущало, так как праведность имама была всем хорошо известна. А наибы лишь утверждались во мнении, что противное Аллаху противно и Шамилю, и воздерживались от искушения испытывать способности мухтасибов.

Лишь для людей, известных своими прошлыми и неоспоримыми заслугами, смертная казнь могла быть заменена ссылкой в «шамилевскую Сибирь». Обычно осужденных отправляли в Читль — аул, расположенный на высокой горе, где была самая длинная зима в Дагестане и почти не проглядывало солнце. В Читль Шамиль сослал ювелира Даудилава «за то, что он изобразил схему дорог, лесов и гор Чечни, чтобы переправить ее русским». Там же размещалось несколько семейств, освобожденных от воинской службы и обязанных охранять ссыльных.

Когда же Шамиль видел, что мухтасибы излишне усердствуют, то

считал необходимым сдержать их рвение:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного.

От имама Шамиля его возлюбленным братьям мухтасибам Каралала — мир вам, милость и благословение Аллаха. Аминь!

А затем. Признав, что этот алим Мухамматилав приносит пользу людям, уединившись в своем доме и взяв на себя обучение ищущих знаний, мы повелели ему делать это. Освободите его от исполняемых среди вас обязанностей вместе с его отцом, дряхлым и немощным, ради успокоения и утешения его. Не стройте же по этому поводу домыслы, ведь Аллах любит делающих добро. И мир».

Смещая одного из своих мухтасибов, Шамиль написал ему: «...Когда дошло до нас, что у тебя появились признаки враждебности, влечение к радостям души и что ты поддался уловкам дьявола, то мы сместили тебя с должности мухтасиба и поставили на твое место нашего брата Шамхала, а ты сиди дома. И мир».

КОДЕКС ШАМИЛЯ

Исходя из потребностей государства появлялись все новые и новые законы, которые затем были собраны в единый Низам Шамиля. Всем понятный и всеми признаваемый, он стал конституцией Имамата и вошел в историю под названием «Кодекса Шамиля». Этот кодекс, не имевший аналогов в мировой истории, так поразил К. Маркса, что он назвал Шамиля «отчаянным демократом».

Низам был основан на шариате, некоторые неясные положения которого Шамиль развил и уточнил применительно к потребностям государства и его граждан. Все остальные законы и адаты, противоречившие Низаму, были упразднены. Разночтения в исполнении самого шариата Шамиль также привел в единообразие. Блуждания между различными толкованиями некоторых установлений шариата, которые Шамиль называл «несколькими дорогами», могли сбить с истинного пути не очень образованного или корыстного муллу. Чтобы пресечь возможность злоупотреблений, Шамиль сам определил «верный путь» и велел следовать ему всем остальным. При этом имам утверждал, что в самом шариате он ничего не изменил, ибо невозможно изменить то, что установлено Богом.

Если прежде богатый, убив бедняка, ссылался на возможность «платы за кровь», а бедный, убив аристократа, неминуемо подвергался смертной казни по принципу «око за око», то теперь закон становился единым для всех. А дело наказания виновных брало на себя государство, не предоставляя его в распоряжение чудовища кровной мести.

ЗАПРЕЩЕНИЕ КРОВНОЙ МЕСТИ

Сама кровная месть (канлы), в том виде, в котором она гнездилась в горах тысячи лет, также была строжайше запрещена. Священное право на месть у ближайшего родственника убитого не отнималось, но, учитывая привычку горцев получать за одно свое око несколько чужих, рекомендовалось отдавать предпочтение «плате за кровь», что способствовало прекращению дальнейшей вражды. Мщению уже не могли подвергаться ни родственники преступника, ни его имущество. «Дом убийцы не виноват в его преступлении», — полагал Шамиль, вынужденный заботиться не только о справедливости наказаний, но и о сохранении и увеличении населения страны. К тому же кровники, по обычаю, изгонялись из родных аулов, а следом, бросив остальные дела, отправлялись устанавливать справедливость оскорбленные родственники. Существовали целые аулы, населенные беглыми кровниками, а многие попросту убегали в русские крепости, где объявляли себя «мирными» и находили приют. Некоторые из них даже поступали на службу и становились проводниками, в которых так нуждались царские войска. Теперь же, когда централизованная имамская власть имела свои руки в каждом ауле, скрыться было не так просто. В тех аулах, которым раньше и дела не было до беглых преступников, их теперь ждали мюриды, своевременно получавшие приметы преступников при помощи «летучей почты».

Поводом для кровомщения в горах не обязательно становилось убийство: любая обида, задетая честь, неосторожное слово способны были исторгнуть из ножен карающий кинжал. Горская вендетта могла продолжаться веками, принимая самые устрашающие формы и унося тысячи жизней к праотцам, при жизни которых кто-то совершил трагическую ошибку, а может быть, даже и не совершал ее. Известная в горах легенда повествует о том, как умиравший с голоду горец украл курицу, за которую позже заплатился целым бараном. Украденный баран обернулся потерянным быком, а тот — конем, которого бывший владелец быка обратил в свою собственность. Но конь в горах — это почти человек. Укравший коня заплатился за это своей жизнью. Прежний владелец, обретший потерянное имущество, скрылся на любимом скакуне, оставив семью на произвол судьбы. Судьба же, в лице родственников убитого, обошлась с ними самым жестоким образом. В ответ явились родственники

убитых и с лихвой отомстили экс-мстителям.

Этот кошмар ширился в ужасающей прогрессии, пока не опустошил несколько аулов, по которым теперь бегали одичавшие куры.

Нововведение Шамиля все приняли с облегчением. Оно спасло в горах множество невинных жизней.

ПОХИТИТЕЛИ НЕВЕСТ

Не всем новые законы нравились, особенно тем, кто единственным законом считал свою силу, а свободу путал со своеволием. Но большинство новые законы поддерживало, а остальные были вынуждены их исполнять, ибо неисполнение вело к неизбежному наказанию. Кара в равной степени настигала любого — от простого горца до наиба.

Примером тому стала история одного высокогорного аула, издавна считавшегося гнездом разбоя и самого грубого варварства. Оставаясь много веков вне всякой зависимости от какой-либо власти, эти разбойники прославились дерзкими набегами на живших ниже соседей и караванные пути в ближайших окрестностях. Присущий им пиратский нрав и дикие причуды они объясняли своим необыкновенным происхождением. Необычайность же его заключалась в их глубокой уверенности, что храбрые, сильные и умные дети рождаются исключительно вне брака. Незаконнорожденность считалась у них чем-то вроде дворянского титула. Добывали же они его весьма простым образом — умыкая девушек из других аулов и делая их своими наложницами. Законные жены поощряли увеличение семей таким способом, хотя и сами всегда рисковали сделаться матерью нового героя.

Этим-то дикарям, в назидание остальным, и решил Шамиль вернуть человеческий облик посредством приучения их к земледелию и склонения к принятию шариата.

Посланный Шамилем наиб с сильным отрядом предъявил им такие аргументы, что они и думать забыли о набегах, сделавшись примерными земледельцами. Когда укрощенные жители потянулись в соседние села не с прежними намерениями, а для смиренного изучения шариата, вся округа вздохнула с большим облегчением. Но когда воины имама оставили аул для более важных дел, все вернулось в обычное свое состояние. Наконец жалобы соседей заставили имама самого явиться к отступникам. «Забирай свой шариат, — ответили они Шамилю. — Мы его уже и в мешок уложили!»

Шамиль попытался уговорить их, чтобы решить дело миром, но получил наглый и заносчивый ответ. Тогда он сделал с ними то, чего не делал ни с каким другим аулом. Разгромив сборище разбойников в жестокой схватке, причем собственноручно уложив около дюжины, он совершенно разорил их гнездо, разрушил дома-башни и сжег все, что могло

гореть. Убедившись в своем полном разгроме, оставшиеся сложили оружие и сказали: «Если так, давай обратно свой шариат».

Но Шамиль на этом не остановился. Для смягчения варварских нравов он разделил побежденных на несколько частей и поселил их в тех аулах, которые больше всего от них пострадали. С тех пор в округе воцарились мир, покой и благочестие.

Однако умыкание горянок вовсе не было изобретением этих разбойников. Возможно, начало этой традиции положил еще аргонавт Ясон, укравший дочь царя Колхиды Медею. Теперь же умыкание происходило повсюду, причем в самых благородных целях. Литература описывает подобные сцены в романтических красках, хотя причины, приводившие к похищениям, зачастую имели весьма прозаические корни. Если отвлечься от сопутствующих таким подвигам опасностей в виде жаждущих отомстить родственников, позора и прочих неприятностей, то суть дела сводилась к тому, что молодые люди любили друг друга, но жениться не могли, хотя родители и не были против. Печальный парадокс заключался в необходимости выплачивать огромный брачный дар (калым) в 200 или 300 рублей серебром, которые были по тем временам целым состоянием и собрать которые порой не в силах были даже обе семьи вместе взятые. Калым, неизвестно кем и когда установленный, имел силу закона.

Пылающему страстью жениху приходилось пускаться в разбой, идти воевать или попросту похищать невесту. Не всем это удавалось, на войне могли убить, а на одного неопытного разбойника могла отыскаться пара весьма опытных, и тогда жених оставался не только без невесты, но также без коня и другого имущества. А несчастные горянки, не имевшие и вовсе никаких способов добыть себе жениха, оставались в невестах до седины, не говоря уже о неродившихся на свет детях, в которых так нуждалась страна. Удачливые похитители женились на своих избранницах в соседних аулах, родителям невесты ничего не оставалось, как простить беглецов из опасения получить назад опозоренную дочь, а вдохновленные этим примером новые соискатели продолжали дело предшественников, хотя сами могли убить кого угодно за одно только прикосновение к собственной сестре. В целом же в этой деликатной сфере царил хаос, пагубно отражавшийся на общественной нравственности.

БРАЧНЫЕ РЕФОРМЫ

Шамиль решил навести необходимый порядок в семейных делах, которые считал основой общества. Не найдя в книгах точного ответа на то, каким должен быть калым в пересчете на ходившие в горах деньги, он обратился к самому надежному ориентиру — примеру Пророка Мухаммеда. «20 рублей за девушку и 10 рублей за вдову», — указал в своем постановлении Шамиль. Именно столько платил за своих жен Пророк, столько же платил и Шамиль за своих жен. Калым можно было уменьшать по договоренности родителей, но увеличение калыма влекло за собой крупные штрафы. Калым оставался собственностью жены и возвращался ей в случае развода вместе с приданым. Сверх того бывший муж обязывался достойно содержать детей. «...Если возникает тяжба между мужем и женой в отношении брачного дара, — повелевал Шамиль наибу, — то мы приказываем мужу выплатить полностью то, что имело место в договоре в момент заключения брака...Если встретишь того, кто претендует на противное, не слушай его притязаний. И мир».

Шамиль понимал, что почти символическая цена невесты может привести к легким разводам, когда мужу нечего будет терять. Однако положительные результаты брачной реформы несравнимо превосходили возможные злоупотребления. Необоснованные разводы и холостое состояние стали явлением предосудительным и почти прекратились. Безраздельная власть мужей над своими женами тоже обрела разумные пределы. «Податель сего пришел к нам, жалуюсь на то, что муж его сестры сверх всякой меры притесняет ее, — писал Шамиль наибу. — Поэтому мы приказываем тебе позаботиться о ней и избавить ее от притеснения и насилия. И мир».

Имам этим не ограничился. Были строжайше запрещены похищения невест, а муллам велено не заключать браков между беглецами. Юношам после 17 лет и девушкам, достигшим необходимого возраста, предлагалось незамедлительно вступать в брак. Шамиль считал, что холостой воин — воин не совсем настоящий, поскольку ему не надо защищать собственную семью. К тому же безбрачие как нарушение законов природы могло увлечь джигитов на греховный путь. Нарушивших этот указ сажали в темницу и брали с них штраф за каждый день, пока они не решали вступить в брак.

Нормальным делом было побивание камнями прелюбодеев. Преступников сажали в неглубокие ямы, привязав руки к ногам, после чего

мужчины забрасывали камнями мужчин, а женщины — женщин. Однако случаи таких расправ были весьма редки, так как для вынесения приговора требовалось не меньше четырех свидетелей, а желающих засвидетельствовать такой позор находилось немного.

Шамиль не оставил без внимания вдов и одиноких женщин, разрешив им выбирать мужа по своему усмотрению. С. Эсадзе писал: «...Некоторые по женской стыдливости отказывались назвать своих будущих супругов, но воля Шамиля была непреклонна и они все же указывали желанного. Названный мужчина, холостой или женатый, обязан был жениться на той, которая его выбрала. Многим мужчинам не нравилась эта принудительная женитьба, но Шамиль не обращал никакого внимания на протесты, зная очень хорошо, что сами мужчины более цивилизованных народов, чем горцы, нередко женятся на девушках против их желания».

Об этом нововведении Шамиля сообщал в своих показаниях после плена и И. Загорский: «Когда юноша или девушка достигнут зрелости, они обязаны немедленно вступить в брак, в противном случае подвергаются заключению в темницу и сверх того платят определенный штраф. Это относится и к овдовевшим, которые в цвете лет не помышляют о новом браке».

В горах зазвенели свадебные песни, а сакли наполнились детскими голосами. Неудивительно, что за такого имама готовы были сражаться и женщины.

Некоторые наибы восприняли новые законы слишком буквально, и это приводило к различным недоразумениям. Одному из них Шамиль направил следующее письмо:

«От повелителя правоверных Шамиля его брату Рамадану — мир вам. А затем. К нам прибыл податель сего с женой своего покойного дяди, рассказывал нам нечто странное и жаловался на твоего человека по имени Амирава. Мы повелеваем тебе выслушать его слова от начала до конца, разобраться в сути дела и посмотреть на нее (женщину), подходит ли она для замужества или нет. Что касается нас, то мы, когда разглядели ее, то нашли, что она стара: один бок у нее отсох, сторблена спина и она уже в преклонном возрасте. Обязать ее выйти замуж, когда она такая, — значит подвергать ее насмешкам детей. Помешай тому, кто принуждает ее к этому, и не проявляй оплошности в подобных делах, ибо обязанность правителей устраивать дела подданных согласно Низаму, а не по произволу. И мир».

ОБРАЗОВАНИЕ

Особое внимание Шамиль обращал на детей и их воспитание. Главным воспитателем были семья, община и природа. А понятия о мужестве, справедливости и благородстве горцы впитывали с молоком матери.

Начальное образование Шамиль сделал обязательным и общедоступным. Мальчики учились в школах при мечетях. Эти школы содержались на средства Имамата и частные пожертвования. Здесь изучали разные науки: от стихосложения до математики и философии. Девочкам достаточно было выучиться читать.

Желающие получить более глубокое образование могли учиться и дальше, как учился много лет и сам Шамиль.

При необходимости Шамиль принимал участие в судьбах способных учеников. Ученому Мартаза-Али он писал:

«Саламу алейкум от чистого сердца. Затем: податель сего Шамхал является учеником, желающим направиться на правильный путь, как это не является секретом для вас. Он в настоящее время ходит с разбитым сердцем и волнением ввиду того, что его учитель, Кодожский Гаджи-Магомед, переселился по предвечному предписанию всевышнего Аллаха из жилища тления и испытаний в жилище вечности. Кроме того, он просил нас, чтобы его включили в ряды твоих благородных учеников, подобных звездам, для того, чтобы он пользовался вашими знаниями и талантами, так как он и другие видят тебя углубившимся в науки и, кроме того, он имеет большую страсть (к учению). Поэтому мы удовлетворили его просьбу и предлагаем тебе включить его в состав своих учеников, обрати на него внимание. И всевышний Аллах не оставит без возмездия добро, сделанное им на этом и на том свете. Просим, чтобы компенсировал его горе за прошлое. Все. Вассалам».

Имам считал образование оружием более сильным и долговечным, чем ружья и кинжалы, а неграмотность — пороком и позором для граждан Имамата. Почти все его сподвижники были людьми хорошо образованными, отличались незаурядными интеллектуальными способностями, имели богатые библиотеки. Не случайно сохранилось так много книг, хроник, поэм о той эпохе, написанных горскими литераторами.

Образование строилось на арабском языке — языке Корана и учености. На арабском велось и делопроизводство в Имамате. На нем же

создавались религиозные, научные и исторические произведения, литература горских народов. Позже был разработан аджам — грамматика горских языков на основе арабской графики. Существовая без влияний и заимствований, характерных для собственно арабских стран, арабский язык на Кавказе сохранялся в своей первозданности.

Всеобщая грамотность немало удивляла всех, кто имел дело с горцами. Царские чиновники, привыкшие общаться с крепостными, зачастую именовали горцев дикарями и варварами. Хотя для самих горцев грамотность была делом таким же обычным, как кинжал на поясе. Почтение к науке, книгам, любому клочку бумаги, на котором что-то написано, было их характерной чертой. Когда встречалось что-то на непонятном языке, то и к этим письменам горцы относились весьма уважительно, опасаясь пренебречь бумагой, на которой может быть написано имя Божье. До сих пор книги, особенно старые, — главная ценность горской сакли.

Генерал П. Услар, крупнейший кавказовед и лингвист XIX века, создавший грамматики нескольких кавказских языков на основе русской графики, писал: «Уже много веков тому назад горцы сознали необходимость письменности для скрепления разного рода гражданских договоров. Но письменность в горах одна лишь арабская, нотариусами — одни лишь знатоки арабского языка. Без таковых ученых горцы обойтись не могут. Для наших административных распоряжений в горах необходима письменность; русская чужда горцам, туземной не существует; существует одна лишь арабская».

Полагая, что «арабский язык объединяет собою все враждебные нам элементы в Дагестане», Услар предлагал открытие новых школ с обучением на русском языке: «Тогда только можно надеяться на постоянное осуществление наших намерений, и русский язык может вступать в соперничество с арабским». Делать это он предлагал постепенно, но в жизни все обернулось иначе, школы его не прижились, и горцы продолжали пользоваться привычным арабским языком.

Поголовно безграмотными горцы стали много позже, уже при советской власти, когда арабская графика была заменена латиницей, а вскоре затем — кириллицей. Эти революционные перемены похоронили под собой тысячелетний пласт национальной культуры. Хотя вовсе не обязательно было противопоставлять две древние культурные традиции, они могли бы плодотворно сосуществовать и развиваться.

Этот насильственный разрыв сказывается до сих пор: в архивах пылятся тысячи книг, написанные прадедами современных горцев и

непонятные потомкам, а на кладбище трудно отыскать могилу дальнего предка, потому что надписи на плитах сделаны на арабском. Трудно себе представить, что было бы с культурами больших народов, если бы их письменность была вдруг переведена на арабскую графику или китайские иероглифы.

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ

Атрибуты государственности не ограничивались территорией, системой управления, армией и законодательством.

Уже созданные учреждения и те, которые только предстояло создать, нуждались в средствах. Времена, когда добычу клали в сундук, а затем раздавали по надобностям, прошли.

Военные трофеи были делом ненадежным, а население, освобожденное от ханской зависимости и произвола царской администрации, решило, что наступила полная свобода, и напрочь забыло о каких-либо налогах. А если и платило закят — установленный шариатом 2,5-процентный очистительный налог на общественные нужды, то какого-либо контроля в его сборе и расходовании тоже не наблюдалось.

Наведение порядка в распределении доходов и расходов было делом сложным и деликатным. Советчиков было множество: как делить деньги, знали все, а как и где их брать — оставляли решать Шамилю, который имел весьма отдаленные представления о тонкостях финансовых операций. Но Шамиль тем и отличался от остальных, что если брался за что-то всерьез, то доводил дело до предельно возможного совершенства.

Государство требовало узаконенных расходов и регулярных доходов. И Шамиль учредил казну Имамата — «Бай-туль-мал», наделив ее функциями министерства финансов.

Но прежде он основательно изучил историю вопроса.

АбуМуслим, некогда правивший Аварией, был занят не только распространением ислама, но и введением системы взимания поземельных и прочих податей по примеру персидских порядков Аббасидов. Упорствовавшие горцы облагались самыми тяжелыми податями, а принявшие ислам получали серьезные послабления. Когда же ислам упрочился, подати стали самыми умеренными. Но если кто-то отступал от веры, размеры податей обретали свои прежние размеры.

Сын аварского хана-язычника Сураката, у которого АбуМуслим отобрал власть, сумел вернуть себе отцовский престол и на время изгнать новых правителей. Но систему Абу-Муслима в вопросе податей новый хан нашел весьма для себя выгодной и оставил без изменений. АбуМуслим выступил против него с большим войском, но когда сын Сураката согласился принять ислам, решил оставить его ханом Аварии. С тех пор налоговая система в горах почти не изменилась.

Внимательно изучив книгу Абу-Муслима, имам решил привести налогообложение в соответствие с реалиями государства горцев. Основное бремя легло на состоятельных горцев, остальные же платили кто чем мог. Кто вовсе не мог платить — не платил.

Отобранные у прежних владельцев земли стали собственностью государства. Земли и доходы мечетей тоже стали частью бюджета Имамата.

Основными доходами были закат, подати с бывших ханских земель, хамус — пятая доля всех военных трофеев, различные добровольные пожертвования, штрафы, налоги с торговцев, имущество преступников, предателей, выкупы за пленных и т. д.

Главным сборщиком налогов у Шамиля был его ближайший помощник и казначей Хаджияв, жена которого стала для детей Шамиля молочной матерью. На местах сбор налогов входил в обязанности наибов. Но казначеев к ним Шамиль назначал сам: «...Тебе ведь известно, что брат наш Абдулгани назначен нами заведующим казной. Должность его заключается в том, чтобы давать тебе то, что тебе причитается, и нам — то, что нам причитается. И никто другой во всем вилайате не вмешивается в это. И ты обязан оставить его полномочия ему. Остерегайся плохо думать о нем — он же говорил о тебе только хорошее. И мир».

Если с доходами была относительная ясность, то виды и размеры расходов росли изо дня в день. Вместе с тем были статьи расходов, которые шариат признавал первоочередными и абсолютно необходимыми. Это касалось раздела той самой пятой части военных трофеев (остальные четыре пятых поступали в распоряжение участников похода).

Хамус, в свою очередь, тоже делился на пять равных частей. Первая доля называлась завиль-курбан и выделялась проживавшим в Имамате потомкам племени Курейшитов, из которого происходил Пророк Мухаммед. Такими потомками были шейх Джамалуддин Казикумухский и еще несколько человек.

Следующая доля — масаалех — поступала на содержание ученых, дервишей и других почитаемых людей. Были среди них и мюриды по тарикату, постигавшие высокие духовные истины под руководством своих наставников. Благодать от их преданности тарикату была несомненной. Но в период военных действий число занятых «тем, что гораздо важнее газавата», стало необычайно быстро расти. В некоторых из них воюющие мюриды заподозрили скрытых дезертиров и явных трусов. Полагая, как некогда халиф Омар, что «лучше приносить пользу людям и обществу, чем семьдесят лет молиться и держать пост, не выходя из дому», Шамиль и алимь учинили им экзамен, сдать который лицемеры были не в состоянии.

После чего Шамиль утвердил небольшой список истинных тарикатских мюридов. Остатки доли масаалех расходовались на постройку мечетей, школ, дорог, мостов, родников и другие общественные нужды.

Третья часть — ибн сабиль — должна была употребляться на обеспечение нужд паломников, отправлявшихся в Мекку, и военные издержки. Но так как паломников было мало ввиду препятствий, чинимых царской администрацией на границах, то большая часть этих средств оставалась в казне и шла на содержание войска. И вскоре уже воины могли получать лошадей из казенных табунов, оружие и амуницию — из арсенала, а для их пропитания имелись общественные стада.

Еще одна часть — мискин — предназначалась людям «недостаточным», нуждающимся. Рассудив, что таковых в горах слишком много, чтобы можно было удовлетворить всех, Шамиль объединил эту часть с последней — фукар, полагающимся нищим. В число последних входили вдовы, сироты, инвалиды, больные, жертвы войны и вообще все, кто не способен был добывать себе хлеб. Эта часть граждан получала от Имамата пенсии и другие пособия. Помочь таким людям старались все, кто имел для этого возможность. Благотворительность и различные пожертвования широко распространены в горах и считаются делом богоугодным.

Неправедно нажитое богатство и излишняя роскошь никогда не были у горцев в почете, а в Имамате и вовсе считались делом недостойным. Когда одни ложились спать голодными, другие не могли спать спокойно.

Шамиль старался заботиться о простых горцах, считая их единственной опорой Имамата. Его наибы часто получали письма такого рода:

«От повелителя правоверных Шамиля его брату наibu Мухаммеду из Согратля — мир вам постоянный.

А затем. Недели этих двух подателей сего Маллача и Ахмада 20 кайлами (мерами) зерна из имеющегося у вас продовольствия, так как они оба нуждаются в нем, а на нас — обязанность заботиться о них. И мир».

Стараясь помочь истинно нуждающимся, Шамиль следовал по пути Пророка Мухаммеда, который считал, что «бедность близка к безбожию». Шамиль надеялся построить государство, где не будет голодных и угнетенных, ибо наличие их было бы отступлением от веры, где состояние каждого будет измеряться его способностями и служить примером для других. Где труд на благо семьи и общества приравнивался бы к молитве, а старость и немощность были бы защищены от нищеты. Государство, в котором гарантировалась бы достойная жизнь для всех, ибо это есть

прямое требование Бога и основное условие существования самого Имамата.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Одни реформы вызывали к жизни потребность в других. Упорядочить следовало и денежное обращение. Многие даже рекомендовали имаму начать чеканить свою монету. До этого дело не дошло, но с деньгами, имевшими хождение в Имамате, разбираться пришлось. Обращались в горах в основном серебряные монеты, которые также служили материалом для местных златокузнецов и украшениями для женских нарядов. Невесты в горах до сих пор выходят замуж в платьях, доставшихся им в наследство от матерей, бабушек и прапрабабушек, и чем больше на них нашито серебряных монет, тем платье считается дороже, а невеста счастливее. Медные деньги горцы сразу же переплавляли на хозяйственные надобности. Если случалось обрести золотые — они тотчас поступали в тайные сбережения «на черный день» или к тем же златокузнецам. Бумажные деньги и депозитки поначалу вообще за деньги не признавались и попросту сжигались. Горцы начали понимать им цену, когда один купец купил 5-тысячную ассигнацию, долго лежавшую в казне имамата, за 1300 рублей серебром.

Ходячей монетой служили большей частью русские серебряные деньги и голландские червонцы. Дефицит звонкой монеты привел к возникновению нового ремесла — чеканке фальшивых монет.

Один из таких серебряных дел мастеров даже состоял в почетной страже имама. Ненавидевший всякую фальшь, Шамиль не верил, что его мюрид может заниматься таким недостойным делом. Но когда были представлены образцы произведений мастера, которые с большим трудом можно было отличить от настоящих, имам решил пресечь подобные увлечения. Искусный чеканщик был лишен звания мюрида, печатных принадлежностей и сослан в аул Чох. Там он возобновил свою деятельность с еще большим размахом и даже обрел усердных последователей.

Вскоре Шамиль стал получать жалобы от купцов, терпевших убытки от обращения фальшивой монеты. Обилие подделок грозило окончательно расстроить экономику Имамата. Тогда Шамиль приказал строго наказать виновных, обязать их возместить убытки, все их монеты и инструменты уничтожить, а при новом покушении на фальшивомонетничество — отрубать преступникам сначала руки, а потом и головы.

Однако дело было столь прибыльным, что покончить с ним так и не

удалось. Некоторые наибы, имевшие свою выгоду, втайне покровительствовали искусным мастерам. Обращение фальшивой монеты не прекратилось. Впрочем, монеты были столь хороши, что горцы, распознававшие их по звуку, давали за одну поддельную из посеребренного олова две настоящие.

В горах чеканили уже не только «серебряные» русские монеты и голландские червонцы, но даже «золотые» полуимпериалы (пятирублевые монеты), которые считались красивее настоящих. Последние изготавливались из меди и густо золотились.

Угроза расправы не удерживала производителей фальшивых монет от соблазна, но заставляла их искать новые способы сбыта своих произведений. Червонцы и полуимпериалы горской чеканки полноводной рекой плыли в «мирные» аулы, а оттуда — в царские крепости и далее в Россию.

Повсеместное распространение «монетных дворов» принесло и некоторую пользу. В поисках сырья для производства монет пытливые мастера разведали в горах множество месторождений. Оказалось, что горы Дагестана богаты оловом, серебром, свинцом, серой и прочими полезными ископаемыми, которые Шамиль не преминул обратить на нужды промышленности Имамата. Но на руду, содержащую серебро, был наложен строжайший запрет. Имам опасался, что обилие серебра и чеканка вполне серебряных монет способны привести к богатству и порче нравов и что горцы предпочтут добычу ценного металла тяжелой борьбе за свободу гор. Из этих же соображений Шамиль запретил добывать и свинец, когда он соседствовал в месторождении с серебром. Свинца, столь необходимого для военных нужд, в горах не хватало, но Шамиль предпочитал добывать его прежними способами — сбором пуль и ядер, выпускаемых противником в сражениях, тайными покупками в царских крепостях и захватом в виде военных трофеев.

Вообще, трофеи составляли особую статью спартанского образа жизни горцев. Одним из самых знаменитых трофеев была корона Надир-шаха. Наголову разбитый дагестанцами, шах едва унес ноги, бросив все свои сокровища. Его золотая корона, осыпанная редчайшими бриллиантами и изумрудами, сделалась добычей горцев и долго переходила из рук в руки, постепенно лишаясь своего чудесного убранства. В конце концов она оказалась в доме Шамиля, который и преподнес ее Анне в качестве свадебного подарка. Анна-Шуайнат понемногу вынимала из нее драгоценные камни для своих надобностей и делилась ими с другими женами имама.

ЭКОНОМИКА ИМАМАТА

Имамат гнезился в горах, где мало пахотной земли. Горцы берегли ее как святыню и веками превращали склоны гор в ступенчатые террасы, годные для возделывания злаков. «Террасы эти обрабатываются весьма тщательно, — писал П. Граббе, — по бокам они усажены фруктовыми деревьями и виноградными лозами, а середина засеивается кукурузой, которая у них заменяет другие хлебные растения... Нельзя не изумляться этими вековыми работами многих поколений, которые трудами своими превратили огромные голые скалы в пашни и сады».

Хлебной житницей были равнинные земли, где на хлеб выменивались произведения горских хозяйств.

Соль добывали в нескольких аулах, выпаривая ее из минеральных источников. Таких добытчиков освобождали от воинской обязанности.

Основой горской экономики было овцеводство, но отары требовали перегона на зимние равнинные пастбища, где их ждала неминуемая конфискация.

Торговлю с горцами запретил еще Ермолов, подвергая нарушителей блокады аресту и даже высылке в Сибирь.

Причем главной контрабандой он считал ворсистые андийские бурки, которые могли уберечь даже от пуль, хотя сам же ввел их в моду и повсеместное употребление. Ермолов приказывал: «...Чтобы бурки, выделяемые андийцами и другими горцами, отнюдь не были впускаемы для продажи в Грузию; в случае же тайного привоза оных, конфисковать их и доносить мне в то же время, как об именах тех, кому оные принадлежат». Теперь традиционные бурки, гончарные изделия, ювелирные украшения, оружие, всевозможная утварь, сыры, мясо, кожи, шерсть, ковры, фрукты, орехи, мед попадали на рынок только через посредничество мирных аулов. Это нарушало сложившиеся веками связи и приводило промыслы в упадок.

Постоянное сужение территории, пресечение торговых путей, враждебное соседство, притязания великих держав вынуждали горцев искать способы самосохранения. Одним из таких способов и были набеги.

Горцы совершали набеги на царские крепости, а порой и на аулы, находившиеся под управлением царских властей и богатевшие на легальной торговле. Мюриды конфисковывали у зажиточных горцев, не желавших встать на сторону Имамата, оружие и лошадей, скот и провизию.

Экономика Имамата волей-неволей обрела черты натурального

хозяйства и обратилась к военным потребностям. Бурки, кони, седла, оружие и порох стали теперь основными промыслами. А купцам, умевшим обходить препоны и доставать горцам жизненно необходимое, Шамиль выдавал охранные грамоты и необходимые ссуды из казны. Процентов купцы не платили, так как это вообще считается у мусульман делом греховным.

ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Порох горцы изготавливали сами. Для этого в каждом селе существовала большая каменная ступа, которой всякий пользовался по мере надобности. В углубление клали селитру, серу и уголь, после чего простым механизмом с деревянным пестом на конце смесь перетиралась в порошок, спрыскивалась водой и превращалась в подобие теста. Тесто перекладывалось в бурдюк из невыделанной бараньей шкуры, долго мялось и встряхивалось, пока не превращалось в зерна, которые затем просеивались и высушивались. Изготовленный таким образом порох не всегда был хорошего качества. Верные пропорции и секреты изготовления настоящего пороха горцы узнали позже, от бывших пилигримов и беглых солдат.

Серу добывали в богатом месторождении у села Чирката, где на отвесном склоне выступали складки пород и проделаны были штольни в виде узких пещер. За выплавку серы из горной руды и ежегодную доставку тысячи пудов ее на пороховые заводы Имамата Шамиль освободил чиркатинцев от воинской повинности и сверх того платил им по 30–50 копеек за пуд.

Горцы, производившие селитру, также освобождались от податей и получали плату — по полтора рубля серебром в год на семейство.

Зато в мастерстве изготовления оружия горцам не было равных. Вероятно, это умение было унаследовано ими еще от Гефеста, кузница которого, как передают античные авторы, помещалась в недрах Кавказских гор. Эта отрасль всегда занимала в Дагестане самое почетное место. Причем в одном ауле ковали клинки, в другом — делали ножны, в третьем — дула и замки, в четвертом — украшали готовое оружие, в пятом — шили для него чехлы из шкур диких животных. У каждого мастера было личное клеймо, которым он очень дорожил. Такое разделение труда строго соблюдалось и давало свои плоды — отменное качество дагестанского оружия вошло в легенду. Особенно славился своими оружейниками аул Харбук, сохранивший эту традицию до сих пор.

Пули, когда не хватало металла, выстругивались из дерева, лепились из глины или вытачивались из камня, а затем уже обливались свинцом.

Новое развитие оружейное дело получило в Имамате, особенно после прибытия к Шамилю крымских татар-оружейников во главе со знаменитым Хаджи-Мустафой. Этот мастер выучился тонкостям своего ремесла в

Аравии и Турции, поочередно поступая в мастерские ко всем известным оружейникам.

В результате он столь преуспел на этом поприще, что вызвал на соревнование самого знаменитого оружейника Османской империи. Испытания состоялись в Константинополе и увенчались громким триумфом Хаджи-Мустафы. Вернувшись в Крым и узнав, что творится на Кавказе, знаменитый мастер отправился на помощь Шамилю. Вскоре он вооружил весь Дагестан красивыми, легкими и надежными ружьями, получившими название крымских, а лучшие образцы, стоившие немалых денег, так и назывались — «Хаджи-Мустафа».

Иметь кавказское ружье или кинжал, особенно красиво украшенные, было заветной мечтой не только горцев, но и русских офицеров.

Обычным вооружением горца были кинжал, сабля, ружье и один или два пистолета. К ним полагались изящные пороховницы из рога, натруски с особым порохом для кремневой полки, коробочки с пулями, кремнями, салом для смазки пуль и прочими принадлежностями. Газыри не только украшали черкеску и защищали грудь, но служили главным образом для хранения готовых патронов и отмеренного пороха.

Артиллерия была единственным видом оружия, в котором Шамилю трудно было соперничать с царскими войсками. Пушек у горцев не было, их приходилось отбивать, а ядра собирать на поле боя. Этим занимались даже женщины и дети, получая за каждое по 10 копеек серебром или столько пороха, сколько войдет в ядро. Из металла ядер делались и прочные подковы для лошадей.

Находились умельцы, предлагавшие выковывать пушки кузнечным способом из железных полос, а затем обшивать их буйволиной кожей и стягивать обручами. И хотя изобретатель Магомед Хидатлинский ручался за их прочность головой, Шамиль попросил его оставить пустую затею, чтобы не вызвать насмешки неприятеля.

Шамиль долго не мог наладить производство пушек. Зато когда удалось изготовить первую партию, они оказались легче, мобильнее заводских и превосходили их меткостью стрельбы, уступая лишь по качеству меди и самого литья. Причем на пушках была печать Шамиля, а на ядрах надпись: «Шамиль, да продлится его могущество». Джабраил Унцукульский, выучившийся литейному делу в Аравии, где он был в хадже, не только наладил изготовление пушек и ядер, но и значительно усовершенствовал конструкцию орудий, приспособив ее к горным условиям. Когда же образцы горских пушек попали в руки русских инженеров, те внесли полезные изменения уже в свои конструкции.

ПЛЕННЫЕ

В условиях военной и экономической блокады горцам ничего не оставалось, как использовать любые возможности, чтобы выжить и продолжать борьбу с сильным противником.

Одним из самых ходовых товаров стали пленные, которых можно было обменять не только на своих пленных и заложников, но и на такие необходимые вещи, как хлеб, соль или обычное железо. К тому времени в плену у горцев побывало много разных военных чинов. Шамиль надеялся обменять кого-либо из них на своего сына Джамалуддина, но все переговоры кончались безрезультатно.

В Имамате с пленными обращались относительно гуманно. Случаи их гибели были весьма редки, а виновные сурово наказывались.

Однажды, при спешном отступлении горцев, были убиты пленные офицеры. По одной из версий, это произошло по-еле длительных переговоров об условиях их освобождения. Пленным было разрешено вести переписку и даже получать посылки. Но в одной из посылок была обнаружена запеченная в хлебе записка, приглашавшая пленников мужаться и терпеть, так как открывалась возможность освободить их без выкупа. И когда эта «возможность» обрела вид отряда, наступавшего на позиции горцев, участь пленных была решена. Кто был автором той злополучной записки, так и осталось загадкой, потому что царское командование свою причастность к ней отрицало.

Пленные солдаты занимались в Имамате хозяйственными делами. Солдаты-кавказцы за долгую службу становились бывалыми людьми, знавшими различные ремесла. Вместе с перебежчиками они составляли отдельные мастеровые команды. Если об офицерах их бывшее начальство еще как-то заботилось, то «нижние чины» зачастую и сами не хотели возвращаться в надежде сделаться в Имамате вольными людьми.

Царские власти, в целях «устрашения туземцев», ссылали пленных в Сибирь или обращали в солдат и отправляли служить на Камчатку. Это было для горцев хуже смерти, и мало кто из них вернулся на родину.

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

При относительном затишье в военных действиях в рядах русских войск явилась новая напасть. Теперь не горцы нападали на царские крепости, а солдаты стали все чаще перебегать к Шамилю.

Это началось еще при Ермолове, который требовал выдачи дезертиров, угрожая приютившим их горцам страшными карами.

Побеги участились при Головине, у которого обеспокоенный Ключегану даже испрашивал разрешение расстреливать дезертиров. По указу царя беглых солдат даже предписывалось выменивать на соль. Испробовав все меры устрашения, командование решило прибегнуть к другой тактике, обещая прощение всем, кто вернется из бегов.

Тем не менее бегство к Шамилю приобретало все больший размах.

Дело дошло до того, что устроены были особые артели на паях, где укрывались солдаты, чтобы через неделю-другую вернуться к своим, будто бы бежав из горского плена. Таким способом многие не по своей воле «забранные в солдаты» крестьяне добывали себе освобождение от крепостной зависимости, а положенная за «геройство» награда делилась между сообщниками. Но случалось, что «пленные» передумывали возвращаться, предпочитая стать свободными горцами.

Как и во всякой войне, пленные и перебежчики были с обеих сторон. От Шамиля обычно бежали люди, ущемленные в своих интересах или недовольные самоуправством наибов, а также преступники, надеявшиеся избежать наказания. Один из беглых горцев, тяготившийся своей новой ролью, оставил на пути Шамиля записку: «Скучаю по тебе, о имам, но боюсь — казнишь».

Причины перехода к Шамилю тоже были разные — от невыносимой «палочной» муштры, измывательств «белой кости» и угрозы трибунала за преступления до сочувствия горцам, оборонявшим свои поднебесные гнезда. Одно дело — воевать с «антихристом» Наполеоном, добравшимся до сердца святой Руси — Москвы, и совсем другое — неизвестно зачем гибнуть в чужих горах. Надышавшись горным воздухом свободы, даже старые солдаты решались перейти из сословия «вооруженных рабов» в общество «вольных людей».

Немало было тех, кто ушел в горы еще при Ермолове, принял ислам, обзавелся семьей и хозяйством и жил теперь совершенно как горец. Подобные браки поначалу вызывали неудовольствие горцев, однако имам

видел в них лучший способ привязать беглых солдат к их новому отечеству.

Шамиль всячески поощрял «военную» миграцию, предоставляя беглым солдатам свободу, защиту и привилегии при обустройстве на новом месте. Он оградил беглых от малейших притеснений, а их выдачу запретил под страхом смертной казни. «Знайте, что те, которые перебежали к нам от русских, являются верными нам, и вы тоже поверьте им. Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями, — наставлял Шамиль наибов. — Создайте им все условия и возможности к жизни».

Вскоре неподалеку от ставки имама выросли «русские слободки» со своими церквями и священниками.

Солдаты обучали горцев артиллерийскому делу, отливали пушки и ядра, делали гранаты и конгриевые ракеты, лафеты и зарядные ящики, чинили часы. Они же построили для имама, которого называли «наш царь Шамиль», дом по европейскому образцу, поставили пороховой завод и ткацкую фабрику.

Бывшие царские офицеры были при имаме советниками, переводчиками, инженерами, картографами. Они обучали горцев европейским методам ведения войны и командовали подразделениями из перебежчиков.

Беглые солдаты, хорошо знавшие расположение царских крепостей, становились проводниками при рейдах горцев. Были они и хорошими разведчиками. С их помощью в царских крепостях распространялись письма беглецов, описывавших выгоды их жизни в Имамате и призывавших переходить на сторону вольных горцев. А бывший сотник Лабинского полка Атарщиков с товарищами взял в плен и доставил к горцам адъютанта самого Нейдгардта — поручика Глебова.

Многие из перебежчиков становились знаменитыми воинами, получали от имама награды за мужество и отвагу и оставались с Шамилем до последнего дня войны.

ПОЛЬСКАЯ СОТНЯ

Была в армии Шамиля и Польская сотня. Тысячи поляков были сосланы на Кавказ еще после Второго раздела Польши и подавления восстания Т. Костюшко 1794 года. Затем в 1812 году к ним прибавились еще тысячи депортированных за поддержку Наполеона. Одни служили в действующей армии, другие работали в каменоломнях на строительстве крепостей. Паскевич, подавив новое восстание, тоже отправлял пленных поляков на Кавказ.

Количество поляков в горах стало столь внушительным, что польское правительство в изгнании считало возможным организовать на Кавказе новое польское восстание в союзе с Шамилем и казаками, пройти Украину и соединиться с повстанцами в самой Польше.

Поляки бежали по одному и целыми отрядами, как это было в Ставропольской губернии. Способствовали побегам и сложные отношения с сослуживцами, которые участвовали в Польской кампании Паскевича.

Множество поляков бежало во Францию, Турцию, другие страны, надеясь создать очаги сопротивления и восстановить свое государство.

Руководил действиями польских повстанцев Адам-Юрий Чарторыйский. Потомок известного дворянского рода с юности интересовался политическим устройством европейских государств. Участие в политической деятельности, направленной на восстановление Польского государства, обернулось для него эмиграцией, а затем и арестом, когда он решил вернуться в Польшу в период восстания Костюшко. Чтобы спасти конфискованные родовые имения, Чарторыйскому пришлось явиться в Петербург, где он оказался на положении заложника. Здесь он близко сошелся с будущим императором Александром, который позже назначил его министром иностранных дел и сделал своим ближайшим советником. Результатом энергичной деятельности Чарторыйского стал союз России с Англией и Австрией против Наполеона. Но после Аустерлица он был отдален от двора. На Венском конгрессе 1814 года, при очередном разделе Польши, Чарторыйский вновь был приобщен к большой политике и содействовал образованию Царства Польского в составе России. Но, не получив пост наместника, вновь отдалился от дел, отдавшись литературным занятиям. Новый поворот в его судьбе произошел в 1830 году, когда восставшие избрали его президентом Национального правительства. Поражение восстания привело Чарторыйского в Париж, где

он, считавшийся будущим королем Польши, основал центр польской эмиграции («Hotel Lambert»).

На Кавказе многие поляки переходили или попросту бежали к горцам, чтобы воевать «за нашу и вашу свободу». Первый отряд польских перебежчиков образовался уже у имама Гамзат-бека.

В одном из донесений командованию отмечалось, что «...во время экспедиции войск за Кубань чрезвычайно много бежало поляков».

Чарторыйский очень надеялся на помощь турецкого правительства, посылал на Кавказ эмиссаров, оружие и добровольцев, но его планам не суждено было сбыться.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Прослышав о вольной жизни в Имамате, сюда хлынул поток крестьян из царских губерний и княжеств Северо-Западного Кавказа. Приходили семьями и целыми деревнями.

Прежние хозяева пытались вернуть крестьян, но Шамиль им отказывал на том основании, что рабство противно воле Бога и что люди не стали бы искать у него убежища, если бы им было хорошо у бывших хозяев.

Были здесь и раскольники — старообрядцы, и молокане, и духоборы. Были мужики и казаки. Русских граждан Имамата горцы называли «наши русские». Горский интернационал включал в себя представителей около полусотни народов Кавказа, России и других стран.

Шамиль принимал всех, независимо от происхождения и вероисповедания. Имамат давал переселенцам землю, пищу, жилища и средства на обзаведение хозяйством. Обычно они поселялись на землях, выкупленных Имаматом у обществ. В Имамате образовалось множество новых общин и целые аулы с непривычными названиями.

В целях увеличения населения Имамата Шамиль не облагал переселенцев налогами и предоставлял им льготы.

Мусульмане, христиане, иудеи — все жили в Имамате как братья, помогая друг другу и Шамилю. Веротерпимость, признание всех людей равными перед Аллахом были одной из основ Имамата. Этому же учит и Коран: «И наш Бог, и ваш Бог един, и мы Ему предаемся» (29:45).

Кавказская война обретала новое качество: теперь это была совместная борьба разных народов, и борьба не против России, а против подавления человеческого достоинства, за свободу и независимость. Люди сопротивлялись царизму так же яростно, как боролись их предки против нашествий восточных завоевателей.

ЗАПИСКИ РЯДОВОГО ЗАГОРСКОГО

Жизнь Имамата описал рядовой 10-го Грузинского линейного батальона И. Загорский, побывавший в плену у горцев вместе с князем Орбелиани:

«Шамиль уже восемь лет борется с могучим гигантом Европы и до сих пор не являет признаков усталости. Неоднократно истертый, рассеянный, в скором времени умеет восстать из праха и полон жизни, с новой энергией выступает на неравную и опасную борьбу. Причины этого необыкновенного явления легко объяснить следующим. Дикие племена Кавказа еще лет двадцать тому назад не были соединены никаким постоянным союзом. Иногда только общая опасность совокупляла на короткое время их силы противу мощного врага, по миновании которой дружеские сношения прекращались. Буйные их страсти не были обузданы никакими законами, кроме права сильнейшего... Но эти огненные дети природы под дикою оболочкой физических способностей хранят в себе зародыш блестящих умственных дарований. Быстрая понятливость, острая память, отчаянная отвага и пламенное воображение делают их способными ко всему, к чему их поведет искусная рука. Этой рукою, бросившей на плодородную почву девственных их умов искру, вспыхнувшую пламенем религиозного фанатизма в огненных сердцах, был мюридизм. Проповеди муллы Магомета вдохнули в них первую мысль, разбудили нравственную силу, указали им общую цель действия и положили первое начало религиозной секты, число последователей которой с каждым днем увеличивается. Учение нового шариата составило эпоху в жизни племен, населяющих восточную отрасль Кавказа. Различное происхождением, языком и нравами, они соединились у подножия проповедующих своих учителей неразрывным узлом единоверия и, подстрекаемые фанатизмом, ринулись с подоблачных жилищ своих проливать кровь за сохранность своих понятий и святость уставов Пророка. При таком направлении умов не преминут явиться предводители. Им даже нет дела до личных достоинств начальника; довольно только, чтоб он имел общую доверенность, а более всего славился строгостью правил. Они столпятся вокруг него и велят ему вести себя на бой с неверными... Теперь, когда еще первоначальные впечатления, произведенные проповедниками на гибкие умы детей Кавказа, не изгладились, когда религиозный фанатизм воспламеняет большую часть народа, мюридизм не имеет недостатка в

последователях. Напротив, число их с каждым днем возрастает, дух его оживляет горы, ведет на бой диких обитателей Кавказа и в быстром течении увлекает более хладнокровного и более миролюбивого имама. Огонь страсти к воле пожирает все сердца. Если бы Шамиль даже хотел остановиться, то теперь уже поздно. Он должен раздувать пламя, иначе оно сожжет его самого».

О низамах имама Загорский писал: «Перед лицом Бога, Пророка и его имама (наместника) все сохраняют равенство, из пределов которого ни богатство, ни высшие дарования не в состоянии никого вывести... Теперь за малейшую вину, за всякое нарушение общественного порядка определены взыскания: штраф, темница и телесное наказание, от которого никто не избавляется, от последнего поденщика до знатнейшего наиба. Все сии наказания приводятся в исполнение с величайшей точностью и нужно сказать правду, что преступления становятся очень редки. Теперь через всю страну, над которой распространяется власть Шамиля, можно смело одному человеку провозить вьюки золота, не опасаясь лишиться их».

Относительное военное затишье привело к тому, что горцы получили возможность заняться домашними делами. Многие потянулись на заработки, в том числе и в русские крепости.

Царские власти увидели в этом возможность «укоренить мирные привычки» и решили положить конец притеснениям, которым часто подвергались рабочие-горцы. Была введена даже специальная должность «попечителя над горцами, прибывающими для работ, торговли и промышленности».

В инструкции попечителю, который должен был стать для горцев ходатаем и покровителем, указывалось:

«...Не допуская ни малейшей задержки по снабжению мирных горцев видами, попечитель заботится также, чтобы они не были останавливаемы на заставах и переправах при городе и не могли притом подвергаться недозволенным поборам и притеснениям, о которых, если будут замечены, немедленно доводить до сведения начальника области.

...В обращении с горцами попечитель должен быть кроток, терпелив и доступен для каждого во всякое время».

ВОЗЗВАНИЯ И ЛАЗУТЧИКИ НЕЙДГАРДТА

Нейдгардт имел богатый опыт заграничных походов, но попал на Кавказ из кресла московского военного губернатора и был более склонен к штабной деятельности, чем к бранному делу.

Решив действовать наверняка, он запросил у императора подкреплений, а сам занялся составлением грозных воззваний. Как человек образованный, Нейдгардт счел необходимым украсить традиционные обещания «кнута и пряника» понятными горцам образами. В своих темпераментных сочинениях генерал от инфантерии сообщал, что «Его Императорское Величество решился восстановить в нынешнем году спокойствие и благоденствие в этой части Кавказа», соглашался оставить горцам их веру взамен на полное подчинение, объявлял Шамиля «наглым обманщиком, который из личных видов корысти и властолюбия возмутил горские общества и предал их всем бедствиям войны, а сам вечно избегает всякой опасности и скрывается от русской пули»; угрожал, что «все аулы и общества, которые впредь окажут содействие Шамилю и его сообщникам и сопротивление законной власти, подвергнутся также строжайшей казни» и что «те племена, которые выселились в горы и не возвратятся ныне же на прежние места жительства, лишатся навсегда земель своих». А сверх того живописно пугал горцев: «Упорствуя в своем заблуждении и встречая отряды наши неприязненно, вы подвергнетесь вместе с Шамилем казням и разорению от грозного орла России, который является в одно и то же время там, где восходит солнце и где оно садится в море, и перелетает чрез Казбек и Эльбрус, как чрез небольшие пригорки».

Уверенный, что горцы повергнуты его красноречием в трепет и вскоре не только сложат оружие, но и приведут к нему на аркане самого Шамиля, Нейдгардт принялся за восстановление сети лазутчиков, чтобы контролировать дальнейший ход кавказских дел. Демонстрируя новые методы правления, он даже велел приделать к стенам властных учреждений специальные почтовые ящики, чтобы все желающие могли инкогнито сообщать полезные сведения как о действиях мюридов, так и о злоупотреблениях местных чиновников.

Шпионская сеть, раскинутая Нейдгардтом и стоившая немалых денег, приносила весьма неутешительные сведения. Выходило, что Шамиль со своими мюридами и не помышляет о прекращении сопротивления. Более того, имам увеличил армию и строил свое государство так спокойно и

основательно, будто находится не в окружении царских войск, а где-то в пустынной Аравии.

Вскоре Нейдгардт все же получил вести от Шамиля. Однако вместо ожидаемого прощения о помиловании имам предлагал начать переговоры о мире, ставя основным условием официальное признание Имамата и возвращение своего сына-заложника Джамалуддина.

Разгневанный наместник отверг предложение и начал собирать войска, чтобы наказать Шамиля за дерзость.

Заметным успехом его агентурной сети стала ликвидация одного из ближайших сподвижников Шамиля — Ахбердилава.

Ахбердилав был в числе сподвижников первых имамов. Шамиль назначил его сначала наибом Малой Чечни, а затем и мударом — генерал-губернатором всей Чечни, где он пользовался высоким авторитетом как отважный воин и справедливый администратор. Считалось, что в случае гибели Шамиля его место займет именно Ахбердилав.

Еще в 1841 году на его истребление Головин выделил две тысячи рублей серебром. «Нет сомнения, — писал он, — что через уничтожение этого предприимчивого сподвижника Шамиля мы избавились бы от одного из самых опаснейших его орудий, и успокоение Чечни было бы тогда делом гораздо менее затруднительным».

Узнав через своих лазутчиков, что Ахбердилав готовит наступление на Аварию, Нейдгардт употребил все возможности, чтобы попытаться избавиться от «правой руки» Шамиля. 12 июня 1843 года во время переговоров у аула Шатали Ахбердилав был ранен в спину. Ахбердилав убил покушавшегося, взял пленных и отошел в горы. Но рана оказалась тяжелой, и через неделю Ахбердилав умер. Одни считали причиной покушения кровную месть, другие подозревали подкуп. Нейдгардт считал это успехом своей резидентуры и ожидал, что горцы теперь падут духом и отступятся от намерений овладеть Аварией.

Но имам вновь разочаровал Нейдгардта. После гибели Ахбердилава шпионская сеть была раскрыта. Наиб Шугаиб был особенно суров с предателями: казнив шпионов, найденных в своем наибстве, он предлагал Шамилю поступить так же и со всеми остальными. Шамиль считал более действенным средством позорное наказание и изгнание. Людей, чья вина не была доказана полностью, Шамиль вверял воле Всевышнего и передавал в распоряжение их джамаатов.

Вскоре жертвой заговора стал и сам Шугаиб. 15 марта 1844 года наиб прибыл в село Центорой, чтобы убедить людей активнее поддерживать Шамиля. Но подстрекаемые агентурой Нейдгардта кровники устроили

засаду и убили Шугаиба. В ответ Шамиль казнил убийц и сжег их дома, а явных соучастников переселил в высокогорные аулы.

Иногда разоблаченным агентам предоставлялась возможность искупить свою вину, снабжая кавказское начальство дезинформацией. Двойные агенты заводили войска в каменные мешки и непроходимые леса, заманивали противника в нужном Шамилю направлении, убеждали, что население только и ждет их появления, чтобы восстать против Шамиля. Не покладая рук трудились и тайные службы самого Имамата.

БЛИСТАТЕЛЬНАЯ ЭПОХА ШАМИЛЯ

Лишив Нейдгардта «глаз и ушей», Шамиль сделался полным хозяином положения. В конце августа 1843 года он начал широкие наступательные действия. Сначала он осадил «мирный» дагестанский аул Унцукуль и начал его обстрел из артиллерийских орудий.

Унцукульцы известны своими изделиями из дерева с металлической насечкой. В ту пору большим спросом у военных пользовались унцукульские трубки. Торговля шла бойко, и унцукульцы старались поддерживать с царскими властями хорошие отношения, тем более что в самом Унцукуле стоял гарнизон. Приглашения Шамиля к совместным действиям они отклоняли, объявление имама о греховности курения табака и выделке трубок игнорировали. Вероятно, поэтому свою новую военную кампанию имам решил начать с наказания «трубочников».

Брошенный на помощь Унцукулю из Темир-Хан-Шуры батальон подполковника Веселицкого был окружен и разбит. Два офицера и 58 солдат взяты в плен.

После событий в Унцукуле на сторону имама стали переходить многие аварские селения. Военные укрепления брались штурмом. Наибы Хаджи-Мурад и Кебед-Магома заняли ряд стратегически важных пунктов горного Дагестана.

Вскоре вся Авария, кроме Хунзаха — форпоста царских войск в горном Дагестане — была в руках Шамиля. В ноябре мюриды и восставшие горцы уже контролировали часть прибрежных владений шамхала Тарковского и угрожали самой Темир-Хан-Шуре.

ВЗЯТИЕ ХУНЗАХА

17 ноября осажденный в Хунзахе отряд подполковника Д. Пассека, из опасения полной блокады, был вынужден оставить столицу Аварии и уйти вниз. Но крепость в Темир-Хан-Шуре оказалась уже окруженной горцами, и Пассеку, преследуемому Хаджи-Мурадом, пришлось засесть неподалеку — в укреплении Зыряны. Под непрерывными обстрелами, в холоде и голоде осажденные держались из последних сил. Это «зыряновское сидение» Пассека вошло в историю. О нем была сложена и солдатская песня:

Стали есть мы лошадину,
И варили, и пекли,
Вместо соли мы солили
Из патрона порошком.
Сено в трубочках курили,
Распростились с табачком.
Обносились, оборвались,
Все валилось с плеч долой.
Мы рогожки надевали,
Вместо бурок и плащей;
Ноги кожей обшивали
После съеденных коней...

Подоспевшие отряды генералов Р. Фрейтага и В. Гурко выручили осажденных.

За вывод колонны из Хунзаха Пассек был произведен из подполковников сразу в генерал-майоры и награжден орденом Святого Георгия.

Шамиль и Хаджи-Мурад отступили, затем неудачно атаковали Казанище, после чего отошли в горы, утверждая власть и законы Имамата на отвоеванных землях.

Тогда же Шамиль послал в Тарки людей, знавших, где был похоронен первый имам Гази-Магомед. Он велел им раскопать могилу и перенести прах имама в Гимры, что и было сделано. «С тех пор могила его находится в Гимрах, посещаемая людьми, которые получают благословение через

него», — писал Абдурахман из Газикумуха, будущий зять Шамиля, в своей «Книге воспоминаний».

Хунзах стал главным приобретением Шамиля. Хаджи-Мурад вновь основал здесь свою резиденцию, теперь уже в качестве наиба Шамиля. Жители этому не противились, потому что Хаджи-Мурад по-прежнему был их любимцем. Местные умельцы даже сделали ему подарок, расклепав крепостные пушки, которые Пассек не смог увезти с собой и велел намертво заклепать.

В результате кампании 1843 года Нейдгардт потерял в горном Дагестане почти все прежние царские завоевания, а Имамат Шамиля вдвое увеличил свою территорию.

Историк Р. Фадеев писал: «Мюридизм овладел всей восточной группой Кавказа и обратил силы ее на газават... Нельзя было уже надеяться подавить его в горах иначе, как покорив самые горы. Но для этого надобно было изменить всю систему войны. Мы имели теперь дело не с обществами, ничем не связанными между собой, сопротивлявшимся или покорявшимся отдельно, но с государством самым воинственным, фанатическим, покорствующим перед властью, облеченной в непогрешимость, и располагающим несколькими десятками тысяч воинов, защищенных страшной местностью, с государством, вдобавок окруженным сочувствующими ему племенами, готовыми при каждом успехе единоверцев взяться за оружие и поставить наши войска между огней».

Так начался новый этап Кавказской войны, названный впоследствии Н. Добролюбовым «блистательной эпохой Шамиля».

СУЛТАН-ПЕРЕБЕЖЧИК

Спасти Нейдгардта от монаршего гнева мог только впечатляющий реванш за катастрофу 1843 года. Кавказский корпус после настоятельных просьб наместника был усилен двумя дивизиями 5-го пехотного корпуса. Нейдгардту велено было с наступлением весны организовать крупные экспедиции и покончить с Шамилем. Для борьбы с имамом были мобилизованы и силы местных ханов. Даже Даниял-бек (Даниель-бек), правивший Элису — граничившим с Грузией небольшим дагестанским султанатом за отрогами Кавказского хребта, должен был явиться под знамена Нейдгардта.

Но Даниял-бек не торопился выполнять приказ наместника, желая сначала выторговать для себя некоторые привилегии. Унаследовав султанат от отца, честолюбивый Даниял-бек давно уже добивался от правительства княжеского титула, который не перешел к нему по наследству, а также когда-то обещанных его отцу орденов и поместья в России.

Когда о его претензиях доложили императору, тот отказал, решив, что с Даниял-бека достаточно и того, что ему оставили султанат, что хватит с него генеральского звания и жалованья. И что пусть дает свою милицию, а блага земные добывает в боях с Шамилем.

Несмотря на угрозы Нейдгардта, Даниял-бек продолжал отсиживаться в своем султанате и участвовать в походах не собирался. Это могло дурно повлиять на поведение других вассалов, и Нейдгардт спешно отправил в Элису генерала Г. Шварца с сильным отрядом. Не застав султана, Шварц захватил Элису и ликвидировал султанат, обратив его в обыкновенный уезд.

Даниял-беку ничего не оставалось, как перейти к Шамилю. Имам принял его с почестями, хотя и подозревал, что не выйдет из султана надежного союзника. В будущем его опасения оправдались самым печальным образом. Тем не менее, видя в переходе Даниял-бека крупную политическую победу, он назначил его мудиром — начальником четырех наибств, а затем даже женил своего сына Гази-Магомеда на дочери бывшего султана — Каримат. Гази-Магомед любил свою красавицу-жену. Но воспитанная в аристократическом семействе, учившаяся в Тифлисе, знавшая европейские языки и высший свет при дворе наместника, Каримат отличалась независимым характером, и ее отношения с мужем долго не складывались.

Став мудиром, Даниял-бек попытался вернуть свои владения силой, но поход его не имел успеха.

НЕЙДГАРДТ УМЫВАЕТ РУКИ

Нейдгардт начал широкие боевые действия в июне 1844 года. Большие отряды генералов Клюки фон Клюгенау, А. Лидера, а, М. Аргутинского-Долгорукого под общим началом Нейдгардта попытались взять в кольцо Шамиля, выдвинувшего около 20 тысяч мюридов к границам прибрежных царских владений. Позиционные бои у Хубарских высот, у Буртуная, за село Акуша тормозили движение. Шамиль, руководствуясь своими тактическими соображениями, изматывал противника и в решительные сражения не вступал. На занимаемых территориях Нейдгардт находил пустые аулы, выжженные поля и абсолютное отсутствие провианта и фуража.

Подобная тактика была характерна для всего Кавказа. Т. Лапинский писал, как это происходило у абазин:

«В то время как мужчины бросаются навстречу врагу, женщины укладывают свои небольшие пожитки на телегу, лошадей или себе на спину; дети гонят стада в лес, и все это происходит так скоро, что в четверть часа двор покидается и делается необитаемым и пустым. Только неспособный к войне старик или маленький мальчик поддерживает большой огонь в одной из хижин; он прислушивается жадно к сражению и боевому кличу, и если неприятель уже близко, то бросает приготовленные головы на соломенные крыши хлебных амбаров и хижин и исчезает в лесу.

...Удивительно, что, когда раздаются первые выстрелы и боевой клич, лошадей, рогатый скот, овец и коз не нужно даже выгонять. Все животные бросаются, как будто они понимают, в чем дело, со всех ног в ближайший лес; нужно только им отворить ворота; даже домашняя птица, как куры, гуси и утки, спасается в ближайшую рощу».

Для связи горцы использовали особые сигналы. Т. Лапинский писал, как это делали адыги: «Предводитель спросил, подражая крику шакала, все ли в порядке и готовы ли мы; каждый из нас, который вел один из восьми отрядов, отозвался на крик. Через четверть часа, когда все стояли уже готовые к тому, чтобы ринуться вперед, прозвучал со стороны предводителя крик совы — условный знак к движению вперед. 8000 человек моментально двинулись».

Горная пустыня, непрерывные обстрелы с окружающих высот и ночные налеты мюридов вынудили Нейдгардта отказаться от его

грандиозных планов.

Опасаясь крупных потерь, Нейдгардт не решился углубиться во владения Шамиля. Он предпочел основательно укрепиться на занимаемых позициях и занялся постройкой новых крепостей взамен отнятых Шамилем. А военные силы употребил на удержание от присоединения к Шамилю ингушей и черкесов.

Скромные успехи масштабных походов, лишь укрепившие могущество Шамиля, задели императора за живое. Его лучшие генералы, одолевшие великого Наполеона и державшие в страхе всю Европу, не могли справиться с простым горцем. Николай больше не желал терпеть унижений, подрывавших его авторитет в большой международной политике.

Нейдгардт невразумительно объяснял причины неудач предательством перебежчиков и разоблачением своей агентурной сети. И предостерегал от попыток покончить с Шамилем одним ударом. Сочтя Нейдгардта слишком слабым для решительного усмирения горцев, император отстранил его от командования, оставив лишь членом Военного совета.

Генеральному штабу было велено разработать план грандиозной экспедиции, чтобы решительным ударом в сердце Имамата — Дарго — покончить наконец с Шамилем и его государством.

Стратеги Генерального штаба очень осторожно отнеслись к повелению государя, ссылаясь на недостаток сил, средств и горький опыт прежних экспедиций подобного рода. Однако новой системы покорения гор Генеральный штаб предложить не смог. И Николай настоял на своем, соглашаясь на любые жертвы, лишь бы скоро и окончательно решить «кавказский вопрос».

НАМЕСТНИК ВОРОНЦОВ

Осуществителем своих чаяний государь избрал генерал-губернатора Новороссии и наместника Бессарабии графа Михаила Воронцова.

Наследник древнего дворянского рода, сын полномочного министра в Англии, Воронцов получил блестящее образование, имел большой боевой опыт и громкую славу. С Кавказом он был знаком с 1803 года, когда чуть не погиб во время экспедиции Гулякова в Закаталы.

Затем он участвовал во всех войнах и был ранен под Бородином, откуда уехал лечиться в свое имение, взяв с собой множество других раненых. В 1814 году он прославился отражением наступления Наполеона при городе Краоне. Затем несколько лет возглавлял Отдельный корпус в оккупированной Франции. Став в 1823 году генерал-губернатором Новороссии, занялся благоустройством края, развитием виноделия и выведением тонкорунных овец, устройством пароходного сообщения и постройкой роскошных дворцов в Крыму. Между тем успевал он и воевать, когда в этом случалась надобность.

Воронцову было уже 62 года, и отправляться на объятый войной Кавказ, где даже дети не расстаются с кинжалами, а воздух пронизан свистом пуль, Воронцову вовсе не хотелось. Куда приятнее было наслаждаться плодами немалых трудов своих под крымскими пальмами да дегустировать изысканные вина из собственных погребов.

Но государь был тверд, обещал сохранить за Воронцовым все прежние должности и дать ему неограниченные полномочия. Высочайшим указом граф Воронцов был назначен не только главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом, с подчинением ему и Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторств, но и наместником Кавказским. Вместе с учреждением звания наместника ему подчинена была и вся Кавказская область, находившаяся до этого в отдельном от Закавказского края управлении.

И граф решил: «Я стар и становлюсь дряхл, боюсь, что не в силах буду оправдать ожидания царя, но русский царь велит идти, и я, как русский, осенив себя знаменiem креста Спасителя, повинуюсь и пойду».

Воронцов вознамерился «тряхнуть стариной» и быстро навести на Кавказе надлежащий порядок.

25 марта 1845 года новый наместник и главнокомандующий на Кавказе прибыл в Тифлис и не мешкая отправился на театр военных действий.

Следом явилось на Кавказ, «на ловлю счастья и чинов», и множество честолюбивых офицеров, уверенных в скором падении Шамиля и надеявшихся сделать на ожидаемом триумфе хорошую карьеру.

Но открывать военные действия Воронцов не торопился. Он начал с наведения порядка во вверенном ему крае и в очередной раз его перекроил. Теперь весь Кавказ был разделен на четыре губернии: Тифлисскую, Кутаисскую, Шемахинскую и Дербентскую со своими губернаторами. Позже была образована еще одна губерния — Эриванская, а Кавказская область преобразована в Ставропольскую губернию. При этом собственно горская администрация не претерпела со времен Ермолова особых изменений и держалась на приставах, подчиненных начальникам отделов Кавказской линии.

Вместе с тем Воронцов начал переговоры с горцами, но мало чего добился. Даже прежних союзников Хаджи-Мурада и Даниял-бека не удалось завлечь обратно, хотя обещания Воронцова были весьма соблазнительными.

Штаб Воронцова предпринимал и другие подготовительные действия. Угрожающие прокламации, щедрые посулы и подкупы должны были ослабить сопротивление, но цели не достигали.

Рассерженный Воронцов пообещал раздавить Шамиля и стереть с лица земли Имамат. Вслед за тем было сформировано пять отрядов: Чеченский генерала от инфантерии А. Лидерса (13 батальонов, 13 сотен, 28 орудий), Дагестанский генерал-лейтенанта князя В. Бебутова (10 батальонов, 3 сотни, 18 орудий), Самурский генерал-майора князя М. Аргутинского-Долгорукого (11 батальонов, 17 сотен, 12 орудий), Лезгинский генерал-лейтенанта Г. Шварца (5 батальонов, 5 сотен, 12 орудий) и Назрановский генерал-майора П. Нестерова (5 батальонов, 16 сотен, 8 орудий).

«СУХАРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ»

Размах экспедиции и ее численность были беспрецедентными для Кавказа. Воронцов надеялся одним видом своих колонн вселить в горцев убеждение в бессмысленности сопротивления.

3 июня 1845 года Чеченский и Дагестанский отряды, выступив из крепости Внезапной и укрепления Евгеньевского, соединились в Салатавии у села Гертме. 5 июня войска под общим командованием М. Воронцова вступили в Гумбет, а 14 июня, после боя у горы Анчимеэр (Птичья гора), — в Андию.

Устрашившись невиданной силы, к Шамилю стали приходить представители некоторых обществ, прося вступить в переговоры с Воронцовым. Но Шамиль отвечал, что мягкостью или покорностью это войско назад не повернуть. И что лучше подготовиться к сражению. Гонцы имама полетели собирать набов и ополчение.

Вскоре Шамиль получил послание от Воронцова: «Пусть приходит Шамиль или для мира, или для сражения». На что имам ответил: «Если бы он требовал от меня мира, находясь у себя на родине, то я ответил бы ему речью, соответствующей месту и положению. Ну а в данное время уже не будет между мною и им ничего, кроме меча и битвы. Я готов сражаться с ним в любое время и днем, и ночью. Пусть приготовит любое количество людей».

Передовые отряды Шамиля использовали весь арсенал горной войны: обвалы, разрушение дорог и мостов, засады и завалы, обстрелы с неприступных высот и другие военные хитрости. Растянувшиеся на много верст колонны Воронцова не имели ни минуты покоя. Атаки горцев усиливались, потери росли, а цель экспедиции все отдалялась.

Тактика мертвых зон и выжженной земли, применявшаяся горцами в подобных ситуациях, приняла теперь небывалые размеры. Люди уходили, разрушая свои аулы. В занятых селах Воронцова ждали пепелища. Войска могли надеяться лишь на свои огромные обозы, которые находились в постоянной опасности.

Несмотря на протесты некоторых обществ, Шамиль твердо следовал избранной тактике. Богатый аул Анди прислал депутатов с просьбой разрешить им обороняться, но имам настоял на переселении жителей и велел сжечь аул. Андийцы не подчинились и решили защищать аул уже против Шамиля. Один из знатных андийцев убеждал Воронцова идти на

Анди, обещая, что остальные села испугаются и отойдут от Шамиля. А несколько других, желая снискать расположение Воронцова, принесли ему бурки. Бурки оказались весьма кстати, так как погода стала резко меняться и летнее обмундирование не спасало войска Воронцова от неожиданного похолодания.

За это андийский наиб Рамазан велел отрубить отступникам головы и выставить их на пути Воронцова с запиской: «Это воздаяние тем, кто ходил к вам. До сих пор мы вами не занимались. Но теперь вы увидите, что произойдет между нами и вами».

Вскоре Анди разделил участь других аулов на пути Воронцова.

Заняв выжженный аул, командующий издал приказ, из которого следовало, что первая часть плана экспедиции блистательно исполнена, «изверг» Шамиль обратился в бегство, не смея сопротивляться, и что признательность командующего его воинству за беспримерные подвиги обернется щедрыми наградами.

Войскам было разрешено отдохнуть перед дальнейшим движением. Пока хоронили убитых, вместо ожидавшихся депутатов от окрестных сел, просящих о пощаде и изъявляющих покорность, Анди был окружен шамилевскими мюридами и ополченцами.

Имам не атаковал, выжидая, пока обрушившийся на горы снег и холодный ветер не сделают свое дело.

Воронцов оказался в тяжелом положении. Холод и болезни косили отряд, а с окружающих высот били пушки Шамиля. Лошади гибли, не находя корма. Обмороженные солдаты делились с ними размокшими сухарями из своего скудного пайка. Порох сырел и приходил в негодность, а ружейные замки заедало от мороза. Шедший к Воронцову транспорт с припасами был захвачен горцами. Андийца, уверявшего Воронцова в скорой победе, командующий велел прогнать сквозь строй.

Те, кто раньше отговаривал Шамиля от сражения с многочисленным войском Воронцова, теперь спешили обрадовать его вестью о том, что неприступность пришельцев исчезла и мощь их погасла.

Путь к отступлению был отрезан. Но и в Анди оставаться было нельзя. Холод, голод и пули мюридов грозили огромному отряду бесславным концом. Воронцов не пал духом и решил идти дальше — на ставку Шамиля в Дарго.

Перевалив через высокий хребет Речел, его войска вступили в леса Ичкерии, где их ждали еще более тяжелые испытания, чем в горах Дагестана.

В лесной войне Шамиль применял «стратегию удава». Отряды

противника, преодолевая многочисленные завалы, под перекрестным огнем, с большими потерями втягивались в чрево дремучих лесов, где их рассекали на части и уничтожали. Как писал очевидец, «ичкерийские леса — это ужасная крепость. Неприятель из-за каждого дерева несет смерть, оставаясь сам не только неуязвимым, но и невидимым».

Но силы Воронцова были еще столь велики, что, несмотря на тяжелые потери, им удалось выйти к Дарго.

7 июля столица Имамата была занята. Однако от самой столицы осталось лишь название. Пустынное пепелище стало наградой Воронцову за все лишения и потери. Его положение напоминало положение Наполеона в горящей Москве. Это повергло Воронцова в мрачные предчувствия, которые скоро начали сбываться. В точности исполнивший приказ государя, он терпел сокрушительное поражение.

К окружившим его мюридам прибывало все новое ополчение, вдохновленное невиданными победами. Казалось, из чрева этого гигантского удава уже не выбраться.

Авангард под командованием генерал-майора И. Лабинцева переправился на левый берег реки Аксай, заняв села Белгатой и Центорой, но после многочисленных контратак горцев вынужден был вернуться в Дарго.

Тогда было решено попытаться выкрасть младшего сына Шамиля Магомеда-Шапи, надеясь этим принудить имама расчистить путь к отступлению. Аль-Карахи приводит рассказ о том, как к хозяину дома, в котором остановилась после ухода из Дарго семья Шамиля, был заслан его родственник, которому обещали нескольких мерок серебра и золота, если он поможет выкрасть мальчика. План почти удался: Магомед-Шапи, собиравший в лесу зелень со своими друзьями, зашел слишком далеко. Там его уже поджидали похитители с оседланными лошадьми. Почувствовав неладное, сын Шамиля стал звать на помощь, а его друзья побежали в село и рассказали о случившемся. Люди бросились на помощь и вырвали Магомеда-Шапи почти из рук похитителей.

Шамиль отправил семью в более безопасное место. А затем, на виду у Воронцова, демонстративно производил маневры и церемониальные марши своего «русского батальона» под сопровождение военных барабанов и флигель-горнов. Узнав бывших подчиненных и не снеся насмешки, командиры бросились в атаку на перебежчиков, но были отброшены.

Положение Воронцова становилось все более угрожающим. Высланный в лес для встречи транспорта с продовольствием и боеприпасами отряд Клюгенау попал в засаду и понес большие потери.

Остатки транспорта чудом пробились к главным силам, бросив большую часть имущества и три орудия.

Положение стало критическим. Воронцов сжег палатки, закопал пушки и начал отступление. Он решил пробиваться вниз по течению Аксая к Герзель-аулу, откуда к нему на выручку выступил отряд Фрейтага.

13 июля войска наместника форсировали Аксай и с непрерывными боями пошли через Белгатой, Центорой, Шуани, Урдали и Алерой. На этом пути все ужасы лесных боев повторились, но с той существенной разницей, что теперь войска отступали, а горцы их преследовали и беспрепятственно нападали со всех сторон. «Убивали их и валили, как сжатые снопы и срубленные деревья», — писал хронист Шамиля. Не менее ужасную картину рисовал очевидец из отряда Воронцова: «Около едва только прочищенных завалов образовались новые, составленные из трупов людей и лошадей, сваленных одни на другие». Уже женщины и дети вступали в дело, отбирая у обессиленных солдат лошадей и имущество. И был даже уведен в чащу мул, на котором везли казну отряда.

Во всем отряде обороняли теперь лишь ослабшего Воронцова, которого несли в железном сундуке. Холод и голод превратили отступление в сплошной кошмар. Для большинства пищей стали сок деревьев да дикие корни. Если у кого оказывался початок кукурузы, за него предлагали большие деньги, но никто не хотел быть богатым, но мертвым. Когда отряд уже не в силах был двигаться, устраивали стоянки, чтобы отдохнуть и собрать уцелевших.

На одной из таких стоянок пропала корова, которую специально держали для Воронцова, нуждавшегося в свежем молоке. Оказалось, что корову зарезали и съели ширванские милиционеры во главе со своим начальником Джавад-ханом. Опасаясь расправы за содеянное и считая дело конченным, Джавад-хан нанял за 100 золотых монет проводника, который тайными тропами вывел его из леса.

Спасение пришло неожиданно. Шамиль получил известие о смерти своей жены Патимат. Он должен был торопиться на похороны, но опасался, что без него Воронцов может выскользнуть из лесной западни. Наибы убедили имама, что и сами справятся и что полный разгром Воронцова неизбежен.

Весть о том, что Шамиль покинул место битвы, обнадежила Воронцова. 18 июля к нему сумел пробиться Фрейтаг с семьей батальонами, 300 казаками при 13 орудиях. Блокада была прорвана, и 20 июля остатки войск добрались до Герзель-аула.

Роберт Фрейтаг был сыном немецкого пастора, начал службу

прапорщиком в 1821 году, участвовал в Польской кампании 1831 года, а в 1838 году попал на Кавказ уже старшим адъютантом штаба Кавказского корпуса. Здесь он командовал войсками на Лезгинской кордонной линии, затем Куринским егерским полком, а с 1842 года — 2-й бригадой 20-й пехотной дивизии. За спасение Воронцова он получил чин генерал-лейтенанта.

Экспедиция Воронцова, вошедшая в историю под названием «Сухарной» или «Даргинской», стоившая 3631 человека убитыми, множества пленных, огромных материальных потерь и не принесшая никакой пользы, закончилась.

Оплакивая своих генералов Пассека, Викторова, Фока и Василевского, Воронцов горестно вздыхал: «Грозил мне шайтан Шамиль, и дело вышло так, как он сказал».

Вернувшегося в Тифлис Воронцова ждало новое огорчение. В придуманный еще Нейдгардтом открытый для всех почтовый ящик его канцелярии было подброшено анонимное письмо, в котором говорилось: «Эй ты, собака Воронцов! Да переломает Аллах ноги твои, отсечет руки твои, ослепит глаза твои и сделает немым язык твой. Ты навлек на нас несчастье. Из-за твоего злополучия пали на нас пять бедствий. Ты погубил большинство наших мужчин, загнав их в место гибели. На нас напала холера. Налетели на нас тучи саранчи и навлекли на нас голод. Произошло сильное землетрясение, которым разрушены дома и некоторые селения. Нас обрадовали твоим прибытием и мы, радуясь тебе, зря истратили три миллиона». Авторов письма так и не нашли, а содержание его стало широко известно.

Представ перед императором, Воронцов ожидал гневной отповеди. Однако Николай был милостив, возвел Воронцова в княжеское достоинство и оставил на прежних должностях.

Растроганный Воронцов просил царя о прощении и предлагал вернуться к системе Ермолова. Николай и его Главный штаб согласились, что следует на время воздержаться от крупных экспедиций и принять за правило неспешное продвижение в горы, надежно утверждаясь на занятых позициях.

ВЕДЕНО

После уничтожения Нового Дарго Шамиль не захотел возвращаться на пепелище и решил построить новую столицу Имамата. Выбирая место для ее устройства, Шамиль остановился на ровном месте посреди лесов, у реки Хулхулу, неподалеку от ичкерийского села Ведено. Земля была выкуплена у ее владельцев, и скоро здесь развернулось грандиозное строительство новой столицы. Она получила название Дарго-Ведено или просто Ведено.

Был составлен план поселения, сделаны чертежи построек с учетом их будущего назначения.

Все поселение, наподобие форта, было выстроено не из камня, как это делалось в Дагестане, а из дерева. Столица была окружена высоким валом и глубоким рвом, который при необходимости мог заполняться водами реки Хулхулу. От реки был проведен подземный канал с несколькими фонтанами, из которых население столицы брало воду. Через ров были переброшены подъемные мосты. Столица была окружена крепкой стеной с караульными службами по углам.

Внутри помещалось множество разных построек, в том числе и сама резиденция имама. Последняя, по горским понятиям, была настоящей крепостью, в центре которой стоял сам дворец Шамиля.

Дворец имама представлял собой почти правильный квадрат, обнесенный высоким забором. У ворот стояла стража, не пропускавшая внутрь никого без особого разрешения.

Шамиль жил в двухэтажном флигеле из трех комнат и крытой галереи по периметру. Вокруг, вдоль забора, располагались комнаты жен и детей, которые были самыми большими, а также комнаты тещи Шамиля и воспитательницы его детей. Сюда от флигеля Шамиля были проложены деревянные тротуары в виде подмостков, служившие защитой от грязи.

С комнатами жен соседствовали кухня и столовая, буфет, пекарня, чуланы, помещение с бассейном и источником. Здесь же была и семейная кладовая, где стояли цагуры — резные лари для муки, хранились продукты и вялилось мясо.

Отдельные помещения были отведены для содержания высокопоставленных пленников и заложников.

Все комнаты имели камины, двери, выходившие на общую галерею, и небольшие окна. Стекла имелись лишь в окнах Шамиля и его жен, остальные были закрыты промасленной бумагой.

Мебель заменяли полки вдоль стен, на которых хранилась домашняя утварь, одежда и постельные принадлежности. Полы были покрыты войлочными паласами и домоткаными коврами. У дверей в галерею стояли большие кувшины с водой, черпаки и тазы для умывания. В дальнем левом углу двора находилась конюшня.

Справа от входа был выстроен просторный кабинет, где Шамиль принимал гостей. Он же служил местом для высоких собраний, суда и канцелярией. С кабинетом сообщалась кунацкая — нечто вроде гостиницы для приезжих. Рядом размещалось и двухэтажное здание казны Имамата, где хранились деньги и драгоценности.

Все эти постройки охватывала еще одна стена, замыкавшаяся караульным помещением, рядом с которым находился и арсенал с различным вооружением и амуницией.

Позади резиденции Шамиля располагался квартал с домами мюридов. Перед резиденцией находились государственные учреждения и дома телохранителей имама. А слева — мечеть с высоким минаретом. При мечети была школа-медресе. Перед мечетью располагался базар. Вокруг было еще несколько кварталов с домами мюридов. Позади мечети стояли дома руководителей государства и главных мюридов — мудиров. Были в столице и тюремные помещения с ямами.

Справа от столицы, по течению реки, был устроен пороховой завод, мельницу и 24 огромные ступы которого приводили в движение воды Хулхулу. Таким образом производилось до 200 пудов пороха в год. Там же находились пороховые погреба и мастерские оружейников. Рядом раскинулось поселение горцев.

С другой стороны столицы, рядом с древним курганом, располагалась «русская слобода» с церковью для православных, костелом для поляков-католиков и молитвенным домом раскольничьей общины. Со временем здесь образовалась целая деревня с избами, где жили беглые солдаты.

Там же был устроен «пушечный двор», где отливались орудия и ядра. Зачастую большие трофейные медные пушки превращались в несколько легких горных. При нехватке металла в дело употреблялись тазы, кувшины и прочая медная утварь. Ядра отливались из тех же трофейных чугунных пушек. Делались ядра и из камней. Были здесь и другие мастерские ремесленников, изготавливавших различные военные принадлежности. Мастерские получали от Шамиля хорошее жалованье.

Принявшие ислам солдаты или перебежчики могли жениться на горянках, остальные устраивали быт по своему желанию и добывали себе жен в набегах.

Понимая, что жизнь без развлечений превратит Ведено в подобие монастыря, Шамиль учредил соревнования в борьбе, стрельбе, метании камня, прыжках и других видах горских состязаний. Главным же зрелищем были скачки, к которым горцы питали врожденную склонность. Призы лучшим джигитам Шамиль установил из собственных средств. Победители получали десять, пять или три рубля серебром, а если победителем становился мюрид — то ему полагался бык. Кроме природного пристрастия, Шамиль видел в скачках средство побуждения горцев к более тщательному уходу за лошадьми.

В окрестностях Ведено регулярно проводились учения, испытания новых орудий и снарядов.

ЖЕНИТЬБА НА ЗАГИДАТ

Победа над Воронцовым принесла Шамилю громкую славу. О несокрушимом вожде горцев заговорили в Европе и на Востоке.

Но горечь потери любимой жены, многие годы делившей с ним победы и поражения, затмила радость триумфа. Патимат оставила ему троих сыновей и двух дочерей. Сыновья уже подросли. Старший все еще находился в заложниках у царя. А две дочери — 4-летняя Написат и Патимат, которой еще не было и года, — нуждались в заботе и попечении.

Шуайнат, едва свыкшаяся с беспокойной горской жизнью, с трудом управлялась в доме Шамиля. К тому же она была единственной женой, которой позволялось навещать Шамиля на театрах военных действий. Укутанную в чадру и платки Шуайнат везли под сильным конвоем, охраняя пуще имамской казны. По прибытии на место для нее разбивали особый шатер и давали знать Шамилю.

Но все понимали, что с уходом Патимат дом лишился, как говорят горцы, опорного столба. Начали поговаривать о том, что имаму следует жениться еще раз. Что домом должна заниматься настоящая горянка.

Когда в новой столице поселился шейх Джамалуддин Казикумухский с семьей, Шамиль обратил внимание на дочь своего наставника Загидат. Ей тогда только исполнилось 16 лет, но это была девушка замечательная во многих отношениях. От отца она унаследовала ум и проницательность, благородный облик, была необычайно образованна, читала наизусть Коран и могла соперничать с учеными-алимами в знании богословских наук.

Шейх согласился отдать дочь за Шамиля. Шуайнат не возражала. Кроме прочего этот брак стал благом и в политическом смысле: женой аварца Шамиля стала лачка, да к тому же наследница семьи Пророка. Многонациональность Имамата укреплялась кровно и духовно. С скромная свадьба состоялась в середине 1846 года.

Молодая жена оказалась к тому же весьма сметливой и расторопной в житейских делах. Вскоре в ее руках оказались все ключи дома, а быт обрел размеренность и твердые правила.

Шуайнат с радостью уступила ей право называться старшей женой, хотя Загидат была намного ее моложе. Себя Шуайнат не без оснований считала любимой женой Шамиля, и это положение было ей несравненно дороже права руководить хозяйством большого имамского дома.

ПОХОД В КАБАРДУ

Шамиль прилагал усилия для привлечения в Имамат горцев Западного Кавказа. Уже не раз являлись к нему посланцы от адыгов, балкарцев и ингушей, заверяя, что с появлением отрядов Шамиля население поголовно восстанет и перейдет на его сторону. Даже некоторые князья, недовольные царскими порядками, согласны были принять шариат и влиться со своими людьми в государство Шамиля.

Западный Кавказ, вплоть до Черного моря, был охвачен волнениями: народы восставали против выселения их с родных мест, выходили из подчинения своим дворянам и требовали полного равенства по примеру Имамата. В ответ бывшие владельцы просили царские власти вернуть чернь в прежнее состояние. Подавление одного восстания приводило к уже повсеместным волнениям с изгнанием дворян и конфискацией их собственности.

16 апреля 1846 года во главе почти 20-тысячного отряда Шамиль двинулся в Кабарду. Используя благоприятную ситуацию, он намеревался поднять на совместную борьбу Западный Кавказ и перерезать Военно-Грузинскую дорогу.

В этот период происходила передислокация войск царской армии: одни части расформировывались, другие выводились в Россию и заменялись свежими. В возникшей неразберихе поход Шамиля оказался полной неожиданностью.

Попытки усилить гарнизоны Сунженской линии успехом не увенчались. Отряд Шамиля пробился через линию и вошел в Кабарду. И в который уже раз положение спас вездесущий Фрейтаг, взявший инициативу на себя. Собрав еще дееспособные части, он бросился преследовать Шамиля.

Командование приняло экстраординарные меры для удержания населения от присоединения к Шамилю: знать пошла на значительные уступки крестьянам, были отменены наиболее тяжкие повинности, а агентура не жалела денег на подкупы.

В результате, вопреки заверениям своих посланцев, основная часть населения имама не поддержала, отказывая мюридам даже в провианте и фураже. Вскоре к Шамилю явился один из почитаемых предводителей кабардинцев. Он подарил имаму прекрасного скакуна и дал понять, что Шамилю лучше вернуться обратно. К тому же возникла реальная

опасность окружения и отряд имама мог оказаться в ловушке. Чтобы не оказаться отрезанным от своих основных сил в Имамате и успеть к переправам прежде царских войск, отряду Шамиля пришлось совершить стремительный бросок назад. За полтора дня было преодолено расстояние в 140 верст.

Однако переправа на Тереке оказалась занятой отрядом полковника Меллера-Закомельского. Для открытия переправы была брошена конница Хаджи-Мурада, которая оттеснила противника и позволила отряду имама благополучно перейти реку. Вместе с имамом ушли некоторые кабардинские князья и простые горцы.

С тех пор Шамиль начинал новые походы, полагаясь только на собственные силы.

БОИ ЗА АКУША-ДАРГО

После неудачного похода на северо-запад Шамиль начал кампанию на юго-востоке. В начале октября с отрядом в 20 тысяч человек он вторгся на территорию Даргинского округа, граничившего с Имаматом в Среднем Дагестане и сохранявшего относительный нейтралитет в военных действиях. Шамиль переправился через реку Кара-Койсу и занял крупные даргинские села Цудахар и Хаджал-Махи.

Часть отряда во главе с Даниял-беком направилась в верхние казикумухские общества для отражения возможного появления Самурского отряда генерала Аргутинского, а сам Шамиль углубился в даргинские земли, занимая одно село за другим. И повсюду находились желающие влиться в отряды имама.

12 октября Шамиль занял Акушу и назначил управляющим кадием своего сторонника Абакара-Хаджи. Восстание разрасталось. К нему уже готово было примкнуть население Приморского Дагестана.

Остановил Шамиля командующий войсками в Северном Дагестане генерал-лейтенант В. Бебутов. Его отряд стремительно выдвинулся к аулу Аймаки, выбил из него мюридов, занял большое село Лаваши и 15 октября подступил к селу Кутиши, в котором Шамиль имел выгодную позицию.

Шамиль намеревался заманить Бебутова в узкое ущелье у села Аймаки, где засел Хаджи-Мурад, окружить отряд, а затем разбить или взять его измором.

Но Бебутов не поддался на уловку и неожиданно ночью атаковал Шамиля в Кутишах. Причем прорвавшие оборону с двух сторон драгуны спешились и ударили в штыки.

Несмотря на отчаянное сопротивление, Шамиль эту битву проиграл и был вынужден уйти за Аварское Койсу, оставив на позиции пушку и трофеи.

Подоспевший было на выручку Хаджи-Мурад со своим отрядом и повстанцами окружил арьергард Бебутова, но силы оказались слишком неравны. Хаджи-Мураду пришлось отступить, как и Шамилю, с большими потерями.

Узнав о поражении Шамиля, Даниял-бек тоже отступил, не дав решительного сражения наступавшему на его позиции отряду Аргутинского.

Воронцов ликовал и во всеподданнейшем отчете Николаю I самым

подробным образом описал крупный успех своих войск против Шамиля, уверяя, что «в Среднем Дагестане не осталось ни одного мюрида».

Стремясь перехватить инициативу, Воронцов повел политическую атаку. Повсюду были разосланы воззвания, предостерегавшие горцев от продолжения войны и сулившие всевозможные блага всем, кто от имама отступится. Кроме того, полагая, что трон Шамиля сильно пошатнулся, наместник пробовал наладить тайные связи с влиятельными сподвижниками имама.

Заканчивая год без явных успехов, но и без особых потерь, Воронцов мог считать его удачным, если бы под самое Рождество громко не напомнил о себе дерзкий Хаджи-Мурад.

ХАДЖИ-МУРАД ПОХИЩАЕТ ХАНШУ

Старая обида на Ахмед-хана, оклеветавшего его перед Ключеганау, не давала Хаджи-Мураду покоя. И теперь он решился отомстить. А так как Ахмед-хан Мехтулинский умер в 1843 году, объектом мести Хаджи-Мурада стала ханская семья. Вдова хана Нух-Бика жила в Дженгутае — столице Мехтулинского ханства, неподалеку от Темир-Хан-Шуры.

Не спросив Шамиля, Хаджи-Мурад с партией из двухсот мюридов двинулся ненастным вечером к Дженгутаю. Там стоял гарнизон из батальона пехотинцев, и жители чувствовали себя в полной безопасности. На это отчаянный храбрец и рассчитывал. И еще он рассчитывал на быстроту своих коней и отвагу товарищей. Те, кто в конях своих не был уверен, остались в засаде на случай преследования Хаджи-Мурада войсками противника. Остальные, проскакав 30 верст от границ Имамата до Дженгутая, к полуночи оказались перед окружавшей аул стеной. Несколько ворот в аул охранялись караулами. Один из караулов был молниеносно истреблен. Через несколько минут Хаджи-Мурад и его сподвижники были уже у ханского дворца, стоявшего на возвышении за стеной с крепкими воротами и охраной. Без малейшего шума была снята и эта охрана, но ворота оказались запертыми изнутри. Однако стоило Хаджи-Мураду свистнуть, подавая условный знак, как ворота отворились будто сами собой. На самом деле их открыла сестра Хаджи-Мурада, служившая в ханском доме и предупрежденная о готовящемся визите.

Дворец был подвергнут стремительному разорению. Но главными трофеями храбрецов стали Нух-Бика и вторая жена покойного хана Фатима. Когда в Дженгутае забили тревогу, Хаджи-Мурад с богатой добычей уже мчался к своей ставке в Хунзах и даже не слышал звучащих вслед выстрелов.

Внезапность, быстрота и полный успех предприятия повергли в изумление издавших виды джигитов.

Шамиль был недоволен самоуправством Хаджи-Мурада. Зато участники набега были горды своим удалством и богатой добычей, которую их наиб честно разделил между всеми, за вычетом части, полагавшейся в казну Имамата. Против того, чтобы вдохновитель набега оставил плененную Нух-Бику у себя, никто не возражал. Лишь Даниял-бек, которому пленница приходилась тещей, пытался выволить ее из-под власти Хаджи-Мурада. Но Хаджи-Мурад не желал ее отдавать, рассчитывая

получить большой выкуп. Даже за 5 тысяч рублей серебром, которые Даниял-бек предложил в качестве выкупа. Он требовал, чтобы к выкупу была прибавлена прекрасная служанка Даниял-бека, которой тот очень дорожил.

Даниял-бек попытался обратиться к Шамилю, но имам не считал себя вправе отнимать у кого-либо военную добычу, если это не затрагивало государственные интересы Имамата. Ханша так и оставалась в доме Хаджи-Мурада, пока не поползли слухи, что она интересуется Хаджи-Мурада не только как военный трофей, но и как необычайно красивая женщина.

Шамилю все же пришлось вмешаться. До получения выкупа ханша была передана в дом отца погибшего наиба Ахбердилава.

Действительно ли между отважным наибом и прекрасной пленницей возникли взаимные чувства или слухи эти были пустыми измышлениями завистников — доподлинно неизвестно. Очевидным было лишь то, с какой неохотой возвращал свою пленницу Хаджи-Мурад, когда ему доставили выкуп и служанку Даниял-бека.

Вернувшись домой, Нух-Бика, в свою очередь, была измучена нелепыми слухами о ее жизни в плену. Устав от сплетен, в которых особенно преуспела одна из ее знакомых ханш, Нух-Бика будто бы послала тайную весточку Хаджи-Мураду с просьбой положить конец проишкам этой знатной дамы. И наиб не замедлил исполнить просьбу, выкраив не в меру словоохотливую ханшу точно таким же образом, как и Нух-бику, и получив затем большой выкуп.

Когда смутная молва дошла до самого Воронцова, он и вовсе заподозрил ханшу в тайном сговоре с Хаджи-Мурадом с целью вызволить из плена мюридов. На все просьбы Нух-Бики о компенсации за утраченное имущество наместник уклончиво отвечал, что государь-де еще подумает, как решить ее дело, а пока не плохо было бы убедить его в своей преданности.

НАСЛЕДНИКИ ФАБИЯ

Дерзкая вылазка Хаджи-Мурада и прорыв Шамиля за кордонную линию в Кабарду побудили Воронцова с новой силой взяться за постройку укреплений. Он надеялся окончательно замкнуть кольцо вокруг Имамата, исключить прорывы горцев на равнину и закрыть главные проходы в Средний Дагестан.

Подобная тактика была известна еще со Второй Пунической войны римлян против карфагенян. Тогда римский консул и полководец Квинт Фабий по прозвищу Кунктатор (Медлитель) начал строить грандиозные укрепления, перегораживая узкий Апеннинский полуостров и постепенно оттесняя непобедимого Ганнибала Барка на южную окраину, в бесплодные горы Калабрии. В результате Ганнибалу пришлось уплыть в Африку, где его настиг отправившийся следом Сципион и разгромил при Заме.

Та же тактика была применена и против Спартака. Но в отличие от Ганнибала, вождь восставших рабов не имел своего флота, а пираты, обещавшие взять на борт восставших, обманули Спартака и отчалили с уплаченными им деньгами. Спартак был вынужден пробиваться обратно на север, где был разгромлен и погиб в битве с римским полководцем Крассом.

На время выстрелы на Кавказе смолкли, уступив поле битвы топорам.

В Дагестане воздвигались мощные укрепления с штаб-квартирами в Чир-Юрте, Ишкартах и Дешлагаре. А укрепления в Хаджал-Махи и Цудахаре начали новую линию по Казикумухскому Койсу, почти у самых границ Имамата в Дагестане.

На юге, на Лезгинской линии, тоже надеялись оградиться от Шамиля новыми крепостями и прокладкой Военно-Ахтынской дороги.

Строились новые укрепления, имевшие между собой надежные коммуникации, и на передовой Чеченской линии. Там особый размах приняла вырубка просек через густые леса, в которых мюриды чувствовали себя, как в неприступной крепости.

Война с деревьями представляла из себя серьезную военную операцию. Отряды солдат-лесорубов действовали по особой тактике, принимаясь за дело еще затемно и возвращаясь в лагерь до полудня.

Лесорубов охраняли заградительные команды, которые заранее оцепляли часть леса, подлежащего уничтожению. Разведчики занимали места впереди, затем устраивалась цепь снайперов, далее лесорубов

окружала пехота и драгуны, в тылу которых стояла артиллерия, готовая отразить нападение горцев.

Места вырубки держались в секрете, направления часто менялись, но в целом получалась огромная просека, иногда на ружейный, иногда и на пушечный выстрел в обе стороны, а порой и в несколько километров шириной. Срубленные деревья сжигались в огромных кострах.

Перед укреплениями и вдоль рек леса сводились особенно широко, чтобы обезопасить гарнизоны от внезапных нападений, а переправы и мосты — от разрушения. Тут же ставились высокие сторожевые башни.

Топоров и пил не хватало, а те, что были, быстро тупились от непривычно вязкой и прочной древесины кавказских пород деревьев. Орудия для дровосеков стали завозить из Европы и даже Америки целыми кораблями.

Горцы препятствовали лесорубам как могли. Засады, окружения и ночные нападения перемежались с пушечной стрельбой. В темноте из поваленных деревьев воздвигались завалы, вокруг которых разгорались потом настоящие бои.

Очевидец тех событий Л. Толстой описал их в рассказе «Рубка леса»: «...Артиллеристы, как и всегда, вели себя превосходно, проворно заряжали, старательно наводили по показавшемуся дыму и спокойно шутили между собой. Пехотное прикрытие в молчаливом бездействии лежало около нас, дожидая своей очереди. Рубщики леса делали свое дело: топоры звучали по лесу быстрее и чаще; только в то время, как слышался свист снаряда, всё вдруг замолкало, средь мертвой тишины раздавались не совсем спокойные голоса: «сторонись, ребята!» и все глаза устремлялись на ядро, рикошетирующее по кострам и срубленным сучьям...

Дело вообще было счастливо: казаки, слышно было, сделали славную атаку и взяли три татарских тела; пехота запаслась дровами и потеряла всего человек шесть ранеными; в артиллерии выбыли из строя всего один Веленчук и две лошади. Зато вырубили леса версты на три и очистили место так, что его узнать нельзя было: вместо прежде видневшейся сплошной опушки леса открывалась огромная поляна, покрытая дымящимися кострами и двигавшимися к лагерю кавалерией и пехотой. Несмотря на то, что неприятель не переставал преследовать нас артиллерийским и ружейным огнем до самой речки с кладбищем, которую мы переходили утром, отступление сделано было счастливо».

Обе стороны несли потери, но гигантский рубанок медленно и неотступно продвигался в горы, превращая вековые леса в подобие французского регулярного парка.

Попадавшие на пути села разделяли судьбу окружающей природы. Жителей побуждали переселяться вниз, в окрестности крепостей, но большая часть заранее уходила в горы. Туда же мигрировали и исконные жители лесов — звери и птицы, напуганные канонадой и несмолкаемым стуком топоров.

В ответ Шамиль решил и сам огородиться от российских владений. Начались работы по возведению укреплений в аулах Зубутли, Ирганай, Гергебиль, Салта и Чох на реках Кара-Койсу, Судак и Аварское Койсу.

Именно эти укрепления и стали в последующие годы главными пунктами военных действий.

Не ограничиваясь привычными средствами, имам велел соорудить плотину на реке у Гергебиля. Он рассчитывал взорвать ее при наступлении противника и смыть царские войска вместе с лагерем. Большая часть работ была уже закончена, но неожиданные дожди и сильный паводок обрушили сооружение задолго до намеченного срока.

Возводя крепости и укрепления, Шамиль не забывал возмещать ущерб горцам, земельные участки которых были заняты под военные нужды. «... А те поля и поместья, — писал Шамиль наибу, — которые мы повредили, сооружая оборонительные укрепления во владениях наших чохских братьев, возместить пахотными землями казны и поместьями... Ибо у Аллаха всему утраченному — возмещение и всему минувшему — замена. И мир».

ОБОРОНА ГЕРГЕБИЛЯ

Воронцов опасался, что возведение «шамилевской стены» станет непреодолимым препятствием к покорению гор. И решил опередить имама, нанеся удар по Гергебилию. Аул, стоявший над Кара-Койсу, занимал стратегическое положение как узел, через который пролегали пути в нагорный Дагестан.

Исправляя по пути дороги, строя мосты и отбиваясь от беспокоивших отряд партий мюридов, Воронцов двинулся к Гергебилию во главе Дагестанского отряда. 1 июня 1847 года аул был осажден.

Получив тревожное известие от гергебельского наиба Идриса, Шамиль двинулся ему на помощь.

Но прежде него к Гергебилию явился с юга Самурский отряд Аргутинского.

3 июня Воронцов начал артиллерийский обстрел. К концу дня удалось пробить в стене крепости большую брешь.

Воронцов был уверен в скором успехе и пошел на штурм, хотя Аргутинский и предостерегал его от поспешных наскоков. Но жажда мщения за позор «Сухарной экспедиции» влекла Воронцова в зияющий оскал Гергебельской крепости.

Бои продолжались несколько дней. Гарнизон Гергебиля отражал все атаки. Жители аула были заблаговременно отправлены в безопасные места, а в крепости остались лишь опытные воины с ополчением. Нападавших ждала многоярусная оборона, «волчьи ямы» и сакли с фальшивыми крышами, крепкие завалы и каменные укрепления с узкими бойницами и подземными ходами.

По ночам защитники Гергебиля делали вылазки, приводя в негодность штурмовые башни Воронцова, а другая часть мюридов, засевшая в густых гергебельских садах, непрерывно обстреливала лагерь наместника, угоняла по ночам лошадей и совершала другие диверсии.

Подоспевший Шамиль намеревался ударить в тыл Воронцову, но был предупрежден о разразившейся в лагере наместника эпидемии холеры и не стал рисковать. Он хорошо знал, что болезнь и без его помощи одолеет наступающих. Разнесся слух, что в источниках, откуда брали воду защитники крепости, найдены трупы сдохших от холеры животных. Схватки стали еще яростнее, так как защитники уже боролись не только с отрядами Воронцова, но и с наступающей вместе с ними эпидемией.

Израсходовав весь артиллерийский запас и убедившись, что взять Гергебиль не удастся, Воронцов счел холеру подходящим предложением, чтобы прекратить осаду и ретироваться. Но все понимали, что наместник потерпел новое поражение, потеряв более 600 человек убитыми и ранеными.

Когда защитники вышли из крепости, они нашли вокруг Гергебиля лишь трупы животных, пепел костров и брошенные осадные лестницы.

САЛТА — ВТОРОЕ АХУЛЬГО

Чтобы «сохранить лицо» и взять реванш за неудачу под Гергебилем, Воронцов решил уничтожить другую опору «шамилевской стены» — аул Салта.

Расположенный на склоне горы, он являл собой типичное горское поселение. Дома располагались террасами, один над другим, образуя уходящую ввысь гигантскую лестницу. Слева от аула зияла пропасть, с другой стороны наливались плодами богатые сады, подступы к аулу были иссечены оврагами. Инженеры Шамиля окружили Салта высокой каменной стеной с башнями и бойницами, глубокими рвами и блиндажами. Сакли самого аула были превращены в многоярусную цитадель, разделенную на несколько оборонительных линий, которые, в свою очередь, были перегорожены завалами и сообщались между собой подземными ходами.

Разведка Шамиля сообщала о большом количестве войск, готовящихся выступить из штаб-квартиры в Хаджал-Махи, о Самурском отряде Аргутинского, идущем на соединение с Воронцовым, о мобилизации милиции горской знати, о разработке дорог, о подвозе новых орудий и устройстве больших артиллерийских складов, о заготовке провианта и фуража.

Понимая, какой силы готовится удар, Шамиль призвал на защиту крепости лучших мюридов и наибов.

26 июля 1847 года колонна царских войск, состоявшая из пехоты, стрелков, саперов, драгунских дивизионов, казаков, конной и пешей милиции, нескольких орудийных и ракетных команд, других штурмовых и вспомогательных частей, подступила к крепости.

Салтинским гарнизоном командовал наиб Идрис, прославившийся защитой Гергебильской крепости.

Горцы пытались остановить колонну, устраивали нападения и обстрелы, но авангард отбивал все покушения, обеспечивая движение войск.

Опасаясь новой личной неудачи и сославшись на воспаление глаз, Воронцов поручил общее руководство войсками командиру Дагестанского полка полковнику Н. Евдокимову.

Штурмовыми колоннами командовал Аргутинский. Видавший виды генерал, по своему обыкновению, не торопился брать приступом Салтинскую крепость. Первым делом он постарался организовать осаду по

всем правилам военного искусства и с поправкой на собственный богатый опыт горной войны.

После детальной рекогносцировки местности были составлены подробные осадные планы, намечены направления основных ударов и устройства подземных минных галерей.

Затем, став лагерем неподалеку от аула, войска Воронцова открыли непрерывный артиллерийский огонь. Они методично разрушали крепостные сооружения, надеясь, что горцы капитулируют. Однако гарнизон в Салта это не смутило. Подбадриваемые огнем Шамиля с окрестных высот и частыми нападениями его отрядов на тылы войск Воронцова, салтинцы отражали все атаки. А разрушенные днем укрепления заново возводили ночью.

Тогда под прикрытием артиллерийской канонады войска Воронцова начали занимать овраги на подступах к Салта, строить блиндажи и редуты, рыть траншеи и устраивать безопасные ходы, постепенно приближаясь к крепости.

Осадные постройки закрывались от пуль и ядер турами — плетеными корзинами с землей и камнями. Снизу они выстилались фашинами — пучками ветвей и снопами пшеницы из окрестных садов и полей.

Тем временем саперы скрытно, тихой сапой, пробивали подземные галереи к стенам и главным башням крепости. Одна из таких подземных траншей была проведена даже сквозь салтинское кладбище.

Горцы почувствовали, откуда исходит главная опасность, и приняли контрмеры, пробивая уже свои подземные ходы под артиллерийские расчеты противника.

До открытого штурма было еще далеко, но скрытая от глаз подземная война уже началась. Проведя галерею, саперы закладывали в минные колодцы в среднем по 50 пудов пороху и производили взрывы, разрушая стену и башни.

Горцы таким же способом подрывали орудия неприятеля. В этом подземном лабиринте противники проходили в сажени друг от друга, встречались, вступали в схватки, нападали и отступали. Один мощный заряд противника горцы подорвали ружейным выстрелом через тонкую стену из своего подземного хода.

Стараясь поджечь деревянные укрытия, под защитой которых подбирались солдаты, горцы осыпали их кусками раскаленной меди и гранатами, вставленными в кувшины с нефтью. В ответ, навесным огнем, мортиры громили укрепления Салта раскаленными ядрами.

Кроме того, горцы бросали в осаждавших увесистые камни. Искусство

и точность, с какими они метали свои снаряды на манер античных дискоболов, удивляли солдат. Но для горцев это было делом обычным из-за постоянных упражнений в этом традиционном состязании.

Шамиль, наблюдавший за битвой с соседней горы, не оставлял попыток помочь осажденным. На помощь им он двинул ополчение во главе с Кебед-Магомой, Даниял-беком и Хаджи-Мурадом.

Горцы пытались пробиться по нескольким направлениям, но всюду встречали хорошо организованную оборону и множество засад. В салтинских садах, через которые к осажденным поступало пополнение и продовольствие, тоже шла непрерывная война. Особенно сильные схватки происходили ночью. Но лишь отдельным отрядам горцев удавалось пробиться в Салта. Вскоре сады были вырублены до последнего дерева и сожжены, и связь Салта с внешним миром была окончательно прервана.

Осажденные запросили у Шамиля разрешения оставить аул ввиду невозможности его дальнейшей защиты, но получили решительный отказ и обещали биться до конца.

Упорная защита сопровождалась непрерывными вылазками. Но осажденные все больше испытывали нужду в пище и недостаток в оружии. Сверх того, среди защитников Салта разразилась холера, вызванная тем, что от аула отвели воду, а в те источники, которые не удалось перекрыть, сваливали навоз и дохлую скотину.

Войска Воронцова исправно получали пополнение и все необходимое, включая говядину и водку, из заранее устроенных тыловых складов. Для этого были исправлены дороги, построены мосты и заняты удобные переправы. Хаджи-Мурад пытался помешать поставкам, регулярно нападая на колонны и транспорты, однако не в силах был их остановить.

Защитники Салта высмотрели, где были устроены пороховые склады Воронцова, и двое мюридов отважились сделать ночную вылазку. На пути им пришлось выдержать несколько стычек, один из мюридов погиб, но другой, смертельно раненный, все же сумел добраться до цели. Отбиваясь от караула, он бросился в пороховой погреб и взорвал его вместе с собой.

Но осадные работы не прекращались ни на день. Отвлекающими маневрами и демонстративными подкопами удалось отвлечь горцев и скрытно подвести минные галереи под основные крепостные сооружения. 8 сентября с помощью новшества — гальванических батарей — были синхронно произведены грандиозные взрывы. Небо сделалось черным, а когда дым рассеялся, оказалось, что главная башня и стены вокруг нее почти полностью уничтожены.

Под массированным пушечным огнем Аргутинский бросил свои

отряды на решительный штурм. За разрушенной стеной их встретили уцелевшие ярусы обороны.

Аргутинский был ранен в лицо, но продолжал руководить штурмом. Он велел устроить в уцелевших башнях свои батареи, чтобы громить аул уже прямой наводкой.

Еще несколько дней продолжались отчаянные схватки в лабиринтах салтинского монолита. Осыпаемые пулями и градом камней солдаты брали завал за завалом, саклю за саклей. Горцы запирались в последних укрытиях и не желали сдаваться. Тогда внутрь летели гранаты, которые горцы, если успевали, выбрасывали обратно.

Только 14 сентября последние уцелевшие защитники оставили превращенный в груду камней Салта. Однако на этом военные действия не прекратились: беззащитный аул подвергся полнейшему разрушению, пока не превратился в курган из камней посреди гигантского пепелища.

Отслужив панихиду по убитым, Воронцов обратился к войскам с торжественной речью. Поздравив войска с победой и отдав им должное за «неустранимость в боях и в штыковом деле», главнокомандующий обрисовал общий ход операции и отметил мужество горцев, которые «дрались отчаянно», но последнее объяснил «страхом перед Шамилем». Потери он назвал не особенно великими, тем более что «славно умереть за веру, Царя и Отечество», а солдат объявил «достойными подданными великого государя», у которого обещал испросить для всех награды.

Награды последовали весьма скоро: офицеры получали ордена и новые звания, а отряды — памятные знамена с надписью «За Сайты».

Были захвачены и трофеи — несколько пушек и знамен Шамиля. Но главной добычей Воронцов считал найденные неподалеку месторождения каменного угля и торфа. Теперь Воронцов мог обеспечить зимними квартирами свои войска в Кази-Кумухе и Хаджал-Махи, не отводя их в более теплые приморские гарнизоны. Тем самым утверждались позиции на кордонной линии у границ Имамата, затруднявшие Шамилю вторжения в подвластные Воронцову дагестанские владения.

ПРОФЕССОР ПИРОГОВ

Взятие Салта стало первой победой Воронцова над Шамилем. Но триумф наместника омрачался тем, что ни тот ни другой не принимали в битве непосредственного участия. А также огромными материальными потерями (было выпущено более 12 тысяч артиллерийских снарядов) и большим количеством жертв, делавшими победу весьма относительной.

Погибшие на войне — дело неизбежное. Но, к несчастью для Воронцова, среди убитых был и специальный посланник Генерального штаба граф У. Гейден, известный особым расположением к нему императора. В целом же штурм Салта стоил Воронцову 535 убитых и 1888 раненых.

Шамиль, в свою очередь, не считал Салта своим поражением. Хотя со стороны горцев потери тоже были немалые: только в Салта погибло более 500 человек, среди которых был и наиб Идрис Гергебильский.

Жертв со стороны Воронцова могло быть еще больше, если бы не присутствие на театре военных действий знаменитого хирурга Николая Пирогова.

К тому времени профессор госпитальной хирургии и прикладной анатомии Пирогов был мировой знаменитостью. Как особо одаренный «природный россиянин», он учился за казенный счет у лучших зарубежных анатомов и хирургов, которых затем и превзошел. Многочисленные опыты над животными, изучение распилов замороженных трупов, большой практический опыт одаренного хирурга сделали его недостижимым авторитетом. А научные труды Пирогова по военно-полевой хирургии, его анатомические атласы, «Начала военно-полевой хирургии», «Курс прикладной анатомии человеческого тела» и многие другие стали классическими для многих поколений хирургов.

На Кавказе Пирогов не только спасал раненых, но и продолжал свои научные исследования, впервые в полевых условиях применив эфирный наркоз, который прозвали «замиряющими каплями», гипсовые повязки и замену ампутаций резекциями.

Как истинный врач, Пирогов не делал различия между «своими» и «чужими», оказывая необходимую помощь всем, кто в ней нуждался, включая пленных горцев, найденных в руинах Салта. При операциях они отказывались от наркоза, считая его «шайтанским дурманом». И даже когда еще продолжалась осада, Пирогов являлся в лагерь горцев, чтобы помочь

тяжелораненым. (Этот подвиг русского врача описан в повести Р. Фатиева «Салты».)

В источниках говорится, что в крепости Грозной Пирогов ампутировал ногу раненому наибу Байсунгуру, которого горцы затем вызволили из плена.

Ассистентами Пирогова были русские и горцы — местные лекари. Он многому научил их, но учился у них и сам.

Лекари Шамиля тоже не оставляли без помощи раненых солдат. Только операции они производили обычными кинжалами, лишь прокалив их над огнем, а вместо гипсовых повязок применяли вывернутые свежие шкуры баранов, тем же кинжалом зарезанных. Искусные руки и верный глаз горских хирургов творили чудеса: ампутации крайне редко кончались смертью пациентов. Одному пленному офицеру они даже вскрыли череп и вынули застрявшую там пулю, после чего офицер прожил еще много лет в полном здравии.

Наглядным олицетворением искусства горских врачей был сам Шамиль, множество почти смертельных ран которого были излечены без тяжелых последствий.

Пирогов вернулся в Петербург с большим багажом. Материалы своей поездки он изложил в «Отчете о путешествии по Кавказу». Ученые восторгались блестящими результатами его опытов с наркозом в боевых условиях. А обыватели толпились у анатомического театра, где был выставлен привезенный Пироговым необыкновенный трофей — череп убитого наиба Идриса. Правда, привез он его в совершенно иных целях — для изучения антропологического типа кавказских горцев. Однако до этого дело так и не дошло, и практические соображения отступили под напором небывалого интереса публики.

ПРОЕКТЫ БИРОНА

Воронцов не удовлетворился взятием Салта. Призрак поражения под Гергебилем преследовал его даже в Тифлисе. Весной будущего года Воронцов предполагал снова двинуться на Гергебиль и поручил Аргутинскому втайне готовить новый поход. А до той поры наместник принялся поправлять пришедшие в расстройство дела края.

Прослышав о реформаторских намерениях Воронцова, в его канцелярию хлынули авторы всевозможных проектов овладения и управления Кавказом. Они подавали свои бумаги, а затем терпеливо ожидали, пока те пройдут по инстанциям. Как правило, бумаги возвращались к своим создателям с благодарностью от начальства за рвение и извинениями за невозможность их применения в настоящее время. Но не таков был тифлисский учитель Н. Бирон, представивший «Проект успокоения дагестанских племен». Он объявил себя прямым потомком знаменитого Э. Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны, имя которого прославилось в связи с «бироновщиной» — введением иностранных порядков, грабежом национальных богатств, тотальным доношением и жестоким преследованием недовольных. Потомок его требовал продолжить традицию установлением на Кавказе жесткого полицейского режима по принципу «*Ordnung muss Ordnung*» («Порядок должен быть порядком»). Бирон считал, что все станет на свои места, как только местное население станут водить военным строем и заставят исполнять российские законы. Подобные проекты только раздражали начальство своей абстрактностью. Но Бирон не сдавался, требовал «рассмотреть и принять к исполнению» свой проект, осаждал газеты и писал жалобы. Из этого ничего не вышло, но Бирон все же попал в историю, объявив, что «Шамиль есть величайший гений, какой когда-либо производил Кавказ».

Часть четвертая
ПОЕДИНОК

НАСЛЕДНИК ИМАМА

После потери Салта Шамиль распустил войска и вернулся в Ведено. В Имамате начались брожения. Одни продолжали считать Шамиля непобедимым, помня победу в Гергебиле, другие намекали, что имам стареет и уже не тот, что прежде, имея в виду сражение в Салта.

Шамиля уже не радовали ни прекрасные жены, ни преданные дети. Он был погружен в размышления над тем, как остановить продвижение царских войск в горы и отбросить их назад. В смелых планах имам никогда не испытывал недостатка. И Государственному совету было из чего выбирать. Но прежде необходимо было восстановить единство в самом Имамате. Главным оставался вопрос об упрочении имамской власти. На этот раз Шамиль посчитал возможным решить дело посредством референдума.

В январе 1848 года Шамиль созвал в Ведено известных наибов, народных старшин и духовных руководителей. Имам объявил собравшимся, что становится стар и готов отказаться от звания имама, если не найдет в своих сподвижниках большего усердия, настоящей помощи и полной преданности делу защиты родины.

Пораженные необычайным поворотом дела, участники собрания принялись горячо убеждать Шамиля, что без него общее дело неминуемо погибнет, что в горах нет человека, более достойного носить звание имама и что распространяемые среди горцев слухи — не что иное, как происки агентов Воронцова.

Убеждая Шамиля не оставлять народ без вождя, собравшиеся постановили считать имамскую власть наследственной и в случае гибели Шамиля признать имамом его сына Гази-Магомеда, человека твердой веры и необычайной отваги. Шамиль резко возражал против наследственности имамства, считая, что имам обязательно должен избираться. Но на период неоконченной войны согласился считать сына наследником, хотя бы для того, чтобы утвердить в народе неколебимость Имамата и убежденность в продолжении сопротивления при любом повороте судьбы.

Хаджи-Мурад, считавшийся одним из главных претендентов на имамское звание, неожиданно поддержал Шамиля, заявив, что тот вовсе не так стар, чтобы отказываться от звания имама. И что сан этот должен принадлежать Шамилю, пока он жив. А что касается наследника, то Гази-Магомеду при необходимости нетрудно будет самому добиться звания

имама.

Было понятно, что если звание имама перешло бы к наследнику при жизни Шамиля, то оспаривать его никто бы не посмел. В случае же избрания нового имама могли возникнуть самые неожиданные коллизии, которые сам Хаджи-Мурад обрисовал ближайшим друзьям так: «Имамом будет тот, у кого сабля острее!»

Когда об этом сообщили Шамилю, он сказал своим сподвижникам: «Братья мои, никогда никому не завидуйте и не будьте высокомерны, чтобы не злорадствовали над вами враги и не думали о вас плохо друзья».

Подтвердив свою власть, Шамиль обратился к государственным делам. Не сомневаясь, что Воронцов вернется к Гергебилю, он велел наибам готовиться к новым боям будущей весной, а до той поры послал Хаджи-Мурада восстанавливать разрушенные укрепления.

КУЗЕН НАВЕШАЕТ ШУАЙНАТ

Прошло восемь лет с тех пор, как Анна-Шуайнат оказалась в доме Шамиля. Вестей от нее давно не приходило, и родные были весьма встревожены. Они знали, какие сражения шли в Дагестане, и опасались, не коснулась ли война самой Анны.

В мае 1848 года кузен Анны купец 3-й гильдии Минай Атаров решил узнать ее судьбу. Он прибыл в крепость Воздвиженскую и обратился к начальству с просьбой устроить ему свидание с кузиной. Дело было сложное, но успех предприятия сулил принести важные сведения о новой столице Шамиля и о положении дел в Имамате.

Полковник Меллер-Закомельский вызвал своих лазутчиков, и те помогли Атарову войти в переписку сперва с наибами Шамиля Дубой и Талгиком, а затем и с самим имамом. Ожидая вестей из Ведено, Атаров вполне свyksя с новым для себя черкесским костюмом, научился стрелять из пистолета и даже начал немного говорить по-чеченски. Когда согласие имама было получено, Атарова подробно проинструктировали о возможных опасностях и дали ему двух проводников. Встреча с людьми Шамиля произошла в Аргунском ущелье.

Дуба и его мюриды приняли Атарова с почетом, но вели себя настороженно. В каждом нежданном госте горцы подозревали лазутчика. Выяснив, что Атаров желает ехать к Шамилю и Шуайнат сам, а не просто передать какое-либо послание, Дуба обещал доставить его к имаму, но предупредил, что путь будет трудным. Минай представлял себе, что такое горные дороги, и был готов потерпеть. В Воздвиженской ему говорили, что путь может занять день или два. Но прошла уже целая неделя, высоким перевалам и головокружительным спускам не было конца, а до цели было еще далеко. Порой тропинки над пропастью становились так узки, что Атаров слезал с лошади и шел пешком. Он держался из последних сил, сожалея, что отправился в столь утомительное и опасное путешествие.

Наконец добрались до аула, где жил сам Дуба. Здесь путники слегка передохнули и на следующее утро отправились дальше. Преодолев еще множество природных преград в виде огромных скал и заповедных лесов, они выехали к долине, в глубине которой лежал аул Ведено, а неподалеку и сама столица Имамата.

Миновав подъемный мост через реку, они оказались у стен резиденции Шамиля, над которыми возвышались караульные башни с пушками.

Атарова хорошо приняли и поместили в отдельном доме. Здесь он пробыл три дня, пока сотрудники Шамиля собирали и проверяли сведения о нем и о цели его визита. Только на четвертый день его пригласили в кунацкую, где имам принимал почетных гостей. Здесь уже собрались наибы и другие важные люди и был накрыт стол. Но самого Шамиля не было. Поначалу горцы приветливо улыбались гостю, угощали его разными блюдами, но когда вошел молодой мюрид и что-то тихо сказал Дубе, отношение к Атарову резко изменилось. Горцы сделались так мрачны, что Атаров почувствовал себя на краю гибели. Потом принесли халву и предложили Атарову отведать это блюдо, приготовленное его двоюродной сестрой. Атаров с радостью согласился, громко хвалил халву и просил поблагодарить Шуайнат за столь вкусное угощение. Тут вновь явился молодой мюрид и что-то шепнул Дубе. Горцы сразу повеселели и принялись беседовать с гостем как старые добрые кунаки.

Как оказалось, Атаров действительно был недалеко от гибели. Его уже сочли за дерзкого лазутчика, потому что Шуайнат, которой его показали через тайное окно, сначала не признала в нем родственника. И только услышав, как он хвалит халву, узнала его по голосу.

Затем Атаров еще несколько дней пробыл в ожидании аудиенции. Но теперь его не оставляли вниманием и даже повели гулять по Ведено. Здесь он дивился на пестроту населения, посетил пороховую мельницу и помолился в церкви в русской слободе.

Атаров уже отчаялся увидеть кузину, когда вдруг явился вестовой, чтобы срочно отвести гостя на свидание с Шуайнат. У входа во двор дома Шамиля Атарову велели оставить оружие у караульных. Затем его привели в комнату Шуайнат, куда вскоре вошло несколько женщин с закрытыми лицами. Они поздоровались с гостем, и теперь Атаров уже сам узнал по голосу сестру. Через некоторое время их оставили вдвоем. Шуайнат угощала Миняя фруктами, расспрашивала о своих родных и знакомых, а он интересовался ее жизнью в семье Шамиля. Атаров понял, что брак ее с Шамилем был добровольным и что она вполне счастлива. Шуайнат даже попросила прислать ее долю наследства, чтобы отдать его супругу.

Совершенно убедившись, что видит перед собой дорогого кузена, Шуайнат решила открыть лицо. Но ненадолго, потому что в коридоре послышались шаги и в комнату вошел Шамиль.

Взволнованный гость вскочил и хотел было, по местному обыкновению, приложиться к руке имама. Но Шамиль просто пожал ему руку, усадил Атарова на тахту, сел рядом и вежливо осведомился о здоровье его родных и близких. Шамиль был приятно удивлен смелостью Атарова,

решившегося на такое трудное путешествие лишь затем, чтобы проведать родственницу.

Атаров преподнес Шамилю золотой брегет, а Шуайнат подарил золотые дамские часы.

На другой день Атарову сообщили, что он может ехать обратно. Атаров попросил разрешения проститься с сестрой, но вместо этого получил в подарок от Шамиля прекрасного коня и целую арбу подарков для родственников Шуайнат. Атаров выехал из Ведено с теми же провожатыми, которые доставили его сюда. К вечеру того же дня Дуба попрощался с Атаровым у крепости Воздвиженской. Только теперь путешественник понял, как рисковал, когда его везли в Ведено окружными путями, подозревая в нем лазутчика.

СНОВА ГЕРГЕБИЛЬ

В июне 1848 года Аргутинский осадил Гергебиль. Бои продолжались три недели, почти в точности повторив ход боевых действий под Салта. С теми же отчаянными схватками, непрерывными бомбардировками, блокадой, порчей воды, поджогами, подкопами, взрывами и героизмом с обеих сторон. После того как воины имама решили оставить крепость, Гергебиль разделил судьбу Салта и был превращен в руины. Богатые гергебильские сады тоже были полностью вырублены и сожжены, с той лишь разницей, что вековые деревья сразу уничтожить не удалось, и они были лишь подрублены, чтобы умереть позже.

Таким же неясным оказался и результат операции: аул был разрушен и... оставлен горцам, потому что войскам Аргутинского вновь пришлось отступить в свои лагеря за укрепленной линией, отбиваясь от нападавших со всех сторон отрядов Шамиля.

За эту операцию Аргутинский был произведен в генерал-адъютанты, а Воронцов получил благодарность от императора и укрепил пошатнувшуюся было репутацию непобедимого полководца.

ПОХОД В САМУРСКУЮ ДОЛИНУ

Однако и на этот раз надежды наместника на то, что горские общества отвернутся от Шамиля и поспешат признать власть императора, оказались тщетными. Шамиль был по-прежнему силен. И сам теперь жаждал реванша.

Не успели войска Воронцова устроиться на зимних квартирах, как стали поступать тревожные сведения о готовящихся походах Шамиля.

Произведя несколько отвлекающих маневров и окончательно запутав штабистов Воронцова, отряды имама вторглись в Самурский округ — вотчину Аргутинского, более всего досаждавшего Шамилю последние годы.

Отдав предпочтение стратегии стремительных походов перед тактикой обороны, Шамиль решил проучить генерала, разорвать смыкавшееся вокруг Имамата кольцо с юга и поднять на борьбу население Самурской и Алазанской долин.

У Шамиля были все основания ожидать успеха операции. Местное население, с тех пор как Шварц изгнал Даниял-бека, не переставало сопротивляться новым властям. Методы правления Шварца делали невыносимой жизнь не только горцев, но и его собственных подчиненных. Население тайно и явно сочувствовало Шамилю, снабжало его сведениями, провиантом и отправляло к нему своих воинов. Засады, стычки, набег, порча дорог и прочие партизанские приемы не давали Аргутинскому покоя. В ответ он регулярно устраивал карательные экспедиции, приводившие к еще более ожесточенному сопротивлению. Местные общества обращались к Шамилю с просьбой явиться к ним, обещая всеобщее восстание.

Со своей стороны и Даниял-бек убеждал Шамиля в необходимости подобного похода, надеясь вернуть утраченное султанство и отомстить ненавистному Шварцу.

13 сентября 12-тысячный отряд горцев, предводительствуемый Даниял-беком, осадил одно из главных укреплений Лезгинской линии — большое село Ахты.

Такого оборота дела никто не ожидал, и потому гарнизон укрепления был не очень многочисленным — около 500 человек во главе с полковником Ротом. Надежда на местную милицию растаяла, как только перед укреплением появилась конница Хаджи-Мурада. Большинство или переходило на сторону мюридов с криками: «Хаджи-Мурад! Хаджи-

Мурад!», или исчезало в лесах.

На следующий день к Ахтам прибыл сам Шамиль. Как бы демонстрируя свое прилежание в изучении тактики Аргутинского, Шамиль начал планомерную осаду. Были подготовлены позиции, энергично велись всевозможные осадные работы, укрепление было лишено воды и полностью блокировано. Затем, установив артиллерию на соседнем берегу Самура, Шамиль подверг укрепление мощному обстрелу.

После первых же залпов взлетел на воздух пороховой погреб Рота. Сам полковник был ранен и передал командование капитану Новоселову.

Осада продолжалась по всем правилам: в ход пошли туры и фашины, были пробиты минные галереи, заложены заряды под башни и произведены мощные взрывы. Только пробив внушительную брешь в бастионах, Шамиль начал штурм.

В ожесточенной рукопашной схватке силы гарнизона таяли на глазах. Но Новоселов решил защищаться до последнего, тем более что в укреплении находились и семьи офицеров. Когда и этот штурм был отбит, оказалось, что женщин и детей в укреплении осталось больше, чем солдат, и выдержать новый натиск уже не было никакой надежды.

Призывы гарнизона о помощи, казалось, таяли в ущельях, как горное эхо. Аргутинский, считая Ахты потерянными, опасался теперь, что потеряет и все остальное. Это заставило его собрать имевшиеся силы и двинуться в район боевых действий. На дальних подступах к Ахтам Аргутинского встретили отряды Шамиля. После непродолжительного боя генерал отступил, делая вид, что уходит. Но вместо этого решил обойти Ахты с другой стороны.

У аула Мискенджи на берегу Самура он наткнулся на отряды Даниял-бека и Хаджи-Мурада. Аргутинский по привычке остановился, выжидая действий противника. Но когда узнал, что укрепление в Ахтах еще держится, бросил свой отряд в атаку.

Первым не выдержал Даниял-бек. Его беспорядочное отступление увлекло за собой и Хаджи-Мурада, который оставил Аргутинскому добытые перед тем трофеи.

Блокада была прервана. Аргутинский успел спасти остатки Ахтынского гарнизона, а сверх того у него были пленные из отряда Даниял-бека.

Шамиль отступил, уводя с собой новобранцев и стада овец. Аргутинский не стал его преследовать. Вместо этого он огнем и мечом прошелся по окрестным аулам, карая население за помощь имаму. А затем устроил суровую переаттестацию своим подчиненным, не сумевшим

отразить вторжение Шамиля и валившим вину друг на друга. Последовали разжалования и военные трибуналы, первой жертвой которых пал обидчик Даниял-бека — генерал Шварц. На самих же защитников Ахтов посыпались георгиевские кресты и другие награды. Наведя на подчиненных страх и водворив порядок в управлении, Аргутинский решил перенести Лезгинскую линию еще глубже в Дагестан, устроив ее на южных отрогах Кавказского хребта.

Воронцов полагал, что Шамиль теперь не скоро решится на новые походы, и занялся укреплением своих позиций в Чечне.

Тесня непокорные общества, он продвигал Чеченскую линию все ближе к горам. К уже имевшимся укреплениям он добавил новое — в центре Малой Чечни на реке Урус-Мартан, надеясь окончательно отрезать от гор хлебную низменность. Вместе с тем продолжалась масштабная вырубка леса. Горцы всячески этому противодействовали, но войска Воронцова медленно, но неотступно выдавливали их в горы.

Укреплялись и другие линии, чтобы окончательно обхватить Имамат с нескольких сторон.

«ВТОРОЙ ШАМИЛЬ»

В 1848 году произошло еще одно событие, значительно повлиявшее на историю Кавказа и общий ход войны.

К Шамилю прибыли послы от абадзехов — одного из адыгских народов Северо-Западного Кавказа. Они просили дать им наиба для введения шариата и сплочения народов под знаменем Имамата.

Шамиль поначалу отказывался. И на то были веские причины. Уже много лет он получал от тех народов письма с приглашением явиться к ним или прислать своего наиба. Первый посланец Шамиля Хаджи-Магомед энергично взялся за дело, совершил ряд походов против царских укреплений, но вскоре умер. А с прибывшим вместо него Сулейманом-эфенди произошла и вовсе загадочная история. Сначала он твердой рукой повел племена адыгов на борьбу за независимость, стараясь направить ее в единое русло с действиями Шамиля, но затем неожиданно исчез.

Был ли он убит или изменил имаму, так и осталось тайной. Но вскоре появились подписанные его именем прокламации, в которых Шамиль обвинялся во всевозможных злоупотреблениях, насилии и произволе своих наивов. Агентура Воронцова предала эти пасквилы самой широкой огласке и даже печатала в газетах.

Шамиль колебался. За племенами, живущими ближе к Черному морю, ему виделась тень турецкого султана, полагаться на которого он считал делом ненадежным.

Однако абадзехи просили наиба у него, а не у султана. Тот сам навязывал им вождей, надеясь завладеть их страной с помощью туманных посулов и красивых фирманов с высокопарными выражениями. Турция вела свою большую игру, и ей не было дела до горцев Кавказа, пока не случалась в них надобность для отвлечения сил русской армии.

Гости были настойчивы, не желали возвращаться без наиба и даже пригрозили Шамилю: «Когда на том свете Пророк примет тебя в свои объятия и поведет в рай, то все мы, абадзехи, ухватимся за полы твоей черкески, не пустим тебя туда и скажем Пророку, что ты не достоин блаженства, потому что отверг наши просьбы и оставил нас при жизни в такой крайней нужде».

Абадзехов поддержал и шейх Джамалуддин Казикумухский. Но достойного кандидата не находилось. Когда отказались те, кого Шамиль считал хоть в какой-то мере годными для такой важной миссии, подал голос

секретарь Шамиля — молодой Магомед Асиялав-Гонодинский, выразивший осторожное желание отправиться к абадзехам.

Шамиль был крайне удивлен. Магомед был храбр, но не блистал воинскими или административными талантами и больше был известен как ученый и хафиз — человек, знающий Коран наизусть.

В конце концов имам согласился, рассудив, что способности человека ничто в сравнении с волей Всевышнего, и если Аллах захочет, то хафиз сделается достойным правителем «не умом, так молитвою».

Как показали дальнейшие события, талантов у Магомеда было в избытке, просто они не находили пока должного применения.

Адыги — родственные народы черкесов, абадзехов, адыгейцев, натухайцев, убыхов, шапсугов и других племен — получили в литературе общее название черкесов. Этот красивый, отважный народ населял прекрасный и плодородный край от Тамани до верховьев реки Кубань. Теперь же их земли были рассечены кордонными линиями вдоль притоков Кубани — Урупа, Лабы и Белой и Черноморской береговой линией от Анапы до Сухума. Главная Кубанская линия, в свою очередь, переходила на Северном Кавказе в Моздокскую и тянулась до Кизляра и побережья Каспийского моря.

Общественное устройство адыгов являло чрезвычайно пеструю картину, напоминавшую состояние Дагестана до начала деятельности имамов. Разобщенность племен усугублялась отсутствием единой веры и государственных образований. В быту же каждое общество руководствовалось своими древними традициями. Общим для всех признавался лишь древний кодекс чести «Адыгэ хабзэ».

Простой люд, на который рассчитывал опереться молодой наиб по примеру своего имама, имел об исламе весьма приблизительные представления. Духовные лица не имели достаточного влияния.

Мусульманами считалась некоторая часть знати, видевшая в исламской Турции своего покровителя и связанная с верхушкой Османской империи родственными узами.

Султаны и высокие турецкие сановники часто женились на черкешенках, которые считались на Востоке эталоном красоты. Бытовала даже поговорка, что капля крови черкешенки облагораживает целое поколение. Не избежал искушения и сам Магомед, женившийся позже на сестре темиргоевского князя.

Выходило, что наибу Шамиля нужно было объединить и поднять на борьбу далеких от шариата крестьян, а противилась этому феодальная

знать, формально считавшаяся мусульманской, но не желавшая лишаться привилегий и делить с кем-либо власть.

Эту дилемму Магомед разрешил радикальным и весьма благочестивым образом. Так, как сделал бы это сам Шамиль.

Объявив абадзехам, что мусульмане не могут быть рабами или крепостными, он указал им простой путь к освобождению от феодальной зависимости. Распространение ислама и введение шариата повлекли за собой единение части племен, к которому адыги были давно готовы. Создав таким образом подобие Имамата Шамиля, Магомед провел и необходимые реформы управления краем, опираясь на демократические традиции общин и уравнивая в правах богатого и бедного. Черкесию он разделил на округа с административными центрами — мехкеме. Обычно это были укрепленные аулы с мечетью, шариатским судом, тюрьмой и небольшим гарнизоном. Начальников мехкеме Магомед назначал сам, а в совет, наделенный административной и судебной властью, входили муфтий, ученые кадии и старшины местных племен.

Во главе своих ближайших сподвижников Магомед объездил всю Черкесию, освобождая народ и перебежчиков, отдавая бывшим рабам землю их прежних господ и по справедливости наказывая виноватых.

Став тенью имама в Черкесии, он не устал повторять, что действует от имени Шамиля, за что и получил от имама дополнение к своему имени — Амин (Верный).

Через несколько лет Магомед-Амин сделался всеобщим любимцем, законодателем и предводителем сильного войска, организованного по примеру армии Имамата.

Воздерживаясь до поры от больших битв, он предпринимал небольшие походы против царских укреплений и отступников и на первых порах имел полный успех.

Растерявшаяся знать ничего не сумела противопоставить мощному народному движению. Часть князей приняла сторону Магомед-Амина, другая пыталась противопоставить ему князя Зан-оглы Сефер-бея, опиравшегося на поддержку Порты, которая вовсе не желала усиления наиба Шамиля. В случае успеха последнего у Порты оставалось бы мало шансов на владычество над Черкесией.

Сефер-бей уже четверть века жил в Турции, но былая слава и поддержка некоторых турецких сановников позволили ему получить от Порты пост генерал-губернатора Черкесии. В помощь Сефер-бею были приданы несколько турецких советников. Впрочем, ни Порте, ни Черкесии это пользы не принесло. Напротив, водворение на мифический престол

представителя старой аристократии, не имевшего достаточного авторитета, вызвало недовольство и привело к опасности раскола там, где впервые за все времена создавался единый союз равноправных народов с явными признаками государственности.

Сефер-бей обещал Порте грандиозные победы и захват Тифлиса, но в реальности оказался не способным ни на какие серьезные действия и больше был занят интригами против Магомед-Амина и коммерцией. «Вместо того чтобы быть предводителем народа, — писал уже после начала Крымской войны Т. Лапинский, — Сефер-паша и его штаб сделали торговыми маклерами между абазами и английскими и французскими купцами, которые скупали вдоль берега, особенно в Анапе и Суджукке, продукты для войск, осаждавших Севастополь».

Реальная власть в горах по-прежнему принадлежала наибу Шамиля, который энергично расширял свое влияние среди адыгов и стремился объединить Черкессию с Имаматом.

В письме к Шамилю Магомед-Амин сообщал: «...Когда я прибыл управляющим этих вилайатов, то все подчинились мне, принесли клятву повиновения...Затем те, которые подчинились по принуждению, образовали независимую группу, нарушив свою клятву, и когда мы однажды приблизились к одной из новых русских крепостей, ополчились против меня. Рассеялись мои спутники. Они намеревались меня отстранить от дел; они хотели посадить меня в каком-нибудь местечке вилайата без дела...Я потерял уверенность в себе! Они сожгли мою усадьбу, но я им ни в чем не уступил. Я повторял настойчиво: «Мне достаточен Аллах и Его благоденствие»...И люди вернулись ко мне после того как они были против меня...Мы спалили дома отступников, убили некоторых, некоторых заключили в тюрьму, а некоторых избили. Собрал отряд, мы поднимались даже четырежды в горы, где однажды мы истребили 60 ренегатов «магов», мы их захватили в плен, предали огню их «обнаженных» идолов...С помощью огромной благодати вашей и благодати наших накшбандийских шейхов число наших сторонников — их число Аллах лучше знает — достигло 200 тысяч, а размер их территории — территория, заключенная между Анапой, Сухумом и Карачаем.

Мы обновили их суды, создали около 14 комендатур, восстановили разрушенные мечети.

...Чтобы охватить все то, что произошло здесь, нужно написать толстые тома, однако пусть это не покажется самовосхвалением.

...Затем я отправил посланцев в Стамбул в прошлом году, и они возвратились ко мне с доброй вестью. С одним из них пришли три больших

парохода, наполненные порохом и свинцом. Пришли также письма от Высочайшего с пожеланиями и симпатией, но без новых указаний. Затем проклятый начал захватывать крепости, и до дня написания этого письма взятых им крепостей уже насчитывается двадцать. Среди них Сухум, одна большая в центре шапсугов, две крепости в Лабе. Остальные все на берегу моря. Их названия не находят соответствия в нашем языке, поэтому я не стал их упоминать здесь».

Письмо было скреплено печатью с надписью «Кто потерпит, победит. Раб возвещающий Мухаммадамин».

Скоро уже и Порта сочла необходимым вести дела с Магомед-Амином. Тем более что к этому ее подталкивала Англия, откликаясь на горячие просьбы польского правительства в изгнании.

Позже Чарторыйский сумел организовать несколько десантов в Черкесию. Когда к Магомед-Амину прибыли польские военные специалисты с партией оружия, их уже ждал здесь целый отряд беглых поляков.

Дело шло к тому, что Магомед-Амин мог вскоре открыть на северо-западе Кавказа второй фронт.

НАБЕГ ХАДЖИ-МУРАДА НА ТЕМИР-ХАН-ШУРУ

В конце марта 1849 года Аргутинский вернулся в свою главную резиденцию — Темир-Хан-Шуру, чтобы отдохнуть и залечить рану, полученную под Салта. Он был человек немногословный, но среди веселья по случаю успешного завершения военной кампании несколько расслабился и дал волю чувствам. Награждая своих героев, он позволил себе нелестно отозваться о шамилевских наибах, а Хаджи-Мурада и вовсе выставил трусом.

Слова Аргутинского очень скоро сделались известными гордому наибу. Хаджи-Мурад подозревал, что мнение генерала разделяют и многие горцы, считая его виновным за ах-тынский неуспех, и решил на деле показать, кто есть кто.

В ночь на 14 апреля Хаджи-Мурад с пятью сотнями отборных удальцов появился у стен Темир-Хан-Шуры.

Крепость быстро обрастала поселениями и уже превратилась в большой город, который был обнесен рвами и валами с орудийными редутами и считался совершенно неприступным. Вокруг города стояли кавалерийские полки, дозоры и сторожевые башни, между которыми сновали многочисленные патрули.

В Шуре был дом самого Аргутинского, здесь же располагалась штаб-квартира Апшеронского полка и жил его командир князь Г. Орбелиани, который как раз в тот вечер давал в своем доме бал. Постоянный гарнизон Шуры насчитывал больше четырех тысяч человек.

Следуя своей излюбленной тактике, Хаджи-Мурад оставил часть отряда в засаде, а остальные начали осторожно подбираться к крепости. Их заметили дозорные, но успели сделать лишь несколько выстрелов, как были смяты нахлынувшей волной горцев.

Оказавшись в городе, мюриды обнаружили, что их проводник из местных исчез. Они не знали Шуру и действовали наугад. Завидев большой дом с освещенными окнами, они бросились туда, полагая, что это дворец самого Аргутинского, и рассчитывая захватить если не его самого, то хотя бы генерала Орбелиани с полковой казной и знаменами. Они ворвались в здание и тогда только поняли, что ошиблись — это был полковой госпиталь.

Шура была разбужена криками и загрохотавшими в ночи сигнальными

барабанами. В суматохе солдаты принимали за горцев своих же кавалеристов, те бросались на солдат, началась беспорядочная пальба, и никто не мог отыскать самих налетчиков.

Не найдя заносчивого генерала, Хаджи-Мурад исчез так же внезапно, как и появился, успев разорить по пути торговые лавки.

Дерзкий набег Хаджи-Мурада внушил всем, что на Кавказе нет безопасных мест и что каждое необдуманное слово по-прежнему отражается в блеске кинжала и имеет вес пули.

Но еще больше шуму смелое предприятие Хаджи-Мурада наделало в столице. Император, увидевший дела в Дагестане в совершенно ином свете, чем это следовало из рапортов наместника, был весьма обеспокоен за судьбу своих завоеваний на Кавказе.

Воронцов оправдывался, как мог, ссылаясь на неизбежные в войнах неожиданности, обещал отбить у горцев охоту к подобным вылазкам, но совершенно успокоить императора так и не сумел.

БОИ ЗА ЧОХ

Шамиль начал возведение новых крепостей. Одну из самых сильных он решил возвести в Чохе — большом селе неподалеку от Кази-Кумуха и почти по соседству с царским фортом в Цудахаре.

Узнав об этом, Воронцов решил помешать имаму.

Взятие Чоха было поручено Аргутинскому. Генерал, получивший выговор от императора за визит Хаджи-Мурада в Шуру, горел желанием сурово проучить беспардонных горцев.

Опыт прежних экспедиций, ничего не прибавлявших в плане ослабления власти Шамиля, был забыт. Жажда мщения гнала Аргутинского в горы. Тем более что лазутчики донесли о пребывании в Чохе и самого Хаджи-Мурада.

Войска Аргутинского, включавшие 14 батальонов, 4 роты стрелков и саперов, 4 эскадрона и несколько сотен кавалерии, 38 орудий и всю дагестанскую милицию, двинулись к Чоху.

18 июня Аргутинский подошел к аулу, который возвышался на горе, окруженной глубокими оврагами. Генерал опоздал. Гигантская цитадель глядела на Аргутинского правильными рядами бойниц и амбразур. Аул был превращен в крепость и готов к обороне. Инженеры Шамиля постарались на славу, воздвигнув стены необычайной высоты, сложенные из камня на крепком известковом растворе и связанные бревнами. Новыми были и круглые башни для фланговой обороны. На далеких подступах зияли рвы и высились завалы. То, что ждало нападавших за стенами, Аргутинский мог легко представить, помня недавние сражения в Салта и Гергебиле.

Несмотря на внушительность крепости, Аргутинский не желал возвращаться ни с чем. В дело вступила осадная артиллерия, но только через десять дней удалось взять первый завал на пути к крепости.

Шамиль наблюдал за битвой с вершины соседней горы, готовый при необходимости атаковать Аргутинского с фланга. Он верил в своих инженеров и надежность крепости, но некоторым наибам доверял уже не совсем. Отдать крепость имам считал делом совершенно недопустимым, а потому предупредил ее защитников, что не оставит чалмы на их головах, если они забудут о мужестве и посмеют отступить. А коменданту крепости наибу Мусе клятвенно обещал проломить голову и набить ее солью, если тот сойдет с башни, возвышавшейся над крепостью.

Разрушив часть укреплений, Аргутинский сумел блокировать

крепость, но штурм все еще представлялся ему делом безнадежным.

Тем временем наступил месяц Рамазан — время строгого поста, когда мусульмане не принимают пищу от рассвета до заката. Ослабленные горцы держались, отбивая атаки днем и отстраивая разбитые укрепления ночью. Сверх того, они решались на вылазки, разрушая осадные траншеи и редуты Аргутинского. Тем, у кого сдавали нервы и кто говорил, что генерал все равно возьмет Чох, просто-напросто зашивали рот.

Пушки Аргутинского приближались к крепости все ближе и уже били прямой наводкой с соседних высот. Ядра достигали и лагеря Шамиля, так что приходилось несколько раз переносить его палатку.

В ответ Шамиль бомбардировал лагерь Аргутинского и нападал на его отряды.

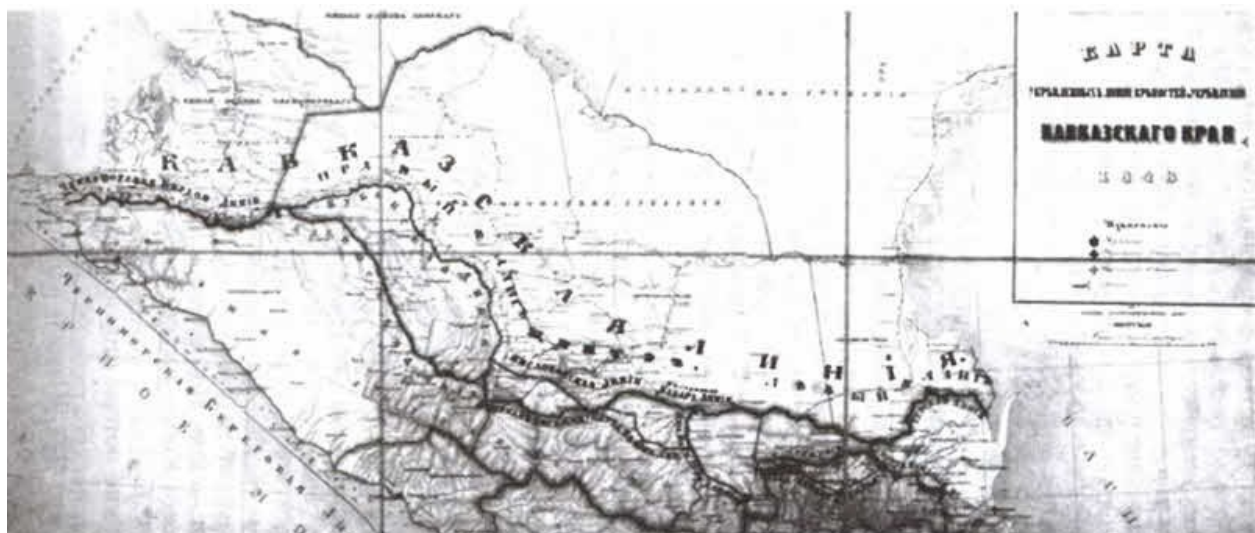
Хаджи-Мурад, бывший среди защитников Чоха, умышленно оставил проем в стене, надеясь заманить Аргутинского в аул и разгромить его войска в узких улочках Чоха.

Но Аргутинский на штурм не решился. Израсходовав все снаряды и не найдя возможности решить дело в свою пользу до генерального штурма, он ранним туманным утром 21 августа оставил свои позиции. Не обнаружив утром противника, защитники Чоха воздали хвалу Всевышнему.

Воодушевленный Хаджи-Мурад бросился следом за отступавшими. Горцы почти настигли Аргутинского и даже успели отбить часть обоза. Но основные силы генерала перешли Казикумухское Койсу, сожгли за собой висячий мост и укрылись в форте Цудахар.

Чох устоял. Общие потери сторон составили около трех тысяч человек.

Велев восстановить Чох, Шамиль в новой славе и неоспоримом могуществе вернулся в Ведено, чтобы заняться государственными делами.

Карта кавказских пограничных линий. 1848 год.

(Российский государственный военно-исторический архив — РГВИА)

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ ЦЕСАРЕВИЧА

Осенью 1850 года на Кавказе ожидали визита наследника престола цесаревича Александра Николаевича. За год до того, после кончины великого князя Михаила Павловича, наследник стал командующим гвардейским и гренадерским корпусами, шефом воевавшего на Кавказе 44-го драгунского Нижегородского полка и начальником всех военно-учебных заведений.

После разгрома Венгерского восстания 1849 года «малая» война на Кавказе оставалась единственной большой проблемой царского командования. Цесаревич отправился в инспекционную поездку, намереваясь поднять патриотический дух воинства и разобраться в ситуации на месте.

Как главный наказной атаман всех казачьих войск, он пожелал сначала посетить земли Донского, Кубанского и Терского казачьих войск.

Цесаревич давно уже мечтал отправиться на Кавказ, но получил разрешение отца только теперь, когда все более-менее успокоилось.

Кавказское начальство, помня визит императора и его тяжелые последствия, деятельно готовилось к встрече. Воронцов хотел сделать Его Императорскому Высочеству и необычный сюрприз. Как человек впечатлительный и увлекающийся, он вздумал отыскать на Арарате остатки Ноева ковчега. Была послана большая экспедиция во главе с начальником триангуляции полковником Ходзько. Экспедиция достигла вершины Ноевой горы, провела множество научных изысканий, но самого ковчега не обнаружила. В то же время обследовался и Эльбрус, вершина которого, по преданиям, сделалась двуглавой после того, как ее задел ковчег. А на горе Казбек искали подтверждения легенды о сохранившемся на нем шатре Авраама, в котором якобы еще обретаются ясли Спасителя. Поиски оказались неудачными. Правда, Воронцову сообщили о пещерах, ведущих будто бы в подземное царство, в котором хранятся несметные сокровища и обитают вечно обольстительные девы. В доказательство были представлены самородное золото, серебро и алмазы. Но Воронцов отослал образцы в геологическую комиссию, а для цесаревича велел приготовить коня, бурку и кубачинскую саблю.

Генералы старались порадовать наследника престола победными реляциями. Однако цесаревич входил в мельчайшие подробности, удивляя бывалых вояк знанием боевой кавказской жизни. Готовясь к поездке,

Александр Николаевич читал не только Лермонтова и Марлинского, он внимательно изучал все донесения и рапорты, поступавшие к императору. Для него делались специальные копии с этих документов. С особым интересом наследник читал записки будущего военного министра Милютин, который воевал на Кавказе и даже был ранен пулей в плечо. За свой труд «Описание военных действий с 1839 года в Северном Дагестане» Милютин получил чин генерал-майора и звание профессора Николаевской академии Генерального штаба.

Опыт войны на Кавказе Милютин обобщил в нескольких наставлениях «К занятию, обороне и атаке лесов, деревень, оврагов и других лесных предметов». Им была предложена новая тактика антипартизанской войны, которой, впрочем, кавказские генералы не считали нужным придерживаться.

Из Ставрополя наследник, облачившись в черкеску, прибыл в крепость Грозную, чтобы затем, через Ингушетию и Осетию, направиться по Военно-Грузинской дороге в Тифлис.

Навстречу поезду наследника выходили и местные жители — кто с хлебом-солью, кто с челобитными, а кто и просто поглазеть да прикинуть, сколько бы дал Шамиль за такого пленника.

В Чечне он посетил воспетый Лермонтовым Валерик. Боевых офицеров приятно удивляло, что наследник не сторонился опасных мест, не пугался свиста пуль, к которому сами кавказцы давно привыкли.

26 октября 1850 года, у реки Рошни, на пути от Воздвиженского укрепления к Военно-Грузинской дороге, наследника ждало приключение, к которому он и сам, видимо, стремился. Ибо что же это за Кавказ без мюридов и их набегов?

Партия горцев выскочила из леса, как всегда, неожиданно. Передовые разъезды открыли огонь, завязалась перестрелка, наперерез горцам бросились казаки охранения. Свита окружила наследника, чтобы отвести его в безопасное место. Но тот вдруг пришпорил коня и сам поскакал навстречу горцам, приказав свите следовать за ним. Когда он оказался на месте стычки, все было уже кончено. Успел опередить наместника только сопровождавший его в поездке командующий войсками Левого фланга Кавказской линии генерал-майор князь А. Барятинский.

В честь боевого крещения Воронцов сделал представление о доблести цесаревича, который «держал себя молодцом и пулям не кланялся». Польщенный император пожаловал сына офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени.

На Кавказе наследник смог воочию убедиться в том, как далеко в горы

протянулись кордонные линии, как широки просеки и... как ненадежны все завоевания, пока в горах властвует Шамиль.

После торжественной встречи в Тифлисе, который при Воронцове принял весьма благообразный вид, цесаревич направился в Азербайджан, чтобы посетить Лезгинскую кордонную линию, считавшуюся надежным форпостом на юге Кавказа.

Множество отрядов имама действовало тогда в горах, являясь в самых неожиданных местах. Но кавказское командование было уверено, что покушаться на Лезгинскую линию горцы не посмеют.

Однако Хаджи-Мурад громко напомнил о себе и на этот раз. В самый разгар приготовлений к визиту наследника он обрушился на линию с шестью сотнями своих удалцов. Легко прорвав кордоны, наиб демонстративно двинулся по почтовому тракту к Нухе, захватывая по пути почтовые оказии и разоряя станции. Его конницу принимали за местную милицию, направлявшуюся встречать наследника, а когда выяснялось что к чему, было уже поздно.

Добравшись таким образом до Бабаратминской станции, Хаджи-Мурад атаковал стоявший здесь казачий пост. Казаки охраняли мост, по которому должен был проследовать цесаревич, и готовили лошадей для смены его конного поезда. Сама же дислоцировавшаяся здесь казачья часть незадолго до нападения отправилась на Шемахинский тракт встречать наследника.

Застигнутые врасплох казаки отчаянно защищались, но были перебиты почти все, кроме нескольких человек, отстреливавшихся из землянки и упорно не желавших сдаваться.

Хаджи-Мурад оставил их в покое и двинулся дальше, разрушив за собой мост.

Против Хаджи-Мурада были брошены большие силы, его поимка стала бы хорошим подарком цесаревичу. Но хитроумные маневры Хаджи-Мурада сделали усилия кавказского начальства напрасными. Наиб ушел в Дагестан. Цесаревича он не настиг, но увел с собой много скота и лошадей.

ПЛАНЫ ДАНИЯЛ-БЕКА

Не сумев достойно проявить себя на военном поприще, Даниял-бек решил возвыситься в роли главного советника имама. Его проекты выглядели блистательно.

Ободренный усилением Магомед-Амина, успевшего распространить свою власть на натухайцев и шапсугов, восстаниями крестьян в Южной Осетии и Балкарии, Даниял-бек представил Шамилю план создания Великого Имамата. К тому же он очень рассчитывал на помощь турецкого султана, славшего горцам ободряющие письма. Письма эти обычно доставляли горцы, возвращавшиеся из паломничества в Мекку. Аравия тогда входила в состав Турецкой империи, и путь туда лежал через Стамбул. Письма зашивались в одежду, обувь или прятались в дорожные кувшины богомольцев, снабженные фальшивым дном.

Границами будущего Кавказского государства Даниял-беку виделись Каспийское и Черное моря с востока и запада, Дон с севера и река Арпачай на границе с Турцией у предгорий Арарата с юга.

Впечатляюще обрисовав устройство будущей державы, в которой Даниял-бек скромно отводил себе роль второго лица, экс-султан раскрыл Шамилю и средства, с помощью которых предполагалось осуществить грандиозный замысел.

Чтобы удалить единственное, но главное препятствие — царские войска на Кавказе, Даниял-бек намеревался просить помощи у Турции и союзных ей Англии и Франции. Взамен он хотел пообещать, что будущее Кавказское государство перейдет под протекторат Турции. Что, впрочем, было бы не столь обязательно, если бы предприятие увенчалось успехом, ибо успех этот неминуемо должен был вызвать соперничество между союзниками.

Даниял-бек несколько в успехе не сомневался и готов был сам возглавить посольство к правителям великих держав. С собой он собирался взять почтенных людей от разных народов Кавказа и нескольких беглых польских офицеров. А также письма самого Шамиля с просьбой о помощи, описанием всех обид, причиненных горцам неприятелем, и подробным изложением польз и выгод союзникам от воцарения имама на Кавказском престоле.

Сами же письма, из соображений секретности и безопасности, Даниял-бек предполагал написать собственноручно, по прибытии в Турцию и

Европу. Тем более что составлены они должны быть по особому этикету, едва знакомому ему — бывшему султану, а горцам и вовсе неизвестному. Шамилю же оставалось лишь выдать ему бланки писем со своими подписями и печатями.

Вместо писем Даниял-бек получил от Шамиля весьма неожиданный ответ. Имам напомнил ему, что начинал борьбу не для войны с русскими, а для искоренения пороков и укрепления веры в своем отечестве. И что единственной мечтой его остается сохранность государства горцев и их веры, а в этом деле он полагается на Всевышнего Аллаха, а не на волю далеких держав. Желание же обладать тем, что тебе не принадлежит по праву, Шамиль считал делом пустым и богопротивным.

Увлеченный открывающимися перспективами, Даниял-бек не оставлял попыток убедить Шамиля прислушаться к своим советам. Но имам велел ему оставить дурманящие затеи до лучших времен, а пока заняться делами куда более насущными и постараться спасти Чечню, которую по кускам отрубал большой царский топор.

ВОЙНА С ДЕРЕВЬЯМИ

Малая Чечня — главная житница Чечни и Дагестана — оставалась объектом постоянных нападений царских войск. Начальник Сунженской линии и командир Сунженского полка полковник Н. Слепцов бороздил ее со своими отрядами вдоль и поперек, но овладеть Малой Чечней полностью ему не удавалось.

Тогда было решено прорубить огромную просеку от укрепления Воздвиженского на реке Аргун до Шалинской поляны уже в горах Большой Чечни. Туда же пробивалась дорога и от Куринского укрепления.

Рубка леса приобрела вид большой военной экспедиции. Руководил раскрытием местности генерал П. Нестеров. Деревья валились и сжигались тысячами. Горцы упорно сопротивлялись, не желая лишаться жизненно важных территорий, и Нестерову приходилось постоянно отбивать их нападения. Начинались они обычно с орудийного обстрела лагеря, после чего горцы совершали стремительные атаки со столь же стремительными откатами. Этот бесконечный ужас, стук топоров и зарева пожарищ довели Нестерова до умопомешательства, и он был отправлен на лечение в Москву.

Аулы, оказавшиеся отрезанными от Шамиля, должны были или смириться с новой властью, или уходить в лесистые горы, которыми с юга окаймлялась плоскость Малой Чечни.

В ответ Шамиль отгородился хорошо укрепленным, почти пятикилометровым Шалинским окопом. Грандиозное сооружение пересекло просеку и считалось абсолютно неприступным. Это породило беспечность его защитников, которых однажды и застал врасплох конный полк Слепцова, подошедший к окопу незамеченным в густом тумане.

Шамиль был разгневан и бросил лучшие отряды для того, чтобы отбить важный рубеж. После упорных боев Слепцов отступил. За это дело он получил чин генерал-майора, хотя поначалу и вызвал недовольствие начальства, отправившись на приступ без его разрешения.

В новый поход Слепцов двинул батальоны линейных солдат. Линейные жили в гарнизонах, с семьями да огородами, и военным рвением не отличались. Они ограничивались защитой своих укреплений, а их настроение хорошо передают песни про проклятую войну:

...Ты зачем, мой друг, стремишься

На сей погибельный Кавказ?
Ты оттоль не возвратишься —
Говорит мне тайный глас!..

Слепцов решил их «проветрить», чтобы вернуть линейным надлежащий воинский дух. Но из этого ничего не вышло. После первой же атаки горцев линейные сбились в кучу и повернули назад. Началась обычная в таких случаях неразбериха, когда одни мешали другим, а горцы нападали со всех сторон и наносили отступавшим большой урон.

Но вырубка лесов продолжалась, несмотря ни на какие жертвы.

СЫН ШАМИЛЯ СТАНОВИТСЯ НАИБОМ

Среди погибших в шалинских сражениях был наиб Шамиля Турач Каратинский.

Вместо Турача нужно было назначить нового наива. Государственный совет предложил возложить эти обязанности на 18-летнего сына Шамиля Гази-Магомеда. Шамиль сомневался, не желая вызывать новые упреки в своих династических намерениях. Тогда было решено обратиться к гаданию на Коране. Этот сложный ритуал производился известными учеными и суфиями. Результаты гадания, которые объявил секретарь Шамиля, подтвердили правильность выбора. Секретарем Шамиля был Мухаммед-Тахир аль Карахи. Этот молодой человек, скромно именовавший себя писцом, оставил потомкам свои замечательные хроники «Три имама» и «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах».

Новый наив не замедлил проявить свои дарования и скоро приобрел славу человека благородного, необыкновенно ученого и совершенно неустрашимого. А за справедливость и милосердие некоторые ставили Гази-Магомеда даже выше Шамиля. Недовольство имамом происходило от того, что многие его наивы начали злоупотреблять своей властью, превращаясь в касту аристократов, более занятых личными интересами, чем нуждами населения.

ШАМИЛЬ И БАРЯТИНСКИЙ. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Воронцов решил развивать деятельность в направлениях, приносивших хоть и небольшой, но успех. Вытеснение горцев с плоскостей приняло необычайный размах. Наместник хотел добиться полной блокады Имамата и не жалел средств на строительство новых укреплений, рубку просек и сведение лесов. Генерал В. Козловский возглавил экспедицию в Чечню, результатом которой стало полное уничтожение лесов вплоть до реки Бассы.

Барятинский считал, что у Шамиля уже не осталось сил к сопротивлению. Он заверял Воронцова, что «для непокорной Большой Чечни остался только один год существования, и никакие усилия неприятеля не могут отдалить времени совершенного завоевания этого края».

5 января 1852 года Барятинский перешел реку Аргун и явился в Большую Чечню с 12-тысячным отрядом. Но вместо покорности встретил ожесточенное сопротивление. Барятинский намеревался взять столицу Имамата, однако на подступах к Ведено его встретил сам Шамиль, сражавшийся наравне со своими воинами. Воодушевленные имамом, горцы отбили все атаки Барятинского и вынудили его повернуть назад.

Вскоре затем отряды Шамиля появились в окрестностях крепости Грозной и даже во Владикавказском округе. В августе они разбили большой отряд полковника Бакланова у аула Гурдали.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ХАДЖИ-МУРАДА

В ответ на настойчивые приглашения от обществ Кайтага и Вольного Табасарана, расположенных почти у самого Каспия, рядом с Дербентом, Шамиль отправил туда нескольких наибов с тремя тысячами мюридов. Путь предстоял дальний и опасный — нужно было пройти половину Дагестана, через земли ханств, занятых царскими войсками. Но если бы удалось поднять Кайтаг и Табасаран, отвлечь туда войска Аргутинского, то Шамиль был готов обрушиться со своих высот на соседнее Казикумухское ханство, чтобы изгнать оттуда царские гарнизоны и окончательно утвердить свою власть.

Однако наибы не справились с делом, скоро вернулись и тут же получили отставку. Тогда Шамиль решил послать туда знаменитого храбреца Бук-Магомеда. Этот удалец состоял когда-то в свите хана Казикумухского, но однажды победил его в состязании по стрельбе, и между ними возникла вражда. В результате Бук-Магомед перешел к Шамилю и прославился множеством удивительных подвигов. Когда мюридам приходилось особенно тяжело, имам вызывал Бук-Магомеда, чтобы рассказами о своих делах он поднял дух воинства.

Бук-Магомед и на этот раз оправдал надежды Шамиля. Он пробился в Кайтаг и занял основные пункты. Но царские войска окружили восставших, помощь от Шамиля вовремя не поспела, Бук-Магомед был тяжело ранен, взят в плен и отправлен в Дербент, где и скончался через несколько дней.

Завершить начатое вызвался Хаджи-Мурад. Шамиль согласился, но отрядил с ним всего 500 всадников.

Хаджи-Мураду было достаточно и этого. Набеги были его стихией. Здесь он сам себе был главным начальником. И лишь только его партия скрылась с глаз Шамиля, как Хаджи-Мурад повернул на восток, углубился во владения Шамхала Тарковского и напал на имение его брата Шах-Вали-хана. Аул, в котором он жил, располагался на крутой горе и считался неприступным. Но не для Хаджи-Мурада, которого сложность задачи только вдохновляла.

Дождавшись, пока жители отправятся на полевые работы, наиб ворвался в аул, смел охрану и бросился во дворец Шах-Вали-хана. Внезапное нападение застало ханскую семью за завтраком. Хан отбивался одним кинжалом и даже сумел убить нескольких мюридов, но вскоре погиб

и сам.

Хаджи-Мурад подверг дом яростному разорению, взял в плен семью хана с прислугой и двинулся дальше.

Слух об этом набеге достиг Кайтага раньше Хаджи-Мурада. Местные жители подняли восстание и встретили наиба как освободителя. Они были готовы присоединиться к Шамилю, но просили освободить вдову Шах-Вали-хана, считая недостойным возить с собой несчастную женщину в качестве военного трофея.

Хаджи-Мурад не внял их просьбе. Кайтагцам заносчивость Хаджи-Мурада не понравилась, но ради главного дела они решили не осложнять отношения с шамилевским посланцем. Тем более что Хаджи-Мурад был занят тем, что нападал на укрывшихся в своих имениях дворян, выбивал их оттуда, а уцелевших беков преследовал до самого Дербента, пока те не укрывались за мощными стенами крепости.

Затем Хаджи-Мурад, к которому присоединилось множество кайтагцев, двинулся в Табасаран.

Аргутинский оказался меж двух огней — с одной стороны стояли наготове отряды Шамиля, а в тылу его наиб разжигал восстание, грозившее охватить весь Южный Дагестан и даже Закавказье.

Воевать в горах без надежного тыла было сродни самоубийству, и Аргутинский бросился умирять приморские провинции. Против Шамиля он оставил на высотах Турчи-Дага три батальона генерала Грамматина с пушками, а для прикрытия Мехтулинского ханства вызвал части Нижегородского полка из Чир-Юрта.

Миновав Казикумухское ханство, Аргутинский перевалил через хребет, за которым лежал Вольный Табасаран. И тут же был атакован арьергардом конницы Хаджи-Мурада. Аргутинский бросил в бой драгун. Следом двинулись апшеронцы. Мюриды были отброшены на соседнюю высоту, которая затем была взята штурмом.

Хаджи-Мурад отошел к аулу, прикрытому лесом. Леса Аргутинский не любил, предпочитая воевать в горах. Он попытался обойти аул по гребням гор, но маневр не удался. Обозу тоже пришлось идти через лес, где его ждала засада. Табасаранцы, вдохновленные слухами о том, что Хаджи-Мурад разбил Аргутинского, захватили обоз и скрылись в лесу.

Но против основных сил Аргутинского Хаджи-Мурад не удержался. Он отошел в лес, откуда ему пришлось пробиваться дальше через окружавшие его отряды Аргутинского. На помощь генералу пришла местная милиция, поднятая уцелевшими беками.

Опасаясь вторжения Шамиля, Аргутинский атаковал, не считаясь с

потерями. Преследуемый со всех сторон, Хаджи-Мурад думал уже не о развитии восстания, а о собственном спасении. Попадавшие на пути села восставших Аргутинский подвергал жестокому разорению, и это удерживало от восстания других.

Однако Хаджи-Мурад не изменял себе, пуская войска Аргутинского по ложному следу, делая неожиданные маневры и нападая, когда, казалось бы, ему следовало бежать без оглядки.

В одной из таких стычек вдове Шах-Вали-хана удалось спрыгнуть с лошади и укрыться в лесу. Дети же ее остались в руках наиба.

Не дождавшись условленного сигнала от Хаджи-Мурада, Шамиль атаковал позиции Грамматина, но потерпел неудачу. Готовясь к новому штурму занятых генералом высот, Шамиль получил известие о провале операции Хаджи-Мурада и решил отступить.

Вскоре явился и сам Хаджи-Мурад, без победы, но с богатой добычей.

Шамиль принял его сдержанно, а затем прислал людей с требованием отдать ему пленных и внести в казну положенную часть трофеев.

Хаджи-Мурад послал Шамилю дорогую шубу, богатое стамбульское ружье, несколько коней, 2,5 тысячи рублей и отдал детей Шах-Вали-хана, которые затем были выкуплены шамхалом Тарковским.

Но дело этим не ограничилось. Неудача всей операции требовала выяснения причин случившегося. Шамиль считал, что виноват Хаджи-Мурад, который нарушил план операции и погнался за сомнительной добычей, не успев затем поднять настоящее восстание в Табасаране. Это позволило Аргутинскому собрать войска и разбить Хаджи-Мурада. Что, в свою очередь, спутало расчеты имама и вынудило его нанести удар в неподходящий момент.

Вскоре явились и табасаранцы. Они упрекали имама за полное разорение, которому подверг их Аргутинский в наказание за содействие Хаджи-Мураду, бросившему их на произвол судьбы.

РАЗРЫВ

Разгневанный имам обвинил Хаджи-Мурада в алчности, которая и привела его отборных мюридов, торопившихся спасти свою добычу, к трусливому бегству от Аргутинского. Наиб в ответ заявил: «Что я не трус, знают на Кавказе даже малые дети. И горцы, и русские давно привыкли уважать мою храбрость». А затем намекнул, что простительно поражение пятисот мюридов от несметных войск Аргутинского, когда Шамиль сам, с пятнадцатью тысячами, не справился с тремя батальонами Грамматина.

С тех пор трещина, всегда существовавшая в отношениях между Шамилем и Хаджи-Мурадом, стала стремительно разрастаться, чтобы скоро превратиться в непреодолимую пропасть.

Хаджи-Мурад был лишен звания наиба. Ему было приказано сдать все дела и имущество.

В ответ Хаджи-Мурад засел со своими приверженцами в ауле Батлаич, рядом с Хунзахом. Он заявил, что все свое достояние приобрел собственной саблей и что пока она будет у него в руках, он ничего не отдаст.

Отряды имама обложили село, не позволяя Хаджи-Мураду из него показываться. Бывший наиб сделал вылазку, отбил несколько лошадей, но вынужден был вернуться обратно.

Дело принимало дурной оборот. Разлад между первыми людьми Имамата грозил усугубить и без того сложное положение.

Тогда духовные лица во главе с шейхом Джамалуддином Казикумухским поспешили устроить маслаат — примирение. Шамиль вовсе не желал обрести еще одного врага в лице знаменитого воина и согласился уладить дело миром. Хаджи-Мурад вернулся в подчинение Шамилю, но только после того, как его наибство было разделено между его двоюродным братом Альбури и Фатали-ханом (сыном Сурхай-хана Аварского).

За развитием событий с большим интересом наблюдал через своих лазутчиков Аргутинский. И как только Шамиль, считая дело решенным, вернулся в Ведено, генерал поспешил направить Хаджи-Мураду письмо. Генерал обещал забыть старые обиды и поддержать храбреца, если тот надумает выступить против Шамиля. Если же Хаджи-Мурад решит просто уйти от имама, то Аргутинский готов был принять его со всем семейством как значительного человека и героя.

Хаджи-Мурад ответил чересчур участливому генералу: «Хотя сила у меня малая, между мной и Шамилем произойдет то, что суждено Аллахом. Твоей помощи мне не нужно». Но оставаться в полной власти Шамиля, окруженным мюридами и лазутчиками имама, бывший наиб тоже не желал. Он решил переселиться в известный своей независимостью чеченский аул Гехи, откуда была родом его жена.

Шамиль ответил отказом. Все, что было позволено Хаджи-Мураду, — это оставить Батлаич и поселиться в селе Цельмес, тоже недалеко от Хунзаха. Здесь жило и его семейство — жена Сану, двое сыновей, четыре дочери и престарелая мать.

Так, в бездействии, прожил Хаджи-Мурад некоторое время под неусыпным надзором шамилевских мюридов.

ПОБЕГ

Осенью 1851 года Шамиль созвал в чеченском ауле Автуры Государственный совет, на котором предполагалось положить конец разногласиям и обсудить дальнейшие действия. Пригласили туда и Хаджи-Мурада, чтобы решить его дело высшим судом.

Невыносимая двойственность положения заставила Хаджи-Мурада направиться к Шамилю, чтобы поставить все на свои места. Между тем он не оставлял намерений уйти в Гехи, хотя бы и тайно. И даже отправил туда своих людей, вручив им часть накопленных сокровищ. Один из посланных тут же явился к Фатали-хану, а другого настигли брошенные в погоню мюриды.

По пути в Автуры Хаджи-Мураду сообщили, что его посланцы схвачены и что Шамиль будто бы собирается казнить его как изменника.

Хаджи-Мурад решил пробиваться в Гехи. Но все дороги оказались перекрыты караулами, а сверх того за Хаджи-Мурадом была послана погоня. Наткнувшись ночью на одну из засад, Хаджи-Мурад решился вступить в бой. Но горцы слишком любили великого воина и не хотели с ним драться. Они даже предупредили его, что в Гехи Хаджи-Мурада поджидает целый отряд и что семейство его уже увезено в Ведено.

Хаджи-Мурад метался, как загнанный волк, повсюду натыкаясь на кордоны и засады. Он уже никому не верил. И даже совет горца, указавшего ему верную дорогу, воспринял как приглашение в западню. Он уходил неизвестными ему путями, стремясь добраться до реки Аргун. И это ему удалось. Переправившись через реку, Хаджи-Мурад вскоре вышел к Рошнинской поляне, от которой до Гехи оставалось совсем немного.

Здесь он решил передохнуть, но вдруг раздались выстрелы. Оказалось, что здесь был сенокос гарнизона крепости Воздвиженской, и солдаты, приняв партию Хаджи-Мурада за очередной набег, открыли огонь.

Хаджи-Мурад и несколько его верных мюридов приготовились к обороне, когда вдруг ему пришла мысль, что именно в русских может заключаться единственная возможность спасения для его семьи.

Он назвал себя и объявил, что хочет вступить в переговоры с местным начальством.

Получив неожиданное известие, командир Куринского егерского полка флигель-адъютант полковник Семен Воронцов поначалу не поверил в такую удачу. Но вскоре сын кавказского наместника самолично, во главе

сильного отряда, отправился навстречу знаменитому воину. Убедившись, что перед ним действительно Хаджи-Мурад, князь Воронцов препроводил необыкновенного перебежчика в крепость.

Воодушевленный экстраординарным событием, главнокомандующий М. Воронцов поспешил обрадовать своего государя.

Это было неслыханной удачей — заполучить самого Хаджи-Мурада, чье имя повергало в трепет Кавказ и который считался «половиной Шамиля».

Узнав о случившемся, государь надписал на рапорте Воронцова: «Слава Богу — важное начало!» Помня, как вместе с Хаджи-Мурадом к Шамилю перешла и вся Авария, император надеялся теперь получить весь Дагестан.

Воронцов так дорожил перебежчиком, что попросил оставить его на Кавказе как большую политическую и военную силу против Шамиля. Император не разделял упований Воронцова, но согласился оставить Хаджи-Мурада под личную ответственность наместника.

В Генеральном штабе опасались, что хитроумный Хаджи-Мурад вышел к русским по тайному соглашению с Шамилем, что цель его — высмотреть силы и средства Воронцова, дороги и крепостные сооружения, чтобы затем устроить опасный сюрприз и вновь соединиться с имамом.

Беспокойства властей имели все основания. Еще слишком свежи были в памяти кавказских командиров нечеловеческая энергия и молниеносная быстрота этого горца, совладать с которым пока никто не сумел.

Воронцов-младший верил в искренность Хаджи-Мурада, который день и ночь думал лишь об освобождении своей семьи и даже предлагал для этого всевозможные способы. Сначала он хотел совершить набег, затем собирался послать отчаянных людей, которые бы за деньги, помещенные им в разных тайниках, выкрали его семью, на худой конец — собрать всех пленных и пригрозить Шамилю, что их отправят в Сибирь, если имам не отдаст Хаджи-Мураду его родных.

Но многие с беспокойством ожидали, что разбойник Хаджи-Мурад вот-вот подаст тайный знак и каким-то одному ему известным способом ввергнет Воздвиженскую в руки своих сподвижников. Если бы такое удалось, а бывшему наibu удавалось и не такое, то он вполне мог рассчитывать на милость Шамиля и возвращение своего семейства.

Но надеть на Хаджи-Мурада кандалы тоже не решались, чтобы не произвести превратного впечатления на горцев, которые могли пожелать последовать примеру своего героя.

Об этом же беспокоился и Барятинский, писавший Воронцову: «...

Относительно Хаджи-Мурата я, право, не знаю, что сказать. Хаджи-Мурат мне кажется спокойным, и я не вижу с его стороны ничего дурного, но он производит большое влияние на окружающих его и, следовательно, если он имеет какие-нибудь скверные намерения, то он может легко воспользоваться своим обаянием».

Вскоре прибыл адъютант Воронцова с приказом немедленно доставить Хаджи-Мурада в Тифлис «не так, как пленника, а как человека знаменитого, со всею подобающей честью».

В ТИФЛИСЕ

Тифлис ждал прибытия знаменитого джигита с тревогой и любопытством.

Его появление на балу во дворце Воронцова произвело необычайный эффект. Кавказский лев был увешан дорогим оружием, окружен свирепыми мюридами, а тяжелый взгляд его не производил впечатления обреченности.

Ему отвели дом, в котором он мог принимать гостей, предаваться молитвам и размышлять над средствами для вызволения своей семьи.

Воронцов обещал приложить все старания для осуществления его заветной мечты. Но время шло, а результатов не было. Неизвестно было даже то, где именно содержится семья Хаджи-Мурада. Тогда Хаджи-Мурад сам послал Шамилю письмо, прося отпустить его семью. Шамиль ответил, что Хаджи-Мурад стал отступником и что он не позволит впасть в такой грех его жене и детям.

Хаджи-Мурад неузнаваемо переменялся. Он истощал себя постом, беспрерывно молился, отказывался кого-либо принимать, если визиты не были сопряжены с его заветной целью.

В редкие выезды из дома его сопровождал казачий конвой. Обычно он направлялся в мечеть, где страстно молился и снабжал деньгами содержащихся в Тифлисе пленных горцев, а затем делал визиты к Воронцову, чтобы справиться, нет ли вестей о семье.

Среди военных заведений его более всего заинтересовало военно-топографическое училище, где он внимательно разглядывал карты Кавказа. Он с удовольствием указывал маршруты своих походов, а в ответ на просьбу указать дороги и сообщить другие сведения о местах, еще недоступных картографам, только покачивал головой и обещал сделать это, как только семья его будет в безопасности.

Одни горожане шарахались от него, как от молнии, другие старались проявить участие. Газеты наполнили удивительные истории из жизни кавказского героя, где факты переплетались с небылицами, а в местном театре даже показывали сцены на тему «Пророк Шамиль и разбойник Хаджи-Мурад».

Единственным утешением, способным отвлечь от тяжелых раздумий, стали для Хаджи-Мурада шахматы, играть в которые он выучился у начальника своего конвоя. В фигурах он видел вполне реальных персонажей и яростно сражался со своим визави.

Тягостное ожидание в Тифлисе наконец сделалось для него невыносимым. Хаджи-Мурад добился разрешения поехать в крепость Грозную, чтобы попытаться самому организовать вызволение семейства.

Прибыв под конвоем на место, он перепробовал самые фантастические средства для осуществления своей цели. Однако ничего сделать было невозможно. К тому же стояла зима, а в Дагестане и Чечне развернулись новые бои. Воронцов прокладывал новые просеки, его отряды усмиряли восстания, а Шамиль отбивался и делал новые попытки вырвать из царского владычества Кайтаг, Табасаран и КазиКумух.

Напрасно взволновав местное население и доставив начальству массу хлопот, Хаджи-Мурад вынужден был вернуться в Тифлис.

Дожидаясь вестей из Дагестана, Хаджи-Мурад сообщил ротмистру Лорис-Меликову подробности своей удивительной жизни. Ротмистр все записал, прочел Хаджи-Мураду через переводчика, получил одобрение и представил свой труд начальству. Воронцов, в свою очередь, адресовал жизнеописание своего подопечного Генеральному штабу и государю императору.

А самого Хаджи-Мурада решил до поры удалить из Тифлиса. Местожительством ему была назначена Нуха в одноименном уезде за Лезгинской кордонной линией.

ГОЛОВА ХАДЖИ-МУРАДА

В апреле 1852 года Хаджи-Мурад прибыл в Нуху в сопровождении конвоя и под надзором капитана Бучкиева.

Поначалу Хаджи-Мурад с интересом осматривал местные достопримечательности, навевался на базары и в каравана-сарай, посещал мечети, где знать держалась от него подале, а простой люд старался стать ближе.

Бездействие властей порождало в Хаджи-Мураде мрачную задумчивость, которая сменялась лихорадочным блеском глаз, когда он обращал их к горной гряде, отделявшей Нуху от Дагестана.

Начальник Нухинского уезда подполковник Карганов старался развлечь Хаджи-Мурада, обещая скорые перемены в его деле. А пока разрешал ему ездить по Нухе и окрестностям в сопровождении своих нукеров и небольшого конвоя. Несколько раз они вместе отправлялись на охоту, где Хаджи-Мурад вновь превращался в лихого наездника и меткого стрелка.

Карганов подозревал, что от Хаджи-Мурада можно ожидать всякого. Что если не удастся выручить его семью, то он попытается сделать это сам или даже перейдет обратно к Шамилю, учинив в Нухе шумное происшествие в надежде на примирение с имамом. Вместе с тем Карганов полагал достаточным выставлять секретные караулы и полагался на самих нухинцев, которые помнили недавний набег Хаджи-Мурада и готовы были при случае ему отомстить.

Не дождавшись решения своего дела от Воронцова, Хаджи-Мурад начал приходить в отчаяние, дерзил начальству и часто уходил от своего конвоя. А когда начальник нухинской милиции Хаджи-ага прилюдно насмеялся над положением Хаджи-Мурада, то он едва сдерживал свою гордую натуру, чтобы не разорвать наглеца.

Во время одной из загородных прогулок случилось то, чего многие и ожидали.

В тот день, после очередной бессонной ночи, Хаджи-Мурад был не в духе. Не отвечая на расспросы, он отказался от завтрака и начал седлать своего коня. Конвойные решили, что он, по своему обыкновению, собирается за город на прогулку.

Отъехав версты две, Хаджи-Мурад спешился у родника, чтобы совершить омовение и помолиться со своими нукерами. Закончив намаз, он

вскочил на коня и вдруг спросил начальника конвоя, мусульманина: почему тот не молился вместе с ними?

Урядник не нашелся что ответить и попробовал отшутиться. Хаджи-Мурад переменялся в лице, и глаза его вспыхнули тем особенным огнем, который наводил ужас на его врагов. «Не грех убить такого неверного, как ты!» — крикнул Хаджи-Мурад и выстрелил в урядника из пистолета. Тот упал замертво. Другой конвойный был убит нукером Хаджи-Мурада. Затем, не дав опомниться остальным конвойным, горцы пустили коней в галоп. Казаки бросились следом, но беглецы, отстреливаясь, оторвались уже далеко и во весь опор мчались в сторону гор.

Когда о бегстве Хаджи-Мурада стало известно в Нухе, растерянный Бучкиев помчался в Тифлис, а Карганов спешно организовал погоню.

На поимку беглецов были брошены все силы, по уезду разосланы тревожные караулы, а из окрестных владений была мобилизована милиция.

Хаджи-Мурад, застрявший в болотистом месте, был настигнут на следующий день шушинской и нухинской милицией.

После перестрелки Хаджи-Мурад и его нукеры укрылись в небольшой роще, залегли в вырытой кинжалами яме и отгородились убитыми лошадьми.

Тем временем рощу окружали все новые толпы преследователей. Среди них был и Хаджи-ага, горевший желанием отомстить Хаджи-Мураду: однажды тот разбил его отряд и вынудил бежать из Элису, которым Хаджи-ага правил после Даниял-бека.

Окружением руководил майор Туманов. На его предложение сдаться Хаджи-Мурад ответил бранью и пулями. Туманов пошел на приступ, но был отбит. Бой продолжался более пяти часов, осажденные затыкали раны лоскутами и продолжали отстреливаться, пока оставались пули и порох. Наконец пальба смолкла. Чтобы убедиться, что беглецы мертвы, в их сторону погнали стадо коров. Когда стадо спокойно прошло небольшой лес, милиционеры решили, что все кончено, и с радостными криками ринулись к последнему укреплению мюридов. Но вдруг навстречу им выпрыгнул окровавленный Хаджи-Мурад с саблей в руке. Храбрец был ранен четырьмя пулями, но успел нанести несколько страшных ударов, пока не был изрублен сам. Та же участь постигла еще двух мюридов. Остальные двое были сильно изранены и взяты в плен.

Перед смертью отважный мюрид усмехнулся в лицо врагам: «Вы смогли меня убить, но не смогли победить».

Сообщение Бучкиева о бегстве Хаджи-Мурада изумило Воронцова до крайности. Выговаривая капитану за преступную халатность, местник

мысленно представлял себе, как будет разгневан государь, доверивший Хаджи-Мурада его попечению.

Но вскоре явился Аргутинский, который объявил о поимке и гибели Хаджи-Мурада и обещал, что скоро отрубленная голова его будет доставлена в Тифлис.

Когда тела Хаджи-Мурада и его мюридов привезли в Нуху, почти все население явилось к дому уездного начальника, чтобы увидеть тело великого человека. Многие были опечалены, но большинство ликовало. В духанах до утра били в барабаны, звучала зурна и слышались крики «ура!».

29 апреля 1852 года Воронцов, сообщая о случившемся Барятинскому, писал: «...Только одна возможность освобождения его семейства и то ложное положение, в которое он был у нас поставлен, вынудили его на роковой для него поступок. Он умер храбрецом. С четырьмя пулями в теле, шатаясь, он с одним из своих людей бросился с шашкой в руке вперед и был изрублен саблями и кинжалами. Пять голов были отправлены в Нуху, а голова Хаджи-Мурада будет прислана сюда, где Андреевский хочет ее препарировать и отослать в Академию. Посылаю Вам два оттиска печатей, найденных на его трупе. Это будет предметом любопытства для Ваших ученых».

Возможно, на решение Хаджи-Мурада повлияло и письмо Шамиля, полученное им незадолго до побега. В нем, в частности, говорилось: «Поклон и мир. Желаю твоего возвращения... Я забыл нашу ссору и все прощаю. Состояние твое велико. Русские не могут дать тебе столько. Я не трогал его и оно твое. Обещаю возратить все, что отобрал прежде. Если не приедешь, то единоверцы станут жалеть о том...»

Когда голову Хаджи-Мурада, в сосуде со спиртом, доставили в Тифлис, кое-кто требовал насадить ее на шест и выставить на базаре для всеобщего обозрения. Воронцов счел это неприличным и передал страшный трофей в полицию. Но полицеймейстер предпочел поскорее передать голову в госпиталь. Там она была выставлена на анатомическом столе, а затем ее препарировал доктор Андреевский, чтобы затем отправить череп в Петербург.

В столице череп был представлен начальству, а затем передан профессору Пирогову, у которого уже имелось несколько подобных препаратов.

Видимо, череп Хаджи-Мурада представлял не научную, а лишь политическую ценность, потому что в скором времени оказался в Кунсткамере — музее природных чудес и прочих редкостей, в запасниках которого хранится в коробке и по сей день. Хотя по христианским и

мусульманским канонам череп следовало бы вернуть в могилу его бывшего обладателя.

Могила Хаджи-Мурада находится недалеко от Нухи. Она стала зияратом — почитаемым местом.

ГРАФ ТОЛСТОЙ НА КАВКАЗЕ

Молодой Лев Толстой жил в Петербурге обычной жизнью отпрысков знатных родов. Кутежи и головокружительные романы он предпочитал скучной учебе в университете, который так и не окончил. Он мечтал стать *comme il faut* (комильфо), но ему не хватало раскованности и внешнего лоска. Он искал удачи в картах — семейном пристрастии Толстых, но чуть было не лишился родового имения. Катастрофический проигрыш вынудил его оставить дорогостоящий свет, чтобы поправить дела скромной жизнью в провинции.

Он хотел было удалиться в Ясную поляну, имение матери — урожденной княжны Волконской, но брат Николай, служивший на Кавказе, уговорил его приехать к нему.

Толстой попал на Кавказ в 1851 году, когда драма Хаджи-Мурата приближалась к трагической развязке. «Людам, не бывавшим на Кавказе во время нашей войны с Шамилем, трудно представить то значение, которое имел Хаджи-Мурат в глазах всех кавказцев, — писал Толстой в дневнике. — И подвиги его были самые необыкновенные... Везде, где бывало жаркое дело... везде был Хаджи-Мурат. Он являлся там, где его не ожидали, и уходил так, что нельзя было его полком окружить».

В Кизляре Толстой окунулся в новую жизнь. Здесь всегда ждали набегов, обменивали пленных, гордились экзотическими трофеями и ждали заслуженных наград. Геройского вида ветераны потрясали воображение рассказами о битвах с Шамилем, а бедовые казачки кружили голову своей полуазиатской красотой.

Война расковывала людей, обнажала их главные качества. А постоянное соседство со смертью и ждавшей за ней вечностью очищало от лицемерия и фальши. Толстовская идея «опрощения» нашла здесь самую благодатную почву.

Очарованный Кавказом, Толстой решил поступить на военную службу. Сдав экзамен, граф поступил юнкером в артиллерийскую бригаду, которая дислоцировалась под Кизляром. Он показал себя храбрым солдатом, был представлен к наградам, но так ни одну и не получил. Зато опыт и впечатления, полученные на Кавказе, легли в основу его будущих произведений.

Он любил читать Руссо, но теперь его больше увлекали сказания и легенды горцев, их живописные костюмы и обычаи, особенности

характера, подробности быта. «Сокровища поэтические необычайные», — писал он в дневнике.

Толстой обрел много новых друзей. Одним из них был удалой чеченец Садо, считавшийся мирным. Они стали кунаками и часто бывали вместе. Летом 1853 года, направляясь из станицы Воздвиженской в Грозную, они оторвались от основного отряда, и тут на них налетел отряд горцев. До крепости было уже недалеко, и Толстой с Садо помчались вперед. Лошадь Толстого явно отставала и плен был бы неминуем, если бы Садо не отдал графу своего коня и не убедил горцев прекратить преследование. «Едва не попал в плен, — записал Толстой в своем дневнике 23 июня 1853 года, — но в этом случае вел себя хорошо, хотя и слишком чувствительно». Случай этот вместе с опубликованным в газете «Кавказ» сообщением о том, как офицер П. Готовницкий и солдат И. Дудатьев попали в плен к горцам, а затем бежали, лег в основу рассказа «Кавказский пленник», в котором горская девочка старается помочь попавшим в плен русским офицерам. А в «Набеге» Толстой писал уже о том, как русский офицер спасает раненого чеченца.

Сохранивший для мира великого писателя Садо этим не ограничился. Позже он сумел отыграть у офицера, которому был должен Толстой, весь его проигрыш. Об этом написал Льву брат Николай: «Приходил Садо, принес деньги. Будет ли доволен брат мой? — спрашивает».

Служба на Кавказе сделала Толстого другим человеком. Он освободился от романтического очарования героев Марлинского и Лермонтова. Его больше интересовали жизнь и сознание простого человека, не по своей воле ввергнутого в ужас вселенского братоубийства. В «Набеге» он выразит это так: «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщенья или страсти истребления себе подобных?..»

Но сначала было написано «Детство». Толстой дерзнул послать свое сочинение Н. Некрасову в «Современник». Повесть напечатали. Успех был оглушительным. Имя Толстого стало известным и популярным. В промежутках между ратными делами он продолжал писать.

Толстой прослужил на Кавказе два года. Прибыв сюда мало кому известным частным лицом, он покидал его в чине офицера и в славе нового литературного дарования.

В 1853 году, когда началась Крымская война, Толстой уже сражался в Дунайской армии, а затем участвовал в тяжелой обороне Севастополя.

Под ядрами неприятеля 26-летний Толстой написал «Рубку леса».

Вместе с беспощадной правдой о варварском уничтожении природы Кавказа и войне с горцами в рассказе выведены образы офицеров, мечтающих променять «романтический» Кавказ «на жизнь самую пошлую и бедную, только без опасностей и службы».

«Я начинаю любить Кавказ, хоть посмертной, но сильной любовью, — писал он в своем дневнике 9 июля 1854 года. — Действительно хорош этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — война и свобода».

В аду блокады Толстой начал писать и «Севастопольские рассказы», обратившие на себя внимание самого государя.

Уже на склоне лет, в мировой славе литературного гения, Толстой вернулся к своему давнему замыслу. «Хаджи-Мурат» стал его последним большим произведением.

После Толстого литературный Кавказ стал другим. Фокус его повестей сосредоточился на сути человеческого бытия, уничтожаемого чуждыми ему политическими амбициями и «государственными интересами».

На Кавказе, а также позже, работая над «Хаджи-Муратом», Толстой с особым интересом изучал ислам, видя в нем особую ступень нравственного развития человечества.

Это отразилось в его письме семье Векиловых, просивших совета о выборе вероисповедания для своих сыновей, поскольку отец их был мусульманином, а мать христианкой, и брак их был узаконен лишь по воле императора ввиду немалых заслуг картографа Векилова. «Как ни странно это сказать, — писал Толстой, — для меня, ставящего выше всего христианские идеалы и христианское учение в его истинном смысле, для меня не может быть никакого сомнения и в том, что магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия. Так что, если человеку поставлено только два выбора: держаться церковного православия или магометанства, для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе, и всякий предпочтет магометанство с признаками одного догмата, единого Бога и Его пророка, вместо того сложного и непонятого богословия — Троицы, искупления, таинств, Богородицы, святых и их изображений и сложных богослужений».

В то время как человечество уповало на прогресс и тешилось техническими изобретениями, Толстой думал о вечном, о всемирной любви и необходимости всеобщего просвещения.

Святейший Синод, не разделяя порывов великой души, отлучил писателя от церкви: «...Граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достоинство, явно

перед всеми отрекшись от вскормившей и воспитавшей его матери, церкви православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и церкви».

Богоискательство его не удовлетворило, Оптиная пустынь не исцелила его душевного смятения, а всемирная слава не приносила утешения.

Ему казалось, что настоящая жизнь осталась там, в горах Кавказа.

НАПРАСНЫЙ ПОДВИГ АРГУТИНСКОГО

В феврале 1853 года Барятинский сумел взять реванш за свое поражение под Ведено, разбив у реки Мичик отряд горских ополченцев.

Дальнейшие наступательные действия против Шамиля Воронцов приостановил. Назревала новая война с Турцией, и основные силы были передислоцированы в Закавказье для отражения возможного османского вторжения.

Наместник даже подумывал о полном выводе регулярных войск из Дагестана и Чечни, чтобы сохранить Кавказ в целом. Но опытные генералы отговорили Воронцова от этой затеи. Они считали, что Шамиль, если дать ему укрепиться, станет опаснее всей турецкой армии.

Их правота подтвердилась весьма скоро. Шамиль решил использовать создавшееся положение для разрыва блокады. 25 августа с отрядом в 15 тысяч человек он прорвал Лезгинскую кордонную линию, занял Закаталы и угрожал Кахетии.

На стыке Грузии, Азербайджана и Дагестана, на южном отроге Главного Кавказского хребта, возводилось большое Месельдегерское укрепление. Отсюда можно было контролировать передвижения горцев и загодя предупреждать об опасности. Шамиль решил разрушить укрепление, чтобы быть более свободным в дальнейших действиях, и 6 сентября начал его осаду. Но упорство защитников Месельдегерского укрепления нарушило его дальнейшие планы. Имам рассчитывал на помощь местного населения, надеялся, что турки отвлекут царские войска в Закавказье, но не дождался ни того, ни другого.

Вместо этого непредсказуемый генерал Аргутинский с почти 10-тысячным отрядом и дюжиной пушек совершил неслыханный по трудности переход от Турчи-Дага до Месельдегера через несколько заснеженных перевалов, включая Главный Кавказский хребет. Он двигался 10 дней почти без остановок, надеясь зайти Шамилю в тыл и отрезать его от Дагестана. Подвиг Аргутинского, стоивший ему многих жертв, напомнил всем переход Суворова через Альпы и потряс воображение знатоков горной войны. Но усилия генерала оказались напрасными, потому что Шамиль к тому времени решил вернуться в Дагестан и атаковать его. Аргутинский не успел. Этот тяжелый переход окончательно подорвал здоровье «Самурского вепря». Разбитого параличом, Аргутинского едва довели до Темир-Хан-Шуры. Война была его жизнью, он умер через

полтора года в Тифлисе холостяком, не оставив потомства. А еще через двадцать два года ему поставили памятник в Темир-Хан-Шуре.

Когда в 1918 году к власти в Дагестане пришли большевики, их лидер Махач Дахадаев, женатый на внучке Шамиля, велел снести памятник, что и сделала дружная толпа горских и русских пролетариев. В том же году Дахадаева расстреляли белогвардейцы, а в 1924 году советская власть переименовала в его честь город Порт-Петровск, ставший Махач-Калой.

ГОРЦЫ И КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Турецкие и английские эмиссары упрекали Шамиля в поспешности и призывали к новым совместным действиям. Но Шамиль уже разуверился в возможных союзниках и решил полагаться лишь на собственные силы.

Когда 4 октября 1853 года Турция объявила войну России, Шамиль оставался спокоен и активных действий не предпринимал.

Крымская (Восточная) война разворачивалась на нескольких фронтах. Борьба началась за Крым и Кавказ, но вскоре распространилась и на Балканы. На стороне Турции выступили Англия и Франция, которые ввели на Черное море свои эскадры, нарушив все прежние договоры. В ответ Россия объявила им войну. Вскоре враждебную России позицию заняли еще три державы: Австрия, Пруссия и Швеция.

Позже Австрия оккупировала Боснию и Герцеговину, объявила там свой протекторат, а затем и владычество. Это, в свою очередь, привело к новой Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, Боснийскому кризису, а затем и к убийству в Сараево сына Франца Иосифа и началу Первой мировой войны.

В Крымской войне Россия уступала союзникам по численности войск, качеству оружия (гладкоствольное против нарезного) и силе флота (парусные корабли против паровых броненосцев).

Однако техническое и численное превосходство не сразу дало союзникам военное преимущество.

На Кавказе 100-тысячный турецкий корпус Абди-паши нацелился на Тифлис и Александрополь, но успеха не имел. 19 ноября 1853 года 10-тысячный корпус генерала Бебутова нанес 36-тысячному турецкому соединению тяжелое поражение при Башкадыкларе. Почти в тот же день турецкая эскадра была уничтожена адмиралом П. Нахимовым у Синопа.

Весной и летом 1854 года турецкая армия потерпела на Кавказе новые поражения под Баязетом и при Кюрюк-Дара.

На Черном море перевес оказался на стороне союзников, которые высадились в Крыму, нанесли на реке Альме поражение войскам главнокомандующего Крымской армией светлейшего князя А. Меншикова и осадили Севастополь. Меншикова сместили, отправив генерал-губернатором в Кронштадт, но положения это не спасло.

72-летний Воронцов невыносимо устал от кавказских неурядиц и неразберихи в командовании. Опыт подсказывал, что ничем хорошим это

не кончится. 4 марта 1854 года Воронцов занемог и уехал в Германию лечиться на водах.

Сдачу Севастополя он переживал как личную драму: «Сердце мое обливается кровью, чувствую себя заживо умершим».

На Кавказе наступило безвластие. Только через пять месяцев временно исполняющим обязанности наместника и главнокомандующего назначили старого служаку генерала от кавалерии Н. Реада, участника Отечественной войны и заграничных походов.

Как оказалось, Воронцов оставил Кавказ навсегда. Только в 1856 году светлейший князь вернулся в Россию, и 26 августа, в день коронации Александра II, получил чин генерал — фельдмаршала. На Кавказ он больше не вернулся. 6 ноября того же года Воронцов умер в Одессе, где ему, как и в Тифлисе, поставили памятник.

НОВЫЙ ПОХОД ШАМИЛЯ

В сложившейся ситуации все ждали, что предпримет Шамиль. Но имам оставался спокоен, как будто объявил нейтралитет на время Крымской войны. В мае 1854 года он получил письмо от своего наиба Магомед-Амина, действовавшего на Западном Кавказе. Наиб сообщал о приближении турецких войск и письмах султана, который надеялся на соединение с войсками имама.

Вслед за тем Шамиль назначил сбор войск в Карате — наместнике его сына Гази-Магомеда.

Одни полагали, что Шамиль двинется на соединение с Магомед-Амином, другие — что пойдет навстречу турецким войскам. Сам Шамиль держал план военной операции в строгом секрете. Гази-Магомед, пытаясь угадать замысел отца, осторожно спросил: «В каком направлении нам исправлять дорогу для похода?» Имам ответил: «Исправляй ее во все четыре стороны».

Шамиль отправил своих разведчиков на юг, в Закаталы. Они должны были убедить тамошнее начальство, что Шамиль, желая отомстить за прошлогоднее поражение, намерен напасть на Закаталы с огромным войском. В Закаталах начали спешно готовиться к обороне и запросили подкрепления. На помощь им был выслан большой отряд из Тифлиса. Тем временем другие разведчики действовали с той же целью на западе, в Кахетии. Вскоре кавказское начальство получило еще и сообщение лазутчиков о письме Магомед-Амина, приглашавшего Шамиля двинуться в Кабарду для соединения с адыгами.

Замещавший наместника генерал Реед понимал, что у Шамиля не хватит сил действовать сразу в трех направлениях. Но выяснить точные планы имама не удавалось. Вскоре пришли новые сведения из Закатал о готовящемся нашествии Шамиля и движении в том направлении больших отрядов горцев. Это грозило прорывом горцев на соединение с турецкой армией, и большую часть резервных войск Реед бросил на защиту южных границ. Даже когда передовые дозоры сообщили о движении горских отрядов к Кахетии, это сочли ложным маневром, направленным на отвлечение сил от Закатал.

Убедившись, что основные царские войска брошены в Закаталы, Шамиль двинулся на Кахетию. Его лагерь расположился на возвышенности напротив Цинандали, а 15 тысяч мюридов с конницей под командованием

Гази-Магомеда и пехотой под началом Даниял-бека бросились к Алазани.

КАХЕТИНСКАЯ ДРАМА

Француженка Анна Дрансе была очарована Грузией. А Цинандали — имение князя Давида Чавчавадзе в Кахетии, в сердце Алазанской долины — показалось ей просто райским уголком. Мадам Дрансе попала в Грузию в поисках хлеба насущного, и устройство в семью князя воспитательницей его дочерей считала подарком судьбы.

Князь был внуком Герсевана Чавчавадзе, министра-представителя грузинских царей при русских императорах в период заключения Георгиевского трактата. Давид был женат на внучке последнего венчанного грузинского царя Георгия XII Анне. Ей теперь было 28 лет, и у них было шестеро детей: дочери Саломея, Мария, Елена, Тамара и Лидия, которая была еще младенцем, а также сын Александр, немногим старше Лидии. Вдова Грибоедова Нина Александровна была старшей сестрой князя и обычно отдыхала в Цинандали вместе с родными, но в этот раз судьба ее уберегла. Она, вместе с дочерью Чавчавадзе Еленой, гостила у другой сестры князя — Е. Дадиани, вдовствующей владетельницы Мингрелии.

Июнь 1854 года выдался особенно жарким, и семейство князя оставило душный Тифлис, чтобы предаться неге в родовом поместье.

Преодолев за два дня 60 верст, семейство прибыло в Цинандали. Прекрасный дом, окруженный благоухающим садом с гранатовыми и жасминовыми аллеями, скоро заставил забыть трудности путешествия.

Вслед за ними в Цинандали приехала сестра Анны 26-летняя княгиня Варвара Орбелиани с полугодовалым сыном Георгием и 18-летней племянницей княжной Ниной Баратовой. Княгиня Орбелиани была в трауре после кончины ее мужа командира Грузинского гренадерского полка генерал-майора Ильи Орбелиани. Он был смертельно ранен в битве с турками при Башкадыкларе в ноябре 1853 года и через месяц умер в госпитале. Погибший был тем самым Орбелиани, который побывал в плену у Шамиля в 1842 году.

В Цинандали все было тихо и спокойно, а природа поражала своим изысканным великолепием. Имение располагалось на берегу притока Алазани. Отсюда открывались чудесные виды, увенчанные сиянием снежных пиков Кавказского хребта. И располагавшееся за ними государство грозного Шамиля не казалось уже столь опасным соседством, тем более что горцы десятки лет не тревожили Кахетию.

Начальство смотрело на ситуацию иначе. Доставляемые лазутчиками

сведения говорили о том, что большие отряды имама собираются для нового похода. Направление его оставалось неизвестным, а командование не имело сил укрепить все приграничные области. Князь Чавчавадзе получил приказ взять под свое начало кахетинскую милицию и укрепиться в старой крепости Шильды, расположенной на подступах к Алазани со стороны Дагестана. Передовым форпостом, в 12 верстах за Алазанью, была Похальская башня, на которой нес службу небольшой гарнизон местной милиции.

Князь не верил, что горцы дерзнут перейти реку. Оставляя семью, он обещал скоро вернуться. Тем более что начавшиеся дожди должны были сделать Алазань полноводной и труднопроходимой, броды держались в секрете, а в соседний город Телав прибыл из Тифлиса большой отряд.

Но на следующее утро долина Алазани уже лишилась своего благостного вида: повсюду полыхали пожары, слышалась канонада, соседи готовились к отъезду, и крестьяне уговаривали княгинь последовать их примеру.

Они уже начали собирать вещи, когда получили записку от князя, подвергшегося нападению отряда мюридов. Нападение было отбито, князь уверял, что скоро все кончится, и просил не беспокоиться. Анна Ильинична объяснила домашним, что недоразумение с горцами скоро разрешится, и занялась детьми, которых переполох вокруг только веселил.

Тем временем появлялись все более явные признаки надвигающейся беды. Распространились тревожные слухи, крестьяне уходили в лес, а слуги просили отпустить их, пока не поздно.

Княгиня сохраняла спокойствие, но велела уложить в сумки серебро и драгоценности. Примчался на повозке местный врач, намереваясь спасти княжеские семейства, но Анна стояла на своем — муж не велел уезжать.

В имении, кроме княжеских семейств и ближайшей прислуги, почти никого не осталось. Вещи были собраны, экипажи нагружены, дети одеты. Оставалось лишь получить вест от князя.

Мадам Дрансе была в ужасе. Она бы давно бежала, если бы знала куда. Однако у нее хватило смелости пойти к реке, чтобы узнать, что происходит на той стороне. Едва она вышла из зарослей орешника, как увидела двух горцев, переходивших реку со своими лошадьми.

С воплями «Горцы идут!» Дрансе бросилась обратно и умоляла княгинь немедленно бежать.

Но было уже поздно. Вокруг затрещали выстрелы. Княгини собрали домочадцев, поднялись наверх и заперлись в бельведере.

Узнав, что Похальская башня захвачена мюридами, князь мобилизовал

оставшихся жителей Шильды, а их семейства укрыл в крепости.

На рассвете 3 июля отряды Гази-Магомеда атаковали укрепленное село, но были отбиты. Оставив часть отряда осаждать Шильды, Гази-Магомед напал на соседние села. В тыл нападавшим ударили охотники. Горцы опять отошли, но затем напали уже на другие села.

На помощь грузинской милиции подошли две роты егерей с дружинниками из Кварели и батальон Тифлисского егерского полка с двумя орудиями.

Тогда-то и послал князь Чавчавадзе ту записку в Цинандали. Прося «не беспокоиться», он имел в виду переживания семьи о нем самом, а вовсе не призыв оставаться в имении, как это поняла его супруга.

Все вестовые из Шильды гибли по дороге, но милиционер, отправленный в Цинандали, доставил записку по назначению. Как оказалось, это объяснялось не его везением, а желанием разведчиков Шамиля проследить удобный брод через Алазань.

ПЛЕНЕНИЕ КНЯГИНЬ

Из бельведера цинандальского дома, в котором укрылись княжеские семьи, было видно, как имение наполнилось всадниками, как они собирали у родника пленных, как разоряли их дома. Настала очередь княжеского особняка. Горцы заполнили двор, разглядывая готовые к отбытию княжеские экипажи. Нашли сумки с драгоценностями, открыли сундуки, восторженно зацокали. Несколько человек спешили и с веселыми криками бросились в дом. Смерч опустошения сопровождался звоном стекол, треском мебели и жалобными звуками фортепиано, терзаемого неумелыми руками.

Когда заскрипела под чужими ногами лестница, ведущая в бельведер, княгиня Орбелиани благословила близких и стала у двери, решив первой принять новый удар судьбы.

Выбив крепкую дверь, горцы застыли в изумлении перед неожиданной картиной. Столько знатных дам сразу они никогда не видели. Напиравшая сзади толпа подтолкнула первых, и те бросились разбирать пленниц. Новые претенденты старались тоже кого-нибудь захватить, но пленниц на всех не хватало. Счастливые обладатели пробивались к выходу, подняв пленниц над собой, а тот, что захватил мадам Дран-се, даже вынужден был выпрыгнуть с ней на руках из окна, чтобы пленницу не отняли более сильные.

Появившийся Даниял-бек быстро понял, с кем имеет дело, велел собрать всех пленниц вместе, привести к ним детей и строго охранять. Их даже окружили лошадьми, чтобы отгородить горцев от новых искушений. Причем Даниял-бек счел не лишним напомнить горцам, что по законам Имамата за насилие над чужой женщиной, будь она даже пленницей, их неминуемо ждет смертная казнь.

У разгорячившихся мюридов были отобраны и самые дорогие ценности, включая, как писали хронисты, корону царя Ираклия II (отца Георгия XII), хранившуюся в семье Чавчавадзе как реликвия.

Даниял-бек, говоривший по-грузински и по-русски, выяснил кто есть кто, обещал дамам неприкосновенность, переписал остальных пленных и велел отправить их в лагерь Шамиля.

Как позже описывала мадам Дрансе, знатных пленниц горцы посадили в экипажи. Речку экипажи переехать не смогли и были сожжены. Пленниц посадили на лошадей позади своих похитителей. Княгиня Чавчавадзе

садиться не желала, но когда ее чуть не унесло рекой, она была посажена на лошадь силой. Княгиня одной рукой вынуждена была держаться за пояс сидящего впереди горца, а другой прижимала к себе четырехмесячную Лидию. Сама мадам Дрансе упиралась изо всех сил, кричала, что она француженка и что не позволит... Ее провожатый по-французски не понимал и ответил ударом нагайки по спине гувернантки, после чего она сочла за лучшее покориться судьбе и положиться на Деву Марию.

Пленных крестьян погнали вместе со скотом и груженными добром арбами. Спаслась лишь тетка князя престарелая Тиния Орбелиани, которая успела забиться в чулан и не была найдена.

Получив известие о захвате Цинандали, князь Чавчавадзе поспешил на выручку, но, подойдя к берегу Алазани, увидел, что имение его объято пламенем. Он надеялся, что семейство успело уехать. А на пути возвращавшейся из Цинандали партии горцев решил устроить засаду.

Когда показался первый отряд, по нему был открыт огонь из ружей и пушек. Бросая добычу, горцы отступили. Соединившись с другим отрядом, они пошли другой дорогой, но и здесь их ждала засада.

Князь поручил подстеречь горцев и отбить пленных капитану Мингрельского егерского полка Хитрово. Это ему удалось, но не полностью. Горцы были отброшены, но среди погибших оказались и пленные.

Как писал Е. Вердеревский, «после уничтожения второй партии, наткнувшейся на засаду князя, люди его и милиционеры, по древнему грузинскому обычаю, стали приносить и бросать к ногам своего помещика и начальника головы убитых хищников, а также добычу, найденную в их сумках». Узнав среди отобранной добычи некоторые вещи из своего цинандальского дома, князь потерял последнюю надежду на благополучное спасение своей семьи. Среди погибших была найдена и его дочь Лидия. Трагедия произошла в тот момент, когда Хитрово открыл по горцам сильный огонь из своей засады, и те вместе с пленными бросились назад. На бешеном скаку мать не сумела удержать малютку, и она упала на острые камни. Если бы Хитрово не понял, что произошло, и не прекратил огонь, трагедия могла бы принять еще большие размеры.

Князь понял, что лишился не только дочери, но и всего семейства, не говоря уже об опустошенном имении.

Даниял-бек хорошо знал эти места и вывел горцев по узкой тропинке, где они уже не встретили никаких преград.

Тем временем князю донесли, что Шильды вновь атакованы. Пылая

жаждой мести, он бросился на неприятеля, отбил село, но часть горцев заперлась в церкви. Тогда князь велел обложить ее хворостом и поджечь. Те, кто пытался спастись из огня, падали под пулями и шашками.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГОРЫ

Шамиль намеревался идти дальше, вглубь Грузии. Но подоспевшие части царской армии и ополченцы вынудили его остановиться.

Вскоре стало известно, что турецкие войска, наступавшие в Западной Грузии, разбиты у Нигоети, на реке Чорох и Чингильских высотах.

Потеряв последнюю надежду на помощь от турок, Шамиль приказал своим отрядам покинуть Кахетию. Да и воины, отягощенные богатой добычей, вовсе не желали рисковать трофеями, мечтая поскорее вернуться к своим полунищим семьям. Шамиль же видел в знатных пленниках залог исполнения своей заветной мечты — возвращения сына Джамалуддина, которого у него отняли 15 лет назад под Ахульго.

На следующий день после кахетинской драмы убитых горем и изнемогающих от усталости пленниц доставили в лагерь Шамиля у Похальской башни. Из княжеского дома в Цинандали было уведено 22 человека. В самой башне и вокруг нее было собрано еще около тысячи пленных, среди которых княгини узнали и своего родственника Ивана Чавчавадзе. Он командовал небольшим гарнизоном и был захвачен после отчаянной схватки.

Гази-Магомед, который руководил Кахетинской операцией и которому едва исполнился 21 год, затмил славу самого Хаджи-Мурада. Теперь никто в горах не сомневался в его праве называться наследником имама.

Посмотреть на княгинь пришли командиры горцев. Многие из них помнили покойного Илико Орбелиани и говорили его вдове, что он был храбрым воином, заслужившим всеобщее уважение. И что сын очень похож на отца и вырастет настоящим джигитом.

Свое вторжение они объясняли тем, что грузинские князья и простые люди, недовольные царскими порядками, сами призвали их, желая принять сторону Шамиля. Княгини им не поверили.

Пленницам принесли еду, но они гордо отказывались от нее, соглашаясь пить лишь воду. Утром их разбудили русские горны. Пленницы решили было, что князь прогнал горцев и отбил их. Но оказалось, что это солдаты-перебежчики трубили утреннюю зарю.

К пленницам явился Хаджияв (Хаджио), казначей Шамиля, и объявил условия, на которых имам согласится освободить пленниц: возвращение его сына-заложника и выкуп в миллион рублей серебром. Сына — отцу, деньги — народу, разоренному войной. Остальных кахетинских пленников

предлагалось обменять на пленных мюридов. Сверх того Шамиль требовал вернуть еще одного заложника — своего племянника Гамзата.

Узнав из бумаг, взятых в доме Чавчавадзе, что княгини были фрейлинами императрицы, им велели написать письма прямо к ней. Княгини отказывались, уверяя, что не имеют на это права. Тогда им разрешили написать родным и начальству в Грузии. Анна не могла с собой совладать от пережитого волнения, она лишь подписала письмо генералу Н. Реаду, которое написала Варвара: «Генерал! Мы и все наши взяты в плен, мы живы, но во всем нуждаемся; помогите нам и дайте знать всем родным. Адрес наш: Дарго-Ведено, в доме Шамиля».

Хаджияв забрал письмо, сказал пленницам несколько ободряющих слов и ушел. Письмо было тщательно изучено и отправлено по назначению.

Пленницы немного успокоились, надеясь, что положили начало переговорам о своем выкупе. Только Анна Ильинична не находила себе места, не зная, что стало с ее дочерью Лидией. Кто-то, желая утешить княгиню, сказал, что девочка жива и находится теперь у отца, но никто не знал этого наверняка.

Княгини накормили детей и поели сами, хотя пища горцев мало походила на то, к чему они привыкли у себя дома.

Затем им вернули кое-что из их вещей и отправили в Ведено. Путь был неблизкий и трудный даже для горцев, а для княгинь обернулся сущим мучением. Бесконечные подъемы, перевалы и спуски в глубокие ущелья чередовались с переправами через быстрые реки и скользкими, выбитыми в скалах, тропинками над облаками.

Ночлеги в холодных сырых лесах сменялись остановками в аулах, в тесных саклях которых невозможно было отдохнуть. Население то не хотело пускать к себе на ночлег, то с любопытством разглядывало их, как диковинных птиц, отдавая мед и сметану за красивые пуговицы и прочие уцелевшие вещицы.

Когда они остановились в ауле Согратль, их посетил мулла Абдурахман, у которого когда-то учился сам Шамиль. Мулла провел в плену в Тифлисе несколько лет и хорошо говорил по-русски. В числе других горцев он был обменен на Илико Орбелиани. Абдурахман пригласил пленниц в свой просторный дом, хорошо накормил их и вызвался сопровождать до самого Ведено. Он, как мог, заботился о пленницах, обещал, что все кончится хорошо, и утешал тем, что Шамиль — человек благородный и добрый, и в обиду их не даст. Дам он укрывал от дождей и холода бурками, а детей устроил с возможным комфортом в прочных хурджинах — переметных сумах на ослах. Растроганные этой

картиной горянки угощали детей молоком и орехами.

Тем не менее пленники были едва живы от усталости и простудной лихорадки.

Немного пообвыкшись, они стали обращать внимание на окружающую их природу, любовались невиданными цветами, встречали ухоженные сады и богатые виноградники, напоминавшие им Кахетию. Их уже не пугали тоннели в скалах и дороги, висящие над пропастью длинными бревенчатыми козырьками. Им открывались изумительные пейзажи и непохожие друг на друга аулы. Разными были и их жители — темноволосыми и русыми, смуглыми и белолицыми. Различались и живописные наряды горянок, среди которых встречались женщины удивительной красоты.

Но более всего их удивляла умеренность горцев в пище. Те довольствовались горстью муки, дикими травами, листьями некоторых деревьев и пригоршней воды. Если же и того не встречалось за целый день, то они просто потуже затягивали пояс.

В большом и богатом ауле Анди, знаменитом своими бурками и выведенной для их изготовления особой породой овец, пленниц посетили жены наибов. Аул считался центром горской аристократии, и наибши вполне отвечали этим представлениям, выказывая необычайные знания этикета и потчуя пленниц изысканными, по горским понятиям, блюдами. Ужин прошел торжественно, но когда пленницы отдали часть еды своим слугам, наибши очень обиделись и покинули княгинь, заявив, что они принесли кушанья для княгинь, а не для рабынь.

Конец путешествия был скрашен письмами, доставленными княгиням из Темир-Хан-Шуры. Кузен княгини генерал Г. Орбелиани сообщал, что будут приняты все меры для их освобождения и что он готов прислать все, что им потребуется, если будет на то разрешение Шамиля.

Через месяц пути они достигли Старого Дарго. Миновав бывшую столицу Имамата, поезд с пленницами углубился в лес, после которого открылась большая долина. Посреди долины лежало село Ведено. Неподалеку от него, между горами и глубоким оврагом, виднелись строения столицы Имамата.

Навстречу пленницам выехала охрана Шамиля со знаменами. Впереди всех гарцевал на коне пятнадцатилетний сын Шамиля Магомед-Шапи.

Пленницам велели закрыть лица вуалями. Затем отворились первые ворота, за ними другие и третьи, пока знатные пленницы не оказались во дворе дома самого Шамиля. Их поместили в теплой комнате, наподобие тех, в которых жили жены имама, только немного меньшей.

ПЕЧАЛЬНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Весть о набеге на Кахетию всколыхнула Грузию. В ее благодатных долинах сразу стало неуютно. Продолжавшаяся война с турками и покушение Шамиля рисовали тревожное будущее. Завоевания на Кавказе обретали эфемерные очертания, и никто не мог поручиться, что Шамиль не сделает нового вторжения, чтобы сойтись с турками где-нибудь под Тифлисом.

Но сочувствие к знаменитым фамилиям Чавчавадзе и Орбелиани на время заглушило тревожные ожидания. Общество выказывало готовность спасти пленниц, создавало специальные комитеты, собирало деньги, а добровольцы записывались для похода на Ведено. Генерал Реед принимал в деле горячее участие, стараясь обратить внимание государя на печальную участь знатных семейств, сделавшихся пленниками Шамиля. По странному стечению обстоятельств отец княгинь царевич Илья Грузинский скончался в тот самый день, когда дочери его попали в плен. Царевич жил в Москве и умер внезапно, во время охоты, так и не узнав, что случилось с его потомками.

Об условиях Шамиля военный министр князь В. Долгоруков доложил Николаю I. Родственники похищенных, командующий войсками в Прикаспийском крае князь Г. Орбелиани и муж сестры Д. Чавчавадзе, член Совета Главного управления Закавказским краем барон А. Николаи старались внушить начальству, что возвращение сына не повредит военным действиям против Шамиля. И даже напротив, раз Шамиль не смирился после выдачи сына под Ахульго, возвращение Джамалуддина, воспитанного в России, могло бы внести раскол в отношениях между сыновьями имама и полезно повлиять на достижение искомых целей в Дагестане и Чечне.

Император обещал подумать, однако само происшествие воспринял как личное оскорбление и искал виноватых. Но Воронцова не было, Реед лишь исполнял обязанности наместника, и выходило, что виноват во всем один Шамиль.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЗОНАНС

Хуже всего было то, что история получила громкую огласку не только в России, но и далеко за ее пределами. Не помогло даже вездесущее Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Недовольство императора событиями в Кахетии разделяли даже его противники в войне, правда, совсем по другому поводу.

Командующий турецким экспедиционным корпусом в Грузии Омер-паша упрекал Шамиля в поспешности и нежелании подчиняться его плану совместных действий. На это имам ответил: «Я выходил к вам навстречу с сильным войском, но невозможно было наше соединение по причине сражения, бывшего между нами и грузинским князем. Мы отбили у них стада, имение, жен и детей, покорили их крепости, с большой добычей и торжеством возвратились домой, так радуйтесь и вы!»

Однако никакой радости демонстративная самостоятельность Шамиля у союзников не вызывала. По плану премьер-министра Англии лорда Г. Пальмерстона и его союзников Шамиль должен был стать силой, которая помогла бы турецкой армии отторгнуть от России весь Кавказ. Границы предполагалось отодвинуть за Терек и Кубань, вернуть Турции и Персии их прежние владения, включая Грузию, а государство горцев оставить под протекторатом Порты или, в крайнем случае, согласиться на его формальную независимость.

В надежде приручить гордого имама ему был обещан титул короля Кавказского, а лазутчики доставили в Ведено соответствующий фирман султана, знамя и богатые ордена. Шамиль объявил об этом повсюду, желая поднять боевой дух сподвижников. Но на приглашения турок и англичан к совместным действиям больше не отвечал. Властный тон турецкого командования он воспринял как оскорбление, дарованный ему титул счел нелепостью, а знамя и ордена — мишурой, не стоящей фунта пороха или пуда свинца, которых он так ни от кого и не получил. Но союзники все еще надеялись на Шамиля и, когда дела их пошли не так, как они того ожидали, объявили о возведении имама в звание генералиссимуса, а сыну его Гази-Магомеду пожаловали титул паши. Это изумило даже К. Маркса, сообщившего об этом в европейских и американских газетах. Но Шамиль только горестно размышлял над повадками великих держав, любящих одерживать победы чужими руками.

Британский комиссар при турецкой армии бригадный генерал В.-Ф.

Вильямс подошел к делу иначе. Он обратился к Шамилю из турецкого лагеря близ Карса осенью 1854 года уже как к признанному Европой главе государства и союзнику. Похоже, именно это и было главным в письме, хотя больше в нем говорилось о судьбе пленниц.

«...Я с особенным удовольствием посылаю Вам письмо сие с целью уведомить Вас, что англо-французская армия, высадившаяся в Крыму, разбила русскую армию под начальством князя Меншикова, лишившегося при этом 14 тысяч человек. Все атаки произведены с успехом, и артиллерии нашей предстояло только открыть огонь по Севастополю. Балаклава нами взята, Анапа же взорвана на воздух и оставлена русскими.

Но все сии знаменитые подвиги не помрачают славы, сопровождающей по всему свету имя Ваше в течение стольких лет. Вы, конечно, примите с благодарностью искреннее объяснение мое, что при нынешнем признании правительства Вашего союзными державами нельзя не пожалеть о поступках некоторых из Ваших воинов, обесславливающих Ваше правление, как они это недавно сделали нападениями в окрестностях Тифлиса...

Лорд Страдфорт (английский посол в Турции. — *III. К.*), в качестве приятеля Вашего и заступника в Константинополе, умоляет Вас через меня, дабы Вы приказали немедленно доставить несчастных особ сих обратно в свои дома; к гласу его превосходительства присоединяю и я, в качестве воина, свою покорную просьбу. От друзей Ваших узнаю я, что поступки сии были совершены с намерением побудить к размену пленных, но я снова прошу Вас последовать моему совету и полагаться на оружие, Вам никогда не изменявшее, более чем на вопли несчастных женщин, которых все честные люди обязаны защищать».

Письмо это тоже осталось без ответа.

Европейские державы, вступившие в войну против России, старались придать кавказской политике императора самое мрачное отражение в газетах и журналах. Но и без того вождю горцев было посвящено множество книг, поэм и песен. В парижском театре «Сен Мартен» собирала аншлаги пьеса П. Мериса «Шамиль». Имам представлялся как трагический герой, борющийся с «жандармом Европы». В послереволюционной Европе Российскую империю считали главной гонительницей свободы, либеральных реформ и республиканского устройства.

Вновь вспомнили маркиза Де Кюстина. Этот малоизвестный французский писатель был приглашен в Россию в 1839 году для создания книги о великом государстве и благоденствии его народа под сенью императорского скипетра. С помощью маркиза Европе желали

продемонстрировать Россию в самом выгодном свете. Кюстин получил возможности даже большие, чем были у Пушкина, когда он изучал историю Пугачевского бунта. Маркиза принимали в лучших домах и возили всюду, куда бы он ни пожелал.

Кюстин поездил, погостил, посмотрел, вернулся в Париж и действительно написал книгу «Россия в 1839 году».

Книга быстро сделалась популярной и часто переиздавалась. Везде, кроме России. Здесь она была строжайше запрещена потому, что вместо гимна просвещенной монархии Кюстин самым неблагодарным образом изобразил Россию полудикой страной с варварскими порядками, продажными чиновниками и бесчеловечным управлением.

Европейское общественное мнение увидело в книге воплощение своих давних подозрений, а репутации Николая I был нанесен непоправимый урон.

Книга Кюстина, хотя и не во всем объективная, настолько ошеломила власти в Петербурге, что никто не нашелся что ответить. Зато Герцен, обличавший из Лондона тиранию Николая I, увидел в Кюстине яркое подтверждение своих воззрений и забил в «Колокол» с удвоенной силой.

В Петербурге был создан тайный правительственный комитет, который разработал целую программу по опровержению клеветнических измышлений неблагодарного француза. Руководивший комитетом министр народного просвещения и главный цензор С. Уваров предлагал своими силами написать книгу-опровержение и издать под иностранной фамилией, а на худой конец сделать вид, что Кюстина вовсе в России не было. Обсуждалась даже идея подкупить О. де Бальзака, посетившего в ту пору Россию. Считалось, что могучее перо романиста вполне могло бы изобразить трогательное единение государя с народом. Однако ничего так и не было сделано. Полагая, что выпорхнувшего воробышка уже не поймать, решили впредь быть осторожнее, а цензуру усилить.

ДРАМА НИКОЛАЯ I

В то время как Европа на словах поддерживала Шамиля, а знаменосцы коммунистических идей К. Маркс и Ф. Энгельс призывали народы учиться у горцев, «на что способны люди, желающие остаться свободными», в самой России «кавказский вопрос» выглядел совсем иначе.

Николай искренне полагал, что залог могущества государства состоит в устройстве всех его учреждений на воинский манер, с твердой дисциплиной и ясной организацией. Революционные же идеи и республиканство считал опасными химерами, способными погубить не только Европу, но и весь мир. А тут выходило, что дух свободы и независимости начал проникать в Россию с Кавказа. И остановить его было почти невозможно, как нельзя остановить облака или отменить весну. Общественные представления, прежде не простиравшиеся дальше Марлинского, начинали меняться в невыгодном правительству направлении. Вот уже и украинский поэт-бунтарь Тарас Шевченко смущал нравы поэмой «Кавказ», выставляя Шамиля символом борьбы за свободу. Это было тем более возмутительно, что Шевченко, крестьянин, выкупленный из крепостной зависимости знаменитыми художниками, окончил Петербургскую Академию художеств, за участие в тайном Кирилло-Мефодиевском обществе был отдан в солдаты, но так и не унялся.

Отгородившись от «зловредных» западных веяний, столичная пресса редко упоминала о кавказских делах, да и то под строгим цензурным присмотром. Вовсе не писать о кавказских событиях было невозможно, а представлять дело так, будто армия осыпает горцев пряниками, тоже не получалось. Репортажи с театра военных действий все же начали появляться в газетах, хотя и были далеки от реального положения дел. Кавказские офицеры представляли в газетах все сплошь героями. Пестовалось пренебрежительное отношение к горцам Северного Кавказа как к «диким народам». Даже декабристы и члены общества «Соединенных славян» признавали право на автономию и федерацию лишь за «культурными народами» и славянами. А драма с кахетинскими пленницами подавалась в печати как абсолютное воплощение зла, «свойственного варварам-азиатам».

Возвращавшихся с Кавказа солдат и инвалидов в столицах не видели, с ними имели дело лишь провинциальные помещики. После вольного Кавказа боевые ветераны уже не хотели признавать власть помещиков.

Неповиновение оборачивалось бунтами, грозившими повторить в России кошмар европейских революций.

Айсберг крепостного права дал смертельную трещину, наткнувшись на горячие горы Кавказа.

Однако Николай не решался осуществить свои первоначальные замыслы насчет освобождения крестьян и отложил их до лучших времен. А пока начал строить железные дороги, которых в Европе было уже много и по которым легко и быстро перевозились не только идеи, но и войска.

Его прозвали Николаем Палкиным, но давать прозвища было легче, чем управлять великой державой.

Император не любил философов как завязанных вольнодумцев, зато во множестве плодил военных, инженеров и врачей. А в интересах культуры и просвещения открывал великолепные музеи. Знаменитый Эрмитаж обязан своим рождением именно ему, ценителю изящных искусств.

Николай был обижен на Европу и всячески ограничивал визиты туда своих подданных. Ему хватало и своих либералов, вроде петрашевцев или славянофилов вкупе с модными и слишком смелыми писателями, которых приходилось высылать из столиц.

И почему-то никто не хотел понять его высоких устремлений в духе «официальной народности», предполагавшей устройство государства как единой дружной семьи, где у старших и младших свои особенные обязанности и царствует всеобщее почитание главы семейства. Православие, самодержавие и народность! Разве это не лучше дьявольского искушения свободой, равенством и братством?

Внутренние проблемы и международная изоляция осложняли и без того трудное положение Николая I, вынужденного воевать на несколько фронтов. Он видел, как отстала Россия в военной области, как неэффективна созданная им система, как разобщены его подданные и как слаба империя, превращенная в гигантскую казарму.

Тяжело переживая военную и политическую катастрофу, император угасал на глазах и ему уже было не до кахетинских пленниц.

Случайная простуда только приблизила его конец. 18 февраля 1855 года Николай I умер непобежденным и непобедившим.

УЗНИЦЫ ВЕДЕНО

В доме Шамиля княгини смогли наконец отдохнуть и привести себя в порядок. Им вернули служанок и личные вещи.

Жены Шамиля пришли навестить их. Любопытство было обоюдным. Княгиням было интересно, каковы жены грозного имама. А жены Шамиля желали поближе узнать знаменитых пленниц, расспросить у них, какие теперь в свете моды и что делается в Тифлисе. И носят ли теперь те шляпы и салопы, о которых рассказывала Шуайнат, вспоминая свою жизнь в Моздоке.

И те и другие узнали очень много нового. А правильная русская речь Шуайнат напомнила княгиням их недавнее существование в кругу добрых друзей. История пленения и замужества Шуайнат особенно занимала княгинь своей романтической красотой. Эта пламенная любовь на фоне грандиозной войны была достойна пера романиста.

Мадам Дрансе дополнила беседу сообщениями насчет великосветского парижского общества, хотя имела о нем весьма приблизительное представление.

Вскоре поговорить с пленницами пришел Шамиль. Для него на веранде, рядом с дверью в комнату пленниц, поставили плетеный стул, похожий на те, что брали с собой в походы царские офицеры. Рядом с Шамилем стоял переводчик Идрис, который до перехода к горцам и принятия ислама звался Андреем. Таким образом, они говорили, не видя друг друга.

Когда переводчик представил всех пленниц, Шамиль выразил соболезнование Варваре Орбелиани, сказал, что весьма уважал ее мужа за храбрость и честность. Затем предупредил, что только правдивость пленниц может принести им его расположение и от этого будет зависеть их дальнейшая судьба.

В подтверждение добрых намерений Шамиль велел передать пленницам несколько писем, но предупредил, что ответы их будут изучаться специальными людьми и только потом отсылаться. Впоследствии пленницы получали от родных не только письма, но и посылки со всем необходимым. И даже могли беседовать с их посланцами, желавшими убедиться, что семьи князей живы и здоровы.

Условия же их освобождения оставались прежними.

Пленницам Шамиль показался человеком гораздо моложе своих 57 лет.

Мадам Дрансе оставила в своих воспоминаниях его портрет: «Он высокого роста, черты лица его спокойны, не лишены приятности и энергии. Шамиль похож на льва, находящегося в спокойном положении. Русая и длинная борода его много придает величественности его осанке. Глаза его серы и продолговаты, но он держит их полуоткрытыми, на восточный манер. Губы у него алы, зубы очень красивы, руки малы и белы, походка тверда, но не медленна; все в нем обнаруживает человека, облеченного высокой властью».

Личность Шамиля столь впечатлила пленниц, что даже после тяжелых страданий и долгого плена они не сказали о нем дурного слова. Более всех была очарована этим «просвещенным варваром» мадам Дрансе. «Одаренный от природы высоким умом, — писала она далее, — Шамиль может быть назван не только великим полководцем, но и великим законодателем. Он проводит большую часть дня в своем кабинете, заваленном книгами и пергаменатами. Имам часто разъезжает по аулам, проповедуя своим народам Коран и одушевляя их любовью к независимости».

В Ведено пленниц окружила совсем иная жизнь, нежели в Тифлисе или Цинандали. Здесь все было скромно и сдержанно. Жены имама выходили из своего сераля очень редко, лишь по особым надобностям и закутавшись в вуали.

В столице Имамата жили русские, поляки, грузины и множество другого разноязычного люда. Жили наравне с горцами и при своей вере. Здесь можно было достать газеты «Русский инвалид», «Кавказ» и даже журналы, которые Шамиль читал с переводчиком, а после отдавал в библиотеку.

Понемногу пленницы привыкали к обычаям имамского дома. Видели они Шамиля очень редко. Встречаться глазами, кроме как мужу и жене, считалось неприличным, и пленниц заранее предупреждали, если Шамиль должен был пройти мимо их комнаты.

Шуайнат старалась опекать княгинь, сделалась доброй их феей. Сочувствуя княгиням и сетуя на общую для всех судьбу, она горестно вздыхала: «Не понимаю, чего ищут люди? Зачем они воюют, когда могли бы жить мирно и счастливо со своими семьями».

Шуайнат вскоре должна была родить, и на некоторое время их отношения прервались. Роды проходили тяжело. Местные женщины использовали всевозможные средства для облегчения страданий Шуайнат. Две дочери Шамиля от умершей жены Патимат — 12-летняя Написат и 9-летняя Патимат — всю ночь читали молитвы. Но самое неожиданное

средство применил их родной брат Магомед-Шапи. Прослышав, что при родах помогают выстрелы, он всю ночь палил из пистолета, прохаживаясь перед комнатой Шуайнат. Наутро родилась девочка, которую называли Сапият.

По этому поводу зарезали множество баранов и устроили торжество, угощая всех, кто приходил поздравить Шуайнат с дочерью. Несколько дней Шуайнат навещали жены наибов и других важных лиц, дарили подарки и желали доброго здоровья. Девочка была единственным выжившим ребенком Шамиля от Шуайнат, и отец очень о ней заботился. Княгини подарили Шуайнат серьги для дочери, а к вечеру нашли в своей комнате красивый ковер.

Старания же Магомеда-Шапи получили совершенно иное развитие. За ночную пальбу и прочие шалости его отправили учиться в медресе в далекий аул.

Оказалось, что баранов зарезали слишком много, тогда оставшееся мясо пересыпали солью и повесили сушить. Такая солонина считается в горах деликатесом и сохраняется на зиму.

Княжеские дети уже играли с остальными, быстро выучились говорить по-аварски и по-чеченски и дружно повторяли за мюридами их единственную песню «Ла-ильлаха-иль-алла». Младшие дочери имама удивляли своей мальчишеской прытью и вместе с тем образованностью — к семи годам все уже умели писать, считать и знали Коран.

Шамиль детей очень любил и не делал различий между своими и чужими, когда одаривал их ласками и сладостями. Если же им случалось заболеть, горские лекари пользовали детей, пока те совершенно не выздоравливали. Особенно заботились они о маленьком Александре Чавчавадзе, который стал олицетворением ожидаемого обмена «сына на сына».

ЖЕНЫ ИМАМА

С женами Шамиля у пленниц сложились разные, но довольно близкие отношения. Загидат, дочь шейха Джамалуддина, считалась старшей и заведовала всеми делами дома. Шуайнат была царицей сердца имама и этим довольствовалась. Когда Загидат завидовала княгиням, что у христиан всегда одна жена в доме, а вот у горцев по-другому, Шуайнат горячо защищала мусульманские обычаи. Она доказывала княгиням, что Шамиль справедлив и не делает между женами различий, а не ценить этого — значит не любить своего мужа.

Третья жена Шамиля юная Аминат отличалась красотой и бойкостью и надеялась со временем стать любимой женой имама.

У жен его было только одно преимущество перед другими домочадцами — они могли приходить к Шамилю без разрешения, которое требовалось всем остальным. Однажды, когда Шамиль был в походе, они устроили для пленниц тайное посещение кабинета имама. Скромность его убранства удивила княгинь. Их внимание привлекли лишь ковры, богатая библиотека и красивое оружие на стенах.

Провожая мужа в поход, жены готовили ему припасы, чистили амуницию, вышивали чехлы для пистолетов и чинили одежду. Выезжая, Шамиль трижды припадал к коню, так как ворота не позволяли ехать в полный рост, и каждый такой поклон жены воспринимали на свой счет. Пока Шамиля не было, жены молились о его благополучном возвращении и раздавали милостыню нуждающимся, прося и их молиться за имама.

Когда имам возвращался, жены встречали его во внутреннем дворе. Тогда они оживали, прихорашивались и закрывались в своих комнатах, пока не выяснялось, к которой из жен Шамиль постучался на этот раз. Получив условный знак, избранница становилась весела и старалась всех облагодетельствовать. В такие вечера пленницам приносили богатый ужин, а детям доставались разные сладости.

В обычные дни меню пленниц весьма зависело от настроения Загидат. Пища становилась совсем скудной, когда против имама начинались новые военные действия. Загидат говорила, что не намерена прислуживать господам, мужья которых нападают на горцев.

«Вообще Шамилю никак нельзя отказать в некоторой заботливости о пленницах, — писал Е. Вердеревский. — ...По его же приказанию в комнатах пленниц переделывали камин; по окончании этой работы, имам

хотел лично убедиться, так ли она исполнена, как он приказывал, и он отправился в комнату княгинь, которых на это время вывели в другую комнату, чтобы не встретиться со священной особой имама. Осматривая камин, Шамиль нашел в нем стоящий на угольях котелок с водою, в которой плавало несколько тощих луковиц...Шамиль разразился гневом, потребовал Зейдет (Загидат. — *Ш. К.*), сделал ей строгий выговор за скупость и ушел весьма рассерженный, а через полчаса прислал с Шуанет чаю, масла, рису и всего, что можно было достать на скорую руку. При этом Шуанет рассказала, что Шамиль укорял Зейдет, говоря ей: «Разве так надо кормить пленниц? Как осмелилась ты не исполнять моей воли?»

Нарядную одежду жены Шамиля носили лишь тогда, когда имама в Ведено не было. Он не любил роскоши и излишеств и запрещал женам слишком выделяться среди других жительниц Ведено.

Однажды князя прислали подарки женам Шамиля — коралловые и янтарные четки и три красивых платья. Шамиль был в походе, и Загидат решила распорядиться подарками по своему усмотрению: оставив по одному платью себе и Шуайнат, она решила не отдавать третьего Аминат. Полагая, что Аминат, у которой не было детей, не может претендовать на равенство между женами, Загидат решила приберечь платье для одной из дочерей имама. Но вернувшийся из похода Шамиль быстро уравнил жен в правах, объявив, что если его жена Аминат не может иметь платья, то их не будут иметь и две другие жены.

БЫТ ШАМИЛЯ

Имам сам был примером простоты и нравственности и требовал того же от остальных. Во всем великолепии Шамиля можно было увидеть лишь по пятницам, когда он направлялся на богослужение в мечеть. Он шел между плотными рядами телохранителей, поющих «Ла-ильлаха-иль-алла», за ним следовал оруженосец Салим, бывший когда-то кахетинским жителем. Потом шли ученые, которые несли Коран в изящном сафьяновом переплете с золотым обрезаом, а следом и остальные мусульмане Ведено.

Когда Шамиль занимался разбором повседневных дел, то происходило это, как писал его зять Абдурахман, следующим образом:

«Имам выходил для дивана и садился в угол комнаты, опираясь на подушки, подложенные под локти. Перед ним садился его секретарь Амирхан — мухаджир из Чиркея... Писал он быстро, положив бумаги на колени или на пол. За Амирханом в середине комнаты стоял часовой с ружьем в руках. А весь совет располагался в комнате кругом. Имам отдавал часовому распоряжение впускать истцов по очереди...» После принятия решения секретарь готовил решения или послания от имени имама.

Шамиль часто принимал гостей, которые пользовались многими привилегиями. Им только не разрешалось входить в сераль — внутренний двор. Но обедал Шамиль всегда один, не желая сдерживать других своей умеренностью в пище. Обычной едой его были хлеб, сыр, рис, фрукты, мед и чай.

Изредка в Ведено приезжал похититель пленниц — сын Шамиля Гази-Магомед. Навстречу ему отправлялся торжественный эскорт, который с почестями и пальбой встречал молодого героя. Встреча наследника превращалась в праздник. На поле перед столицей устраивались скачки, джигитовка, стрельба по мишеням, борьба и множество других состязаний. Победители получали от Шамиля коней, кинжалы, баранов и деньги. А Гази-Магомед присматривался к лихим джигитам, замечая тех, кого взял бы в новый поход.

Шамиль был в такие дни особенно благодушен. Радость от встречи с сыном слегка омрачала лишь его невестка Каримат. Мужу так и не удалось отучить гордую красавицу от привычки роскошно одеваться и иметь изысканные украшения. Если жены имама могли носить лишь серебряные серьги, то у Каримат они были золотыми да еще с россыпями драгоценных камней. Каримат ночевала поочередно у каждой из имамских жен и

развлекала их рассказами о своей прошлой жизни в Элису и Тифлисе. Но теперь она больше времени проводила с пленницами, которые слишком хорошо понимали, чего лишилась дочь бывшего элисуйского султана, сделавшись женой каратинского наиба.

ТРУДНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Переговоры об обмене пленными шли своим чередом. Чавчавадзе прилагал все старания, но мог дать Шамилю только то, чем распоряжался сам. За оборону Шильды Чавчавадзе был произведен во флигель-адъютанты и полковники, но просить государя отдать сына Шамиля не смел. Он только надеялся получить от императора хоть какой-то ответ, пусть даже отрицательный. Тогда бы ему легче было вести переговоры с имамом, официально объявив ему, что Джамалуддин не может стать предметом обмена.

Вдова грузинского царевича и мать пленниц княгиня Грузинская Анастасия сама обратилась к императору с просьбой отпустить сына Шамиля. Император милостиво согласился, указав, что теперь все будет зависеть от самого Джамалуддина. Но просить государя присовокупить к выдаче сына Шамиля еще и гигантскую сумму никто не решался.

Чавчавадзе заложил имение, род Орбелиани внес свою лепту, комитет в Тифлисе собрал пожертвования. Сестра Нина, вдова Грибоедова, отдала брату 10 тысяч — компенсацию, которую выплатило правительство после гибели ее мужа в Тегеране. Набралось почти 40 тысяч рублей.

Однако Шамиль по-прежнему требовал миллион. Но первым его условием оставался сын. Имам был уверен, что если не вернет Джамалуддина теперь, в обмен на столь знатных пленниц, то уже не увидит его никогда. А что касается денег, то это было условием наибов, участвовавших в походе за Алазань. Да и народ был доведен войной до последней крайности. Шамиль готов был отказаться от своей доли денег, но предложенная Чавчавадзе сумма все равно никого не устраивала.

Чтобы ускорить переговоры, Шамиль пригрозил раздать пленниц в наибства. Поговаривали, что их даже могут казнить, если условия Шамиля не будут выполнены.

ЗАБОТЫ КАЗНАЧЕЯ

Княгини знали, что их родные делали все, что могли. В то же время они попытались деликатно объяснить женам Шамиля невозможность сбора такой суммы для выкупа. Загидат им не верила. Она считала, что раз мужья княгинь потеряли семейства во время своей службы, то царь должен помочь им получить семьи обратно. Скоро выяснилось, что ни жены Шамиля, ни его казначей Хаджияв не имеют понятия, что есть миллион и как велика эта цифра.

Хаджияв любил считать. Он считал и пересчитывал все — от денег в казне имама до пуль в оружейных мастерских. Для всех вычислений ему хватало его четок. Но мадам Дрансе сообщила, что миллион — это такая громадная сумма, что если он откажется от еды, пока не сосчитает до миллиона, то скорее всего умрет с голоду. Хаджияв не поверил. Он заперся в своем доме и несколько дней считал бобы. Он страшно исхудал, сбивался со счета, начал считать тазами по тысяче бобов, но до нужной цифры было еще очень далеко. Не желая признавать свое поражение, он заявил, что миллион — это всего лишь арба, наполненная серебром. Когда оказалось, что предлагаемый князем Чавчавадзе выкуп едва поместится на двух арбах, Хаджияв окончательно пришел в замешательство. Считать арбами было легче, но где взять столько арб?

Шамиль стоял на своем. А до миллиона отлично мог сосчитать бывший царский генерал Даниял-бек.

Княгини писали близким, как может обернуться их судьба, и молили Бога о спасении.

Дни проходили в тягостном ожидании. Жены Шамиля уже учились французскому, дочь Шамиля Нажабат учила всех арабскому, мадам Дрансе постигала тонкости кавказского этикета, а Хаджияв раздобыл где-то пособие по арифметике и корпел над ним с переводчиком — беглым казаком.

Княжна Баратова первое время надеялась, что пробудет в плену недолго, так как отец ее был человек небогатый да к тому же разбитый параличом, и большого выкупа за дочь дать не мог. Но надежды ее не оправдались. Шамиль думал не о деньгах, а о сыне.

Единственным утешением княжны Нины Баратовой стала Аминат, с которой они были почти одного возраста и быстро подружились. Эти энергичные натуры сошлись до того, что принялись учинять различные

проказы. Главным объектом их проделок был избран добрый Хаджияв, измучивший всех расспросами о миллионе. Делая вид, что старается облегчить казначею его задачу, княжна как бы ненароком касалась его своей рукой. Но так как прикосновение к чужой женщине непременно влекло за собой семикратное омовение, без которого мусульманин не мог совершать обязательные молитвы, Хаджияв смущался, затем приходил в ярость, но вынужден был спешить в купальню. Это повторялось множество раз, пока бедный казначей не начал остерегаться Нины и обходить места, где могло совершиться новое покушение на его ритуальную чистоту.

НОВЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ

Несмотря на дружбу с Аминат, юная аристократка очень тяготилась пленом. Однажды она не выдержала и поделилась с подругой своей печалью. Аминат очень удивилась, что в Ведено кому-то может чего-то не хватать. И поспешила успокоить Нину, обещая, что даже если всех отпустят, то ей лучше остаться, потому что когда вернется сын Шамиля Джамалуддин, то он непременно на ней женится. Нина с горячностью отвечала, что скорее наложит на себя руки, чем выйдет замуж за сына Шамиля, по вине которого она вытерпела столько мук.

Это оскорбительное заявление стало известно Загидат, которая поспешила донести слова княжны до самого имама. Дело могло принять самый опасный для пленниц оборот, если бы Шуайнат не удалось умерить гнев Шамиля. Но отношение к пленницам заметно изменилось. Часть людей Чавчавадзе была отдана в соседние аулы.

Настал момент, когда Шамиль уже не хотел продолжать переписку. Сын его Гази-Магомед убеждал пленниц написать последнее решительное письмо, обещая удержать отца от крайних мер. Князь Чавчавадзе ответил, что не прибавит ни копейки, ибо с самого начала предложил все, что было возможно.

Спасение пришло неожиданно — от Загидат. При всей своей неприязни к пленницам она вошла в их отчаянное положение и попросила отца поговорить с Шамилем. Выслушав своего наставника и тестя, Шамиль согласился подождать еще неделю.

ДЖАМАЛУДДИН В РОССИИ

Джамалуддин Шамиль прожил в России 15 лет и стал уже европейским человеком. О Дагестане ему напоминали лишь шрамы на руке, полученные в битве при Ахульго, где он и был отдан аманатом генералу Граббе. Он имел возможность носить горскую одежду, но на родном аварском языке лишь изредка говорил с царскими офицерами-горцами. Все установления ислама Джамалуддин строго исполнял вместе с другими воспитанниками из мусульман. Ему разрешали переписку с отцом. Джамалуддин писал ему о своей жизни, учебе, заботе императора, но ответов не получал и был этим очень опечален.

Когда Джамалуддину исполнилось 10 лет, его перевели в Петербург, в Павловский кадетский корпус, где воспитывались дети знатных семейств и даже императора. Здесь он видел и самого Николая I, который относился к сыну Шамиля с особым вниманием.

Джамалуддин быстро выучился русскому языку и не отставал в учебе от своих сверстников. Французский и немецкий тоже давались ему легко, другие науки он усваивал без особого интереса, отдавая предпочтение военным дисциплинам и гимнастике.

Венгерская революция вынудила царское командование усилить армию молодыми офицерами, и выпуски в кадетских корпусах происходили раньше положенных сроков.

6 июня 1849 года кадет Шамиль был произведен в корнеты и зачислен в кавалерийскую дивизию, стоявшую в Варшаве на случай распространения Венгерского восстания. После подавления восстания его полк перевели в Ковенскую губернию, а в 1851 году — в Тверь, где Джамалуддин был произведен в поручики.

Служба в полку принесла ему жизненный опыт и хороших друзей, которые любили Джамалуддина за честность и справедливость. Участвуя в различных маневрах и парадах, поручик Шамиль хорошо изучил русскую армию, вооружение, военные приемы. Он увидел Россию, другие страны и народы, начал разбираться в перипетиях европейской политики, заложником которой хотели сделать его отца.

К началу Крымской войны его полк вновь перебросили в Польшу, которую Пальмерстон мечтал оторвать от России, вернуть ей статус королевства и сделать преградой между Россией и Европой.

ВЫСОЧАЙШАЯ АУДИЕНЦИЯ

В начале ноября 1854 года 23-летний поручик Уланского Его Императорского Величества великого князя Михаила Николаевича полка Джемал-Эддин (Джамалуддин) Шамиль был срочно вызван в главный штаб. Теряясь в догадках, поручик поспешил в Варшаву, где его ждали необычайные известия.

Командующий Гренадерским корпусом генерал от инфантерии граф Н. Муравьев объявил ему о кахетинских событиях и спросил, желает ли Джамалуддин вернуться к отцу. Предполагалось, что к Джамалуддину прибудет специальный посланец от Шамиля, чтобы убедить его принять правильное решение. Но этого не потребовалось. Поразмыслив над столь неожиданным поворотом судьбы, поручик решил ей покориться, тем более что этого хотели и его отец, и император.

Вскоре Джамалуддин в сопровождении Н. Муравьева прибыл в Петербург и был принят государем. Николай поблагодарил его за службу, похвалил сыновнюю преданность и велел передать отцу, что зла ему не желает и что виноваты во всем кавказские начальники, не умеющие как следует вести дела.

В начале января 1855 года Джамалуддин отбыл на Кавказ. Следом отправился и Н. Муравьев, назначенный вместо Воронцова командиром Отдельного Кавказского корпуса и наместником Кавказским.

Николай Николаевич Муравьев был опытным военным и дипломатом, сумевшим урегулировать египетско-турецкий конфликт 1832–1833 годов. По возвращении с Босфора он был пожалован генерал-адъютантом, назначен в 1834 году начальником Главного штаба 1-й армии, а в 1835 году командиром 5-го пехотного корпуса. Но подготовленная им в 1834 году записка «О причинах побегов и средствах к исправлению недостатков армии» вызвала недовольство Николая I и стала причиной его отставки в 1837 году.

Вспомнили о Муравьеве в 1848 году, когда Европу начали сотрясать революции. Он был назначен начальником запасных батальонов нескольких пехотных корпусов, затем членом Военного совета, а 30 декабря 1848 года командиром Гренадерского корпуса, с которым совершил поход против восставших венгров.

В 1853 году Николай I произвел Муравьева в генералы от инфантерии, а еще через год — в генерал-адъютанты с назначением наместником

Кавказа.

Рead, не справившийся со своими обязанностями и «прозевавший» рейд мюридов в Кахетию, был освобожден от должности. В утешение ему дали в командование 3-й пехотный корпус. 4 августа 1855 года в сражении на Черной речке в Крыму Рead погиб.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КАВКАЗ

Судьба переговоров была еще далеко не ясна, когда Шамиль получил волнующее известие: Джамалуддин возвращается на родину и уже выехал из Петербурга в Москву.

Лазутчики имама действовали отменно. Вскоре они сообщили, что сын Шамиля прибыл в Ставрополь, что он уже во Владикавказе, где ожидает нового наместника Муравьева, инспектирующего Кавказскую кордонную линию. И что туда уже отправился князь Д. Чавчавадзе.

Шамиль щедро награждал лазутчиков, но старался скрывать свою радость от остальных. Ведено пришло в движение. Родные и близкие Шамиля готовились к большому событию.

Однако приготовления были прерваны новым военным походом. Имам предпринял попытку усилить свои позиции в Чечне. Его отряды осадили укрепление Исти-Су, но были оттеснены подошедшими из Куринского укрепления войсками. Канонада была слышна даже в Ведено, где жены и пленницы Шамиля молились о том, чтобы это не нарушило переговоров.

Тем временем пришло новое известие: Джамалуддин уже в Хасав-Юрте.

Шамиль отправил в Хасав-Юрт своего казначея и Юнуса, передававшего Джамалуддина Граббе в 1839 году. Они должны были удостовериться, что на самом деле прибыл сын Шамиля Джамалуддин.

Посланцы были допущены к Джамалуддину и сразу его узнали. Для надежности они осмотрели его шрамы на левой руке — следы от пики донского казака, полученные при Ахульго. Они также задали Джамалуддину несколько вопросов, ответы на которые окончательно развеяли все сомнения.

Вернувшись в Ведено, посланцы подробно описали имаму Джамалуддина, засвидетельствовали, что это именно он, и передали Шамилю письмо от сына. Беспокоило их лишь то, что Джамалуддин в близких отношениях с другими офицерами и даже танцевал с женщинами на балу в его честь.

Вскоре затем случилось сильное землетрясение, которое все расценили как дурной знак. Переговоры действительно оказались на грани срыва.

Наибы настаивали на миллионе, а предлагалось по-прежнему не более сорока тысяч. Шамиль готов был согласиться и на меньшую сумму, но

народу это могло не понравиться. Многие на этой войне потеряли сыновей, мужей, братьев и отцов, и Шамиль уже не мог отступить от объявленных условий.

РАЗРЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В который уже раз на помощь Шамилю пришел мудрый шейх Джамалуддин Казикумухский. Он напомнил имаму об одном отшельнике, пользовавшемся в народе большим уважением. Его почитали за святого, воплощающего в себе высшие достоинства мюридизма. Он был существом удивительным, пророчества его всегда сбывались, а самые трудные вопросы находили у него благочестивое разрешение.

Святой отшельник был привезен в Ведено и помещен в кабинет Шамиля. Увидеть его стекалось множество народу, который он доводил до исступления своими пламенными проповедями. Когда он начинал зикр, восхваляя Аллаха и принося ему раскаяние, все вокруг сливались в единое целое с пением «Ла-ильлаха-иль-алла» и других формул зикра.

Вдохновенных горцев отшельник учил умеренности, добросердечию и предостерегал от губительных пороков, к которым неминуемо приводит стремление к излишествах.

С отшельником соглашались все. Но не все верили, что самые знатные семейства Грузии не в силах заплатить больше сорока тысяч.

Шамиль потерял покой, не зная, как разрешить проблему. Но однажды увидел во сне, что к нему направляется из Хасавюрта человек, способный уладить дело. Так оно и случилось.

Устав от неопределенности, генерал Орбелиани послал в Ведено своего поверенного юнкера Исаака Грамова. Это был армянин из Шуши, учившийся в училище немецких колонистов, а затем поступивший на службу в комендантское управление. Там его и заметил Орбелиани. Грамов отлично знал местные нравы и умел договариваться с горцами.

С детства усвоивший тонкости кавказского этикета, Грамов начал с поздравлений по поводу возвращения сына Шамиля, передал имаму подарки, самые добрые пожелания от своего начальства и благодарность от родственников княгинь за хорошее обращение с пленницами. Грамова хорошо приняли и поместили в отдельной комнате. Вечером он вновь был приглашен к Шамилю.

О главном деле Грамов заговорил не сразу. Прежде они обсудили ход Крымской войны, тактику сторон и разницу в вооружении. Затем Шамиль спросил Грамова о недостатках, замеченных им в Имамате. Грамов отвечал, что все здесь хорошо, вот только дороги плохие и путешествовать по ним — сущее наказание. Шамиль остался доволен ответом Грамова. Свои

трудные дороги, непроходимые леса, крутые перевалы и опасные переправы он считал лучшим оружием, делающим его сильнее многих правителей.

Когда же разговор коснулся основного вопроса, Грамов доверительно сообщил Шамилю, что европейские газеты пишут о нем как о великом герое и выдающемся полководце, к тому же сумевшем отнять у царя своего сына. А насчет миллиона Грамов сказал, что даже если бы князя и смогли его собрать через несколько лет, то царь не позволил бы отдать Шамилю столь значительную сумму, которая способна многократно увеличить его военные возможности.

Пообещав, что все кончится хорошо, и назначив местом обмена старую просеку у реки Мичик, Шамиль отправил Грамова обратно.

На следующий день имам собрал своих сподвижников и решительно объявил, что если они не согласятся на условия князя Чавчавадзе, то пусть забирают пленниц себе, а он больше не станет держать их у себя.

Стало ясно, что пора принимать окончательное решение. Сподвижники имама согласились принять условия князя, но потребовали, чтобы деньги были выданы мелкой серебряной монетой. Так выкуп мог выглядеть более значительным, чем был на самом деле.

В тот же день княгиням было объявлено, что они свободны. Дело было лишь за тем, чтобы согласовать условия обмена и подготовить их отъезд. Бывшие пленницы дали волю слезам. К ним присоединились и жены Шамиля, которые за восемь месяцев почти сроднились с княгинями и их детьми.

ОБМЕН

В Ведено началась суматоха. Солдаты-перебежчики мастерили для княгинь невиданные в горах четырехколесные арбы. Женщины чинили их одежду, мыли и наряжали детей, обменивались с княгинями подарками.

В мечетях возносились благодарственные молитвы. Начали съезжаться знаменитые наибы и почетные гости. Прибыл Гази-Магомед со своей красавицей-женой. Приехал и Магомед-Шапи, заметно возмужавший и остепенившийся. Ему было разрешено составить отдельный конный отряд из своих сверстников.

В Хасавюрт стекались купцы. Чавчавадзе менял собранное золото на мелкое серебро. Серебра не хватало, и князь послал к Шамилю спросить: нельзя ли последние пять тысяч отдать золотом? Имам согласился.

Серебро пересчитывали Хаджияв и купец Муса Казикумухский. К досаде Чавчавадзе продолжалось это несколько дней. У казначея кружилась голова от бесконечных десятков и сотен. Деньги он складывал в отдельные мешочки и ставил на них печать, а Грамов прикладывал свою. Теперь Хаджияв и сам был рад, что считать пришлось только сорок тысяч, а не миллион.

Наконец все было улажено. Княгиням были подарены ковры и украшения, а их сыновьям — черкески и кинжалы. Вереница телег выехала из Ведено и направилась к Мичику по заранее исправленным дорогам. Кучерами на них были беглые солдаты.

Следом двинулся живописный конвой имама. Как обычно, Шамиля сопровождали две сотни отборных мюридов, проверенных в битвах со времен начала его имамства. Эскорт был хорошо одет, прекрасно вооружен, и почти все мюриды имели на груди ордена за подвиги. Одна сотня, развернув знамена, стройными рядами двигалась впереди имама, другая следовала сзади, чередуясь с первой в пении стихов из Корана.

Рядом с имамом ехали его сын Гази-Магомед и Даниял-бек, вырядившийся по такому случаю в генеральскую шинель.

Следом за эскортом Шамиля двигался пятитысячный кавалерийский отряд горцев.

Когда прибыли к месту размена, по ту сторону Мичика уже ждала колонна царских войск.

Шамилю поставили белый шатер, а перед ним, на треноге, подзорную трубу. Он видел русский лагерь, но люди в нем были чем-то опечалены и не

похоже было, что готовилось торжество.

Обсудить последние приготовления прибыл Грамов. Он просил Шамиля произвести обмен как можно спокойнее и воздержаться от салютований, как это принято у горцев в честь замечательных событий. Просьбу свою он объяснил трауром по случаю неожиданной кончины государя императора Николая I.

Шамиль выразил свои соболезнования и заверил, что с его стороны все будет тихо, если все будет точно исполнено со стороны Чавчавадзе.

Обмен состоялся 10 марта 1855 года. Приняв все предосторожности, стороны сошлись у реки.

«Когда обе стороны между собой сблизились так, что уже могли хорошо различать друг друга, — писал Е. Вердеревский, — князь Чавчавадзе прежде всего увидел арбы, в которых было семейство его, и услышал голоса своих дочерей. Они кричали:

— Мама, посмотри, вон папа на белой лошади!»

Гази-Магомед поздоровался с князем Чавчавадзе и сказал, что о семействе его имам заботился как о своем. А неудобства, если они были, проистекали единственно от неумения обращаться со столь знатными особами. Чавчавадзе отвечал, что о добром отношении имама знает из писем княгинь, за что его и благодарит.

Затем пленницы были переданы князю, а Джамалуддин оказался в объятиях брата.

Пленницы не верили собственному счастью и не находили слов от волнения.

Взволнован был и Джамалуддин. Он узнал брата Гази-Магомеда, смутно припоминал остальных родственников и все искал глазами отца. Но тут к нему бросился Магомед-Шапи, который родился после его пленения, и теперь они встретились впервые.

Оставив Хаджиява с Грамовым завершать обмен пленными и денежные расчеты, братья подвели Джамалуддину белого коня с дорогим седлом и вместе поспешили к отцу. Сопровождавшие Джамалуддина офицеры поскакали вместе с ними.

Их встречали радостные мюриды, и все старались пожать руку Джамалуддину. До палатки оставалось совсем немного, когда Гази-Магомед осадил коня и попросил Джамалуддина переодеться. Узел с горской одеждой был приторочен к седлу Магомеда-Шапи. Джамалуддина стеной окружили конные мюриды. И вскоре перед ними предстал статный джигит в красивой черкеске и при отличном оружии. Когда он вскочил на

коня, трудно было поверить, что Джамалуддина столько лет не было в родных горах. Единственным его отличием был пистолет новой пистонной системы, тогда как горцы все еще пользовались кремневыми.

Магомед-Шапи уложил мундир поручика в хурджин, помчался обратно к реке и перебросил хурджин на другую сторону Мичика. Тогда он не знал, что в будущем сам облачится в подобный же мундир.

Шамиль встретил сына сдержанно, но, обняв, долго не отпускал. Джамалуддин поцеловал руку отца и встал рядом со своими братьями. Шамиль долго смотрел на сына, с трудом сдерживая чувства, а затем скрылся в своем шатре.

Свидетель этого события так описывал Шамиля и его свиту:

«В то время, когда говорил Шамиль, я очень хорошо рассмотрел его: у него лицо очень приятное, хотя довольно серьезное и строгое, он так еще сохранился, что ему кажется на вид не более сорока лет. По свежести лица можно судить о цветущем здоровье, борода у него черная, по-видимому крашена, ровная и довольно большая. Роста невысокого, не толст, но плотного телосложения. Одет он был в светло-зеленую шерстяную чуху, под ней красный шелковый бешмет, на голове огромная белая чалма, а на ногах русского покроя сапоги. По правую сторону Шамиля сидел Джемал, первое духовное лицо у горцев, старик лет 70, а по левую — Даниель-султан Элисуйский, сзади них стояли наибы Мичиковский, Андийский, Ичкерийский, Гумбетовский и другие. Правее меня стоял Кази-Магома, а около него младший сын Шамиля, Шефи-Магома, мальчик лет пятнадцати».

Когда обмен благополучно завершился, Шамиль велел пригласить к себе Грамова. Имам подарил ему золотые часы, усыпанные бриллиантами, и пообещал отпустить его, если тот ненароком попадет в плен к горцам.

К вечеру процессия двинулась в сторону Ведено. Выждав, пока Мичик скроется за высоким холмом, мюриды дали волю чувствам. Пальба, джигитовка и музыка сопровождали отряд по всему пути. Тысячи людей выходили навстречу имаму и его сыну, поздравляя с возвращением и восхваляя Всевышнего за явленное чудо.

БЫВШИЕ ПЛЕННИЦЫ

В Куринском укреплении, куда привезли княгинь, был траур, но лица спасенных выражали счастье. Офицеры крестились, а их жены и местные казачки рыдали, глядя на трогательную процессию. В церкви шли благодарственные молебны, а сослуживцы князя считали своим долгом засвидетельствовать княгиням свое восхищение их мужеством.

Отдохнув и оправившись от перенесенных невзгод, княгини отправились через Дербент и Елисаветполь в Тифлис, который встретил их торжествами. Через месяц они выехали в Москву, где наконец смогли утешить свою мать Анастасию и сестру Надежду, в замужестве — Писареву. Затем они приехали в Петербург, чтобы выразить свою бесконечную признательность новому государю Александру II. Император и императрица тепло приняли княгинь, пригласили вместе отобедать, одарили бывших пленниц и даже помогли князю Чавчавадзе поправить денежные дела, пришедшие в упадок после разорения имения.

Мадам Дрансе больше не желала испытывать судьбу и поспешила уехать в Париж, к матери и сыну. Там она заработала больше, чем могла получить гувернантка в России, издав свои воспоминания «Восемь месяцев в плену у Шамиля». Книга стала популярной, вызвав интерес к Шамилю и борьбе горцев Кавказа. С особым вниманием книгу прочел А. Дюма-отец, решивший при первой возможности посетить Кавказ.

Книга была переведена на русский язык и издана в 1858 году в Тифлисе. Четверть гонорара от продажи книг мадам Дрансе пожертвовала на выкуп пленных.

Официальная версия обмена была опубликована в газете «Русский инвалид» и вошла затем в многочисленные издания.

НА РОДИНЕ

Знаменитый заложник вернулся в горы навсегда. И теперь для него начиналась иная жизнь, в которой не было места взглядам, привычкам и чувствам поручика уланского полка.

Джамалуддину оставили только его походный багаж, включавший множество русских и французских книг, географические атласы, бумагу, карандаши, краски и даже чертежную готовальню. Карандаши и готовальня оченьгодились, когда Джамалуддин решил построить себе дом по русскому образцу. По его проекту Идрис (Андрей) и беглые русские солдаты построили дом с большими застекленными окнами, печами и дверьми с бронзовыми ручками. Причем все, что недоставало, было прислано тем же бароном Николаи из Хасавюрта.

Джамалуддин заново открывал для себя родину и родную семью. За 15 лет многое изменилось. Другим стал и его отец, превратившийся в грозного повелителя гор, слава о котором облетела весь мир. Многие царские генералы, громившие Наполеона и других знаменитых полководцев, потерпели фиаско, встретившись с простым горцем Шамилем.

Джамалуддин хотел понять, откуда у его маленького народа берутся силы, чтобы противостоять великому северному колоссу. Он-то хорошо знал, как велика Россия и как неисчислимы ее войска, державшие в страхе всю Европу.

Джамалуддин отправился в путешествие по Имамату. Он посещал аулы и крепости, беседовал с наибами и простыми горцами.

Горцы воспринимали его по-разному. Одни подозревали, что Джамалуддина отравили каким-то особым ядом, который постепенно приведет его к гибели. Другие живо интересовались жизнью в России и удивлялись познаниям Джамалуддина в разных науках, особенно после того, как он с точностью до минуты предсказал лунное затмение (это было указано в астрономическом календаре, который привез с собой Джамалуддин). Третьи просто сторонились его, как чужого.

В донесении, полученном от командующего войсками в прикаспийском крае генерала Г. Орбелиани и затем представленном императору, говорилось:

«Что касается до сына Шамиля, Джемал-Эддина, то, по сведениям, получаемым из Дарго, этот молодой человек не может свыкнуться ни с новым образом жизни, ни с понятиями, для него чуждыми, людей, его

окружающих, и язык которых он едва начинает понимать... Его окружают муллы и ученые люди, которые посвящают его Алкорану и изучению арабского и аварского языков. Шамиль недоволен его отвращением от образа жизни, усвоенного в горах, и тем, что он отказывается от хищнических набегов, начальство над которыми ему неоднократно предлагал, но тем не менее оказывает ему отеческую нежность...

Несмотря на строгие правила шариата, Шамиль позволяет сыну получать и читать русские журналы, пересылаемые в Дарго бароном Николаи».

Шамиль видел, как непросто возвращался его сын в лоно родных гор, но надеялся, что со временем все станет на свои места. Чтобы ближе привязать Джамалуддина к дому, Шамиль женил его на дочери знаменитого чеченского наиба Талгика. Джамалуддину также поручено было заниматься административными делами и инспектировать вооружение, в чем его образование и военный опыт, полученные в России, могли быть весьма полезны.

Своими сравнениями и выводами о жизни в горах и в России Джамалуддин делился с отцом. Он старался склонить Шамиля к миру, тем более что для этого настал самый подходящий момент.

ТАЙНОЕ ПЕРЕМИРИЕ

После обмена между Шамилем и царским командованием установилось своего рода взаимопонимание, и в горах наступило относительное затишье. Военные действия почти не велись, тем более что основные силы царских войск были переброшены на фронты Крымской войны.

Муравьев понимал, что Шамиль далек от желания стать вассалом Турции, действиям ее войск никак не способствует и что «горцам, воюющим с нами за независимость, равно противно было всякое иго». Здесь, на Кавказе, Муравьев убедился и в том, сколь разорительна война с горцами, уносящая к тому же цвет российской и горской молодежи. Простые расчеты доказывали, что дешевле было бы предложить каждому участнику боевых действий хороший дом и достойное содержание, построить фабрики и дороги, которые привели бы к спокойной жизни и взаимной пользе. Это привело Муравьева к мысли вступить в мирные переговоры с имамом. В обмен на нейтралитет Шамилю предлагалось признание Имамата как самостоятельного государства горцев под протекторатом России.

Условия эти показались Шамилю вполне приемлемыми. Население Имамата устало от военных невзгод, хозяйство приходило в упадок, а продолжение широкомасштабной войны грозило полным разорением и исчезновением самих горских народов.

О переговорах Шамиля с Муравьевым официальных документов не сохранилось. Скорее всего, они велись Муравьевым с молчаливого согласия Петербурга. Но косвенные сведения дают основания полагать, что стороны заключили перемирие.

Политика Муравьева, бросившего все силы против турок и заключившего негласное перемирие с Шамилем, вызвала резкое неприятие у начальника Главного штаба Отдельного Кавказского корпуса А. Барятинского. Конфликт между первыми лицами перерос в открытое противостояние. Барятинский бросил все дела и уехал в Петербург.

Карта Кавказской войны. Первая половина XIX века.

Очень скоро стало осуществляться многое из того, о чем договорились имам и наместник. Была снята экономическая блокада с районов Кавказа, входивших в состав Имамата. Открылись возможности для торговли, которая приносила обоюдную выгоду. Вместе с фабричными тканями, инструментами и другими товарами в горы пришла надежда на мирную жизнь. Тогда же начались массовые обмены военнопленными, которых было еще очень много.

Развитию полезных отношений как мог способствовал Джамалуддин. Он вел с бывшими сослуживцами постоянную переписку, стараясь превратить мирную передышку в прочный мир. В письме генерал-майору барону Л. Николаи Джамалуддин писал:

«На условия Ваши насчет торговли отец согласен, только не знаю, долго ли будут существовать они...

В пятницу, 30 октября, я запечатал письмо к турецкому султану. Очень хотелось приписать к нему несколько слов, что при следующем случае непременно сделаю, чтобы он перестал морочить горцев...»

Зная, что Шамиль не нарушит данного слова, Н. Муравьев отправился воевать с турками в Закавказье. Он действовал решительно, тем более что

имел к Порте и свои личные счета. Ведь именно Муравьев командовал в 1833 году под Константинополем русским экспедиционным корпусом, избавившим султана от притязаний египетского паши, а затем подписывал с турками «вечный мир».

Муравьев осадил турецкую крепость Карс и 16 ноября 1855 года заставил ее гарнизон капитулировать. В отрядах Муравьева сражались против турок и добровольцы из горцев, многие из которых погибли под стенами крепости. В награду за взятие Карса Муравьев получил от императора приставку «Карсский». Тогда же Муравьев задумал поход через Анатолию к Стамбулу. У России появились реальные шансы взять реванш за падение Севастополя. Но страна была истощена войной, казна опустела, а Крымская война близилась к завершению.

Такую же приставку «Карсский» с титулом баронета получил и советник коменданта Карса Вассиф-паши В.-Ф. Вильямс. Это был тот самый английский бригадный генерал, который писал Шамилю о признании Европой Имамата. Он был взят в плен Муравьевым и содержался в Петербурге до окончания войны.

ВОЙНА ОКОНЧЕНА. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВОЙНА!

Крымская война завершилась 18 марта 1856 года подписанием Парижского мирного договора. По его условиям Россия вернула Турции Карс в обмен на Севастополь и другие завоевания союзников в Крыму, а также потеряла контроль над Дунайскими княжествами и влияние на Балканские страны. Самым тяжелым условием было объявление Черного моря нейтральной зоной, где Россия, хотя и сохранила за собой прибрежные территории, но не могла иметь военный флот. Это открывало путь к побережью Кавказа турецким торговым судам и контрабандистам, которые энергично занялись перевозками товаров, невольников, оружия и легионеров.

«Кавказский вопрос» был одним из главных пунктов переговоров. Союзные державы пытались вынудить Россию уйти с Кавказа, добиться объявления независимого «Черкесского государства» и его международного признания. Но старое соперничество Англии и Франции, опасавшихся усиления друг друга, позволило представителям России сорвать принятие официального решения по этому вопросу. Английский министр иностранных дел лорд Кларендон подвергся за это острой критике в парламенте, но оправдывался тем, что Шамиль во время войны не проявил себя явным союзником антироссийской коалиции и у лорда не было достаточных оснований требовать от России новых уступок.

Если для России Парижский договор был временным политическим отступлением, то для Имамата Шамиля он стал предвестником надвигающейся катастрофы.

Горцам больше не на кого было надеяться. Они и раньше полагались лишь на свои силы, но надеялись, что мир обратит внимание на их несчастья и если не поможет, то хотя бы остановит эту долгую войну. Теперь же стало ясно, что большие государства заняты своими проблемами, предоставив горцам решать свои. И этих проблем становилось все больше. Целые общества просили Шамиля примириться с царем. Шамиль тоже считал, что мир лучше войны, но хотел мира официального, так как уже много раз оказывался обманутым генералами.

Муравьев достаточно оценил нейтралитет Шамиля и надеялся закончить дело миром. Даже в небольших тактических операциях он старался уже не использовать регулярные войска. В них теперь, по

принципу «азиаты против азиатов», в основном участвовали местная милиция и полурегулярные части из горцев. В послужных списках солдат-кавказцев 55-й год начисто отсутствует, хотя другие года расписаны весьма подробно. Действия Муравьева сводились к строительству укреплений, исправлению дорог и рубке новых просек вдали от владений Шамиля.

Он стремился учесть уроки прошлых событий и извлечь всю возможную пользу из сложившегося положения дел. Он часто говорил о необходимости «сосредоточиваться», чтобы провести реформы, укрепить державу и обеспечить ее развитие. А для этого нужно было добиться спокойствия на Кавказе.

Казалось, идея мира с горцами находила поддержку в самых верхах. За урегулирование отношений с Шамилем высказывались министр иностранных дел А. Горчаков и военный министр В. Долгоруков, избежавший отвлечения войск с Крымского театра военных действий. Благоклонно относился к этой идее и сам император.

Александр II понимал экономические причины поражения и неизбежность новой войны с Турцией. Он решил отказаться от отцовских методов, полицейский режим которого умерщвлял духовные и производительные силы народа. И мечтал теперь о развитии промышленности, торговли и подъеме экономического могущества государства.

Обращаясь к подданным, Александр II обещал им коренное переустройство жизни: «При помощи небесного промысла, всегда благодееющего России, да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее; да развивается повсюду и с новою силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый, под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных».

Но для успокоения общего недовольства результатами Крымской войны, для привлечения на свою сторону дворян и купечества слов было мало. Нужна была громкая победа.

ОБЕЩАНИЯ БАРЯТИНСКОГО

В трудный для императора момент на политической сцене возник князь А. Барятинский, друг юности Александра, желавший сгладить горечь поражения в Крымской войне.

Пользуясь близким знакомством с Александром II, отличаясь политической ловкостью и знанием «придворных коллизий», Барятинский сумел увлечь императора своим планом скорейшего покорения Кавказа. Он обещал, что в кратчайший срок закончит Кавказскую войну, наведет порядок в новой «жемчужине русской короны» и превратит богатства края в неисчерпаемый источник доходов государственной казны.

Барятинский родился 2 мая 1815 года и в свои 40 лет уже успел сделать блестящую карьеру.

В 1835 году он, командуя сотней казаков, участвовал в экспедиции генерал-лейтенанта Вельяминова против натухайцев, был тяжело ранен пулей в бок и едва не попал в плен. Вернувшись для лечения в Петербург, был произведен в поручики, награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» и назначен состоять при наследнике цесаревиче Александре Николаевиче.

В 1845 году он вновь оказался на Кавказе уже в чине полковника. Успешно командуя 3-м батальоном Кабардинского пехотного полка, он обратил на себя внимание наместника Воронцова. Барятинский был ранен еще раз — в ногу, но быстро поправился и в 1847 году был назначен командиром Кабардинского пехотного полка.

В начале 1850 года Барятинский был отозван с Кавказа. Это стало результатом придворных интриг: ему в невесты прочили М. Столыпину, но он не захотел на ней жениться, чем вызвал неудовольствие Николая I.

По ходатайству цесаревича в мае 1850 года Барятинского вернули на Кавказ, произвели в генерал-майоры и назначили состоять при Кавказской линии. В том же году он сопровождал наследника в поездке по Кавказу. Вскоре после этого Барятинский был назначен командиром Кавказской гренадерской бригады, а весной 1851 года — начальником Левого фланга Кавказской линии.

Желая отличиться, Барятинский предпринял ряд экспедиций в Большую Чечню. Прокладывая новые дороги и просеки, разрушая непокорные аулы, он не забывал уделять внимание административному устройству «замиранных» чеченцев и организации нового управления,

которое по сути было старым шамилевским управлением.

В 1852 году Барятинский уже стал генерал-лейтенантом. Он внимательно изучал опыт Имамата Шамиля и предлагал свои проекты овладения Кавказом. Его предложения были одобрены Воронцовым и императором. В крепости Грозной даже был куплен дом для размещения новоиспеченной чеченской администрации и запланированы средства на содержание управления «начальника чеченского народа».

В январе 1853 года Барятинский был пожалован чином генерал-адъютанта свиты Его Императорского Величества, а осенью назначен на должность начальника Главного штаба — вторую по значимости в крае. Барятинский собрался было развернуться из всех сил, но начавшаяся война с Турцией, переросшая в борьбу против коалиции европейских держав, спутала все планы князя по покорению Кавказа.

Покидая Кавказ, Воронцов прочил на свое место Барятинского. Но Николай I решил, что тот еще «не дорос», и назначил временно исполняющим обязанности наместника генерала Реада.

Раздосадованный Барятинский ринулся на фронт и принял участие в сражении 24 июня 1854 года при Кюрюк-Да-ра, закончившемся поражением 60-тысячной турецкой армии Зарифа-Мустафа-паши от 18-тысячного корпуса под командованием генерал-лейтенанта В. Бебутова. Получив за отвагу очередной орден, Барятинский был назначен состоять при новом императоре.

Стремление нового наместника Муравьева примириться с горцами он считал неоправданной слабостью. А освободившиеся после войны огромные войска предлагал обратить на разгром Шамиля.

Но на пути честолюбивых планов Барятинского стоял Муравьев, для которого мир с Шамилем был делом чести. Он считал, что горцев лучше иметь в кунаках, чем во врагах.

Дело кончилось тем, что 22 июля 1856 года Муравьев был уволен от должности наместника с назначением членом Государственного совета.

26 августа 1856 года Барятинский был произведен в генералы от инфантерии и назначен наместником на Кавказе.

По просьбе нового наместника начальником Главного штаба Отдельного Кавказского корпуса был назначен генерал-майор Д. Милютин — кавказский ветеран, известный военный теоретик и профессор императорской Военной академии. Милютин тоже состоял в свите императора и полностью разделял взгляды Барятинского.

Муравьев, так и не ставший на Кавказе «своим», тяжело переживал опалу. Формальное членство в Госсовете, руководство незначительными

комиссиями, почетное шефство над гренадерским полком не могли удовлетворить его кипучую натуру. Муравьев засел за мемуары, опубликованные уже после его смерти под названием «Война за Кавказом в 1855 году». Скончался Николай Николаевич в 1866 году.

ПРИШЕСТВИЕ НОВОГО НАМЕСТНИКА

В октябре Барятинский прибыл к Кавказской армии. Свое вступление в должность он ознаменовал приказом: «Воины Кавказа! Смотря на вас и дивясь вам, я вырос и возмужал. От вас и ради вас я осчастливлен назначением быть вождем вашим и трудиться буду, чтобы оправдать такую милость, счастье и великую для меня честь. Да поможет нам Бог во всех предприятиях на славу государя».

Получив от Александра II полный «карт-бланш» и необходимые средства, Барятинский начал с решительных административных и военных реформ.

Желая освободиться от «бремени распорядительной и исполнительной власти», он передал гражданские дела образованному им же самим Главному управлению наместника кавказского. Администрация Кавказа получила полномочия особого Кавказского министерства.

Театр военных действий он разделил на пять военных отделов; для местного управления учредил округа, подразделенные на приставства, участки или наибства.

Кавказский корпус был переименован в Кавказскую армию, которой он давно уже был по своей численности. В распоряжении наместника оказалось более 200 тысяч солдат, в числе которых были и основные силы, действовавшие в Крымской войне, тогда как все войско имама, включая ополченцев, едва достигало сорока тысяч.

Началось и перевооружение войск. Нарезные винтовки, новые горные орудия, палатки, снаряжение — все новинки, появившиеся в ходе Крымской войны в российской и неприятельских армиях, широким потоком хлынули на Кавказ. На Барятинского работала вся Европа.

Позаботился он и о подготовке общественного мнения, вернее о том, чтобы оно ничего не знало.

Теперь газеты писали о чем угодно, только не о действительном положении дел на Кавказе. Считалось, что цензурные ограничения окупятся с лихвой, когда подданные Его Императорского Величества узнают, что с Шамилем покончено.

Член Государственного совета генерал-адъютант Н. Сухозанет представил императору особый доклад департамента Генерального штаба по делам кавказским:

«Вследствие разных статей, помещенных в английских и французских

газетах, имеющих целью распространить в Европе невыгодное мнение о положении нашем на Кавказе и касающихся чести находящихся в том краю войск, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелеть, чтобы в журналах, для противодействия неблагоприятным намерениям иностранных газет, была напечатана с нашей стороны статья о занятиях войск Отдельного Кавказского корпуса в последнее время.

По личному моему объяснению с министром иностранных дел признано за лучшее, чтобы Военное министерство доставило князю Горчакову только материал для статьи, которая в политическом отношении будет дополнена уже в Министерстве иностранных дел.

...Вместе с тем имею счастье испрашивать Высочайшего разрешения Вашего Императорского Величества на сообщение министру иностранных дел ежемесячно статей, для напечатания в газетах, в которых будут излагаться вкратце сведения о действиях войск на Кавказе и вообще о положении нашем в этом краю».

Прочитав доклад, Александр II сделал на нем надпись: «Согласен».

Однако события на Кавказе уже сделались частью международной жизни, и ограничение сведений только подогревало интерес к Шамилю.

ДЮМА ПОСЕЩАЕТ КАВКАЗ

В 1858 году в Россию пожаловал популярнейший писатель Александр Дюма-отец. Слава автора «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо» была столь велика, что даже запрещенные в России «Записки учителя фехтования» — история русского декабриста и его верной француженки-жены — были знакомы самому широкому кругу читателей.

Дюма был приглашен в Россию на свадьбу, но не упустил шанса попасть на войну. Легенды о Шамиле — загадочном вожде свободолюбивых горцев — волновали тогда всю Европу. И Кавказ представлялся писателю девственным заповедником рыцарства, невероятных приключений и великих характеров. Дюма ожидал найти на Кавказе ожившие образы героев своих знаменитых романов.

Дюма отправился на Кавказ по маршруту, проложенному еще Петром I, через Астрахань. Он нанял секретарей и переводчиков, которые помогали ему выявить наиболее значительные события и анализировать всевозможные материалы. Дюма увлек на Кавказ и своего приятеля художника Ж.-П. Муане, чтобы запечатлеть в красках ауру эпохи.

Дюма посетил Дагестан, жил в Кизляре и Темир-Хан-Шуре, а затем отправился в Грузию.

Под пером гениального рассказчика прошлые и современные ему события на Кавказе обрели эпические черты, роднившие их с величайшими событиями мировой истории. Он ошибался в частностях, не особенно вдавался в суть происходящего, увлекался вымыслами, но верно передавал дух времени. Отрывки из его «Путевых заметок» печатались в Париже и читались с жадным интересом. Публика знала, что если великий Дюма взялся познакомить мир с Кавказом и его героями, значит, они того стоили.

Проведя почти три месяца на Кавказе, Дюма написал книгу «Кавказ», которая вышла в Тифлисе уже в 1861 году, хотя и была сильно сокращена переводчиком. Это была третья часть его путевых заметок, которой предшествовали «Письма из Санкт-Петербурга» и «Из Парижа в Астрахань».

УЧАСТЬ МИРОТВОРЦА

Джамалуддину казалось, что мир почти уже наступил. Он верил, что принес его в горы, исполняя чаяния своей истерзанной родины и помня напутствие императора. Но теперь все рухнуло. Как сын имама, он должен был поднять оружие против вчерашних друзей. Джамалуддин писал новые письма к царским генералам, старался удержать отца от решительных действий. Он все еще надеялся, что произошло недоразумение и Муравьев как член Государственного совета сумеет остановить кровопролитие.

Но Муравьев ничего уже сделать не мог, и письма Джамалуддина остались без ответа. Похоже, генерал считал этот эпизод не лучшим в своей биографии, а потому деликатно умолчал о нем в своих мемуарах.

Не нашли отклика и письма Шамиля к европейским державам. Имам писал, что находится на исходе сил, и просил во имя человечности остановить кавказскую трагедию.

Джамалуддин не вынес удара судьбы. Здоровье его сильно пошатнулось. Он стал нелюдим и мрачен, пуга¹⁷ своим тяжелым взглядом даже жену. Соплеменники отвернулись от него, считая, что это Джамалуддин убедил отца довериться сладким посулам и поставил их на край гибели.

Охладел к сыну и сам Шамиль, столько сделавший для его освобождения.

Когда Джамалуддин простудился и тяжело заболел, его отправили в Анди, в надежде, что перемена климата поможет ему излечиться. Но Джамалуддину становилось все хуже. Тогда его перевезли в Карату — наместничество его брата Гази-Магомеда. Шамиль надеялся, что сына можно вылечить, но горские лекари оказались бессильны. Тогда гонцы Шамиля явились в Темир-Хан-Шуру с просьбой имама прислать в горы русского доктора.

За долгую войну такие просьбы стали обычным делом. Когда горские лекари не могли помочь страждущим, наибы сами отправляли их к русским врачам, предварительно известив об этом Шамиля. «Мы обязаны отпустить его...» — писал наиб Ибрагим имаму о горце, страдавшем «солнечной болезнью живота».

Командир стоявшего в Шуре отряда князь Святополк-Мирский согласился отпустить полкового врача Пиотровского в горы. Пятеро мюридов остались заложниками до его возвращения, а остальные ускакали

с врачом. По другим сведениям, врача тайно привезли из Хасавюрта, где начальником гарнизона был давний приятель Джамалуддина барон Николай.

Пиотровский нашел у Джамалуддина чахотку, как тогда называли туберкулез. Сделав все, что было в его силах, и дав необходимые рекомендации, он вернулся назад. В Темир-Хан-Шуре его чуть было не приняли за абрека, когда Пиотровский явился к стенам крепости на хорошем коне, в горском костюме и при отличном оружии. Пиотровский доложил по начальству, что болезнь неизлечима и дни Джамалуддина сочтены. Он привел в пример знаменитую актрису Прасковью Жемчугову, которую граф Шереметев даже возил в Италию, но избавить от чахотки так и не сумел.

Джамалуддину стало лучше, но затем он вовсе отрешился от мира и отказывался от лекарств.

26 июня 1858 года старший сын Шамиля Джамалуддин скончался и был похоронен в Карате.

Абдурахман из Газикумуха писал, что вместе с Джамалуддином обменяли и много других пленных, среди которых был и племянник Шамиля Гамзат, отданный аманатом генералу Фезе в 1837 году при Телетле. Он с трудом входил в новую жизнь и расставался с привычками, приобретенными в России. Гамзат первое время жил в доме Джамалуддина, затем — в Гимрах, где женился на двоюродной сестре Шамиля. Он тоже болел туберкулезом, лечился в Порт-Петровске, где умер и был похоронен.

БОИ НА ВСЕХ ФРОНТАХ

Барятинский готовил наступление одновременно в Чечне и Дагестане. Обрушив на Имамат всю мощь царской армии, он начал сжимать железное кольцо крепостей, сводя леса и прорубая новые просеки. Наместник предполагал оторвать от Имамата Чечню, оккупировать Салатавию и «запереть» Шамиля в Дагестане. Со стороны Лезгинской линии предполагалось постоянно и систематически ослаблять горцев разорением непокорных аулов, не допуская их подкреплять Шамиля. Действия на Западном Кавказе до окончания борьбы с Шамилем признаны были второстепенными.

Когда начались первые сражения, Барятинский понял, что слишком погорячился, пообещав справиться с Шамилем за несколько месяцев. Теперь он мечтал закончить кампанию хотя бы за несколько лет.

Шамиль видел, что соглашение с Муравьевым окончательно нарушено и что теперь он оказался в гораздо худшем положении, чем это было до Крымской войны. Имам давно привык к таким гримасам политики, когда сила оказывалась важнее добрых обещаний. Он собрал оставшихся ему верными наибов и объявил, что будет защищать горы, чего бы это ему ни стоило.

Позиционные бои разгорелись с новой силой.

В 1856 году Барятинский сумел установить контроль над восточными районами Чечни. В 1857 году он уже утвердился в центре Большой Чечни, возведя Шалинское укрепление. В начале 1858 года отряд начальника Левого фланга Кавказской линии генерал-лейтенанта графа Н. Евдокимова прошел вдоль реки Аргун и построил здесь новую крепость.

Шамиль отступал с боями, используя любую возможность перехватить инициативу. Весной 1858 года назрановские ингуши подняли восстание против занятия их земель казачьими станицами. Шамиль решил контратаковать и двинулся в Малую Чечню.

Но восстание было быстро подавлено, и превосходящие силы Барятинского оттеснили отряды имама.

Летом 1858 года Евдокимов прошел вверх по Аргуну и построил укрепления Шатой и Евдокимовское.

Население Малой Чечни было полностью отрезано от Большой Чечни и Дагестана и вынуждено было смириться с властью Барятинского.

Разворачивались бои и в Дагестане. Наступление шло с нескольких

сторон. Войска были столь многочисленны, что разбить их уже не представлялось возможным. Горцам едва удавалось сдерживать их продвижение вглубь гор.

ВЗЯТИЕ ВЕДЕНО

К концу 1858 года войска Барятинского тремя отрядами начали наступление на столицу Имамата.

Шамиль перегородил завалами ущелье реки Бассы, но противник обошел ущелье по заснеженным горам и 8 февраля появился у Ведено. Первой сюда пробилась конница Евдокимова. Следом подошли другие отряды и стали в виду Ведено большим лагерем. Как писал очевидец, «это место стало, как небо в ясную ночь, усеянное звездами, так много было палаток, лошадей, орудий и других припасов».

Наутро начался артиллерийский обстрел, а затем и штурм.

Бои продолжались несколько дней. Но когда подошел Дагестанский отряд генерал-лейтенанта барона А. Врангеля, а следом и другие части, наибы попросили Шамиля оставить резиденцию из-за угрозы полного окружения.

Имам покинул Ведено и отошел к аулу Эрсеной. Защищать столицу остался его сын Гази-Магомед. Резиденция имама оказалась в полной блокаде, но гарнизон упорно отбивал атаки. Евдокимову удалось провести траншеи к стенам Ведено и подорвать их минными галереями. Затем начался такой сильный обстрел, что «залпы слились в один протяжный гул и кроме дыма и пыли ничего не было видно».

Охваченный пожаром аул продолжал сопротивляться. В ночь на 1 апреля Гази-Магомед с последними защитниками Ведено прорвался через окружение и ушел к Шамилю.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЗЫВ

С потерей Ведено Шамиль отступил в Дагестан и укрепился на берегу Андийского Койсу. Бои в Чечне продолжались еще несколько месяцев, но главные силы Барятинский теперь нацелил на Шамиля в Дагестане.

Нагорный Дагестан — последний оплот Шамиля — собирался с силами в ожидании трагической развязки.

Шамилю доносили, что из Аргунского ущелья, разрушая все на своем пути, идет Чеченский отряд Евдокимова, снизу поднимается Дагестанский отряд Врангеля, а из Кахетии движется в тыл имаму Лезгинский отряд князя Меликова.

Имам укрепил свои позиции в Анди завалами и даже начал строительство крепости. Но появившиеся с разных сторон отряды Врангеля и Евдокимова с ходу вступили в бой. Через четыре дня ожесточенных сражений Шамиль был вынужден отступить вглубь Дагестана.

В мае Шамиль созвал в Хунзахе съезд наибов, ученых и почетных представителей всех обществ Имамата. Здесь он прямо заявил, что подозревает многих из них в желании отойти от борьбы и склонить голову перед сильным противником. В ответ собравшиеся поклялись, что не изменят имаму даже перед угрозой смерти. По горскому обычаю многие даже усилили клятву, заявив, что пусть их бросят жены, если они нарушат данное слово. Даниял-бек клясться не стал. Шамиль заподозрил бывшего царского генерала в изменнических намерениях и заставил его принести клятву, хотя и отдельно от остальных.

Шамиль знал, что Даниял-бек давно уже собирался переметнуться обратно, имел тайные связи с царским командованием и скрытно отправлял ценности в Элису. Хотя внешне демонстрировал преданность Шамилю и одаривал всех его посланцев. Тем не менее он давно уже был в опале, и имам не казнил его лишь потому, что он был тестем его сына. Но на мечети, которую починили по приказу Даниял-бека, на табличке с надписью о том, что это его заслуга, Шамиль велел заменить слова «Даниял-султан» на «Даниял-шайтан».

Съезд в Хунзахе стал последним в истории Имамата. И во многом походил на Тайную вечерю Иисуса Христа, когда апостолы клялись не оставлять своего учителя, а затем отреклись от него. Очень скоро отреклись от Шамиля и многие его сподвижники. Нашелся в окружении Шамиля и

свой Иуда, вернее, их оказалось несколько.

«ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ»

В отличие от некоторых своих предшественников Барятинский был человеком разносторонним и умел с толком использовать «экстраординарные суммы». Считая золото оружием не менее, если не более эффективным, чем самые сильные пушки, он заранее позаботился о том, чтобы не иметь ограничений в такого рода расходах.

Милютин только еще готовил план генерального наступления на Шамиля, когда в горы уже отправились караваны «золотых ослов». Эти невидимые животные рассыпали по всем уголкам Имамата вполне осязаемые золотые и серебряные монеты. Взятки и подкупы приобрели характер эпидемии, разъедавая слабые души и проникая в самые верхи Имамата.

«Золотые ослы» Барятинского делали то, чего не могли сделать целые армии. Наибы предавали Шамиля, ворота крепостей легко открывались, а колеблющиеся отрекались от имама, не успев пересчитать сребреники.

Новую тактику Барятинского успешно использовали и его подчиненные. Генерал Лазарев сумел договориться с Кебед-Магомой. Это был неустрашимый и до фанатичности преданный мюридизму наиб, которого Шамиль числил среди своих главных сподвижников, но позже заподозрил в сношениях с царскими властями, сместил, поселил под надзором в Ведено, а затем простил «за ученость, возраст и заслуги». После этого Кебед-Магома был назначен мухтасибом на строительстве новой крепости, но когда началось отступление Шамиля к Гунибу, он вернулся к себе в Телетль, где предательски выдал генералу Лазареву тестя Шамиля шейха Джамалуддина Казикумухского. Возможно, тут сказалась и старая обида, так как Шамиль обещал в жены двум сыновьям наиба своих дочерей Нафисат и Патимат, но потом передумал и выдал их за сыновей шейха Абдурахмана и Абдурахима.

С помощью подкупа Лазарев получил в свои руки еще несколько наибов с их наибствами.

Видя, что купить наиба стоит куда дешевле, чем его победить, барон Врангель тоже оседлал «золотых ослов».

Их примеру следовал и Меликов, ласково принимая и щедро одаривая представителей лежавших на его пути аулов.

Алчность и предательство сделались главными врагами Шамиля. Теперь он видел, как ошибался, когда не верил доходившим до него слухам

о том, что некоторые наибы злоупотребляют властью и стали хуже ханов. Притесняя и грабя свой народ, они обращали гнев его против самого Шамиля. Многих имам сместил, отправил в ссылку и даже казнил. Но усмотреть за всеми не удавалось. Порой храбрейшие воины лишались разума в погоне за богатством. Некоторые даже убивали невиновных, якобы не отдающих положенную часть трофеев в государственную казну, и завладевали их имуществом. Поэтому многие общества переходили под власть царя, лишь бы избавиться от своих ненавистных наивов. Спешили выслужиться и сами изменники-наибы, успевшие нажить в народе немало врагов и надеявшиеся найти у Барятинского защиту.

Книга сподвижника имама Гаджи-Али «Сказание очевидца о Шамиле» заканчивается горестными словами: «Власть Шамиля была уничтожена коварством и изменой наивов и его приближенных, русским войском и золотом».

Следом за «золотыми ослами» шли неисчислимы хорошо вооруженные войска, сметавшие все, что не удавалось взять подкупом. И многие сочли, что настала пора «замиряться», потому что новой войны горцам уже не выдержать. Слишком силен был Барятинский, имевший штыков больше, чем было мужчин в горах. Склонявшиеся к его ногам отступники уже сами готовы были преследовать имама.

«Шамиль ездит с палачом, а я с казначеем», — поговаривал Барятинский, устилая свой путь золотом.

Личный обоз его был внушительнее армейского. Золото и серебро, ордена и прочие награды, дорогие украшения и всевозможные подарки, шубы и меха раздавались Барятинским всем значительным людям. А для остальных устраивались грандиозные пиры, какие не снились даже бывшим ханам.

Очевидец свидетельствовал: «Народ толпами с покорностью спешил со всех сторон. Главнокомандующий ласково принимал покоренных и делал щедрые подарки. Все прельстились его щедростью, какой они у Шамиля не видели, и спешили прийти с покорностью, чтобы получить подарок. Они забыли Шамиля и данную ему присягу, прельстясь золотом и серебром, а еще больше обещаниями оградить их от насилий и притеснений».

Одна за другой сдавались главные крепости Шамиля, один за другим изменяли наибы.

Когда имама предал бывший царский генерал Даниял-бек Элисуйский, это уже никого не удивило. Он без боя сдал стратегически важное укрепление Ириб с хранившимся там арсеналом. За это Даниял-беку

вернули генеральское звание, пенсию и право управлять своим бывшим владением. Его не остановило даже то, что дочь его Каримат оставалась в семье Шамиля.

Покинутый почти всеми, Шамиль уходил все дальше, пока не взошел на огромную гору Гуниб, считавшуюся еще более неприступной, чем Ахульго.

Но его имущество, библиотека, казна, запас оружия и продовольствия оказались в руках мародеров, разграбивших обоз имама, который отстал на пути к Гунибу. Заведовавший обозом Хаджияв едва спас свою жизнь. Позже житель Караха, тоже Хаджияв, вернул 500 золотых монет, которые благоразумно оставил у него на сохранение казначей имама. А тогда у Шамиля не осталось ничего, кроме коня и личного оружия.

Увидев, что с ним остались только самые верные наибы да небольшой отряд из мюридов и перебежчиков, имам впал в тягостное раздумье. После общей молитвы он процитировал сподвижникам арабского поэта:

У меня были братья, которых я считал панцирями.
Но вот они стали моими врагами.
Я считал их меткими стрелами.
Да! Они были таковыми,
Но теперь вонзились в мое сердце.

ГУНИБ — ВЫСОКАЯ ГОРА

Гуниб возвышается над окрестными горами, как папаха над буркой. На плоской вершине его, посреди большой ложбины, располагался аул Гуниб. Сюда Шамиль загодя послал своего сына Магомед-Шапи для постройки крепости. Отвесные края горы были также укреплены, дороги испорчены или преграждены завалами, повсюду высились башни и пирамиды камней, готовые обрушиться на штурмовые отряды.

Вместе с жителями аула на Гунибе было около 400 защитников с четырьмя пушками. Но Шамиль, считая свою природную крепость совершенно неприступной, надеялся продержаться здесь до зимы, пока войска наместника не вернутся на зимние квартиры или не произойдет еще что-нибудь, что поможет Шамилю выстоять.

9 августа последнее убежище Шамиля было блокировано войсками барона Врангеля.

Когда прибыл сам Барятинский, немногочисленный гарнизон Гуниба был окружен уже 14 батальонами. На подходе было еще большее количество войск со множеством орудий. Колоссальный перевес не оставлял имаму никаких шансов.

Незадолго до прибытия к Гунибу Барятинский, через симферопольскую телеграфную станцию, получил телеграмму из Петербурга. Ставший к тому времени военным министром Сухозанет и канцлер Горчаков сообщали, что агент Шамиля явился в русское посольство в Стамбуле с предложением имама о мирных переговорах. Сам государь нашел это возможным и считал, что «примирение с Шамилем было бы самым блестящим завершением оказанных уже князем Барятинским великих заслуг». Барятинскому предлагалось заключить мир с Шамилем, ибо мирное покорение Кавказа могло придать России особый вес в международной политике.

Барятинский готов был на большие уступки, лишь бы поскорее закончить дело, но мир с Шамилем представлялся ему собственным поражением. Наместник мечтал о другом — повергнуть Шамиля до 26 августа, чтобы преподнести драгоценный подарок ко дню коронации Александра II, а 30 августа, в день тезоименитства императора, въехать триумфатором в Тифлис.

18 августа Барятинский послал к Шамилю несколько его бывших сподвижников с предложением сложить оружие. Один из посланцев

Барятинского, Хаджияв, остался защищать своего имама, а остальные вернулись с решительным ответом Шамиля: «Гуниб — высокая гора, я стою на ней. Надо мною, еще выше, Бог. Русские стоят внизу. Пусть штурмуют».

К штурму почти все было готово. Милютин закончил подробную рекогносцировку, а генерал Кесслер с размахом проводил осадные работы. На соседних высотах стояли пушки всех калибров. Охотники высматривали возможные пути подъема на гору и запасались лестницами, веревками да крючьями. А отступники спешили обогатиться, указывая слабые места обороны Гуниба. Один из них оказался столь алчным, что пообещал показать тайную тропу на Гуниб, если его сапог наполнят золотом. Когда оказалось, что под слоем золота в сапоге лежали камни, ему ответили, что такова уж цена предательства.

Штурм мог обернуться непредсказуемыми последствиями и затянуть дело на неопределенное время, а Барятинский торопился. Тогда он решил предложить имаму сдаться на самых почетных условиях, поручив это дело полковнику Ивану Лазареву.

Лазарев происходил из карабахских беков и хорошо знал Кавказ. Он понимал, как важны эти переговоры и сколь знаменательно событие, участником которого он стал. Полковник употребил все свои дипломатические способности, чтобы добиться согласия Шамиля на условия Барятинского. «Мы собрались сюда для того, — говорил он, — чтобы оставить вражду и заключить мир; успокоить Шамиля, его семейство и приближенных, где захотят. А если Шамиль пожелает отправиться в Мекку, то он будет отпущен с подарками от императора».

Гази-Магомед отвечал ему, что имам не поверит Барятинскому, потому что много раз заключал с генералами мир, но не увидел ничего, кроме измены и обмана.

Лазарев призывал забыть старое и подумать о последствиях. Говорил, что Барятинский — не простой генерал, а наместник самого императора, и что слово его все равно что слово государя. Он предлагал положиться на обещания наместника и избавить Кавказ от нового кровопролития.

Когда парламентарии вернулись, Шамиль решил обсудить положение со своими сподвижниками.

Мнения разделились. Одни считали, что Барятинский хочет обманом выманить их из Гуниба. Другие полагали, что наместнику можно верить. Третьи прикидывали, сколько еще смогут продержаться, если уже столько дней они питаются лишь колосьями пшеницы да земляникой.

Наконец решили проверить правдивость намерений наместника и

отправили к нему хунзахского наиба Дибира и Юнуса Чиркеевского с условиями имама. Шамиль просил дать ему месяц на сборы в Мекку, а его сподвижникам, мюридам и беглым солдатам, которые пожелают остаться в Дагестане, разрешить свободно жить там, где они захотят.

Барятинский был бы готов предложить больше, да хотя бы почетное сопровождение до Мекки и дорогие подарки каждому мюриду. Но ждать месяц — этого он сделать не мог, как не мог отложить на месяц день тезоименитства государя.

Досадуя на упорство Шамиля, Барятинский направил ему ультиматум. Он требовал немедленной сдачи, пока еще есть возможность воспользоваться великодушием императора. В противном случае «все бедственные последствия... падут на его голову и лишат его навсегда объявленных ему милостей».

Ультиматум был прочитан в Гунибе перед всем народом. «Я хотел заключить для вас мир, — сказал Шамиль. — Но вы видите, чего они хотят на самом деле. Не устрашайтесь их воинством. Нас и прежде так испытывали, но затем бежали, как Воронцов, потеряв все, что имели».

Вместо покаянной просьбы о милосердии Барятинский получил жесткий ответ Шамиля: «Сабля наточена и рука готова!»

ШТУРМ ТВЕРДЫНИ

22 августа прибыл курьер, доставивший рескрипт императора о награждениях. Кроме высоких орденов участники осады получили и новые звания, а Евдокимов и Милютин были произведены в генерал-адъютанты. Для Евдокимова, сына простого крестьянина, это явилось особой милостью, чему очень способствовал сам наместник, считавший Евдокимова своей главной военной опорой. Поздравив награжденных и прицепив Милютину золотой аксельбант со своего плеча, Барятинский выступил с воодушевляющей речью, из которой следовало, что во славу императора Кавказ уже покорен и осталось только достать из Гуниба Шамиля.

Считая, что это лишь вопрос времени, Барятинский отправил царю торжественную телеграмму: «Имею счастье поздравить Ваше Императорское Величество с августейшим тезоименитством. От моря Каспийского до Военно-Грузинской дороги Кавказ покорен державе Вашей. Сорок восемь пушек, все крепости и укрепления неприятельские в руках наших. Я лично был в Карате, Тлохе, Игали, Ахульго, Гимрах, Унцукуле, Цатаныхе, Хунзахе, Тилитле, Ругудже и Чохе. Теперь осаждаю Гуниб, где заперся Шамиль с 400 мюридами».

Двести лет назад предок наместника московский князь Юрий Барятинский наголову разбил Стеньку Разина, и теперь Александр Барятинский желал упрочить славу своего рода пленением Шамиля.

24 августа с разных сторон на Гуниб двинулись три мощные колонны.

Первые две, под бой барабанов и крики «ура», шли с юга и востока, круша завалы и с боем занимая каждый уступ горы.

Третья взбиралась по отвесной северной стене с помощью крючьев и веревочных лестниц. Здесь их ждали меньше всего. Подсаживая друг друга и цепляясь за каждую расселину, охотники сумели взобраться под самый гребень горы. И пока мюриды отбивали открытые атаки, охотники влезли на гору, спустили веревки и помогли взобраться еще несколькими ротам Апшеронского полка. Заметив неприятеля, мюриды бросились врукопашную, но было уже поздно. Среди убитых оказались и три женщины, погибшие с кинжалами в руках.

Тем временем батальоны Дагестанского полка поднялись на Гуниб и с запада.

Захват Гуниба свершился столь внезапно и такими большими силами,

что помышлять о серьезном сопротивлении уже не приходилось.

УЛЬТИМАТУМ

На рассвете 25 августа Барятинский по привычке навел свою зрительную трубу на вершину Гуниба и с изумлением обнаружил там своих солдат.

Вскоре он получил сообщение, что все колонны уже на Гунибе и что ими осажден аул, в котором укрылись оставшиеся в живых мюриды. Немешкая, Барятинский отправился к месту событий.

Прибыв на Гунибское плато, наместник ужаснулся следам штурма. Позже, в отношении военному министру Н. Сухозанету, он писал о событиях на Гунибе:

«...Между тем партия мюридов, человек до 100 из числа бежавших врассыпную от укреплений, отрезанная от аула, собралась на лесистом холме влево от ведущей к аулу дороги и там, засевши за камнями, открыла частую пальбу по поднимавшимся снизу ротам Ширванского полка. Одна, а вслед за ней другая рота этого полка были направлены, чтобы выбить мюридов из-за камней.

Горцы, не видя никакого спасения, выхватили шашки и кинжалы и бросились навстречу ширванцам; тут завязалась хотя непродолжительная, но жаркая и кровавая рукопашная схватка; сброшенные с холма мюриды кинулись на стоявший внизу у неприятельского орудия караул наш, но преследуемые с тыла, были отброшены вниз к небольшому ручью, где окружены со всех сторон и истреблены все без исключения».

Мимо несли раненых, и Барятинский жаловал их георгиевскими крестами. А юнкера Апшеронского полка Кушнарера, который первым взобрался на Гуниб, главнокомандующий не только наградил, но и произвел в капитаны.

В версте от аула Гуниб, у чудесной березовой рощи, Барятинский сошел с коня и сел на большой пологий камень. Во время трудного подъема напомнила о себе подагра, которой наместник страдал уже несколько лет.

Вокруг аула уже стояли полки, готовые сровнять его с землей. Но Барятинский велел подождать со штурмом и послать к Шамилю парламентаря с требованием о сдаче. Он еще не оставлял надежды пленить грозного имама и представить его царю, как обещал это, отправляясь на Кавказ.

Хлопотал о новых переговорах и Даниял-бек, опасавшийся за судьбу своей дочери Каримат.

Лазарев явился в аул и обратился к Шамилю с речью: «Шамиль! Всему миру известно о твоих подвигах, и слава их не померкнет. Если ты, покорясь силе судьбы, выйдешь сегодня к главнокомандующему и передашься великодушию государя императора, то спасешь от гибели тысячу человек, оставшихся в живых и тебе преданных. Заверши свои славные подвиги поступком благоразумия и великодушия, а сардар... будет ходатайствовать перед государем об обеспечении будущности твоей и твоего семейства».

Затем Лазарев передал Шамилю письменный ультиматум Барятинского и вернулся назад.

На Гунибском плато наступило затишье.

Несколько десятков уцелевших мюридов стояли за завалами, готовясь дорого отдать свои жизни.

Шамиль, его семья и ближайшие сподвижники собрались в гунибской мечети, чтобы обсудить последний ультиматум Барятинского. Наместник требовал безоговорочной сдачи, упрекая Шамиля за то, что тот не принял прежние, более выгодные условия.

Одни призывали драться до конца, другие просили Шамиля выйти к Барятинскому, чтобы спасти хотя бы женщин и детей. Но женщины стыдили дрогнувших наибов и только просили дать им оружие.

Шамиль погружился в тяжелые раздумья. Он уже давно начал понимать, что Кавказ не добьется свободы, пока не станет свободной сама Россия. Что война эта лишь продлевает обоюдную несвободу, перемалывая в своем огненном чреве лучших сынов России и Кавказа. И если теперь примириться, огромная армия вернется назад и взорвет изнутри крепостную державу. И лишь когда бывшие рабы станут полноправными гражданами, в государстве воцарятся свобода, справедливость и любовь к ближнему, как того требуют вера христианская и вера мусульманская.

При Шамиле Кавказ стал другим. Ни пушки, ни штыки, ни огонь уже не в силах были повернуть его историю вспять. Из разрозненных камней имам сложил единое здание Имамата, в котором обитал теперь единый по духу народ.

Джамалуддин был отдан царю как аманат — заложник Шамиля. Теперь наступил черед отца стать аманатом своего народа.

Часть пятая
ЗАЛОЖНИК КАВКАЗА

ПОЧЕТНЫЙ ПЛЕННИК

Солнце клонилось к закату и уже коснулось горных вершин, когда из аула появился небольшой отряд мюридов. Впереди на белом коне ехал Шамиль, которого узнали все, хотя мало кто видел его прежде.

Войска замерли, а затем разразились громогласным «ура!». Со стороны могло показаться, что Шамиль принимает парад царских войск. Но на самом деле это царские войска принимали Шамиля.

Вышедшие навстречу имаму генералы встретили его с почестями. Никто не требовал от Шамиля сдачи оружия и ничем не умалял его достоинства. Его лишь спросили: зачем он так крепко держится за свой кинжал? «Чтобы ненароком не пустить его в ход», — отвечал Шамиль.

Барятинский все еще сидел на камне в березовой роще, когда перед ним предстал Шамиль.

Их окружили генералы, свита наместника, конвойные казаки. Все желали стать свидетелями исторического события. С Шамилем было лишь несколько мюридов, остальные ждали поодаль, готовые броситься на всякого, кто посмел бы оскорбить имама.

Шамиль сохранял спокойствие и гордо смотрел на своего победителя. Он решил биться до последнего или убить себя, если бы кто-нибудь посмел его оскорбить. Стоявший рядом Юнус удрученно глядел в землю и нервно засучивал рукава, будто готовясь к драке.

Барятинский почтительно приветствовал Шамиля и объявил, что теперь решение его участи будет всецело зависеть от государя императора. Шамиль отвечал, что уповает лишь на волю Божью и что единственное желание его — закончить жизнь свою в мире и молитве в святых местах.

Наместник был раздосадован тем, что Шамиль не вышел раньше, когда еще можно было успеть к именинам царя. Теперь же все его выгодные предложения отменялись, и Шамилю гарантировалась лишь неприкосновенность его особы и семьи. Но Шамиль все же настоял на гарантиях безопасности и для всех своих сподвижников. Желая поскорее закончить дело, Барятинский согласился.

Лазарев выдал мюридам удостоверения, позволявшие им свободно поселяться в любых аулах.

БАРЯТИНСКИЙ ТОРЖЕСТВУЕТ

26 августа 1859 года исполнилось ровно три года, как князь Барятинский был назначен наместником и главнокомандующим на Кавказе. Добившись того, чего не сумели сделать все его предшественники почти за полвека, Барятинский мог позволить себе быть милосердным.

Позаботился Барятинский и о том, чтобы запечатлеть выдающееся историческое событие в живописи. Для этого в свите наместника был привезен из Тифлиса немецкий художник Теодор Горшельт. Впрочем, из родного Мюнхена на Кавказ 30-летний художник явился по собственному желанию, влекомый романтическими преданиями о кавказских героях. Множество его работ посвящено было Кавказу, он изображал природу, типы горцев и солдат, батальные сцены, написал «Штурм аула Ведено», но заветная мечта исполнилась только теперь. Барятинский заказал ему огромное полотно «Пленение Шамиля». Горшельт сделал необходимые наброски, и через несколько лет картина была закончена. Это замечательное произведение, психологически достоверно и уважительно представлявшее участников события, вызвало небывалый интерес в Европе. Среди полусотни изображенных на полотне фигур художник поместил и себя, причем Горшельт — единственный, кто смотрит в другую сторону, будто не хочет видеть происходящего. Особое отношение к событию проявилось и в образе адъютанта графа Д. Милютина князя Н. Гагарина, снявшего от волнения фуражку. Полотно это выставлялось в разных странах, а затем стало украшением богатой кавказской коллекции Барятинского в его усадьбе в Марьине.

После переговоров с Шамилем Барятинский отбыл в главный лагерь на Кегерских высотах. По пути наместник осыпал золотом войска, проходившие перед ним церемониальным маршем. Для этого он употребил все 10 тысяч рублей, которые были обещаны тому, кто возьмет Шамиля.

Не чуждый артистизма, Барятинский представил, какой вид могут принять в будущем эти события. «Я вообразил себе, — делился он с Милютиным, — как со временем, лет чрез 50, чрез 100, будет представляться, что произошло сегодня; какой это богатый сюжет для исторического романа, для драмы, даже для оперы! Нас всех выведут на сцену, в блестящих костюмах; я буду, конечно, главным героем пьесы, — первый тенор, в латах, в золотой каске с красным плюмажем; вы будете моим наперсником, вторым тенором; Шамиль — *basso profundo*; позади его

неотлучно три верных мюрида — баритоны, а Юнус... это будет buffo cantante... и так далее».

Прибыв в Ставку, Барятинский долго сидел на краю скалы, обозревая открывавшуюся отсюда панораму. Наместник теперь думал о будущем Кавказа. Он хотел устроить новое правление так, чтобы оно не противоречило традициям горцев и избавило бы в будущем от повторения столь трагических событий, как эта война.

В тот же день, 26 августа, Барятинский издал приказ: «Шамиль взят — поздравляю Кавказскую армию!»

В честь этого события было отчеканено около 150 тысяч серебряных медалей с надписью «За покорение Чечни и Дагестана в 1857, 1858 и 1859».

ПРОЩАНИЕ С КАВКАЗОМ

Пленного Шамиля принимали с подчеркнутым уважением. У аль-Карахи говорится: «Когда по заключении мира Шамиль со своей семьей отправился с Гуниба на гору Кахаль, то его с семьей расположили рядом с генералом в великолепной палатке. В этой палатке было столько различных ковров и другой хорошей, драгоценной и красивой мебели, что даже нельзя выразить словами. Нам тотчас представили повара-мусульманина, дабы мы были избавлены от их пищи. Нам доставили прекрасную пищу и различные вкусные фрукты на золотых и серебряных блюдах».

На следующий день привезли семью Шамиля. Затем явились ординарцы Барятинского, подали женам и дочерям имама драгоценные украшения, а Шамилю, как личный подарок наместника, его собственную шубу. Шуба эта, как писал зять Шамиля Абдурахман, была из меха американского медведя и подарена Барятинскому самим императором.

Шамилю объявили, что он должен будет отправиться в Петербург, чтобы представиться Александру II. Сопровождать имама был назначен адъютант наместника полковник Тромповский с особым конвоем. А в Темир-Хан-Шуре Шамиля ожидала удобная дорожная карета Барятинского, в которой можно было даже спать.

27 августа Шамиля, его семейство и домочадцев отправили в Темир-Хан-Шуру в сопровождении двух эскадронов драгун, двух сотен Дагестанского конного полка и батальона пехоты.

В тот же день в Петербург была послана телеграмма: «Гуниб взят, Шамиль в плену и отправлен в Петербург».

Проститься с имамом выходили целые общества, устилая дорогу коврами. Люди плакали, целовали края его одежды и молили Аллаха сохранить ему жизнь. Были и такие, кто от отчаяния бросался с круч вместе со своими конями.

Отступники возгордились, а простой народ был растерян и думал, что наступает конец света. В назидание одним и в утешение другим ученые говорили:

Не высовывайся! Это дело не для тебя.
Тайны движения небесного свода непостижимы.
Не расспрашивай Аллаха о Его деяниях,
Ибо тот, кто лезет в морскую бездну, погибнет.

В Темир-Хан-Шуру Шамиль и его спутники прибыли 29 августа. Крепость встретила их салютом из пушек и балом в офицерском собрании. В пути имам занемог и несколько дней провел в крепости. Визиты офицеров и жителей Темир-Хан-Шуры совершенно измучили Шамиля. 3 сентября он покинул крепость, оставив там свое семейство. Женщин опекали жены местных начальников. Им беспрерывно делали подарки и шили новые наряды, развлекали и успокаивали насчет их будущности.

В Россию с имамом отправились сын Гази-Магомед и три преданнейших мюрида. Казначей Хаджияв принял на себя еще и обязанности денщика; благочестивый Тауш заведовал духовным «протоколом» и заботился о том, чтобы пища соответствовала требованиям ислама; Абдула-Магомед заменял имамских телохранителей.

Сопровождал Шамиля и переводчик Исаак Грамов, в надежности которого имам убедился, когда обменивал княгинь на своего сына.

По пути Шамиля приветствовали делегации от дагестанских городов, а в Чир-Юрте его даже уговорили сфотографироваться. Дагеротипный портрет Шамиля, сделанный фотографом-энтузиастом командиром драгунского полка графом И. Ностицем, стал первым реальным изображением знаменитого имама.

5 сентября Шамиль прибыл в Моздок. Здесь его встретил Минай Атаров, побывавший у имама в Ведено. Шамиль остановился в родном доме своей жены Шуайнат. Отец ее к тому времени скончался, и гостя принимал сын. Дети его развлекали гостя танцами, среди которых был и ставший популярным на всем Кавказе «танец Шамиля». Танец этот начинался смиренной молитвой, а затем обращался в огненную лезгинку.

7 сентября почетного пленника уже принимал Ставрополь. В роще, у въезда в губернскую столицу, офицерство устроило обед в честь Шамиля. Пленнику отвели квартиру в центре города. Вокруг была выставлена усиленная охрана, защищавшая пленника от любопытствующих, а визитеры допускались лишь по особому разрешению. Город был встревожен слухами, будто 15 тысяч горцев вот-вот нападут на Ставрополь, чтобы отбить Шамиля. В это мало кто верил, но старые казаки, всякое повидавшие на своем веку, задумчиво покручивали усы.

Своими размерами и красотой зданий Ставрополь удивил Шамиля, никогда не видевшего настоящих русских городов. А театральное представление, данное в честь необыкновенного гостя, фейерверк и вечерний бал привели его в задумчивость относительно того, что ждало его

в столицах, если такое происходило на окраинах.

ВСТРЕЧА С ИМПЕРАТОРОМ

Следующую неделю имам провел в пути. Порой его охватывали сомнения: не в Сибирь ли везут? Тогда он доставал подаренный бароном Врангелем компас, чтобы убедиться, что дорога ведет на север, а не на восток.

13 сентября Шамиль прибыл в Харьков. Великолепный город встретил имама салютами, воздушными шарами и бойкими газетами, которые печатали всевозможные курьезы Кавказской войны. Бал в губернском дворянском собрании, спектакли, цирковые представления и прочие пышные увеселения все более убеждали Шамиля, что участь его окажется не столь мрачной, как он предполагал.

В конце концов все слилось в нескончаемое феерическое действо, апофеозом которого стало блистательное явление императора Александра II в ореоле величия и милосердия.

Встреча имама и царя произошла 15 сентября в городке Чугуеве, недалеко от Харькова. Александр обнял Шамиля, подарил ему золотую саблю и сказал: «Я очень рад, что ты наконец в России. Жалею, что это случилось не ранее. Ты раскаиваться не будешь. Я тебя устрою, и мы будем друзьями».

Чугуев был знаменит царскими виноградными садами, богатыми охотничьими угодьями и делавшимися здесь колесными экипажами. Но особенно прославился Чугуев восстанием военных поселенцев в 1819 году. После наполеоновских походов армия была сокращена, а отставленные в запас солдаты поселены на государственную землю. Но постоянные учения и зверская муштра им скоро надоели, Чугуевские поселенцы изгнали начальство и захватили землю в собственность. Первое время вооруженных крестьян не трогали, но затем восстание было сурово подавлено самим Аракчеевым — «крестным отцом» военных поселений. Отголоски тех событий слышны в «Тарасе Бульбе» Н. Гоголя и некоторых произведениях художника И. Репина, выросшего в Чугуеве в семье военного поселенца.

Теперь здесь располагались военные лагеря Чугуевского полка, квартировавшего в «образцовом» поселении, построенном по проекту архитектора В. Стасова. Чугуев стал местом грандиозных военных учений, которые царь и посетил в ходе инспекционной поездки на Украину.

В честь императора и Шамиля состоялся военный парад, после которого начались конные состязания. Гази-Магомед не удержался и тоже

показал, на что способны горские джигиты.

19 сентября Шамиль был уже в Курске. Здесь кроме встреч по установившемуся протоколу он посетил Итальянскую оперу. Гази-Магомед был растроган воплями несчастной Элеоноры и отказывался верить, что все это лишь игра и лицедейство.

В Туле Шамилю показали оружейный завод. Количество производимого оружия и особенно действие паровых машин произвели на имама сильное впечатление. Здесь ему подарили отличное ружье и огромный самовар с именной надписью.

В МОСКВЕ

22 сентября 1859 года Шамиль прибыл в Москву. Великолепие города, красота Кремля, размах мостов казались гостям чем-то нереальным. Но более всего поразило Шамиля то, что в Москве, в Татарской слободе, уже много лет существовала мечеть. Мусульмане тепло встретили имама и совершили с ним торжественную молитву. Теперь мечеть украшает памятная табличка в честь того исторического события.

На следующий день Шамиль посетил А. Ермолова, которому было уже 82 года. Это была знаменательная встреча людей, изменивших историю Кавказа. Шамиль старался держать себя дипломатично, но в конце разговора не смог удержать нахлынувших чувств. Он упрекнул бывшего проконсула Кавказа в том, что тот поссорил народы, которые могли быть добрыми друзьями и надежными союзниками.

Затем Шамиль побывал в Кремле, посетил Оружейную палату и осмотрел другие достопримечательности. Царь-пушка ему особенно понравилась тем, что никогда не стреляла.

Вечером гостей пригласили посмотреть балет «Наяда и рыбак», поставленный модным французским балетмейстером Ж. Ж. Перро. Представление вызвало у Шамиля искреннее негодование. Он уже привык ко многому, но костюмы балетных артистов и вообще наряды светских дам по-прежнему казались ему происками нечистой силы. Его больше впечатлила огромная люстра, то вспыхивавшая, как солнце, то медленно гаснувшая, как день к вечеру. Гази-Магомед не отрывался от своего бинокля все представление, а после, проезжая через Москву-реку, спрашивал, не та ли это река, в которой исчезла обворожительная нимфа Наяда.

СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА

В Петербург они ехали уже по железной дороге, в специально подготовленном вагоне. Это чудо техники так занимало пленников, что они не сомкнули глаз, пока 26 сентября не прибыли в Северную столицу.

На вокзале именитых пленников встретил почетный караул с военным оркестром.

Н. Чернышевский писал, что к приезду Шамиля «была приготовлена великолепная иллюминация, какой еще никогда не было в Петербурге. Даже та, которую устраивали во время коронации, далеко не так была блистательна, как нынешняя».

Великолепие российской столицы, роскошные приемы во дворцах и добросердечие публики не переставали изумлять гостей.

Газеты уже несколько дней сообщали об ожидаемом прибытии «Наполеона Кавказа» и о том, что «грозный имам обласкан императором, назван другом и щедро одарен». Большею частью в газетах вспоминали события войны и призывали покорить кавказского героя любовью и гостеприимством. Но были и такие, кто радовался, что наконец-то «кавказский лев посажен на цепь», величал Шамиля «варваром» и призывал к суровой расправе над «горским разбойником».

В городе только и говорили о Шамиле, его деяниях и будущем Кавказа. Для одних пленение имама было замечательным историческим событием, для других — печальным фактом, знаменующим подавление последнего очага свободы на необъятных просторах империи. Н. Лесков, узнав о пленении имама, примчался в писательский салон с отчаянным возгласом: «Господа! Да как же Россия без Шамиля?!»

ОПЕКУН БОГУСЛАВСКИЙ И ПРИСТАВ РУНОВСКИЙ

С первого и до последнего дня пребывания в России за Шамилем был установлен тайный надзор. Жандармские начальники исправно получали донесения, в которых подробно сообщалось, что, где и когда делал Шамиль. Но официально опекал и всюду сопровождал Шамиля полковник Дмитрий Николаевич Богуславский. Судя по его послужному списку, он имел отношение к тайной военной агентуре, хорошо знал Восток и владел многими языками.

Богуславский родился в 1826 году, происходил из дворян Нижегородской губернии и воспитывался в артиллерийском училище. В 1849 году участвовал в подавлении Венгерского восстания, позже — в обороне Севастополя и осаде крепости Силистрия на Дунае. В 1855 году он уже состоял для особых поручений при Главном штабе Южной армии, а затем служил старшим адъютантом при дежурном генерале Главного штаба наместника Кавказа. Здесь Богуславский сделал удивительную карьеру. За успешное выполнение особых поручений в 1859 году он был произведен из капитанов сразу в полковники, успел закончить факультет восточных языков Петербургского университета и в 1861 году был причислен к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел. В число особых поручений Богуславского входило и пребывание при Шамиле.

Богуславский устроил гостей в гостинице «Знаменская», которую тут же осадило множество любопытствующих.

В гостиницу, для представления Шамилю, был приглашен штабс-капитан Аполлон Руновский, назначенный приставом при Шамиле. Руновский еле пробился через толпу, которая не только заполнила окрестности гостиницы, но и захватила ее изнутри.

«Афлон... Афилон», — повторял Шамиль незнакомое имя, вглядываясь в Руновского. На Кавказе он привык, что среди русских очень много Иванов, в Петербурге Шамиля удивило количество представленных ему Николаев, а с Аполлоном он встретился впервые. Но горская папаха Руновского, долгая служба на Кавказе и то, что семья его оставалась пока еще там, как и семья имама, привели к тому, что Шамиль объявил его «земляком» и заверил всех, что Руновский будет для них хорошим человеком.

Аполлон Иванович Руновский родился в 1823 году и происходил из

дворян Воронежской губернии. В 12 лет поступил в кадетский корпус, но семилетнего курса не закончил и в 17 лет поступил юнкером в Куринский полк на Кавказе. Он сразу оказался в гуще событий, участвовал в экспедициях Граббе и Пассека, а 19 октября 1841 года был ранен в ногу пулей, которая там и осталась.

В марте 1846 года Руновский получил первый офицерский чин прапорщика. В том же году его перевели в знаменитый Тенгинский полк, а в следующем он стал плац-адъютантом крепости Георгиевская. В 1850 году он получил звание подпоручика и должность дивизионного гевальдигера (начальника военной полиции) штаба 19-й пехотной дивизии. Затем Руновский воевал против Магомед-Амина на Западном Кавказе и «за отличие в делах против горцев» был произведен в поручики. В 1854 году Руновский стал смотрителем Грозненского военного госпиталя и был произведен в штабс-капитаны. Но здесь с Руновским приключилась неприятность. Один из его подопечных, оправлявшийся от контузии унтер-офицер, оказался завзятым бузотером. Руновский попробовал его усмирить, пригрозив поставить георгиевского кавалера в караул со шваброй вместо винтовки. Унтер полез в драку. Руновский утихомирил его кулаками и угодил «за рукоприкладство и избиение нижнего чина» под трибунал. Он отделался тремя сутками гауптвахты, да и те ему не пришлось отсиживать, так как он попал под амнистию.

Но скандал все же вынудил его подать в отставку. 1 июня 1857 года Руновский был уволен со службы. В своих мемуарах он об этом инциденте умалчивал, называя причиной своего увольнения «употребление нижних чинов в прислугу для себя и госпитальных чиновников».

Прежние заслуги помогли ему скоро вернуться в строй. Он заведовал Владикавказским и Хасав-Юртовским военными госпиталями. Здесь у него случились новые знакомства, после которых жизнь его круто перевернулась, а в послужном списке появились странные пробелы и недосказанности. Руновский надолго исчез, а в 1859 году, неожиданно для всех, явился в должности пристава при военнопленном Шамиле.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВСТРЕЧИ

Горожане устроили вокруг гостиницы нечто вроде праздничного гулянья и каждое появление Шамиля встречали громкими криками «идет!» или «едет!».

Газетчики расписывали каждый его шаг и передавали сказанные им слова. Более всего публику занимал вопрос о том, как Шамилю удавалось четверть века бороться с войсками такой могущественной империи. Шамиль отвечал полушутливо: «Я всегда спал на пуховой постели, ел только мед и каждый месяц у меня была новая невеста». Газетчики не верили, что подобная роскошь возможна среди войны, и тогда Шамиль объяснял: «Я всегда ложился спать смертельно усталый, а потому земля и камни, служившие мне постелью, казались пухом. Я ел, лишь сильно проголодавшись, и любая еда казалась мне медом. Я видел своих жен так редко, что они казались мне невестами».

Множество посетителей настаивали на личной встрече с Шамилем. Богуславский отвечал, что без особого разрешения это невозможно, но поток ищущих аудиенции не иссякал. Генералы хотели увидеть имама, с которым долго воевали на Кавказе, но ни разу не встретились, беллетристы собирались писать о нем романы, а один художник даже принес картину, изображавшую, как он полагал, смерть имама Гази-Магомеда под Гимрами. Шамиль принял художника, внимательно рассмотрел портрет и вернул его со словами: «Нет, это не Гази-Магомед». Художник огорчился, но продолжал настаивать, что, по мнению кавказских ветеранов, это есть именно первый имам.

Богуславский хорошо знал арабский язык и исламскую культуру. Подружившись с Шамилем, он часто беседовал с ним о тонкостях шариата и особенностях толкования Корана. Это не входило в его обязанности, но было научным увлечением. Богуславский мечтал перевести Коран на русский язык с арабского оригинала.

Много нового о России и местных порядках узнавал от Богуславского и Шамиль. Особенно заинтересовала имама фамилия его опекуна, происходившая от словосочетания «славящий Бога».

После визитов к городским властям Шамиль прогулялся по Невскому проспекту, где осмотрел памятники Петру I и Николаю I. Долго строившийся Исаакиевский собор был только что закончен А. Монферраном, украшен работами К. Брюллова, множеством скульптур и

гигантским маятником Фуко, доказывавшим суточное вращение Земли. Архитектурное чудо столь поразило Шамиля, что он чуть было не уронил папаху, когда разглядывал грандиозный купол собора на стометровой высоте. Его спросили: видел ли он что-либо выше и красивее этого? «Конечно, — ответил Шамиль, — звездное небо над родными горами».

На Невском проспекте располагались фотографические ателье Александровского и Деньера, куда Богуславский и пригласил Шамиля для снятия портретов. На этот раз Шамиль чувствовал себя более уверенно, чем в Чир-Юрте перед объективом Ностица, который сначала показался ему маленькой пушкой и вокруг которого к тому же маячили драгуны с обнаженными шашками. У Деньера сфотографировался и Гази-Магомед.

Присланные им позже фотографии в красивых рамках поразили всех сходством с оригиналами. «Вай, имам, имам!» — восторженно цокали языками мюриды, а Шамиль выразил желание послать один портрет своим женам, когда Гази-Магомед поедет за ними в Темир-Хан-Шуру.

Затем Шамиль осмотрел Кунсткамеру с ее диковинками. Черепа Хаджи-Мурада и наиба Идриса заблаговременно убрали из экспозиции, чтобы не вызывать тяжелых воспоминаний.

На следующий день Шамиля привезли в Царское Село. Он был представлен императрице Марии Александровне, которая сделала гостям дорогие подарки. Остановившись у мраморной статуи Христа, Шамиль долго смотрел на его страдальческое лицо, а затем сказал Богуславскому: «Он учил вас многому прекрасному». В богатом Царскосельском арсенале Шамиль с интересом рассматривал всевозможные воинские принадлежности и был очень удивлен, найдя там одно из своих знамен.

Здесь же имаму было объявлено, что местом его почетной ссылки назначен город Калуга, расположенный в 180 верстах от Москвы.

После аудиенции Шамиля повезли в Кронштадт. Здесь стояли плавучие батареи, являвшие собой начало броненосного флота России, которого так не хватало Николаю I в Крымской войне. На паровом фрегате «Штандарт» имаму особенно понравилась роскошная императорская каюта, хотя он не совсем понимал, как все это грандиозное сооружение могло предоставляться прихотям морской стихии.

Вернувшись в Петербург, Шамиль посетил Инженерный замок. Здесь его торжественно встретили воспитанники, а генерал-майор свиты Его Величества Кауфман демонстрировал Шамилю макеты крепостей, объяснял их устройство и способы обороны. Имам со знанием дела обсуждал модели и сетовал, что у него не было ни сил, ни средств на сооружение подобных твердынь, а иначе бы дело могло обернуться по-

другому.

В военно-топографическом депо Шамиль долго не отходил от рельефной карты Кавказа, указал местоположение родного аула Гимры, а Гуниб нашел слишком маленьким. Там же он впервые увидел глобус Земли, который явно противоречил карте мира, имевшейся в библиотеке имама.

В Петербурге Шамиль вновь посетил балет, куда был приглашен директором Императорских театров Сабуровым. Шамиль с провожатыми разместился в директорской ложе и разглядывал танцоров через театральный бинокль.

Давали балеты «Пери» композитора Поля Дюка и «Катарина», поставленные все тем же Перро. В «Пери» на сцене явился турецкий султан со всем своим гаремом. На экзотические танцы избранных прелестниц Шамиль смотрел со снисходительной улыбкой. Но когда сам султан принимался выражать свои восторги энергичными прыжками и великолепными сальто-мортале, Шамиль негодуя поднимал брови и растерянно косился на своих спутников. Но вскоре Шамиль отложил бинокль и только иронично улыбался, отнеся безумные пляски султана на счет невежества создателей балета, «кормивших публику грязью».

Балет «Катарина», в котором буйствовали амазонки, шалили разбойники и разрушались мосты, отчасти напоминал кавказские события и понравился Шамилю куда больше.

В поездках Шамиля сопровождал замечательный художник академик живописи Василий Тимм. Он бывал во время военных действий на Кавказе и в Крыму, где создал целую галерею типических образов, жанровых и батальных сцен. Его рисунки были популярны при императорском дворе и украшали альбомы членов правящей династии. Пребыванию Шамиля в Петербурге Тимм посвятил серию литографий, опубликованных затем в периодическом сборнике «Русский художественный листок», который сам же он и издавал.

Посетил Шамиль и учебные заведения, где воспитывался его сын Джамалуддин. Он присутствовал на занятиях, на уроках танцев и в гимнастическом зале, где воспитанники лазали по шведским лестницам и упражнялись в фехтовании.

Императорская публичная библиотека вызвала у Шамиля нескрываемый восторг. Тонкий ценитель книг долго осматривал богатейшее собрание, ходил из зала в зал и с трепетом брал в руки древние манускрипты, среди которых были Кораны и другие книги на арабском языке. Директор библиотеки подарил Шамилю роскошную рукопись Корана XVIII века, чем тронул Шамиля до глубины души. А

представленные имаму иностранные издания о нем самом вызвали у Шамиля улыбку помещенными в них портретами, на которых он изображался в самых фантастических образах.

В библиотеке осталось несколько автографов Шамиля, один из которых гласил: «Смиренный Шамиль вошел в эту палату 15-го дня месяца раби ал-ула 1276 года хиджры (1 октября 1859 года)». Здесь же сделал приписку и его сын: «И смиренный Гази-Мухаммед, сын его, был с ним в это время». В другом похожем автографе Шамиль оставил дату своего рождения: «... а родился он в 1212 году».

Особое место во время пребывания в Петербурге заняли встречи Шамиля со светилом востоковедения членом-корреспондентом Петербургской и многих иностранных академий наук Мирзой Мухаммедом Али (Александром Касимовичем) Казем-Бек.

Почитая в Шамиле создателя Имамата и большого ученого, Казем-Бек обсуждал с ним вопросы теологии, таинства тариката и особенности кавказского мюридизма. Казем-Бек подарил Шамилю несколько манускриптов и пенсне, которое пришлось Шамилю как нельзя кстати. Их долгие беседы легли в основу книги Казем-Бека «Мюридизм и Шамиль», вскоре опубликованной в журнале «Русское слово». Они остались друзьями, обменивались книгами и вели переписку. Но книгу Казем-Бека Шамиль счел не во всем удачной, хотя профессор и называл Шамиля «героем и создателем героев».

Благородный облик Шамиля, его светские манеры и мудрая рассудительность произвели на петербуржцев самое доброе впечатление. На их традиционный вопрос, что понравилось Шамилю в России больше всего, он отвечал: «Любовь и уважение, которые питают подданные к своему царю». А когда его спрашивали, отчего Шамиль не закончил войну раньше, он говорил: «Я был связан присягой своему народу. Но теперь совесть моя чиста, весь Кавказ, русские и все европейские народы отдадут мне справедливость в том, что я сдался только тогда, когда в горах народ питался травой».

В день отъезда Шамиля из Петербурга публика переместилась со Знаменской площади на вокзал. Экипажи загроудили все улицы, проехать было невозможно и даже пришлось задержать поезд.

Карету Шамиля сопровождали поднятые шляпы и воздушные поцелуи. «Прощайте, Шамиль! Оставайтесь с нами! Погостите еще у нас!...» — несло со всех сторон, пока экипаж Шамиля пробирался к вокзалу.

Шамилю и его сопровождению был предоставлен вагон первого класса, разделенный на две комнаты.

Но публика так плотно обступила вагон, надеясь еще раз увидеть Шамиля, что без риска кого-нибудь задавить трогаться было невозможно. Тогда Шамиль взял стул и сел у открытого окна, благодарно покачивая головой.

Когда поезд наконец тронулся, из публики послышались крики: «Прощайте, Шамиль! Будьте здоровы! Скажите ему, что мы очень любим его!»

Желая поблагодарить за гостеприимство и внимание к своей особе, Шамиль просил передать петербуржцам: «Скажите им, что внимание их... доставляет мне такое удовольствие, какого я не испытывал при получении известия о победе в Дарго в 45-м году и какого не доставляли мне успехи 43-го года в Дагестане».

КАВКАЗ ПЕРЕБИРАЕТСЯ В КАЛУГУ

10 октября 1859 года Шамиль прибыл в Калугу.

Он остановился в гостинице Кулона, которая тут же стала местом паломничества калужских обывателей. Ветераны, годами не казавшие носу из своих имений, и те явились в город, влекомые чрезвычайными известиями. Повидать Шамиля приходили и побывавшие у него в плену солдаты. Они кланялись имаму, а когда их спрашивали, отчего они это делают, отвечали: «Так ведь тем пленным и было хорошо, кто у Шамиля жил или где проезжал он. Забижать нас не приказывал, а чуть, бывало, дойдет до него жалоба, сейчас же отнимет пленного и возьмет к себе, да еще, как ни на есть, и накажет обидчика».

— Так он хорош был для вас, для пленных? — удивлялся Руновский.

— Хорош, ваше благородие, одно слово — душа! И даром, что во Христа не верует, однако стоящий человек.

Имам сделал визиты к военному начальству и гражданскому губернатору В. Арцимовичу. Они тепло приветствовали почетного пленника и обещали сделать его жизнь в Калуге достойной его славы и подвигов.

Затем Шамиль посетил преосвященного Григория, епископа Калужского и Боровского. В семинарии ему подарили Евангелие на арабском языке. Шамиль внимательно прочел его, сверяясь с собственными книгами. Затем сказал Руновскому: «Тут много хорошего написано, только многого вы не исполняете». На это Руновский ответил, что мусульмане тоже не все исполняют, что написано в Коране, иначе палачу Шамиля не пришлось бы отрубить столько голов. Но с тем, что Бог у всех один, согласились и Шамиль, и Руновский. Как и с тем, что один у людей и дьявол-искуситель.

Шамиль хотел даже посетить церковную службу, но необходимость снимать папаху при входе в храм сделалась для имама непреодолимым препятствием.

В тот же день Шамилю было выдано его годовое содержание — 10 тысяч рублей серебром, а затем ему показали дом, в котором ему предлагалось поселиться со своим семейством.

Шамилю понравился трехэтажный каменный особняк по Одигитриевской улице. Дом с отдельным флигелем, большим плодоносящим садом, красивым бассейном, теплой баней и

вместительными конюшнями был обнесен высоким забором. Но внутреннее устройство дома не отвечало образу жизни имама, и он пожелал его изменить.

Работы были поручены архитектору князю Вадбольскому. Князь отнесся к делу очень серьезно. Прежде чем приступить к работам, он деликатно выяснил потребности Шамиля, характер и предпочтения членов его семьи, а также особенности мусульманского быта.

Сам же дом, принадлежавший вдове майора Сухотина, был выкуплен казной и передан Шамилю.

Древняя Калуга с ее живописными окрестностями напомнила Шамилю Кавказ. Глядя на широкую Оку, за которой поднимались высокие холмы и наливались золотом бескрайние леса, Шамиль улыбался: «Чистая Чечня!»

Но горожане опасались, как бы их тихая Калуга и в самом деле не превратилась в беспокойный Кавказ.

Этому весьма способствовали бойкие газетчики, публикуя сенсационные статьи под заголовками вроде «Наполеон Кавказа взят!» или «Грозный имам в Калуге!». А проворный фотограф Гольдберг даже успел сделать портрет Шамиля и пустить его в продажу, поместив на обороте короткое, но впечатляющее жизнеописание имама.

Публика любопытствовала и беспокоилась. Мнения расходились. Одни уверяли, что Шамиль из простых крестьян, другие доказывали, что он давно уже генералиссимус. Не был ясен и статус Шамиля: если он военнопленный, то почему ему отвели один из лучших домов? И разве он разбойник, если государь его так одаривает? Дамы желали удостовериться, верно ли пишут, что «Шамиль — статный красавец, и из глаз его брызжет огонь, а из уст его сыплются розы?» Их также очень волновало семейное положение Шамиля. Им чудилось, что имам явится с большим гаремом и опасно повлияет на калужских мужчин. Ветераны успокаивали их тем, что «жен у Шамиля осталось две, прочие в боях пали». Но то, что вместо гарема в городе появятся воинственные амазонки, волновало дам еще больше.

«Мы, было, и вовсе Кавказ к рукам прибрали, а как поставили они над собой Шамиля, так он утесы свои от солдатского духа и очистил, — просвещали публику ветераны. — А не троньте, говорит, нас. А у нас по-своему. А кто сунется в горы — секир башка! Ну, мы его тогда в кольцо, крепостями обложили, да просеки через леса».

Все сходились на том, что Шамиль — новый Пугачев и как бы тут чего не вышло...

На объяснения местных вольнодумцев насчет того, что Шамиль, хоть и бунтарь, но на чужие земли, а тем более на царский трон не покушался, возражали помещики: «Разве не он ханские фамилии под корень извел, а мужика с дворянином вровень поставил? Податей не платят, рекрутов не дают, власти над собой никакой не ведают! Аккурат — Пугачев! Плаха по нему плачет!»

Вспомнили даже Лжедмитрия II — Тушинского вора, который пытался овладеть Москвой, а затем бежал в Калугу, где и был убит.

Пока публика горячо обсуждала свою будущность в соседстве с «буйными абреками», а купцы подумывали о возможных барышах ввиду ожидавшегося наплыва гостей, полицмейстер твердил одно: «Калуга пока еще русский город! Тут им не Кавказ. Тут сиди смирно!»

За свои пять веков Калуга повидала многое. Она стояла на подступах к Москве и оказывалась участницей многих войн. Особая роль выпала ей в войне с Наполеоном. Когда Кутузов оставил Москву, Калуга стала главной опорой его побед над французами.

Шамиль оказался не первым именитым пленником, жившим в Калуге. Еще при Екатерине здесь несколько лет пробыл епископ Краковский Солтык. После него в Калуге был поселен последний крымский хан Шан-Гирей. Потом хана отпустили в Молдавию, откуда он попал на остров Родос, где был задушен по приказу турецкого султана.

В Калуге был похоронен и султан Малой Киргизской орды Аригази Абдул-Азиз, живший здесь с 1824 по 1833 год на широкую ногу с родными и свитой и умерший от сильной простуды, когда выпил в жару слишком много холодного квасу.

Однако впечатление от прибытия Шамиля затмило все прежние визиты знатных гостей.

«КРАСНЫЙ» ГУБЕРНАТОР

В. Арцимович, назначенный гражданским губернатором Калуги за год до прибытия Шамиля, разделял идеи Александра II о необходимости скорейшего переустройства общества на европейский манер.

Арцимович прослыл большим либералом и деятельно внедрял в сонную калужскую жизнь блага эмансипации. При нем забурлила не только общественная, но и экономическая жизнь. Местные помещики и дворянство, не поспевавшие за реформами губернатора, прозвали его «красным».

Двигателем прогресса стала газета «Калужские губернские ведомости». В ней же, с прибытием в город имама, появилась постоянная колонка «Из дома Шамиля».

Губернатор близко подружился с имамом, и между ними часто случались довольно откровенные беседы. Однажды, когда речь зашла о последних днях войны, Шамиль сказал Арцимовичу: «Я вышел в Гунибе, чтобы спасти свой народ. Я покинул родину, чтобы сохранить ее. Я стал аманатом, чтобы армия царя вернулась в Россию. Они пришли к нам рабами, не по своей воле, но горцы научили их любить и защищать свободу. Если будет на то воля Аллаха, они помогут царю Александру понять, что лучше быть вождем свободных людей, чем царем рабов».

Выяснилось, что Арцимович и сам был решительным сторонником отмены крепостничества. Он уверял Шамиля, что к тому же склоняется и Александр, говоривший своим сподвижникам, что «лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу».

ИМАМ И ПРИСТАВ

В октябре 1859 года Гази-Магомед и Богуславский отправились в Дагестан за семейством имама. Они ехали в карете Барятинского, которую пора было вернуть хозяину. На смену этой карете в Калугу прибыла еще более роскошная, подаренная Шамилю Александром II.

Все заботы о Шамиле легли на плечи Руновского. При официальном вступлении Руновского в должность пристава Шамиль первым делом объявил ему: «Прошу вас придерживаться только одного нашего обычая: когда дадите слово в чем-нибудь, держите его, хотя бы надо было для этого умереть. Кто исполняет свое обещание, тот у нас хороший человек, кто его не исполняет, тот дурной, его надо убить».

Руновский отвечал, что это очень хороший обычай. И просил Шамиля посвятить его, насколько возможно, в другие горские обычаи, чтобы ненароком не попасть в неловкое положение.

В своей служебной деятельности Руновский должен был руководствоваться утвержденной Александром II «Инструкцией для пристава при военнопленном Шамиле».

В ней говорилось:

1. Пристав и его помощник, в качестве лиц, которым правительство вверяет надзор за Шамилем, должны в этом звании быть советниками и руководителями его, ограждать от всего, что могло бы отягощать его положение, и в уважительных просьбах быть за него ходатаями.

2. Присмотр за Шамилем и его семейством должен быть постоянный, но для него не стеснительный.

3. Шамилю и его сыновьям дозволяются беспрепятственно прогулки: пешком, в экипажах и верхом, как в городе, так и за чертою онога, не далее, однако, как за 30 верст в окружности. Он и сыновья могут свободно посещать театры и собрания, как публичные, так и частные, держать своих собственных лошадей верховых и упряжных. При выездах Шамиля или сыновей в гости и в публичные собрания, при прогулках за город и в особенности при прогулках верхом его должен непременно сопровождать пристав или помощник, принимая со своей стороны должную предосторожность, но под благовидным предлогом. При прогулках же в город сопутствование Шамиля и его сыновей предоставляется собственному усмотрению пристава.

4. Допускать к Шамилю свободно как русских подданных, так и

иностранцев, заботясь только о том, чтобы подобные посещения не беспокоили его. При посещениях посторонних лиц присутствовать непременно приставу или его помощнику и переводчику. Магометан и вообще лиц сего исповедания с Кавказа допускать только в таком случае, когда они будут иметь на то дозволение от главнокомандующего Кавказской армией. Вообще наблюдать, чтобы Шамиль и его семейство не могли иметь каких-либо подозрительных сношений.

5. Для объяснений с Шамилем назначаются два переводчика, один по найму собственно для переговоров в домашнем быту, а другой с правом действительной службы, для верной передачи разговора и мыслей Шамиля о предметах, не касающихся обыкновенного домашнего разговора.

Оба переводчика подчиняются приставу и должны исполнять его поручения.

6. Все письма, которые будут получаться в Калуге на имя Шамиля или его семейства, пристав обязан доставлять через начальника губернии в Петербург к военному министру, равно и письма, которые от Шамиля или его семейства будут посылаемы на Кавказ, должны быть тем же путем доставлены в Петербург.

7. Пристав и его помощник не должны без нужды обременять своим присутствием Шамиля, в особенности не препятствовать ему в исполнении всех религиозных обрядов и привычек домашней жизни.

8. Пристав должен заботиться о том, чтобы по возможности сблизиться с Шамилем и приобрести его доверие.

9. Пристав обязан принимать из уездного казначейства за каждые три месяца вперед по 2500 р. с., в счет 10 т. р. всемилостивейше назначенных на содержание Шамиля, и тотчас же деньги эти вручать полностью самому Шамилю, под собственную его расписку, которая должна служить квитанцией в исправном доставлении ему означенных денег и быть предоставлена начальнику губернии для хранения при делах канцелярии. Пристав отнюдь не должен вмешиваться в расходы Шамиля и вообще ни в какие хозяйственные или семейные его распоряжения, как скоро они не заключают в себе ничего противного нашим законам. Но если по знанию языка или местных цен он найдет возможным быть полезным Шамилю своим советом или предупреждением, то должен пользоваться этими случаями, чтобы расположить к себе пленника.

10. Пристав должен иметь в виду, что Шамиль для Кавказа лицо весьма замечательное, а потому должен стараться из разговоров с ним и рассказов его знакомиться со всеми событиями войны на Кавказе, с планами, которыми руководился Шамиль, и с средствами, к которым

прибегал для упрочения и поддержания своей власти. Также и о нравах, обычаях, торговле и образе правления племен, бывших ему подвластных. Разговор о подобных предметах должен быть вносим в дневник, ведение которого поручается приставу секретным образом. По истечении каждого месяца этот дневник должен быть представлен дежурному генералу Главного штаба Его Императорского Величества.

11. Пристав должен по возможности стараться исполнять просьбы и желания Шамиля, если к тому не встретится особых препятствий или если это во власти пристава. Все же, что будет превышать его власть, представлять начальнику губернии на разрешение. Те желания и просьбы Шамиля, которых не вправе будет разрешить и начальник губернии, должны быть излагаемы письменно для представления военному министру.

12. Пристав и его помощник помещаются в том же доме, который будет нанят для Шамиля, но если это окажется неудобным, то в таком случае должен быть помещен по возможности один пристав.

13. Содержание для пристава, его помощника и переводчиков отпускается от военного ведомства, деньги же на наем дома для Шамиля и отопление оного отпускаются из государственного казначейства, по требованию начальника губернии.

14. О всех случаях, инструкцией не предвиденных и представляющих какое-либо затруднение в разрешении, пристав представляет начальнику губернии.

15. Высший надзор за исполнением всего в инструкции определенного поручается начальнику губернии с тем, чтобы обстоятельства, заслуживающие особенного внимания или требующие особого разрешения, были представлены военному министру.

Это наставление Руновский трактовал в либеральном духе, а дневник вел с первых же дней знакомства с Шамилем. Обладавший живым умом и литературными способностями, Руновский записывал в дневник свои впечатления, воспоминания имама о войне, его рассказы из истории Кавказа и множество любопытных сведений из жизни Шамиля и его семейства.

В самом начале дневника Руновский выражал противоречивые чувства, связанные с его новым назначением: «Жить с Шамилем! заботиться о нем!.. Когда это приходило мне в голову?.. Напротив, я хорошо помню, что за время долгой моей службы на Кавказе не один раз подумывал я о том, как-то будет заботиться Шамиль обо мне, когда случайности войны сделают меня его пленником?.. Просторна или тесна

будет та яма, в которую меня засадят?.. Не раз случалось также мне видеть и сны подобного содержания... то были сны страшные, страшные до того, что, несмотря на всю приятность пробуждения и на сознание, что «то был сон», я невольно начинал, на всякий случай, перебирать в уме средства к освобождению своему из будущего плена».

Когда Руновский осторожно поделился своими воспоминаниями с Шамилем, тот согласился, что такова была обычная участь пленных, за исключением грузинских княгинь. Видя, как его принимают в России, что люди не желают ему зла, и особенно после того, как ему пересказали книгу Вердеревского «Плен у Шамиля», имам пожалел, что содержал своих пленных совсем иначе.

Вскоре Шамиль написал письмо своему наибу в Черкесии Магомед-Амину.

«От бедного раба Аллаха — писца, пленника Шамиля сыну его Мухаммадамину. Мир вам, милость Аллаха Всевышнего и Его благословение. Аминь!

А затем. По воле Всемогущего и Всеведующего я попал в руки неверных — поистине, predetermined не избежать и предосторожность не предотвратит predetermined Аллахом. Однако не пришлось злорадствовать моим недругам и завистникам, которые явились причиной моего пленения, — напротив, мне оказали почет и уважение в такой степени, что не увидевший своими глазами не поверит. Великий император определил мне тысячу туманов ежегодно, поселил меня в городе Калуге, большой город вблизи Москвы, в просторном, высоком доме с коврами и всем необходимым. Так что мне просторно и очень удобно. Потом я здесь столкнулся со слухом, распространенным среди них о том, что пленные в твоём вилайате находятся в тяжелом положении и испытывают нужду. Я не поверил этому и все же послал тебе это письмо, испросив разрешение у губернатора уведомить тебя об этом. Если это ложь, то это и есть мое желание, а если нет, то необходимо тебе пленных содержать так, чтобы на тебя не пало порицание.

Затем я отправил 26 раби ал-аввал 1276 года сына моего Газимухаммада, чтобы он привез мое семейство с сыном нашим Мухаммадашафи, и пребываю в ожидании их приезда. И все.

Писано в Калуге 26 раби ас-сани 1276 года (22 ноября 1859 года).

Я не скрепляю своей печатью это письмо потому, что печать моя осталась в руках Амирхана, который изменил мне. Возможно, Газимухаммад сам привезет ее».

БЕЗ ШАМИЛЯ ВОЙНА НЕ ВОЙНА

Письма этого Магомед-Амин не получил, потому что уже прекратил борьбу и «замирился». Решив, что война без Шамиля — не война, наиб решил последовать путем своего имама.

После окончания Крымской войны положение Магомед-Амина на Западном Кавказе значительно осложнилось. Во время войны Чарторыйский пытался организовать помощь Магомед-Амину, призывая Пальмерстона не скупиться. Англичане и французы соглашались помочь, но требовали, чтобы Магомед-Амин повел своих воинов в Крым, на помощь союзникам. В ответ Магомед-Амин предлагал сначала высадить на берегах Черкесии сильный десант союзников. Турки начали опасаться, что Черкесия останется в руках Магомед-Амина и его новых друзей, и предприняли усилия, чтобы вновь привести к власти послушного им князя Се-фер-бей. Когда разногласия приняли острый характер, обе стороны, а также влиятельные люди Черкесии были приглашены на переговоры в Варну. Но договориться ни до чего не удалось. Используя покровительство Порты, Сефер-бей добился раскола движения в Черкесии. Возможно, это стало заслугой его главного советника полковника Бандье, венгра, который впоследствии оказался русским агентом.

В 1857 году Магомед-Амин отправился в паломничество в Мекку. По пути, в Стамбуле, он надеялся встретиться с английским посланником и искать помощи, но по требованию русского посла был арестован турецкими властями, а затем выслан в Дамаск. Не желая оставаться в изоляции от своего народа и не добившись от турецких властей разрешения вернуться в Черкесию, Магомед-Амин предпринял побег. Несколько месяцев наиб с несколькими друзьями пробирался по владениям Порты, не находя пути домой. Им не раз приходилось отбиваться от кочевников, разбойничьих ватаг и брошенных на их поиски отрядов. В конце концов они вышли к Черному морю. Взамен на все их имущество, включая лошадей, контрабандисты доставили их к берегам Черкесии.

Горцы встретили Магомед-Амина с радостью. И хотя положение на Западном Кавказе изменилось не в его пользу, наиб еще три года продолжал сопротивление. Многократное усиление царских войск, раскол и отход от движения ряда обществ делали борьбу горцев все более безнадежной.

Верными Магомед-Амину оставались немногочисленные польские

легионеры во главе с Т. Лапинским.

Полковник Теофил Лапинский (Теффик-бей) был участником польских восстаний, Венгерской революции и воевал в Крыму на стороне союзников. После войны Польский корпус в Турции был расформирован, но Лапинский не оставлял надежд собрать отряд добровольцев и отправиться на помощь черкесам. Это ему удалось, но отряд был очень небольшой и с плохим вооружением. Обещанная серьезная помощь от кавказских эмигрантов на деле оказалась очень скудной и не могла серьезно повлиять на расстановку сил. Оружие, порох, амуниция и особенно деньги, собранные самими поляками или неофициально предоставляемые Турцией и даже собираемые в гаремах у патриотически настроенных черкешенок, исчезали в неизвестном направлении или попросту разворовывались и до Лапинского почти не доходили.

Сверх того, Лапинский оказался между двумя соперничающими партиями — Сефер-бея и наиба Магомед-Амина. Но даже в этих условиях прилагал старания к объединению горцев, организации общего сопротивления и воевал сам. В конце концов он объединился с Магомед-Амином. Лапинский даже пытался арестовать Сефер-пашу как виновника раскола в адыгском обществе, но тот сам счел за лучшее отойти от дел, когда понял, что участь Кавказа уже решена.

Не дождавшись серьезной поддержки, Лапинский в 1859 году вернулся в Турцию. Х. Кушхов писал, что в Европе он стал популярной личностью, организовывал экспедиции в помощь польским повстанцам, но все они потерпели неудачу.

О своем трехлетнем пребывании на Кавказе Т. Лапинский написал книгу, которую А. Герцен назвал замечательной.

Пыталась действовать в Черкесии и английская разведка, но усилия агентов Белла и Лонгворта ни к чему не привели. Лонгворт, даже имея солидные материальные средства на вербовку горцев для военных действий в Крыму, не нашел у горцев понимания и вернулся ни с чем.

Когда стало известно, что Шамиль оказался в плену, Магомед-Амин объявил, что согласен вести с царским командованием переговоры о мире. На встрече 20 ноября 1859 года с генералом Г. Филипсоном он выговорил ряд условий, закреплявших результаты проведенных им преобразований, и принял на себя обязательства, обещающие спокойствие новым властям. После заключения мирного соглашения он прибыл в Ставрополь, через который еще недавно проезжал Шамиль. Затем Магомед-Амин отправился в Тифлис для встречи с Барятинским, от которого добился амнистии для своих сподвижников, прекративших войну. Из Тифлиса, вместе с

абадзехскими старшинами, он отправился в Петербург. Здесь делегация была принята с почетом, Магомед-Амин получил полное прощение и даже солидную пожизненную пенсию.

ПРОКЛАМАЦИИ БАРЯТИНСКОГО

Но война на этом не закончилась.

В Чечне продолжал сопротивление наиб Байсунгур Беноевский — человек-камень, как называл его Шамиль. Взять его не удавалось, и тогда ему было предложено сдаться под угрозой выселения беноевцев на равнину. Переговоры проходили на кладбище. Байсунгур указал на могилы предков и ответил: «Говорите с ними. Они услышат вас скорее, чем я».

Лишившийся в битвах руки, ноги и глаза, он так и не сложил оружия, пока в 1861 году не был схвачен и приговорен к повешению.

Восстания разного масштаба вспыхивали в разных уголках Кавказа. Все это очень беспокоило императора, желавшего поскорее закрыть «кавказскую бездну», продолжавшую поглощать огромные финансовые средства, необходимые для намечавшихся в государстве реформ.

В своей записке «О Кавказе» Александр II отдавал должное заслугам Барятинского и выражал надежду на скорое и окончательное умиротворение горцев.

Для закрепления успеха император предлагал ввести справедливую администрацию, твердо укрепиться на стратегических рубежах и устроить надежные дороги.

Вместе с тем он требовал принять меры к решительному сокращению войск и расходов на их содержание. Государственная казна находилась в крайне стесненном состоянии и не могла гарантировать дальнейшее обеспечение армии по всем статьям. Предлагалось находить средства на самом Кавказе, что было делом крайне затруднительным.

Желая убедить горцев прекратить сопротивление и сложить оружие, главнокомандующий Кавказской армией Барятинский обратился к ним с прокламациями от имени императора. В одной из них, обращенной к чеченскому народу, говорилось о дарованном императором прощении за враждебные действия, кровь и убытки. Барятинский писал, что «все случившееся в продолжение этой бедственной для народа войны должно быть забыто навсегда». В подтверждение этого наместник сообщал, что «отныне Его Императорское Величество, распространяя на вас свою благодать и попечения, наравне с другими своими подданными, дарует вам следующие милости:

Каждый из вас может свободно отправлять свою веру и никто не будет вам препятствовать исполнять обряды ее.

От вас никогда не будут требовать рекрут и никогда не обратят вас в казаков».

Чеченскому народу Барятинский обещал вернуть в вечное владение все земли и леса, которыми народ владел до 1839 года, исключая земли, занятые теперь укреплениями и ставшие собственностью казны.

«Правители, поставленные над вами, будут управлять вами по адату и шариату, — писал Барятинский. — А суд и расправа будут отправляться в народных судах, составленных из лучших людей, которые будут избираемы вами и назначаемы в должности с согласия ваших начальников».

Народ также освобождался на пять лет от податей и предоставления людей для службы в милиции, но обязывался поддерживать в исправном состоянии дороги, не давать зарастать просекам и предоставлять за плату подводы для войск. Горцам также вменялось «преследовать, ловить и выдавать преступников и беглых, не скрывая их ни под каким предлогом».

Многое в прокламации Барятинского напоминало законы, введенные Шамилем, а на обычае кровомщения, который имаму так и не удалось вытравить окончательно, наместник остановился особо: «Каждый из вас, совершивший убийство вследствие канлы, будет судим по русским законам и подвергнут наказанию по определению суда».

Еще раз пообещав, что отныне «ваша вера, ваша собственность и ваши обычаи остаются неприкосновенными», Барятинский строго предупреждал, что «если бы за сим явились между вами злонамеренные люди, которые стали бы тревожить народ ложными и превратными толками, то они подвергнутся самому строгому наказанию, без малейшей пощады».

Чтобы поскорее выветрить из горцев дух мюридизма, власти запретили всем, кроме мекканских пилигримов, носить чалмы на папах.

«ЛЮБИТЕ ВРАГОВ ВАШИХ...»

Искренним уважением и тактичностью Руновский сумел завоевать расположение имама, личность которого интересовала его не только в служебном, но и в человеческом отношении.

При каждом удобном случае Руновский просил Шамиля рассказать о том или ином случае, о быте и традициях горцев. Когда возникало разночтение относительно какого-то события войны, Руновский высказывал свою версию, основанную на имевшихся документах или показаниях очевидцев, а Шамиль излагал дело со своей точки зрения. Если имам чувствовал, что его доводы недостаточно убедили собеседника, то обычно говорил: «Спроси не меня, спроси врагов моих, так ли было дело».

Руновский, опасавшийся попасть в плен к Шамилю на Кавказе, стал его пленником в Калуге, когда увидел в нем явление необыкновенное. И дневник Руновского стал признанием этого добровольного плена.

«Это целый триумф! — писал пристав. — Немногие победители возбуждали в своих соотечественниках такое участие и такую жажду видеть их и изучить их черты, как возбуждал все это Шамиль в тех, кого во всю свою жизнь он считал заклятыми своими врагами. Не служит ли это доказательством того, что знаменитый наш пленник совсем не та дикая, разбойничья личность, которая не заслуживает, по мнению некоторых, не только уважения, но и сострадания? Не следует ли видеть в этом жадном любопытстве публики, в этом лихорадочном чувстве, написанном на лице каждого, кто ожидает выхода Шамиля откуда бы то ни было, не следует ли во всем этом видеть не простое любопытство, а именно дань уважения к той личности, в которой уже признан и хороший администратор, и умный, даже очень умный человек, одаренный от природы сильным характером и железною волею? И если последние два качества обращались иногда в жестокость, столь непонятную и непростительную для нашего христианского цивилизованного взгляда на вещи, то нужно только вспомнить, что она очень обыкновенна по понятиям горцев, ожесточенных, сверх того, полуторавековой борьбой с нами и не находивших, между кудрявыми догматами ислама, нашего христианского догмата: «любите врагов ваших».

Любите врагов ваших!.. Какая прекрасная задача! Но как-то мы ее решаем? Что до меня, то грешный человек: хоть и стараюсь я быть порядочным христианином, а, надо признаться, не больно много

полюбливаю я врагов своих, невзирая даже и на то, что между ними попадают люди с большими достоинствами...

Шамиль был предводителем народа, который так долго ведет с нами войну, и притом войну народную; а кто не знает, что такое народная война? Но вы ее не знаете, господа, потому что из ваших теплых кабинетов, откуда вы мечете на Шамиля ваши громы, не совсем рельефно обозначаются многие мелочные подробности народных войн, а некоторые даже совсем не заметны. Однако вы читали или слышали о них из разных рассказов, о войне, например, гверильясов^[1], да хоть бы о войне приснопамятного двенадцатого года. Как же вам показались эти подробности? Обвиняли ли вы беспощадно предводителей гверильясов или наших партизанов Давыдова, Фигнера и проч.? А ведь те и другие воспитаны в духе христианской религии и считаются в числе народов если не образованных, то, по меньшей мере, просвещенных. А горцы? Какая великая разница! Вы только посмотрите на то, что делается с ними в жизни: не успеет горец родиться, крестная его мать-природа кладет ему на зубок все свое достояние: дикость, угрюмость и, подчас, величественность. Все это, впоследствии, неизбежно должно отразиться в характере взрослого человека, а стало быть и во всех его действиях... Следует ли, после этого, назвать Шамиля разбойником, руководившимся в своих действиях дикими инстинктами хищного животного? Или же он, действительно, герой своей страны, честно исполнивший свои обязанности, требуемые духом народа, нравами и обычаями его родины?..»

АХУЛЬГО НА ОДИГИТРИЕВСКОЙ УЛИЦЕ

Дом почетного пленника был вскоре благоустроен на кавказский манер, и Шамиль не замедлил в нем поселиться. Все здесь было хорошо, только посуду и столовые приборы из серебра Шамиль как противник роскоши попросил заменить на более простые.

Верхний третий этаж поступил в распоряжение Шамиля и его жен. Из шести комнат, разделенных коридором, две предназначались Шуайнат, две — Загидат, еще одна была превращена в кабинет и молельню Шамиля. Убранство кабинета Шамиль дополнил лишь книгами и буркой, на которую становился во время молитвы. Последняя комната отводилась для общих собраний семьи. Позже, за свою неприступность, этаж Шамиля получил название «Ахульго».

Бельэтаж предназначался Гази-Магомеду и Каримат. Это был самый «европейский» этаж, с просторными комнатами и большими окнами. Князь Вадбольский прослышал, что Каримат была не чужда светским понятиям о комфорте, и меблировал ее комнаты соответствующим образом, в отличие от других этажей, где мебель была самая простая, а украшением служили только часы и зеркала в женских комнатах. Здесь же была просторная кунацкая — комната для приема гостей. Позже гостей стали принимать во флигеле, чтобы не смущать обитавших в доме женщин.

В первом этаже, посреди которого стоял старинный изразцовый камин, должен был разместиться Магомед-Шапи с женой Аминат. Ему было тогда всего 20 лет, жена была еще моложе. Их первенец умер, и жена готовилась произвести на свет другого. Родившегося уже в Калуге сына называли Магомед-Загидом.

В убранстве дома, в соответствии с желанием Шамиля, властвовал зеленый цвет.

Содержание всего этого «калужского Кавказа» взяла на себя государственная казна.

НА НОВОМ МЕСТЕ

Пообвыкшись, Шамиль начал выезжать в город и ближе знакомиться с первыми лицами Калуги.

Местное начальство и способы управления губернией очень интересовали имама. С помощью Руновского он примерял местные власти к системе, которую сам создал в Имамате. Так, в Калуге появились эмиры, наибы, кадии, мазуны, мухтасибы и даже мюриды. Однако полного соответствия найти не удавалось по причине имевшихся в России сословий, которые Шамиль на Кавказе давно упразднил. В представлении горцев сословия эти представляли из себя следующую иерархию: внизу помещался безропотный мужик, не имевший никаких прав и одни лишь обязанности, выше мужика находился мещанин — нечто среднее между мужиком и господином, далее шли купцы, затем дворяне, выше дворян были князья (эмиры), над которыми уже никого не было, кроме царя.

Предводитель калужского дворянства действительный статский советник Щукин сделался у Шамиля уллу-беком — главным беком. С ним, в отличие от горских дворян, Шамиль очень подружился. В первое свое знакомство с Шамилем Щукин приветствовал его словами: «Мы чтим в тебе героя, мы радуемся, видя тебя среди нас, потому что это даст тебе возможность узнать и полюбить нас, несмотря на то, что еще не так давно ты видел в нас своих врагов».

Шамиль ценил в людях великодушие и старался отвечать добром на добро. К тому же выяснилось, что предводитель дворянства знал покойного сына Шамиля Джамалуддина, с которым служил в одном полку сын Щукина. Из уллу-бека Шамиль произвел его в кунаки и даже явился на пере выборы предводителя, чтобы лично убедиться, что Щукин никем не обижен и избран на новый срок.

Щукин часто приглашал Шамиля к себе домой. Дети сначала прятались от грозного на вид гостя, но очень скоро полюбили его и бросались к нему, как к доброму знакомому. Шамиль с удовольствием усаживал их на свои колени, угощал и даже позволял трогать кинжал.

Делались визиты и к самому Шамиллю. Множество гостей прибывали в Калугу, чтобы повидать знаменитого имама. А офицеры, попадавшие сюда по службе или в отпуск, должны были представляться Шамиллю в обязательном порядке.

Шамиль принимал визитеров в кунацкой. Став посреди комнаты, он

говорил всем: «Салам», после чего Руновский представлял каждого по имени, фамилии и чину. Шамиль пожимал каждому руку, отвечал на поклон кивком и переходил к следующему гостю. Заметив на груди офицера орден, Шамиль интересовался, за какое дело он был получен, и если оказывалось, что орден получен на Кавказе, то Шамиль улыбался такому гостю особенно тепло, а руку жал до хруста в пальцах.

После церемонии гостей приглашали садиться и начиналась беседа.

Все это время позади имама молча со скрещенными на груди руками стояли мюриды в богатых черкесках и при парадном оружии.

ПРИСТАВ РАЗВЛЕКАЕТ ШАМИЛЯ

Долгое отсутствие собственного семейства настраивало Шамиля на печальный лад. Он много молился и подолгу укрывался в своем кабинете, читая книги, которые ему присылали из Петербурга.

Стараясь облегчить тяжесть разлуки, Руновский купил орган. Шамиль с удовольствием слушал музыку и особенно лезгинку, которую Руновский подобрал с помощью Хаджиява и Грамова. Хаджияв был растроган до того, что по секрету показал Руновскому свою главную драгоценность — музыкальную шкатулку, обнаружение которой в горах могло стоить ему головы. Хаджияв сообщил приставу, что музыку в горах любят все, но что она слишком приятна и способна отвлечь горцев от бранных дел, а потому Шамиль ее запретил.

Когда в Калугу прибыл на гастроли цирк Слейзака и К°, Руновский уговорил Шамиля посетить представление.

Более всего горцам понравилось искусство вольтижировщиков, исполнявших диковинные акробатические упражнения на скачущих по кругу лошадях. Когда же в дело вступали дамы, Хаджияв только цокал языком от восторга и изумления.

Удивила Шамиля и ловкость эквилибриста, который то лежа на спине жонглировал ногами множеством предметов, то держал на подбородке шест, на котором его сын делал различные фигуры, то вращал тарелки на длинных жердях.

А ученая собака, умевшая играть в карты и даже считать, особенно понравилась бывшему казначею.

Фокусник Франсуа Кери имел большой успех и вызвался устроить представление в доме Шамиля. Гастролер убеждал Руновского, что в 1857 году развлекал русские войска в Дагестане, но не имел счастья видеть имама.

Первый же трюк Кери кончился его разоблачением. Шамиль отобрал у него «волшебную» коробочку, обнаружил в ней двойное дно и назвал магию Кери обманом. Зато другие фокусы имели громкий успех.

В заключение Кери поинтересовался, что бы сделал Шамиль, если бы фокусник явился развлекать мюридов в Ведено, о чем якобы он просил даже генерал-адъютанта Орбелиани, когда в 1857 году увеселял войска под Буртунаем. На это Шамиль ответил: «Пусть благодарит Бога, что князь не отпустил его: я бы непременно его повесил».

ПРИЕЗД СЕМЬИ

Утром 5 января 1860 года Шамиль был в приподнятом настроении и сообщил, что видел во сне, как открываются ворота его дома. Кроме того, его посетило предчувствие, которое никогда его не обманывало. Способность ощущать приближение важных событий появилась у Шамиля еще в юности, и люди считали это верным знаком Божьего благоволения. И действительно, в тот день в Калугу прибыло семейство Шамиля. Конный поезд состоял из трех тарантасов, двух фургонов и нескольких перекладных, на которых везли вещи. Для экипажей потребовалось 30 лошадей, и вся эта кавалькада едва уместилась во дворе.

Шамиль встречал свое семейство, стоя у окна своего кабинета, и с трудом различал родные лица сквозь сильную метель. Горский этикет не позволял ему спуститься вниз, хотя сердце его давно было там. Хаджияву было велено не скупиться и одарить ямщиков золотом.

В Калугу приехали: сын Шамиля Гази-Магомед; сын Магомед-Шапи с женой Аминат; жена Загидат с дочерьми Нажабат и Баху-Меседу; жена Шуайнат с дочерью Сапият; дочь Шамиля Написат с мужем Абдурахманом и шестимесячной дочерью Маазат; дочь Шамиля Патимат с мужем Абдурахимом; мюрид Джамалуддин, которого привели в Калугу слухи о лишениях и истязаниях, которым якобы подвергается Шамиль; Хайрулла, афганский дервиш, живший у Шамиля в Ведено; Дибир-Магома, переводчик; Вали-Кыз, «экономка» семьи; Халун, родственница Шамиля и нянька его детей с сыном Омаром; а также Паризат и Муси, исполнявшие обязанности служанок.

С третьей женой Аминат, не сумевшей поладить с Загидат, Шамиль развелся еще в Ведено.

Гази-Магомед приехал без жены Каримат. Отец ее Даниял-бек отправил дочь в Элису сразу после взятия Гуниба и употреблял все возможности, чтобы не отпускать Каримат в дом Шамиля. Но Гази-Магомед собирался добиться возвращения своей жены, которую очень любил и которая не зря считалась «розой Кавказа».

Сначала сыновья, затем жены и дочери являлись к Шамилю, целовали его руку и становились у стены, ожидая повелений главы семейства. После недолгих расспросов Шамиль велел им совершить намаз, а затем располагаться в своих комнатах и отдыхать с дороги.

Дом Шамиля всем очень понравился, и всем в нем нашлось место.

В связи с прибытием семьи годовое содержание Шамиля было увеличено еще на 5 тысяч рублей. Заметив, что это не произвело на Шамиля особого впечатления, Руновский сказал Шамилю, что прибавка весьма кстати, имея в виду потребности его взрослых сыновей. Шамиль искренне удивился и ответил: «Ты видишь мою жизнь, я довольствуюсь малым, я могу довольствоваться еще меньшим: я буду доволен и тогда, когда у меня ничего не будет. Дети мои должны добывать себе хлеб сами, так же как я его добывал. Для них это будет гораздо легче, нежели это было для меня, потому что я оставляю им такое наследство, какого не получил сам: они дети Шамиля».

С приездом семьи Шамиль очень переменился, ласкал маленьких детей, расспрашивал о родственниках, оставленных в Дагестане, и обещал, что теперь все будет хорошо.

Загидат быстро освоилась на новом месте и принялась устраивать жизнь домочадцев по давно принятым правилам. Ей это легко удавалось, но когда она вспоминала о потерянном под Гунибом имуществе, то приходила в печальную задумчивость. Впрочем, только она и сумела сберечь кое-какие драгоценности, не доверив их провожатым и зашив в складках своей одежды.

Шуайнат, напротив, благодарила судьбу за наступивший покой и возможность видеть Шамиля каждый день. Она втайне считала, что обрела больше, чем потерял Кавказ.

ВОЛШЕБНЫЙ МЕЧ АЛИ

Руновский нанял в дом двух поваров-татар. Мюрид Тауш, как всегда собственноручно, зарезал живность по мусульманскому обряду и только затем отдал ее на кухню. Он же дегустировал все готовые блюда. Тауш руководствовался простыми критериями дозволенного (халал) и недозволенного (харам). Большое подозрение вызвал у него квас. Попробовав напиток, он нашел, что хотя это и не водка-арака, но сильно напоминает бузу. Таким образом, харамный квас был навсегда изгнан из меню.

Тем не менее ужин был подан весьма изысканный. Но Шамиль ел только кукурузный хинкал, который приготовила Шуайнат из привезенной с собой муки.

Когда Шамиль бывал в гостях и на приемах, то старался не есть мясо, потому что не был уверен в том, что животное зарезано по мусульманскому обычаю. Зато рыбные блюда он ел с удовольствием и без всяких опасений. Дозволенность рыбы, как выяснил Руновский, основана была на убеждении, что всякая рыба давно уже зарезана рукой мусульманина.

Легенда гласила, что Али — зять Пророка Мухаммеда — кроме великих своих достоинств обладал мечом, выкованным из железа, которое Авраам нашел на том месте, где стоит священная Кааба. На клинке его была надпись: «Нет ни у кого меча, как у Али, и никогда не будет». Меч Али был так гибок, что его можно было свернуть на манер чалмы. А в бою он мог удлиняться так, что одним взмахом снимал по 40 голов, хотя бы они и были дальше полета стрелы. Благодаря чудесной силе своего меча храбрый Али один покорял крепости и разбивал несметные войска. Когда же он почувствовал, что дни его сочтены, то не рискнул оставить кому-либо столь опасное оружие, способное в дурных руках принести великие бедствия. Он велел бросить меч в море. Но слуга решил припрятать чудесный меч для своих надобностей. Когда слуга объявил, что меч уже утоплен, Али спросил, не случилось ли чего с морем, пока меч опускался на дно. Услышав, что ничего особенного не произошло, Али понял, что слуга лжет, и велел сделать то, что ему было приказано. Это повторилось несколько раз, пока перепуганный слуга не счел за лучшее исполнить повеление Али. Тогда море стало красным от крови, а на поверхности показались все живущие в нем рыбы. Оказалось, что меч Али всем им отрезал до половины головы, но они остались живы и с тех пор известны

людям в новом своем виде. Они рождаются готовыми к употреблению, с уже перерезанным по мусульманским обычаям горлом.

БИБЛИОТЕКА ШАМИЛЯ

Из множества подарков, присланных имаму, самыми дорогими для него были книги, прибывшие в огромных обшитых персидскими коврами тюках. Барятинский велел разыскать разграбленную библиотеку имама и отослал в Калугу все, что удалось найти. Но книги, которую больше всего хотел вернуть Шамиль, среди них не оказалось. Эта книга, в которой была подробно изложена вся жизнь Шамиля, была написана им самим, сыном его Гази-Магомедом и некоторыми близкими имаму учеными. Судьба этой книги осталась неизвестной.

Как оказалось, в долгой дороге путники не теряли времени даром. Ко всеобщему удивлению, зять Шамиля Абдурахим успел выучиться читать и писать по-русски у сопровождавшего поезд фельдъегеря. Точно так же усвоили русскую грамоту Абдурахман и Омар. Их примеру, уже в Калуге, стремительно последовал Магомед-Шапи, одолевший грамоту в три дня и доказавший это большим письмом своему знакомому в Темир-Хан-Шуру. Гази-Магомед грамоту не изучал, но тоже сносно изъяснялся по-русски.

Способности членов семейства Шамиля к учебе и влечение их к новым знаниям навели Руновского на мысль открыть в доме школьный класс. Однако все случилось само собой, дом наполнился газетами и журналами, а переводчик требовался лишь Шамилю, желавшему, чтобы слова его точно переводились и правильно понимались.

Руновский немного знал кумыкский язык, который как тюркское наречие был в большом ходу на Кавказе и на котором Шамиль общался с переводчиком и местными татарами. Но когда Шамиль переходил на родной аварский язык, понять что-либо было невозможно. И Руновский начал понемногу учиться аварскому, в чем ему с удовольствием помогал мюрид Хаджияв. Но вскоре выяснилось, что язык аварцев столь труден в произношении, что почти недоступен не только европейцу, но и многим горцам. Хаджияв только смеялся над мучениями Руновского и успокаивал его тем, что язык у них такой легкий, что по-аварски в горах говорят даже дети. В этом, собственно, и был секрет аварского языка, на котором надо говорить с детства или уже не говорить никогда.

ПОЕЗДКИ ЗА ГОРОД

Жизнь семьи Шамиля не ограничивалась домом. Руновский сообщил имаму, что он волен посещать любые места в окрестностях города, но не далее 30 верст. Горцы поняли это так, что далее 30 верст начинается Сибирь, но пристав развеял их опасения. Ехать можно было и дальше, следовало только получить разрешение от начальства.

Начались поездки, которые убедили горцев, что и в обозначенных пределах можно найти много интересного.

Для начала Руновский повез Шамиля посмотреть полотняный завод. Но оказалось, что полотна здесь давно не делают, а вместо этого разводят певчих птиц, которых продают по всей России. Шамилю зачем-то показали медный пятак, подаренный когда-то Пушкиным местной крестьянке, продали пару канареек, которых имам тут же отпустил на волю, и просили приезжать еще.

Зато на бумагоделательной фабрике действительно было на что посмотреть. Огромные котлы переваривали всевозможное тряпье, которое затем размельчалось на мельницах, снова варилось и наконец превращалось сложными механизмами в стопки готовых к употреблению бумажных листов.

На сахароделательном заводе горцев встретило то же нагромождение котлов, канатов, огромных колес и мельниц.

Владелец завода Жуков встречал гостей хлебом-солью, а затем показал, как получается сахар.

Превращение свеклы в густой сироп и выварка из него сахара несколько гостей не удивили. Но отбеливание сахара посредством муки из жженных свиных костей привело правоверных мусульман в ужас. Сообразив, что именно так расстроило горцев, Руновский постарался исправить конфуз. Поддержанный Жуковым, он объяснил, что свиные кости употребляются для очистки сахара весьма редко, когда не хватает других. Но Шамиля это не успокоило, и с тех пор в доме его вместо сахара стали употреблять мед.

Возможно, из опасения сделать другие неприятные открытия Шамиль перестал посещать предприятия. Следующий визит он сделал в воинскую часть, чтобы узнать, как живут русские солдаты. Устроенный быт их и чистота в казармах вызвали одобрение имама, который не мог предложить того же своим воинам на Кавказе.

Часто он навещал и госпитали. В одном из них Шамиль обнаружил раненого горца и дал ему денег.

Помощь, добрые советы и ходатайства об облегчении участи пленных и ссыльных горцев сделались для Шамиля обычным делом. Видел он и результаты своих усилий: двое ссыльных горцев свободно жили и работали в Калуге, завели свои дома и даже получали государственное содержание.

Временами Шамиль выходил к Одигитриевской церкви, что стояла недалеко от его дома, и раздавал деньги нищим. Руновский пытался предостеречь его от излишней щедрости, но Шамиль продолжал одаривать калек и убогих, которые теперь топтались и у ворот его дома. Когда желающих получить что-то от Шамиля стало слишком много, обязанность раздавать деньги была возложена на Хаджиява. Он делал это так усердно, что чуть ли не гонялся за каждым, кто казался ему нуждающимся в его благодеянии. Застав Хаджиява за этим занятием, Руновский показал, куда уплывали его подаяния. Хаджияв был несказанно изумлен, когда увидел, как только что благодетельствованный субъект направился прямо в заведение с надписью «Питейный дом». Казначей убеждал Руновского, что давал деньги не на водку, но с тех пор старался подавать меньше и только убедившись, что помогает нуждающемуся в хлебе насущном.

ИСЦЕЛЕНИЕ ДОЧЕРИ

Четырехлетняя дочь Шамиля Баху-Меседу, названная в честь его матери, страдала искривлением ног. Еще в Ведено она упала с лестницы, и теперь носки ее ног были загнуты внутрь и мешали ходить. Опасаясь, что дело само собой уже не поправится, Шамиль призвал докторов. Те сошлись во мнении, что помочь может только операция. Баху-Меседу — «мюрид под чадрой», как прозвал ее Руновский, — была готова терпеть любую боль, если велит отец.

Руновский, проникнутый к Шамилю искренней человеческой симпатией, решил сделать для него доброе дело. Он отправился в столицу и привез оттуда врача Людвиг Кржижановского. Осмотрев девочку, врач наложил ей гипс. Домочадцы мало верили в выздоровление Баху-Меседу, но горячо за нее молились. Врач часто менял гипс, каждый раз изменяя положение стоп, и его старания привели к неожиданному результату. Ноги Баху-Меседу понемногу выправились и пришли почти в нормальное положение. Шамиль на радостях подарил врачу тысячу рублей и кинжал, который сначала предлагал Кржижановскому для хирургических манипуляций.

МАГОМЕД-ШАПИ ПОСТУПАЕТ НА СЛУЖБУ

Молодой и честолюбивый Магомед-Шапи давно уже тяготился своим бездействием в калужской тиши. В отличие от отца и брата он не успел прославиться военными подвигами и одолевал Руновского вопросами, не ожидается ли какой-нибудь новой войны, в которой он желал принять самое деятельное участие. Когда же открылась возможность поступить в императорский конвой, он бросился к отцу за разрешением.

Вдохновленный грандиозными переменами в России, Шамиль согласился отпустить сына к царю.

8 апреля 1861 года Магомед-Шапи был принят на службу корнетом лейб-гвардии Кавказского эскадрона Собственного Его Императорского Величества конвоя. Вскоре он отбыл в Петербург, где и поселился со своей женой Аминат.

ВИЗИТ «ВТОРОГО ШАМИЛЯ»

В конце апреля 1860 года Шамиль получил радостное известие: наиб Магомед-Амин, находившийся в Петербурге с абадзехскими депутатами, получил разрешение навестить своего имама.

Наиб прибыл в Калугу 28 апреля вместе с Богуславским и братом Абубакаром. Шамиль крепко обнял своего наиба и долго не отпускал, будто не веря, что перед ним действительно его бывший секретарь, который сделался таким значительным человеком. «Калужские губернские ведомости» сообщили о прибытии в город «второго Шамиля». Это не вызвало того эффекта, какой был при появлении самого Шамиля, но количество нищих у дома имама заметно возросло.

Шамиль и его верный наиб не виделись целых 13 лет. Им было о чем поговорить и что вспомнить. Магомед-Амин был в приподнятом расположении духа. Теплый прием у Александра II, с которым наиб воевал столько лет, резко контрастировал с тем, что ему пришлось претерпеть от турецкого султана, который называл себя союзником горцев, а самому Магомед-Амину даже присвоил когда-то чин паши и звание генерал-лейтенанта турецкой армии. Шамиль и Магомед-Амин удивлялись превратностям судьбы, сведшей предводителей горцев в далекой Калуге, и размышляли о будущем Кавказа, которое представлялось им весьма туманным. Магомед-Амина беспокоили слухи о том, что черкесов теперь вытесняют с гор к Черному морю и многие уже подумывают об эмиграции в Турцию. Что там ожидало горцев, Магомед-Амин хорошо себе представлял. В лучшем случае они стали бы «пушечным мясом» в новых войнах, о которых уже подумывали правители Порты. Шамиль тоже сомневался в турках, но еще больше он сомневался в том, что горцы добровольно оставят свою землю, чтобы отдаться во власть ненадежного султана.

Наиб привез Шамилю несколько древних манускриптов. Их передал имаму профессор Казем-Бек, с которым Магомед-Амин несколько раз встречался в Петербурге и для которого написал даже свою биографию.

Магомед-Амин пробыл в Калуге три дня, живописно повествуя о быте и нравах черкесов, своих турецких приключениях и интригах Сефер-бея, расколовших народы Черкесии.

Вместе с тем Магомед-Амин сделался весьма светским человеком, переняв от мекканских паломников особые молитвенные приемы, а от

турецких сановников — изящество в костюме, оборотах речи и другие аристократические манеры.

Немалое впечатление произвел щеголеватый Магомед-Амин и на калужское общество, когда горцы явились на гулянье в сад по случаю праздника весны 1 мая.

Через несколько дней после отъезда Магомед-Амина уехал и Гази-Магомед. Он направился в Дагестан с твердым намерением не возвращаться без своей жены Каримат.

С ним отправились мюриды Тауш, Абдула-Магомед и Джамалуддин. Убедившись, что имам окружен вниманием и находится в полной безопасности, они решили окончательно вернуться в горы.

Магомед-Амин вернулся на Кавказ с полномочиями старшины абадзехов и намеревался водворить в крае спокойствие, чтобы уберечь горцев от выселения. Но в Черкесии уже началось брожение умов. Магомед-Амин оказался между двух огней: одна часть черкесов упрекала его за то, что он не может остановить Евдокимова мирным путем, а другая — за то, что он не сумел объединить черкесов для общего и решительного отпора. Тем временем турки продолжали засылать своих эмиссаров, обещая помощь, если черкесы объединятся и выступят единым фронтом.

Магомед-Амин увидел, как быстро все изменилось, и понял, что в такой ситуации шансов на успех почти не остается. Тогда, в марте 1861 года, он решил отправиться в хадж, надеясь получить разрешение своих сомнений перед лицом Всевышнего. А заодно посетить Стамбул, чтобы убедиться, сколь серьезны намерения султана.

Барятинский и военный министр генерал от артиллерии Н. Сухозанет походатайствовали, чтобы Магомед-Амину был выдан заграничный паспорт сроком на три года и пенсия за четыре месяца вперед. Получив и то и другое, Магомед-Амин послал надежных людей в Дагестан за своей семьей, которая была перевезена в Екатеринодар. А сам, с делегацией почетных людей, направился на новые переговоры к Барятинскому. Но в Ставрополе их надолго задержали под предлогом карантина. Тем временем Магомед-Амин получил известие, что семья его уже находится в Керчи, а жена больна. Тогда он поручил возглавлять делегацию абадзех-скому старейшине, а сам в конце апреля отбыл в Керчь. Оттуда он вместе с семьей отправился в Стамбул, а затем в Мекку.

СВЕТСКИЕ УСПЕХИ ХАДЖИЯВА

Прошел год, как Шамиль и его семья поселились в Калуге.

Завелись близкие знакомства, визиты сделались реже, и у имама появилось время отдаться своему любимому занятию — чтению книг. Стараниями профессора Казем-Бека и директора Императорской публичной библиотеки их у Шамиля было теперь в достатке. К тому же балы и приемы обычно затягивались до полуночи, а Шамиль привык жить в согласии с природой, ложась с появлением луны и вставая с восходом солнца.

Вместо Шамиля на приемы регулярно являлись другие калужские горцы, чувствовавшие себя намного свободнее без строгого руководства. Особенно преуспели в этом Хаджияв и его постоянный спутник Грамов, убедившие Шамиля, что совсем отказываться от приглашений было бы неучтиво. Хаджияв развлекал любопытных барышень и учил их танцевать лезгинку. Те, в свою очередь, не оставляли Хаджиява без любезного внимания и подарков. Он уже бегло говорил по-русски, а новые фразы записывал в отдельную книжицу арабскими буквами и учил наизусть. Со временем Хаджияв начал употреблять благовония, украшать свои руки кольцами и перестал брить голову, сделавшись похожим на казака. Ходили даже слухи, что Хаджияв имел несколько романтических приключений с отважными светскими дамами, но сам он это яростно отрицал. Тем не менее, заметив, как мюрид теряет свой былой вид, Шамиль счел необходимым привести его в чувство.

Желая загладить вину, Хаджияв искал способ угодить Шамилю. Однажды он с удивлением обнаружил на местном базаре орехи, мед и сушеные абрикосы, которые продавец усердно нахваливал, утверждая, что привез их из Гимров — родного села Шамиля. Хаджияв купил у него целую корзину и поспешил домой. Шамиль сначала обрадовался покупкам, признал в абрикосах знакомый с детства запах, но затем вдруг глубоко опечалился и несколько дней не выходил из дому, предаваясь посту и молитвам.

ЧАДРА И ФОТОГРАФИИ

Руновский очень хотел увидеть лица жен и дочерей Шамиля, чтобы сравнить их с описаниями мадам Дрансе или Вердеревского, но увидеть их «вживую» ему так и не пришлось. Чадры и покрывала, скрывавшие их лица, Руновскому казались здесь, в Калуге, совершенно ненужными. Однако Хаджияв объяснил ему, что «у нас такой закон», а кроме того, он считал, что если женщина будет ходить с открытым лицом, то солнце и морозы скоро превратят ее в старуху, вынужденную употреблять множество хитростей, чтобы придать своему личику хотя бы видимость свежести. Да и зачем, недоумевал Хаджияв, показывать свое лицо чужим мужчинам, не лучше ли радовать собственного мужа?

Лишь однажды Руновский столкнулся на лестнице со старушкой Вали-Кыз, не успевшей опустить на лицо покрывало. Женщина смутилась так, что долго вообще не показывалась из своей комнаты. Руновский передал для нее красивый платок, после чего они сделались добрыми знакомыми.

Видеть лица жен и дочерей Шамиля могли лишь светские дамы, делавшие им визиты. Но увидеть женщин шамилевского дома захотели и великие княгини. Из Петербурга пришла депеша с просьбой представить ко двору фотографические портреты горянок. С этим калужские дамы и явились к Шамилю, но имам решительно им отказал. Причин для отказа было множество. Одна из них состояла в том, что Шамиль уже видел фотографию Шуайнат, присланную ему из Моздока, где она гостила у родных по пути в Калугу. Там она была сфотографирована без платка и в европейском вечернем платье, напоминавшем ей юные годы в родительском доме. Шуайнат не подозревала, что кому-то придет в голову прислать это фото Шамилю. Увидев портрет, Шамиль в гневе воскликнул: «Лучше бы я увидел ее голову, снятую с плеч!»

Встретив противодействие Шамиля, калужские дамы обратились за содействием к известному эмансипатору Арцимовичу. Губернатор вынужден был учитывать желание великих княгинь и обращался к Шамилю несколько раз, пока тот наконец не согласился. Шамиль, однако, поставил условие, чтобы фотографом непременно была женщина. Он пребывал в полной уверенности, что таковой в природе не существует, но ошибся. Жена фотографа Гольдберга, вскоре явившаяся в дом Шамиля в сопровождении Руновского и нескольких знатных калужанок, управлялась с аппаратом не хуже своего супруга. Портреты вышли на славу и

пользовались большим успехом в Петербурге.

ШАМИЛЬ И ПОДПОЛЬЩИКИ

На лето для Шамиля была снята дача. Ему порой казалось, что он вернулся на родину, так походило на Кавказ все, что его окружало. Здесь, невдалеке от Калуги, случалось Шамилю видеть и то, как живут крестьяне и другой простой люд. Он с удивлением обнаруживал, что кругом были деревни беднее горских аулов. Шамиль спрашивал Руновского: зачем царь воевал на Кавказе, если его собственным мужикам порой нечего есть? Ведь дешевле было бы построить новую деревню с хорошей школой да вымостить дороги, чем строить крепость в далеких кавказских горах.

Скоро Шамиль начал замечать, что не так уж все спокойно в губернии. То там, то здесь горели помещичьи усадьбы, газеты писали о крестьянских бунтах и волнениях. Даже в Калуге по ночам постреливали и гнались за кем-то под трели полицейских свистков. А однажды и сам Шамиль оказался причастен к смутным беспорядкам. Какие-то неизвестные люди наводнили город портретами Шамиля, наподобие тех, что продавал фотограф Гольдберг. Но на обороте, вместо дозволенного цензурой жизнеописания Шамиля, была напечатана прокламация следующего содержания:

«Тягчайшее преступление Романовых перед народом!

Шамиль уничтожил дворянство да помещичью власть, освободил крестьян и учредил свободную республику! Не по вкусу пришелся сей пример нашим кровопийцам, и посланы были наши же братья-солдатушки, дабы задушить вольный народ и разорить край... Лучшие люди российские и теперь ссылаются на кавказское братоубийство. Так не пора ли нам, ребятушки, сбросить паучье племя дворянское, произвол помещичий, да вольными людьми стать? И пример тому — вот он перед вами — вождь народный, защитник крестьянский Шамиль.

Поднимается Русь во гневе праведном! Поднимайся и ты, коли звание человека с гордостью носить хочешь!»

Заподозрить Шамиля в связях с тайными смутьянами было невозможно, но Руновский, для порядка, получил выговор. Вскоре у дверей дома Шамиля появился караульный, который, впрочем, занят был только тем, что отгонял попрошайек.

Но вся эта история встревожила Шамиля, который требовал от Руновского объяснений. Штабс-капитан попытался обратить все в шутку, но затем рассказал имаму, что в России назревает что-то неладное. Народ

роптал, ожидая больших перемен. Проигранная Крымская война обнажила все общественные язвы. Крепостничество стало поперек прогресса, которого так желал император, но дворянство еще больше желало оставить все как есть. Мужики поднимали своих господ на вилы и жгли имения. Тайные общества будоражили крестьян, поднимая их на отчаянные бунты и восстания. Разночинцы-народники вдохновлялись анархизмом Бакунина и почитывали крамольные статьи Герцена, требовавшего безусловного освобождения крестьян с землей. Вольнодумная молодежь мечтала о революции и «русском социализме», запасалась оружием и даже нападала на полицейские участки. Из выявленных зачинщиков многие оказывались кавказскими ветеранами, вдохнувшими свободы и не желавшими возвращаться под мертвящую власть помещиков, дворян и жандармов.

Шамиль понял, что не зря вышел в Гунибе. Армия, стоявшая против него, теперь обернулась против своих хозяев.

Имам ощутил себя победителем. Но вскоре им овладело новое беспокойство. Когда Шамиль освободил горцев, они стали его главной опорой. Но что будет, если царь не решится освободить своих крестьян из их рабского состояния? Тогда ему потребуется новая война, чтобы ссылать на нее неугодных? И что будет с Кавказом, который еще не успел залечить раны, нанесенные тяжелой и долгой войной? На Кавказе Шамиль видел лишь солдатские штыки и пушки, а здесь он увидел добродушных людей, которые, как и горцы, искали правды и справедливости, и война была им также ненавистна.

КРУШЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

5 марта 1861 года были торжественно объявлены «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Узнав о дарованной императором «воле», Шамиль обрадовался так, будто свободу получили не только миллионы российских крестьян, но и он сам.

Многие видели в «Положениях» новый обман и толковали о невозможности уплаты крестьянами оброка за землю. Ходили слухи, что царскую грамоту подменили, а кое-где даже читали «золотую волю», в которой земля отдавалась крестьянам без выкупа, по-божески. Это приводило к новым волнениям, которые сурово подавлялись.

Но Шамиль был уверен, что Александр решился на великое дело. Если безгласный раб назван свободным гражданином, страна уже не могла остаться прежней. А свободные люди умеют уважать свободу других.

Шамиль поздравил с великим деянием императора Александра. Поздравил он и губернатора Арцимовича, который был в губернии главным врагом крепостничества.

Виктор Антонович видел в освобождении крестьян залог государственного процветания и энергично принялся за введение сопутствующих «воле» преобразований. Теперь пригодился его богатый опыт сенатского ревизора, наводившего страх на зарвавшихся начальников российских губерний. Понадобилось и его умение вводить полезные изменения, как он это делал в бытность тобольским губернатором, когда воплощал в жизнь идеи своего соратника Сперанского.

Теперь он взял под свою опеку мировых посредников, призванных улаживать споры между крестьянами и помещиками. Он даже устраивал их съезды, на которых публично осуждались злоупотребления.

Озлобленные помещики завалили Петербург жалобами на притеснения от «красного» губернатора, но прибывшая сенаторская ревизия признала полную правоту Арцимовича.

«НЕТ У НАС ТАКОГО ЗАКОНА»

Жизнь в доме Шамиля шла своим чередом. Семейство вполне освоилось на новом месте, и Руновскому предоставилась возможность поближе познакомиться с характером горцев. Понемногу проникали в дом и новые веяния, привычные для калужских обывателей. Но когда Руновский пытался ускорить внедрение в быт горцев чего-то нового, которое считал для них весьма полезным, он постоянно натывался на непреодолимые барьеры, состоявшие из прочных убеждений, что «у них нет такого закона» или что «в их книгах так не написано». Вместе с тем пристав обнаруживал, что многое в обычаях горцев, прежде казавшееся ему странным, имело под собой разумные основания.

Выяснялось много интересного. Табак или вино, например, были запрещены горцам как греховные, но эти запрещения уберегали бедные семьи и от разорения, к которому вели слабости глав семейств.

Слишком открытые наряды женщин, по мнению горцев, не столько обличали в них порочность, сколько вредили общественной нравственности, подвергая опасным соблазнам добропорядочных мужчин. Хаджиява не переставал мучить и другой вопрос: зачем у дам такие большие кринолины, если не хватает ткани закрыть плечи и глубокие декольте? Шамиль выражал свое недоумение более деликатно, спрашивая: не холодно ли дамам в таком наряде?

Вставание при появлении дам и всеобщее целование у них ручек для горцев было делом и вовсе непостижимым. В горах все было наоборот: это женщины вставали при появлении своих защитников-мужчин, а руку можно было целовать только у имама или больших ученых в знак глубокого почтения.

Впрочем, над странностями этикета горцы еще готовы были размышлять, но отношение к явным преступникам приводило их в изумление. Однажды собачка истопника спугнула своим лаем конокрадов, которые проломили стену в конюшне и собирались увести прекрасных коней, подаренных царем Шамилю. Тогда горцы как следует вооружились и устроили в саду засаду, собираясь встретить воров пулями. Когда же Руновский объяснил, что убивать воров, даже застигнутых на месте преступления, нельзя, а надо изловить их и представить к властям для суда и следствия, горцы только разочарованно присвистнули. «Наш закон лучше», — убеждали они Руновского.

«РОЗА КАВКАЗА» В КАЛУГЕ

К середине июля вернулся счастливый Гази-Магомед со своей прекрасной Каримат. Дагестанское начальство не сочло возможным нарушать священные узы брака, жена была возвращена мужу и отправилась с ним в Калугу.

Убедиться в том, что «роза Кавказа» действительно так хороша, как о ней говорила молва, Руновскому не удалось. Каримат почти не выходила из дома, а если и выходила, то Гази-Магомед бдительно охранял ее целомудрие, не позволяя заглянуть под покрывало даже знатным дамам.

Большей же частью в доме говорили, что Каримат больна. Доктора помогали чем могли, но излечить тоску по родине так никому и не удалось. Чтобы как-то скрасить затворническое пребывание женщин в Калуге, им было разрешено по вечерам выходить на прогулки в сад и изредка, но также по вечерам, совершать в коляске прогулки по городу.

Каримат любила своего мужа и видела в нем будущего властителя Дагестана. Но в Калугу ехала без особого желания. Привыкшая к свободе, она не хотела превращаться в пленницу, даже если клетка ее будет золотой. Она уговаривала мужа вернуться на Кавказ, где власти вполне могли сделать его новым главой горцев, хотя и без духовных полномочий. Гази-Магомед и сам подумывал о возвращении на Кавказ, но не мог оставить отца одного. Тогда Каримат приводила в пример его брата Магомед-Шапи, делавшего успешную карьеру в Петербурге. Но и это не убеждало ее мужа. Он обещал вернуться, но позже. Каримат твердила, что позже — будет слишком поздно, чтобы сын смог получить в наследство от отца весь Дагестан, а не только звание сына бывшего имама. Она считала, что раз Шамиль проповедовал свободу, то и сын его волен свободно вернуться на родину. Она убеждала Гази-Магомеда, что остались еще мюриды, готовые к новой борьбе и ждущие лишь искры, чтобы взорвать Кавказ, как бочку с порохом.

НОВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ СТОЛИЦЫ

Вскоре в Калуге была получена телеграмма, в которой Шамиль приглашался в Петербург на высочайшую аудиенцию и для встречи с Барятинским. Прибыл и фельдъегерь с приказом препроводить имама в столицу.

В конце июля Шамиль с сыном и зятьями, в сопровождении Руновского, отправился в Петербург.

До Москвы они ехали в экипажах, а затем пересели на поезд.

На вокзале в Петербурге их встретили Магомед-Шапи и старый знакомый полковник Богуславский. Гости, как и в первый раз, остановились в гостинице «Знаменская» и встретили то же радушие петербургской публики.

В ожидании царской аудиенции Шамиля на пароходе великого князя Константина повезли в Петергоф. Там его радушно встретил князь Барятинский, произведенный уже в генерал-фельдмаршалы. Барятинский еще числился в прежних должностях, но война подорвала его здоровье, тяжелые ранения все чаще давали о себе знать, и он вынужден был лечиться.

Своей красотой и невиданным великолепием Петергоф затмил все, что горцы видели прежде в России. Повсюду тут витал дух Петра I, а убранство поражало роскошью.

Начиная с Петра, Петергоф переделывался каждым царем на свой лад. Лучшие архитекторы и скульпторы от Д. Кваренги до П. Клодта трудились над украшением его многочисленных дворцов, павильонов, парков и островов. А братья-мебельщики Гамбсы создавали обитателям Петергофа поистине царский комфорт.

Гостям показывали все — от монументальных дворцов с коринфскими колоннами и «Помпей» до стилизованной «русской избы» и водяной мельницы. Все так напоминало театральные декорации, что здесь даже представлялся балет «Наяда и рыбак».

Фигура Самсона, раздирающего пасть «шведского» льва, из которой извергалась хрустальной чистоты струя, ослепляла позолотой, а над другими фигурами, из которых тоже били фонтаны, горели радуги.

Гости несколько часов гуляли по дворцовому саду, в котором было множество диковинных вещей. Искусственные деревья обдавали их прохладной росой, в густой листве пели чудесные птицы, а в прудах

плавали лебеди и игрушечные копии «потешных флотилий» Петра.

Из Петергофа гости прибыли по морю в Кронштадт. Шамиль уже был здесь в свой первый приезд в Петербург, но теперь он увидел, как строятся эти огромные корабли.

На следующий день гости посетили стеклодувную фабрику, где им показали, как из простого песка делается стекло, а из него — прекрасная посуда.

В Петропавловской крепости они посетили могилы Николая I и других царей, а затем отправились на монетный двор, где увидели, как чеканятся серебряные деньги. К полудню их привели к пушке, которая выстрелила ровно в 12 часов и по которой Шамиль проверил свои часы, как это делали все петербуржцы.

Затем гостей привезли в зоопарк, поразивший горцев обилием невиданных зверей, птиц и морских животных. Их особенно развеселил говорящий попугай, которого Магомед-Шапи пытался научить аварским словам, говоря, что у его новых друзей это не получается, так, может, хоть попугай что-нибудь выговорит. Но попугай твердил только «Здравствуйте, господа» и «Подайте на пропитание». Гостям показали и огромную змею. Она напомнила Шамилю змею еще большую, с которой ему пришлось схватиться в детстве.

Вечер Шамиль провел у Казем-Бека, работавшего над новой книгой «О значении имама, его власти и достоинстве». Остальные отправились в театр.

ПРИДВОРНЫЙ ХУДОЖНИК ЗИЧИ

В этот приезд гостей сопровождал придворный художник венгр Михай Зичи. Он сменил Тимма, который страдал болезнью глаз и уже подумывал прекратить издание «Художественного листка», чтобы вернуться в Германию. Так он вскоре и сделал. На родине Тимм уже почти не рисовал и только заведовал небольшой керамической фабрикой в Берлине.

Зичи попал в Россию случайно. Талантливый выпускник Венской академии художеств получил известность своим полотном «Выздоровливающая девушка молится перед образом Богородицы» и был приглашен в семью великой княгини Елены Павловны учителем рисования. Однако что-то там не сладалось, и вскоре Зичи вынужден был стать свободным художником, зарабатывая на жизнь продажей своих рисунков. Чтобы рисунки лучше раскупались, Зичи рискнул изображать слегка непристойные, а порой и откровенно эротические сцены. Ему уже грозила высылка из страны, когда в Россию явился знаменитый писатель Теофиль Готье. Поборник «искусства для искусства» обратил особое внимание на творчество Зичи и даже купил несколько его работ. Это сразу отразилось на карьере художника. Зичи стал придворным художником, создал огромное количество рисунков, отражающих жизнь и развлечения императорского двора, важные государственные события и торжественные церемонии, и был произведен в академики. Среди прочего он создал несколько рисунков, посвященных Шамилю, его встречам с царствующей семьей, а также ряд кавказских сцен романтического характера и иллюстрации к поэме Лермонтова «Демон». Однако своих эротических пристрастий Зичи не оставил, и эти его произведения, изданные отдельными альбомами за границей, сделали его по-настоящему знаменитым.

В вышедшей позже книге «Путешествие в Россию», которая весьма отличалась от наделавшей шуму книги Кюстина, Готье не забыл упомянуть и о Зичи.

Образ Шамиля и события Кавказской войны нашли отражение в произведениях множества художников, среди которых были и такие корифеи, как И. Айвазовский, И. Репин, Г. Гагарин, М. Врубель, Н. Пиросмани, Е. Лансере.

Несколько раз побывал на Кавказе и В. Верещагин, создавший множество живописных и графических работ, посвященных Кавказу. Был

Верещагин и в Туркестане, где не только рисовал, но и воевал, заслужив орден Святого Георгия. Но реалистичные произведения, созданные им по впечатлениям от событий в Средней Азии, вызвали столько недовольства своим пафосом обличения войны, что он даже уничтожил несколько своих работ. «Апофеоз войны» — одно из самых известных своих полотен, на котором изображена гора черепов, Верещагин сопроводил надписью: «Посвящается всем великим завоевателям: прошедшим, настоящим и будущим».

Не скрывая своего отношения к войнам и уже став всемирно известным художником, он остался верен своему призванию, продолжал работать на театрах военных действий и погиб в Порт-Артуре на борту взорвавшегося броненосца.

ПРИЕМ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

28 июля в «Знаменскую» прибыл адъютант, пригласивший всех явиться на аудиенцию.

На следующий день Александр II принял Шамиля в Царском Селе. Шамиль подарил императору дорогую саблю, украшенную лучшими горскими мастерами, которую Гази-Магомед привез из Дагестана.

Сабля императору понравилась. Шамиль поздравил царя с великим делом освобождения крестьян и вновь обратился к нему с просьбой отпустить его в Мекку для посещения святых мест и совершения обязательного для мусульман хаджа. Царю эта просьба показалась преждевременной. Он ответил, что исполнит просьбу Шамиля, но «не теперь». Руновского император похвалил, сказав: «Я доволен твоей верной службой».

На следующий день в гостиницу явились посланцы императора. Они вручили гостям дорогие подарки, а их женам и дочерям передали от императрицы драгоценные украшения и золоченых механических птиц, умевших петать на разные голоса.

СМЕНА КАРАУЛА

Дневник Руновского, представленный по начальству, оказался произведением содержательным и интересным. Но многих отношения пристава с военнопленным не устраивали. На Кавказе продолжались восстания, черкесы окончательно не сложили оружия, а решительных указаний на этот счет от Шамиля не поступало.

К тому же отпущенный в Турцию Магомед-Амин опять оказался в сфере интересов Англии и Франции, все еще надеявшихся вытеснить Россию с Кавказа. К Магомед-Амину прибывали делегации и из Черкесии. Они предлагали своему бывшему вождю вернуться на Кавказ и возглавить новое сопротивление, пока черкесов не окончательно вытеснили с родных земель и не выслали в ту же Турцию.

Агент царской разведки в Стамбуле итальянец Франки-ни, имевший чин полковника, слал в Петербург панические рапорты о возможном возвращении Магомед-Амина на Кавказ. Ставший к тому времени военным министром Милютин велел посольству в Стамбуле всячески удерживать Магомед-Амина, а тем временем приказал разобраться, чем грозит его возвращение. Свои отзывы на этот предмет представили Барятинский, Евдокимов и Г. Орбелиани, бывший теперь тифлисским генерал-губернатором. Общее мнение выразил Евдокимов, считавший, что серьезных последствий ожидать не стоит, так как «Магомед-Амин — это не Шамиль, который фактически создал в горах суверенное государство и управлял им в течение 25 лет».

Магомед-Амин и сам колебался, не желая начинать все заново без надежных гарантий и реальной поддержки. Прежний опыт подсказывал ему, что горцы опять могут оказаться лишь пешкой в чужой игре, которой пожертвуют тотчас же, как только в ней отпадет надобность.

В российском Военном министерстве относились к донесениям своей агентуры весьма внимательно. И находились чиновники, усматривавшие в колебаниях Магомед-Амина влияние Шамиля, с которым они встречались в Калуге. Однако в дневнике Руновского об этих встречах ничего тревожного найти не удалось. Напротив, Шамиль представал человеком весьма сдержанным в политических высказываниях, а Магомед-Амин будто бы и не помышлял о возвращении к своим прежним занятиям на Кавказе. Он лишь писал своим сподвижникам, чтобы те постарались удержать народ от переселения в Турцию. Тем не менее решено было сменить пристава при

Шамиле, с тем чтобы новый пристав вникал в дела и жизнь Шамиля более настойчиво и критически.

Такой человек быстро нашелся. Это был подполковник Павел-Платон Гилярович Пржецлавский. Он имел польские корни, но происходил из дворян Тверской губернии.

Службу Пржецлавский начал в 1838 году юнкером в Псковском полку. В 1844 году он уже воевал на Кавказе в чине прапорщика. Быстро усвоив некоторые местные языки и проявив административные способности, он с 1849 года занимал должность ленкоранского участкового заседателя. Еще через три года он стал полковым адъютантом Дагестанского конно-иррегулярного полка. В 1854 году был контужен под селом Уркарах осколком камня при попадании ядра в саклю. За отличие в делах с горцами он награждался орденами, рос в званиях и даже получил высочайшее благоволение. С августа 1857 года Пржецлавский был прикомандирован помощником к генерал-адъютанту князю Шамхалу Тарковскому. Через год он стал управляющим Дербентским уездом и был произведен в майоры. Затем занимал должность помощника военного начальника Среднего Дагестана и за особое рвение получил звание подполковника. 23 ноября 1861 года Пржецлавский был назначен приставом при военнопленном Шамиле и прибыл в Калугу 1 апреля следующего года.

СУДЬБА РУНОВСКОГО

Сдав дела новому приставу, Руновский вновь отправился на Кавказ, получив назначение состоять для особых поручений при наместнике Бяргинском Но в Тифлис он прибыл только в конце июля 1862 года, когда новым наместником, вместо болевшего Бяргинского, фактически стал великий князь Михаил Николаевич. Руновский сделался у него одним из главных советников, используя обширные знания, почерпнутые из бесед с Шамилем и его семейством. Видимо, советы Руновского оказались столь ценными, что 8 ноября 1866 года он был произведен из штабс-капитанов сразу в полковники, перешагнув тем самым три чина. Не заставили себя ждать и ордена. После восьми лет на Кавказе опыт и знания Руновского потребовались в Туркестане, который стремительно завоевывался царскими войсками. 31 января 1871 года Руновский был прикомандирован к штабу войск Оренбургского военного округа, а оттуда направлен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора. Здесь он трудился в комиссии по пересмотру положения об управлении Туркестанским краем. Руновский дослужился до председателя Сырдарьинского областного управления, но генеральского чина не получил. Он вышел в отставку с повышенной пенсией, намеревался продолжить свои публицистические опыты, но насладиться вольной жизнью так и не успел. 28 апреля 1884 года на 61-м году жизни он скончался «от изнурительного поноса», подхватив дизентерию. Похоронен Руновский на ташкентском христианском кладбище.

Руновский опубликовал много статей о Шамиле, а «Записки Руновского» печатались в Актах Кавказской археографической комиссии и вышли отдельным изданием в Петербурге в 1860 году.

ИНТРИГИ ПРЖЕЦЛАВСКОГО

Руновский, как и все, кто окружал Шамиля, был человеком не простым, но, исполняя свою службу, он сумел заслужить расположение Шамиля и стал ему почти другом. Новый же пристав больше походил на полицейского надзирателя. Отношения его с Шамилем омрачились с первых же дней. Еще до приезда в Калугу пристав был твердо убежден, что Шамиль — опаснейший глава мюридизма, мечтающий бежать обратно на Кавказ и поднять восстание.

Вознамерившись предотвратить новую кавказскую войну, Пржецлавский превратился в кандалы на ногах Шамиля, постоянно напоминая ему о статусе хотя и почетного, но все же военнопленного. Пристав лез во все дела Шамиля и его семейства, ограничивал в чем мог, следил за каждым его шагом и трактовал как затаенную крамолу все его высказывания.

Заметив на столе Шамиля карту России, пристав заподозрил его в намерении сплавиться до Каспия по рекам, а в раздаче нищим милостыни ему мерещились встречи с подпольными заговорщиками.

Такая назойливая опека становилась для Шамиля все более тягостной. Но Пржецлавский не хотел оставаться только приставом. Он намерен был употребить соседство с Шамилем для стяжания некоторой известности в обществе. В Дагестане он раздобыл копию рукописи бывшего секретаря Шамиля Мухаммед-Тахира Карахского (аль-Карахи) «О трех имамах» и даже перевел ее с арабского на русский язык, чтобы издать, заработать денег и прославиться. Свой перевод хроники Пржецлавский показал Шамилю. В свое время имам сам поручил Мухаммед-Тахиру описать события войны и даже вызывал очевидцев, чтобы те рассказали секретарю то, чему они были свидетелями. Шамиль очень заинтересовался рукописью, но хотел увидеть арабский оригинал, чтобы убедиться в точности перевода. К тому же до него дошли слухи, что Пржецлавский искажил многие факты. Однако пристав отказался показать рукопись, настаивая, чтобы Шамиль подписался в верности лишь русского перевода. Шамиль усомнился в верности того, чего он не мог проверить, и ничего подписывать не стал. К тому же поведение Пржецлавского не давало Шамилю оснований ему доверять.

С тех пор отношения Шамиля с приставом испортились окончательно. Рапорты Пржецлавского теперь напоминали донесения с линии фронта, а

Шамиль изображался как раненый зверь, готовящийся к последнему броску.

Б. Гаджиев приводит образчик стиля Пржецлавского: «Кази-Магомед, старший сын Шамиля — отъявленный фанатик, искусно маскирующийся в общении с русскими, но для меня понятный. Абдурахман — зять Шамиля... фанатик в душе и хитер до наглости. Зейдет — фанатичка, жадна на деньги и хитра до утонченности... Чай пьет такой жиденький, что сквозь него можно смотреть не только на Кронштадт, но и на Кавказ — на самый Дарго-Ведено».

СЕМЕЙНЫЕ ДРАМЫ

Калужский климат, сначала показавшийся горцам таким мягким, оказался для них не очень подходящим. Частые простуды и болезни осложнялись ностальгией по родине. Горцы становились мрачны, замыкались в себе и часами глядели на лесные просторы, открывавшиеся за широкой Окой. В ненастные дни напоминали о себе и старые раны Шамиля.

В мае 1862 года скончалась Каримат. «Роза Кавказа» была прекрасна даже на смертном одре. Гази-Магомед был потрясен потерей жены, которую он так любил и за которую так яростно боролся.

Гази-Магомед видел, что его жене плохо в Калуге. Но не замечал, насколько ей было тоскливо и холодно. Каримат была не из тех роз, что цветут вдали от родины. Чтобы вернуться, ей оставалось лишь умереть.

Гази-Магомед получил разрешение выехать на Кавказ, чтобы похоронить Каримат в родной земле.

Отправляясь в свой печальный путь, Гази-Магомед спросил отца, что передать Даниял-беку, с которым ему теперь предстояло встретиться.

«Поручений к бывшему наибу моему никаких не даю, — ответил Шамиль. — Но если бы можно было, я бы охотно протянул руку из Калуги в Дагестан, чтобы задушить предателя». Проводив сына до моста через Оку, Шамиль дал понять, что будет ждать возвращения его в Калугу, а на прощание сказал: «Храбрым — привет мой, трусам — презрение. В спутники даю тебе мир».

В том же 1862 году и также от чахотки скончалась в Петербурге Аминат — жена Магомед-Шапи. Ее тоже похоронили на родине.

КТО КОГО

В январе 1863 года вспыхнули новые восстания в Польше. Подготовленное подпольным Центральным национальным комитетом восстание поддержал либеральный Комитет русских офицеров, родившийся в недрах царских войск в Польше. Герцен из Лондона призвал присоединиться к восстанию всех честных людей.

Сторонники революционеров пытались открыть второй фронт, подняв восстание в Поволжье, и надеялись на активизацию горцев Кавказа.

Но восстание опять оказалось плохо подготовленным, руководители его действовали неслаженно, а крестьяне и вовсе остались в стороне, не увидев среди целей повстанцев заботы о своих чаяниях.

Восстание было сурово подавлено, и через год его зачинщики уже висели на столбах или шли на каторгу.

Давняя мечта поляков восстановить родину в ее изначальных границах опять не сбылась.

Польское восстание не смогло всерьез поколебать Кавказ, но Шамиля стороной не обошло.

В конце 1863 года пристав Пржецлавский вдруг стал необыкновенно учтивым, заботливым и старался завоевать доверие Шамиля. Он сочувствовал горькой участи горцев, обличал самодержавие и размышлял о родстве судеб горцев и поляков. Он даже признался, что и сам хотел перейти к Шамилю, когда служил на Кавказе, но не представилось возможности. Затем он перешел к описаниям ужасов, творимых царской армией в Польше после подавления восстания. Пржецлавский сетовал, что добрый император не знает об этих жестокостях, а то бы он велел простить побежденных, как простил горцев. Пржецлавский взывал к благородству Шамиля, давая понять, что имам снискал бы особую признательность императора, если бы нашел способ открыть ему глаза на положение дел в Польше. Посчитав, что Шамиль уже готов замолвить веское слово за его несчастных соотечественников, Пржецлавский предложил имаму подписать уже готовое письмо на имя Александра II. Был подготовлен и арабский вариант письма, в котором от имени Шамиля выражалась признательность государю за снисхождение к горцам, причинившим ему столько вреда, и содержалась просьба проявить такое же великодушие к полякам, которые подвергаются теперь ужасным несчастьям в виде казней, шпицрутенов, ссылок и конфискации имущества.

Пржецлавский был уверен в успехе, как и в том, что в случае неудачи виноват будет один Шамиль, а сам он выйдет сухим из воды.

Но Шамиль отклонил назойливую просьбу пристава, которого не любил за редкое лицемерие. Имам объявил, что хорошо помнит, что было на Кавказе, но о прощении никого не просил. И если оно последовало, то горцы заслужили его своим мужеством. В том числе заслужили его и беглые поляки, которые воевали на стороне Шамиля. Пржецлавского же Шамиль среди них не видел, что происходит в Польше, он не знает, а подписывать чужие письма тем более не станет, потому что не терпит принуждения. Шамиль добавил, что Руновский тоже был поляк, но не позволял себе обращаться к нему с подобными просьбами. Единственное, что был готов сделать Шамиль для Пржецлавского, — забыть этот досадный случай, который, возможно, был вызван сочувствием пристава к своим соплеменникам, но мог сильно повредить его карьере. Просьбу же о заступничестве Шамиль посоветовал адресовать если не по прямому назначению — императору, то бывшему калужскому губернатору Арцимовичу, который к тому времени уже служил в Варшаве членом Совета управления Царства Польского. Тем более что Арцимович сам был польского происхождения и имел репутацию человека благородного и справедливого.

Через три месяца вернулся Гази-Магомед. Новости, которые он привез с Кавказа, были одна печальнее другой. Если в Дагестане наступило некоторое затишье, то в Черкесии продолжались военные действия. После взятия Гуниба туда были переброшены основные силы Кавказской армии.

НА РУИНАХ ВОЙНЫ

Гази-Магомед увидел лишь часть новой драмы, развернувшейся на Кавказе. Ее действительные размеры обрели катастрофические масштабы.

Разрозненные народы и племена, населявшие горы со стороны Черного моря, становились легкой добычей командующего войсками на Западном Кавказе генерал-адъютанта Евдокимова. Но, как писал русский военный историк А. Берже, «ужас, внушаемый экспедициями непокорным племенам, проходил очень скоро, они отдыхали от понесенных потерь, восстанавливали трудом все истребленное огнем и мечом и вновь готовы были вступить в бой с нашими войсками, пополненными новыми рекрутами из России».

Тогда Евдокимов решил изменить прежнюю систему и предложил свой план покорения Западного Кавказа. К старым методам военных экспедиций, вырубки лесов, прокладки дорог и строительства крепостей он добавил выселение непокорных горцев на плоскости вдоль реки Кубани и ее притоков. Поддерживая Евдокимова, начальник Главного штаба Кавказской армии генерал А. Карцев, сменивший на этом посту Милютину, писал:

«До 1860 года цель наших действий на Кавказе состояла в том, чтобы экспедициями, предпринимавшимися в места, занятые горцами, наносить им возможно частые поражения и, убедив их в превосходстве наших сил, заставить изъявить покорность. Результатом этих экспедиций было то, что ближайшие к нам общества, жившие на равнинах, то покорялись, то снова восставали и постоянно нас грабили, сваливая вину на соседей, живших выше их в горах. В минувшую Крымскую войну все общества, бывшие покорными, одновременно восстали и пришлось снова покорять их.

Стало очевидно, что при дальнейших действиях по прежней системе, на каких бы условиях ни покорялись нам горцы, покорность эта продолжалась бы только до тех пор, пока они сами желали бы соблюдать ее, а первый выстрел на Черном море и даже какое-нибудь вымышленное письмо султана или прибытие самозванца-паши снова могло бы возбудить войну. Если даже мы заняли бы горы укреплениями и провели бы к ним дороги, то все-таки приходилось бы постоянно держать в горах огромное число войск и не быть покойным ни одной минуты.

Вследствие этого осенью 1860 года решено было прекратить бесполезные экспедиции и приступить к систематическому заселению гор

казачьими станицами, горцев же выселять на плоскость, подчиняя тем нашему управлению».

РАЗВЯЗКА КАВКАЗСКОЙ ДРАМЫ

В декабре 1862 года Барятинский был уволен, а наместником Кавказа стал генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич. Все обещания Барятинского были забыты, а колонизация приобрела невиданные размеры. Было утверждено и специальное положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России.

Освободившиеся «пустующие земли» без промедления раздавались помещикам или заселялись казаками и крестьянами, тем более что после отмены крепостного права желающих получить свой надел было множество. Обычной практикой было заселение земель теми же полками, которые изгоняли с них горцев. Казакам, переселявшимся на передовые линии, предоставлялись льготы и пособия.

«Уничтожение нашего черноморского флота и стеснительные условия Парижского трактата, — писал Берже, — не дозволили нам, как это было прежде, базироваться на Черное море и неизбежно заставили признать правильность плана, задуманного графом Евдокимовым: базироваться при покорении Западного Кавказа на кубанское казачье войско и линиями новых поселений стеснять постоянно горские племена до полной невозможности жить в горах».

Предвидя, какая судьба ждет племена Западного Кавказа, горцы направили к императору своих депутатов. Они соглашались признать царское владычество, если их оставят в покое в родных горах. Но договариваться с горцами никто уже не собирался, от них требовали не только покорности, но и поголовного выселения на равнины.

Горцам ничего не оставалось, как вновь взяться за оружие. Но, теснимые со всех сторон во много раз превосходящими силами, они вынуждены были прекратить сопротивление. Кое-кто еще надеялся на помощь Турции, на то, что Польское восстание отвлечет с Кавказа царские войска, и сопротивлялся из последних сил, но в конце концов разделял судьбу своих братьев.

Но были горцы, которые не хотели покидать родину и не желали покоряться. Такие уходили в абреки. Они скрывались в горах и лесах, вели партизанский образ жизни и доставляли много неприятностей новым властям. Их дерзкие налеты на комендатуры, обозы, почты и другие акции находили поддержку у местного населения, считавшего их народными

заступниками.

Против абреков посылались целые экспедиции, но абреческое движение не утихало. К нему присоединялись даже ущемленные новыми властями князья, бежавшие из заключения мюриды и многие другие.

В Турции были созданы «Черкесские комитеты», ратовавшие за новую войну и помощь восставшим горцам. Но серьезной поддержки восставшим оказано не было.

Когда тактика выселения коснулась и Дагестана с Чечней, там тоже вспыхнули восстания. Но главными возбудителями народного гнева были злоупотребления чиновников и чуждая горцам новая система управления. Под видом освобождения крестьян от феодальной зависимости их облагали новыми, еще более тяжкими повинностями и налогами, а на случай бунтов отбирали оружие.

К восставшим присоединялись даже состоявшие на царской службе офицеры-горцы и бывшие дворяне. Но громадный перевес царских войск делал свое дело, восстания подавлялись, зачинщики ссылались в Сибирь, а имущество восставших конфисковывалось.

В Чечне шейх Кунта возглавил движение «зикристов», волновавших народ обещанием скорых и решительных перемен. Какого рода перемены могли поколебать Чечню, власти хорошо понимали, а потому предприняли решительные действия против проповедников нового учения, в которых подозревали организаторов будущего восстания. Шейх и множество его последователей были арестованы и отправлены в Ставрополь. Последователи шейха подняли восстание, требуя освободить арестованных. На усмирение восставших были брошены большие силы. У села Шали произошел бой, который надолго запомнился наместнику. Три тысячи восставших, среди которых были и женщины, двинулись с саблями и кинжалами на шесть батальонов пехоты и четыре сотни казаков, стоявших с ружьями на изготовку и заряженными пушками. После ожесточенного боя восставшие были рассеяны.

Весной 1864 года были сломлены последние очаги сопротивления на Западном Кавказе. Несколько отрядов Евдокимова, наступавшие с разных сторон, встретились в ущелье Кбаада 21 мая 1864 года. Эту дату и объявили днем окончательного покорения Западного Кавказа и завершения Кавказской войны, хотя военные операции продолжались еще несколько лет.

По случаю окончания войны было отчеканено около полумиллиона серебряных медалей и крестов.

Но Евдокимов не ограничился вытеснением населения из горных

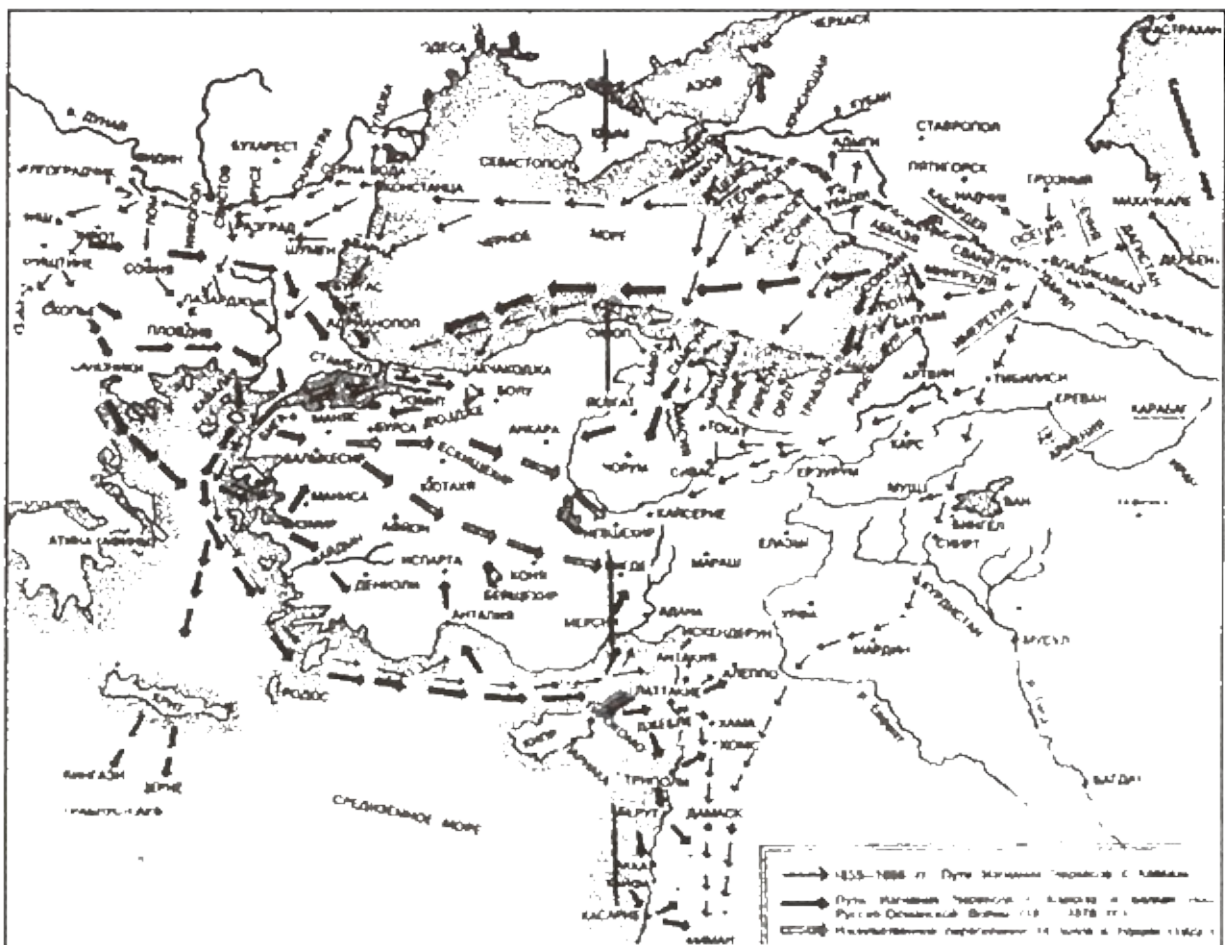
районов. Он решил выселить его с Кавказа.

ВЕЛИКИЙ ИСХОД

Массовое переселение горцев в Турцию получило название «мухаджирство». Первыми мухаджирами считались сподвижники Пророка Мухаммеда, которые переселились с ним из Мекки в Йасриб, когда новое учение — ислам — не было принято мекканскими язычниками. После этого Йасриб получил название Медин-ат-Наби (Город Пророка) или просто Медина.

Многие горцы предпочли не искушать судьбу и давно уже переселились в Турцию. Большею частью это были черкесские князья, опасавшиеся, что крестьянские реформы в России оставят без крестьян и их самих. Они продавали свое имущество и покидали Кавказ, увлекая за собой и своих подданных. В Турции их хорошо встречали, предоставляли помощь и плодородные земли. Но так было только поначалу.

Для переговоров о приеме переселенцев в Константинополь был отправлен генерал-майор М. Лорис-Меликов. Он договорился с турецкими властями о поселении вдали от русско-турецкой границы трех тысяч семей. Когда оказалось, что переселенцев прибывает намного больше, турецкое правительство решило не закрывать границы, надеясь расселить мухаджиров в Малой Азии и на Балканах, чтобы разредить тамошнее христианское население и сохранить трещавшую по швам империю. К тому же горцы были хорошими воинами, которых так не хватало турецкой армии.

Карта выселения горцев (по Н. Берзеджу).

Но союзников Турции — англичан, французов и итальянцев — такой поворот дела не устраивал. Они вовсе не желали усиления Турции за счет деятельных и смелых горцев и еще больше не хотели окончательного утверждения русского владычества на обезлюдевшем Кавказе. Они попытались оживить угасающее сопротивление горцев, посылая им военную помощь и легионеров, но эти экспедиции или вовсе не добирались до кавказских берегов, атакованные казачьими шхунами, или сами возвращались обратно, не найдя на Кавказе союзников.

Тем временем агенты Евдокимова энергично агитировали самых упорных горцев за переселение. Они обещали им чудесную жизнь под властью единоверного султана и пугали народ слухами о том, что

оставшиеся все равно будут выселены из их аулов, сосланы в Сибирь или отданы в солдаты.

Число желающих выселиться в Турцию стремительно росло. Власти этому не препятствовали и даже выдавали им денежные пособия.

Избавление Кавказа от «беспокойного элемента» было поставлено на поток. В портах скапливались огромные массы людей. Черноморское побережье Кавказа превратилось в один огромный табор. В лагерях распространялись тиф и оспа, унося сотни жизней каждый день. Царские начальники были в полной растерянности. Видя бедствия и лишения горцев, одни старались как-то помочь им, раздавая солдатские пайки и размещая больных в госпиталях. Другие наживались на человеческом горе, присваивая выделенные переселенцам пособия и за бесценок скупая их имущество и скот.

Зафрахтованные правительством суда «Русского общества пароходства» получали огромные барыши, но не успевали всех перевозить. Стали нанимать частные суда во всех черноморских городах, а затем и в самой Турции. Но людей на берегу становилось все больше.

В дело включились русские и турецкие военные корабли. Суда были так переполнены, что не все переселенцы выдерживали долгое плавание до турецких берегов. Многие умирали в пути. А поднимавшиеся бури поглощали порой целые корабли.

Не лучше обстояли дела и у тех, кто добирался до цели. Русский вице-консул в Трапезунде А. Мошнин сообщал начальнику Главного штаба Кавказской армии А. Карцеву: «С начала выселения в Трапезунде и окрестностях перебивало до 247 тысяч душ; умерло 19 тысяч душ. Теперь осталось 63 290 человек. Средняя смертность 180–250 человек в день. Их отправляют внутрь пашалыка, но большею частью в Самсун».

Турецкие власти не ожидали такого массового переселения и были этим очень обеспокоены. А когда с кораблей начали выносить еще и умерших, они отказались принимать эмигрантов и объявили 15-дневный карантин на все прибывающие суда. Затем горцев собирали в пригородных лагерях, где они продолжали гибнуть от холода и голода. Выдаваемого властями продовольствия не хватало, а потому многие скрывали умерших и хоронили их прямо под своими палатками, чтобы накормить детей их порциями. Турецкие чиновники делали состояния, манипулируя средствами для переселенцев, которые выделяло правительство. Мужчины вынуждены были вербоваться на службу в армию, а множество женщин и детей оказались на невольничьих рынках.

«Население испугано переселением и вознаграждает себя покупкою

невольниц, — сообщали из Турции Карцеву. — На днях паша купил восемь самых красивых девушек по 60–80 рублей за каждую и посылает их для подарков в Константинополь. Ребенка 11–12 лет можно купить за 30–40 рублей».

Тяжелые условия, в которых оказались мухаджиры, вполне могли обернуться массовыми выступлениями теперь уже против турецких властей. Опасаясь восстания, власти спешили разделить огромные массы переселенцев, расселяя их в отдаленных местах. Там их тоже не ждали, и горцам приходилось силой отвоевывать у местного населения жизненное пространство. Горцев расселяли на границах и вдоль железных дорог, которые они должны были охранять. Выжившие основывали в каменистых пустынях новые села и давали им старые кавказские названия. Люди жили впроголодь, отбиваясь от бедуинских племен и разбойников. Они сажали деревья, к которым так привыкли на родине, и засевали земли. Бедуины сжигали урожаи и рубили деревья, за которыми можно было укрыться от их набегов.

Сколько всего горцев оказалось в Турции, точно неизвестно, но считается, что число их составило от двух до трех миллионов. Западный Кавказ почти совсем обезлюдел. На родине осталось не больше 15 тысяч человек.

Горцы начинали понимать, что стали жертвой очередного обмана, что лучше жить на родной земле даже под царским владычеством, чем на чужбине под властью османских чиновников.

Часть горцев попыталась вернуться на родину, но заградительные заслоны и пушки вынудили их уйти обратно в Турцию. Вернуться удавалось немногим, но и их зачастую высылали обратно.

Постоянная миграция мухаджиров привела к тому, что переселенцы с Кавказа оказались не только в различных областях собственно Турции, но и в Сирии, Египте, Ливии, Ливане, Иордании, на Кипре и Балканах и даже в Америке и Австралии.

Множество обществ Западного Кавказа постигла одна и та же судьба: сопротивление, восстание, разгром, выселение и эмиграция. Уходили в небытие, бесследно исчезали целые племена и народы.

Массовой высылке в Турцию дагестанцев и чеченцев мешало то, что сами горы Северного Кавказа не представляли особого экономического интереса и жить в голодном поднебесье крестьяне не соглашались.

Овладение Кавказом стоило немалых жертв и царской армии. Людские потери убитыми, ранеными и попавшими в плен за период с 1801 по 1864 год составили по официальным данным 96 275 человек, в том числе 13

генералов.

Но не все потери было возможно подсчитать. И тем более невозможно было осмыслить кавказскую драму во всей ее необъятной трагичности.

Евдокимов сделал свое дело и 15 января 1865 года был уволен со всех должностей «за жестокости и злоупотребление властью».

КАЛУЖСКИЙ ВОИНСКИЙ НАЧАЛЬНИК

Отмена крепостного права повлекла за собой много других важных изменений. Предстояло перейти от рекрутского набора к всеобщей воинской повинности. Военные реформы были поручены военному министру Милютину. Граф разделял взгляды императора на необходимость коренных преобразований и решительно взялся за дело. Для начала он сократил с 25 до 16 лет срок военной службы, отменил офицерские расправы над солдатами, запретил шпицрутены, плети, клеймение солдат и даже начал обучать их грамоте. Милютин получил большой вес и влиял не только на военные реформы, но главной его задачей оставалась подготовка к отмене рекрутчины и переходу к воинской повинности.

В этих целях в 1864 году Милютин образовал военные округа и назначил в них губернских воинских начальников. Они отличались от военных губернаторов тем, что главным образом занимались набором в армию, устройством уволенных в запас, формированием ополчения и делами военнопленных.

В Калужский военный округ был назначен 45-летний полковник Михаил Чичагов. Он окончил Пажеский корпус и служил по артиллерийской части. Чичагову пришлось воевать лишь однажды, когда его бригаду послали против венгерских повстанцев в 1849 году. В основном же он занимался обучением артиллеристов, исправно получая ордена и повышения по службе. Между получением нового назначения и прибытием в Калугу Чичагова произвели в генерал-майоры.

Он быстро подружился с Шамилем и старался умерить служебное рвение Пржецлавского. Пристав, после отказа Шамиля подписать петицию о поляках, превратился в его злейшего врага и изводил имама всеми доступными способами.

Пржецлавский уже не ограничивался одним только домом Шамиля. Он принялся распространять нелепые слухи и оскорбительные сплетни, писал лживые доносы начальству, выставляя Шамиля «вечно недовольным скрягой», мечтающим вернуть Кавказ в свое владычество, и обещал упечь его в Сибирь.

Мария Николаевна Чичагова, супруга воинского начальника, очень интересовалась Шамилем и близко сошлась с его семьей. Она увлекалась музыкой и сочинительством и даже написала книгу «Шамиль на Кавказе и в России». О поведении пристава Пржецлавского она была самого

нелестного мнения: «Он давал чувствовать имаму на каждом шагу, что он военнопленный, показывал полное недоверие к нему, сопровождал его всюду, что было совершенно излишне».

Чичагов обратился к Милютину с просьбой о смене пристава. Это возымело действие, и вскоре в Калугу прибыл из Москвы денщик с вещами капитана Семенова, назначенного на место Пржецлавского.

Однако пристав решил не сдаваться и совершил подлог, отправив в Военное министерство якобы написанное Шамилем письмо с просьбой оставить при нем Пржецлавского. Удержавшись на своем месте, пристав вновь принялся за старое.

Имам пытался образумить распоясавшегося пристава, но ничего не помогало. Шамиль из последних сил сохранял хладнокровие и едва удерживал сына, готового избавиться от обнаглевшего пристава самым радикальным способом.

Опасаясь, что дело вот-вот примет трагический оборот, Шамиль вновь обратился к Чичагову, Щукину и новому губернатору Спасскому с просьбой положить, пока не поздно, конец бесчинствам Пржецлавского.

Внимательно выслушав Шамиля, высокие должностные лица обратились к Милютину с просьбой о немедленной смене пристава. В своей речи имам, как и обещал, ни словом не обмолвился о петиции, которую Пржецлавский предлагал ему подписать.

В ответ для производства дознания Милютин прислал в Калугу своего адъютанта Н. Брока. Но вместо пресечения преступных действий пристава полковник Брок объявил Чичагову: «Шамиль здесь дурит. Его следует отправить в Вятку».

Однако Чичагов настоял на серьезном расследовании, которое выявило все грязные интриги и даже подложное письмо Пржецлавского Милютину.

ОТСТРАНЕНИЕ ПРИСТАВА

В декабре 1865 года, ознакомившись с результатами расследования, Милютин подготовил для царя доклад, рекомендовав вообще упразднить должность пристава при Шамиле, который «не нуждается более в постороннем советнике и руководителе».

Александр II с Милютиным согласился и поручил Шамиля заботам Чичагова. 1 февраля 1866 года Пржецлавский был «оставлен за штатом по армейской кавалерии в связи с упразднением должности пристава при Шамиле», а для Чичагова была прислана новая инструкция, значительно смягчавшая режим содержания Шамиля в Калуге. Имам письменно поблагодарил Милютина за справедливое решение дела.

Но карьера Пржецлавского на этом не закончилась. Он продолжил службу на Севере, дослужился до батальонного командира, а затем вновь пошел по юридической части. Он стал председателем полкового суда, затем членом Московского военно-окружного суда и в 1872 году был уволен со службы в чине полковника с пенсией и правом ношения мундира. Затем Пржецлавский был гласным Тверского земства, почетным мировым судьей, а с 1876 года заведовал в Тверском уезде поставкой лошадей для армии, за что получил еще одно высочайшее благоволение. В 1877 году, во время новой Русско-турецкой войны, Пржецлавский вернулся на Кавказ, воевал, состоял при наместнике, затем был начальником нескольких кавказских округов, а в 1878 году стал помощником военного губернатора Эрзерумской области. Через год он был окончательно уволен со службы, так и не получив желанного генеральского звания.

В 1877 году Пржецлавский опубликовал в нескольких номерах журнала «Русская старина» свой «Дневник пристава». Шамиль был выведен в нем в столь мрачных красках, а факты так чудовищно искажены, что все те, кто близко знал Шамиля, сочли эту публикацию личным оскорблением.

СТАМБУЛ — КАЛУГА

Наиб Шамиля Магомед-Амин в своих письмах ему рассказывал о бедствиях, которые постигли переселившихся в Турцию простых горцев. Магомед-Амин несколько лет прожил в Турции и умер в 1863 году.

О том же писал зятю и шейх Джамалуддин Казикумухский, следовавший за переселенцами, чтобы не оставлять их без духовного попечения.

Эти известия глубоко печалили Шамиля. Разве для того горцы столько боролись, чтобы теперь отдать родину в обмен на несбыточные обещания султана? Разве тот помог горцам, когда на глазах всего мира они дрались с огромной армией царя? Разве не знали горцы, что получили больше помощи от переходивших к ним русских, чем от единоверного султана? А теперь султан хотел сделать храбрых воинов-горцев сторожевыми псами своих владений. И разве для того горцы выдержали такую долгую войну, чтобы погибнуть в мире?

Шамиль оставался вождем своего народа, но ничем не мог ему помочь. Оставалась лишь одна возможность спасти горцев — попытаться вернуть их назад. Но для этого нужно было быть в Турции, а не в Калуге.

Если бы царь позволил Шамилю совершить паломничество в Мекку, он бы отправился туда через Стамбул и попытался бы сослужить своему несчастному народу последнюю службу. Но просьбы Шамиля отпустить его в хадж по-прежнему оставались без удовлетворения.

Магомед-Амин во время последнего хаджа имел встречу с эмиром Абд аль-Кадиром (Абдель-Кадером), который возглавлял борьбу алжирского народа за независимость против французских колониальных властей в 1832–1847 годах и имел такой же статус почетного пленника, как и Шамиль. Наиб просил его походатайствовать перед царскими властями об исполнении заветной мечты Шамиля.

В январе 1866 года герой алжирского сопротивления направил по официальным каналам свою просьбу о разрешении Шамилю совершить хадж. Пока просьба известного в мире политического деятеля рассматривалась в Петербурге, случилось событие из ряда вон выходящее, заставившее отложить рассмотрение вопроса на неопределенное время.

ПОКУШЕНИЕ

4 апреля 1866 года Калугу, как и всю Россию, потрясла весть о покушении на императора. Больше всех это удивило самого Александра II, обретшего к тому времени славу миротворца и освободителя.

Стрелял Дмитрий Каракозов, но неудачно. Он был тут же схвачен.

Теряясь в догадках, император решил было, что это месть за расправу над взбунтовавшимися поляками. Когда к нему привели пойманного преступника, он первым делом спросил: «Поляк?» — но покушавшийся ответил: «Я — русский».

Следственная комиссия, которой руководил виленский военный губернатор М. Муравьев, родственник бывшего наместника Кавказа, установила, что Каракозов был ишутинцем — членом тайного революционного общества, возглавляемого Н. Ишутиным. Под прикрытием легального «Общества взаимного вспомоществования» Ишутин создал нелегальные — «Ад» и «Организацию», имевшие много общего с «Землей и волей».

Вопрос о подготовке покушения обсуждался руководством организации, но был отвергнут большинством, в том числе и самим Ишутиным. Индивидуальному террору он предпочитал организацию широкого революционного движения. К тому же и кумир революционеров Герцен вдруг начал звать оппозицию к сотрудничеству с царем-реформатором. Он даже опубликовал в «Колоколе» статью «Ты победил, Галилеянин», в которой сравнивал Александра с Христом. Но Каракозов, больше увлекавшийся Чернышевским и Ткачевым, нарушил партийную дисциплину. К тому времени послереформенные крестьянские выступления пошли на убыль, и Каракозов решил таким образом разбудить Россию. Но вместо этого он ее напугал.

Каракозова повесили, главных ишутинцев посадили, остальных разогнали. Взялись искоренять и другие революционные общества. Но пример оказался слишком заразительным. Вскоре в России появились организации, состоявшие «сплошь из одних Каракозовых», которые в конце концов и довершили дело своего вдохновителя.

В Калуге ждали реакции Шамиля. Имам несколько дней был мрачен и не находил себе места. Ведь его сын Магомед-Шапи служил в императорском конвое, и Шамилю рисовались самые ужасные последствия

того, что конвой не уберег императора. Но еще страшнее было представить, что и сам конвой мог иметь отношение к покушению... Шамиль немного успокоился лишь тогда, когда обстоятельства дела прояснились и стало известно, что император не пострадал, а Магомед-Шапи был в день покушения в увольнении.

Имам выразил императору сочувствие. Как человек благородный, он хорошо понимал разницу между открытой войной и выстрелами из-за угла или в спину.

На этот раз смерть обошла царя стороной, но в доме Шамиля она почувствовала себя вольготно. 12 апреля скончалась Написат — старшая дочь Шамиля и жена Абдурахмана, которому она оставила восьмилетнюю дочь. Диагноз был прежний — чахотка и тоска по родине. Совершив над покойной положенные обряды, муж увез ее хоронить в Дагестан и в Калугу больше не вернулся.

КОНЕЦ ДАГЕСТАНСКИХ ХАНОВ

Прибыл проститься с сестрой и Магомед-Шапи. Теперь он был уже поручиком. О турецкой драме горцев он знал немного, зато имел сведения о положении в Дагестане.

После отъезда Шамиля в Россию бывшие ханы предъявили свои права на управление горцами. Поначалу им вернули все их владения, наделили чинами и даже выдали компенсацию. Однако очень скоро ханы обнаружили, что имеют дело с совсем другим народом, нежели дагестанцы были до Шамиля. Некоторое время ханы держались новых правил, введенных царскими властями, но скоро в них проснулись прежние хищнические инстинкты и методом своего правления они избрали столь милое их сердцу самоуправство. Но времена изменились, и изменились настолько, что против ханов выступили не только их прежние подданные, но даже и царские власти, опасавшиеся повсеместного возрождения мюридизма. Дело кончилось тем, что бывшие владельцы были отстранены от управления, а сами ханства упразднены. Тем, кто сложил свои полномочия добровольно, были сохранены некоторые привилегии, а также наследственное недвижимое имущество. Остальных просто выслали из Дагестана в российские губернии. Они теперь горько сожалели, что на Кавказе нет Шамиля. Когда он воевал, были нужны и они.

Последним владельцем Дагестана оставался князь Шамсудин Тарковский. Он меньше других пострадал от мюридов, но, будучи человеком умным и дальновидным, заявил, что, «движимый желанием подать пример всемерного стремления к ускорению и облегчению приведения в исполнение видов правительства относительно установления свободных отношений между всеми туземцами Дагестана, добровольно и навсегда освобождает всех жителей шамхальства от всяких обязательных отношений к нему по праву его как шамхала, так и землевладельца».

Даниял-бек Элисуйский пытался сохранить свои бывшие владения, но получил отказ. Он уехал в Турцию, где и умер в 1870 году.

НАСЛЕДИЕ ИМАМАТА

Все вокруг стремительно менялось. Менялся и Кавказ. На первое время было решено устроить здесь такой способ управления, который, не нарушая горских обычаев, ослабил бы значение духовенства. Для этого сфера его влияния была ограничена шариатским судом, которому предоставлялись дела исключительно духовные, а остальное судопроизводство возвращалось в область обычного права (адата), которое легче поддавалось изменениям сообразно новому положению горцев и потребностям администрации.

Дагестан теперь именовался Дагестанской областью и был разделен на четыре военных отдела, которые, в свою очередь, делились на округа и наибства. Общее управление строилось на основании нового «Положения о военно-народном управлении в горских территориях».

Это была почти та же система, которую ввел Шамиль, а некоторые его наибы даже назначались на свои прежние должности. Секретарь и биограф Шамиля Мухаммед-Тахир аль-Карахи, автор не раз упоминавшейся книги «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах», в 1859 году вернулся в Темир-Хан-Шуру, где стал старшим кадием Дагестанского народного суда. Он умер в 1880 году и похоронен в селении Цулда.

Сохранилось и многое другое, к чему горцы привыкли за время существования Имамата. Законы империи имели здесь весьма незначительное влияние, а быт и уклад горской жизни почти не изменились. И это отличало горцев от остальных «туземцев», подвластных императору. Горцев не брали и в рекруты, но если кто-то желал служить за вознаграждение, то ему не отказывали.

Дагестан, как и весь Кавказ, все более прочно привязывался к империи. Открылась широкая торговля, создавались мануфактуры, рыбные артели, раздавались нефтяные концессии. Готовились проекты прокладки железной дороги до Дербента, в Порт-Петровске изучался морской берег на предмет сооружения большого торгового порта, а между городами Каспия уже ходили небольшие пароходы.

Вместе с тем продолжалось и мухаджирство. Дагестанцы и чеченцы, хотя и не в таких количествах, как черкесы, продолжали уходить в Турцию через Азербайджан.

Часть шестая
ПАЛОМНИЧЕСТВО

РЕШЕНИЕ ШАМИЛЯ

Шамилю было уже почти 70 лет. Годы брали свое, старые раны болели с новой силой, ему уже трудно было подниматься на свой верхний этаж, его мучила одышка. Здоровье имама ухудшалось день ото дня. Его единственной отрадой были молитвы, книги и дети. Три года назад Загидат родила ему сына. Маленький Магомед-Камиль любил играть с отцовским кинжалом. Шамиль усаживал сына на коня и часами возил по саду, называя его закоулки Гимрами, Ашильтой или Ведено.

Имам не роптал на судьбу. Пророк Мухаммед прожил на земле 62 года, и все, что отпущено было сверх этого срока, Шамиль рассматривал как Божью благодать.

Шамиль уже сделался живой легендой и чувствовал, что книга его жизни вот-вот подойдет к концу. Но этой книге не хватало нескольких важных страниц. Благодетельный имам верил, что Всевышний продлевает его дни, чтобы он успел исполнить одно из главных установлений веры — паломничество к святыням ислама в Мекку и Медину.

Шамиль видел, сколько уважения и почестей оказывал ему император, но не понимал, почему он не хочет отпустить его в хадж, хотя Барятинский обещал ему это еще в Гунибе. Царское «со временем» таило в себе какую-то недосказанность. Магомед-Шапи, знавший настроения при дворе, предположил, что царь и его главные советники опасаются, что Шамиль не вернется обратно. Было ясно, что ни Россия, ни Турция не удовлетворены положением, создавшимся после Крымской войны, и непременно начнут новую. В такой ситуации было бы естественным попытаться сделать Шамиля или хотя бы его славу одним из главных знамен османского войска. Тем более что в Турции теперь так много бывших сподвижников имама.

Нынешний статус Шамиля как почетного, но все же военнопленного, оставлял мало надежд на скорое разрешение его чаяний. В том же положении оставался и Магомед-Шапи, чье продвижение по службе могло бы быть более успешным, если бы... Магомед-Шапи не решался сказать отцу все, что думал, но Шамиль и сам уже понял, какой шаг следует предпринять.

Благородство Шамиля и верность его данному слову вошли в притчу. И если бы Шамиль стал теперь российским подданным, приняв соответствующую присягу, даже его открытые недруги не смогли бы

предположить, что он сможет изменить данному слову. Возможно, тогда и царь посмотрел бы на дело иначе и без опасений отпустил бы его для исполнения священного долга мусульманина.

Когда Шамиль поделился своими мыслями с Щукиным и Чичаговым, те горячо его поддержали и вызвались быть ходатаями в исполнении его желаний.

Письмо Шамиля Александру II о намерении войти в российское подданство произвело в Петербурге большое впечатление. Царя в то время не было в столице, и в переписку с Шамилем вступил военный министр Милютин, сообщивший о согласии императора принять Шамиля и его семейство в число своих подданных.

Вскоре последовало приглашение Шамиля на свадьбу престолонаследника великого князя Александра Александровича. На торжествах Шамиль выступил с речью, а затем имел встречу с императором, который обещал вскоре исполнить желание имама. Когда же речь зашла о подарке по случаю вступления Шамиля в российское подданство, то Шамиль сказал, что ничего более не желает, как совершить предписанный Всевышним хадж.

Александр был осведомлен об ухудшении здоровья Шамиля и, по ходатайству Барятинского, обещал подумать о переселении его из Калуги в более теплое место, чтобы поправить здоровье перед дальним путешествием.

26 августа 1866 года в зале Калужского губернского дворянского собрания состоялась торжественная церемония принятия Шамилем и его сыновьями Гази-Магомедом и Магомед-Шапи присяги на верноподданство России.

«Беру на себя точно исполнить все поименованные обязательства, — заявил Шамиль, — и прошу Бога всемогущего, да дарует мне телесную и душевную возможность сдержать данную мною клятву. Для сего кладу с благоговением на святой Коран поцелуй мой, как печать сей своей клятвы».

С ответной речью выступил предводитель калужского дворянства Щукин, сказавший, что Шамиль был побежден не столько оружием, сколько любовью. «О превосходный и совершенный имам! — сказал в заключение Щукин. — Поздравляю тебя и твоих детей и желаю вам всякого добра от Аллаха Всевышнего и от людей. Он — владыка, оказывающий содействие. Аминь».

Фотограф Гольдберг постарался запечатлеть знаменательное событие. Но важных особ прибыло так много, что ему пришлось сфотографировать всех по отдельности, а затем уже составить из них несколько рядов позади

главного снимка, на котором были изображены Шамиль с сыновьями и Щукин с другими губернскими начальниками.

Совсем немного не дожил до этого дня губернатор Чичагов, проявлявший к Шамилю самое дружеское участие. Он умер от «казенного» тифа, которым заразился при посещении солдатского госпиталя.

ОТЪЕЗД ИЗ КАЛУГИ

Калуга с сожалением расставалась с имамом, который завоевал сердца калужан и сделался главной местной достопримечательностью.

Барятинский, по просьбе имама, хлопотал о назначении новым местом жительства Казань, но царь выбрал Киев. Узнав, что путь в Мекку ближе через Киев, чем через Казань, Шамиль согласился.

В ноябре 1868 года, после долгих приготовлений и чиновничьих хлопот, Шамиль покидал Калугу. Перед самым отъездом он посетил семейное кладбище, на котором было упокоено 17 человек из дома Шамиля. Это кладбище находилось за городом, у Лаврентьевской рощи, и было обнесено оградой.

На железнодорожном вокзале Шамиля провожали губернские начальники, делегация дворянства во главе с Щукиным и множество калужан. Отдельной толпой стояли нищие, которым Шамиль велел раздать последнюю милостыню.

Фотограф Гольдберг, составивший на портретах Шамиля немалое состояние, так расчувствовался, что выпил лишнего и забыл свою треногу в привокзальном буфете.

КИЕВ

В начале декабря Шамиль с семейством прибыл в Киев. Попечительство над Шамилем было поручено военному коменданту города генерал-лейтенанту Новицкому. Милютин направил ему и секретную инструкцию «О порядке надзора за Шамилем», которую 8 октября утвердил сам Александр II.

Первый пункт инструкции гласил: «Правительство, вверяя киевскому коменданту надзор за Шамилем, возлагает на него также обязанность ограждать его от всего, что может отягощать его положение, и в уважительных просьбах быть за него ходатаем». За Шамилем сохранялся «присмотр постоянный, но для него не стеснительный», сохранялось также повышенное содержание (15 тысяч рублей в год) и выделялись средства на другие нужды, включая наем летней дачи. В целом, это была не столько инструкция, сколько руководство по тактичному обращению с Шамилем. Про 30 километров в округе, дозволенных для поездок Шамилю, уже не было и речи.

Шамилю отвели часть дома на Крепостной улице. Дом тут же окружила публика, желавшая увидеть знаменитого имама и засвидетельствовать ему свое почтение.

Власти принимали Шамиля с почетом, как и в других городах. Газеты публиковали мемуары из истории Кавказской войны, а разночинцы бросали в экипажи, на которых ездил Шамиль, тетради с переписанной поэмой Т. Шевченко «Кавказ». Ссылные горцы приходили навестить Шамиля и совершали с ним пятничные намазы.

Киев, «мать городов русских», стоявший на пути «из варяг в греки», был третьим по величине городом Российской империи после Москвы и Петербурга. Здесь было много замечательного. Шамиль осмотрел Софийский собор и Киево-Печерскую лавру, катакомбы которой напомнили ему подземные укрепления в Ахульго. Больше всего ему нравилось спускаться к Днепру. Здесь Шамиль задерживался надолго, провожая взглядом плывущие вниз по течению пароходы. Он знал, что пароходы эти плывут до Одессы, а затем могут добраться морем и до Стамбула, через который лежал путь в Мекку.

Шамиль чувствовал, что ему нужно спешить, и обращался за содействием к Барятинскому и наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу. В письме Шамиля к наместнику говорилось: «...В

настоящее время, будучи дряхл и слаб моим здоровьем, боюсь, чтобы без исполнения святого моего долга не пришлось мне расстаться с земною жизнью, и потому обращаюсь к Вашему Императорскому Высочеству с самой искренней просьбой, испросить у Государя Императора разрешение отправиться мне с семейством в Мекку, для исполнения святого обряда и вместе с тем пристроить моих взрослых дочерей, оставив в России дорогих сыновей моих Гази-Магомед и Магомед-Шапи.

По исполнении святой моей обязанности, если Бог продлит мои дни, я долгом сочту возвратиться в Россию».

Ходатайства Барятинского и наместника поддержали военный министр Милютин и министр иностранных дел князь Горчаков.

16 февраля 1869 года высочайшее разрешение было получено. Еще несколько месяцев ушло на урегулирование дипломатических формальностей и выдачу Шамилю заграничного паспорта сроком на один год.

Разрешение отправиться в паломничество получил только Шамиль с женами, дочерьми и внуками. Сыновья могли сопровождать его до Одессы.

12 мая 1869 года Шамиль сел на пароход, отправлявшийся из Киева в Одессу. С ним ехал Гази-Магомед. Там он и простился с отцом, отбывшим 18 мая на пароходе в Стамбул, а сам вернулся в Киев.

Казначей Хаджияв вернулся на Кавказ и был назначен наибом Анкратлинского общества. Любивший порядок наиб нажил себе немало врагов, пресекая раздоры и кровомщения. Однажды дом, где он остановился во время одной из поездок, был окружен его недругами. Отбиваясь от нападавших, Хаджияв погиб.

ШАМИЛЬ В СТАМБУЛЕ

Корабль, на котором плыл Шамиль, вошел в пролив Босфор 19 мая. О прибытии Шамиля правительство Порты узнало, когда он был уже на пути к Стамбулу, и не сумело совладать со стихией народного ликования.

Корабль окружило множество катеров и парусников, которые сопровождали его до гавани Стамбула под звуки янычарских труб и ружейные салюты. Из-за обилия судов кораблю долго не удавалось пришвартоваться. А Шамилю долго не удавалось ступить на турецкую землю, потому что огромная толпа встречающих подхватила его на руки и таким образом понесла к ожидавшим его на пристани правительственным сановникам. Людей было так много, что они радовались, если могли пожать руку того, кому посчастливилось пожать руку или просто прикоснуться к Шамилю.

Но прежде вельмож к Шамилю пробился Богуславский. В марте 1862 года он был назначен драгоманом (секретарем-переводчиком) Азиатского департамента Министерства иностранных дел, а в мае переведен в российское посольство в Стамбуле, где вскоре также занял должность драгомана. Богуславский, ставший к тому времени генерал-майором, приглашал в посольство, где Шамиля ждали торжественный обед и хорошая квартира.

Когда подоспели турецкие сановники, они с особым почтением приветствовали гостя и пригласили его посетить султана, который по такому случаю даже прислал собственную карету.

Шамиль сказал Богуславскому: «Истинно, ваш царь угощал и кормил меня до сего дня лучшим образом, сейчас же я гость султана».

Султан вышел встречать Шамиля к воротам своего роскошного дворца. Его гвардия приветствовала Шамиля военным маршем и артиллерийским салютом.

В почестях и щедротах Шамилю султан старался превзойти русского императора. Стамбул давно не видел, чтобы так принимали даже самых именитых гостей. Королей и императоров здесь побывало немало, но то были гости султана, а Шамиль стал гостем народа.

В Стамбуле было жарко, и имам впервые снял свою папаху, заменив ее красной турецкой феской, которая была увита привычной белой чалмой. Именно в таком виде и написал последний портрет имама художник С. Хлебовский.

Вот что передает аль-Карахи: «...Когда Шамиль остановился в Стамбуле, жители его обрадовались большой радостью. Имам приготовил ему величайший дом, который купил за 6500 кыршей, и Шамиль жил в нем. Великий имам давал Шамилю ежедневно 5 туманов. Там Шамилю показали редкости сокровищ падишаха Стамбула». Но имам Стамбула не мог сделать лишь одного — уменьшить количество людей, желавших прикоснуться к Шамилю или просто его увидеть. До главной мечети Стамбула Шамиль добирался несколько часов, хотя она была неподалеку от его дома.

Кавказские мухаджиры окружали Шамиля, как окружали имама его мюриды на Кавказе. И на груди у многих вновь засияли шамилевские ордена. Статус и положение Шамиля не позволяли ему делать политические заявления и вмешиваться во внутренние дела Турецкой империи, подданными которой уже стали кавказские мухаджиры. Но имам все же призывал горцев не забывать родину и повторял то, что не раз говорил им на Кавказе: «Любите свободу, как мать родную, и жизнь ваша будет вечно прекрасной! Пусть золото и богатство вас не манят. Боритесь за свободу, защищайте ее. Без нее для нас, бедных горцев, нет жизни».

Турецкие вельможи опасались, что могут произойти непредвиденные события, и старались приблизить к себе Шамиля все новыми щедротами. Шамилю показывали военный флот, богатые базары и промышленные заведения, сокровищницу султанов и красочные увеселения.

Прекрасный город, бывший столицей Византийской, затем Латинской, снова Византийской, а теперь и Османской империи, поразил Шамиля смешением эпох. Впервые видел имам и такие великолепные мечети. Его удивляло, что самая грандиозная из них, Айя-София, прежде была православным храмом. Что именно из Стамбула (Константинополя) пришло в Россию православие. И что здесь по-прежнему находится резиденция духовного главы православия патриарха Константинопольского.

Не менее прекрасной была и Голубая мечеть с ее величественными минаретами.

Величавый Босфор делил город на европейскую и азиатскую части, а невидимое течение жизни делило обитателей Стамбула на богатых и нищих, господ и рабов.

Когда многоголосый хор муэдзинов возносился над городом, призывая мусульман на молитву, душа Шамиля наполнялась сладостным трепетом. Но когда сквозь этот хор он слышал рыдания детей на невольничьих рынках, сердце его содрогалось от скорби и негодования.

Как гость Шамиль не мог упрекать хозяев, но как мусульманский лидер, боровшийся за очищение веры и искоренение человеческих пороков, он находил устройство Османской империи не во всем соответствующим требованиям ислама.

Султан спрашивал Шамиля: «В чем ты можешь соперничать с нами?» Шамиль отвечал: «Соперничаю в храбрецах Дагестана. Бывало, и один из них противостоял целому войску».

Посланники иностранных держав тоже пытались оказать влияние на имама, но Богуславский пресекал все их попытки излишне приблизиться к Шамилю. Его сообщения о дипломатических интригах вокруг имама не оставили равнодушным и Петербург. 30 августа, в день именин Александра II, было объявлено о жаловании Шамилю и его детям российского потомственного дворянства. Шамиль принял это известие спокойно и назвал его продолжением большой череды почестей, оказанных ему царем.

Это произвело негативное впечатление на турецкое правительство. Сановники заметили Шамилю, что хотя выражаемые им чувства и делают ему честь, но что и турецкое правительство тоже делает для него многое и старается в свою очередь заслужить его признательность. Шамиль на это ответил: «Ваша правда, вы оказали мне много почтения. Но во мне вы чувствуете представителя вашей религии, более 40 лет проливавшего свою кровь и рисковавшего на священной войне; вы за услугу платите мне услугою, тогда как русский император заплатил мне добром за все то зло, которое я делал России, проливая 40 лет русскую кровь».

После официальных визитов и представлений Шамиль поспешил посетить могилу своего тестя и учителя шейха Джамалуддина Казикумухского. Шейх скончался в 1866 году, и уход его был окутан удивительными событиями. Дом его не пострадал, когда вокруг сгорел целый квартал, а накануне кончины чудесная сила шейха, как писали его последователи, помогла ему спасти терпящих кораблекрушение на Босфоре.

Навестить Шамиля, свою жену Патимат и могилу отца в Стамбул приезжал Абдурахим. Он служил корнетом 2-го лейб-гвардии гусарского Павлоградского полка и получил кратковременный отпуск.

Когда Шамиль прибыл в Турцию, период хаджа уже закончился, и ему предстояло ждать еще восемь месяцев, чтобы приступить к совершению обряда паломничества и поклонения гробу Пророка Мухаммеда.

«Между тем, — как доносил начальству Богуславский, — во время пребывания Шамиля в Константинополе здоровье его день ото дня

становилось все слабее, силы заметно падали, раны начали болеть, и в особенности его мучила гимринская рана штыками насквозь в легкое, так что в последнее время он не мог уже больше вставать с места, иначе как поддерживаемый двумя людьми...»

Шамиль проводил время в молитвах и ходатайствах об облегчении участи мухаджиров, которые во множестве обращались к нему с просьбами. Однако отношения Шамиля с двором султана становились все более прохладными.

Турецкие власти теперь заботила надвигавшаяся война с Египтом. Причиной была демонстративная независимость формального вассала султана, а поводом послужили пушки, которые египетский Исмаил-паша не желал отдавать султану.

Пресытившийся войнами Шамиль вызвался уладить этот конфликт, тем более что путь в Мекку лежал через Египет.

ЕГИПЕТ

За месяц до наступления периода хаджа Шамиль поднялся на пароход, отплывавший из Стамбула в Александрию.

В Александрии Шамяля встретили высшие лица Египта и сын Исмаил-паши. Они привезли Шамяля в Каир, где правитель принял его как дорогого гостя и даже усадил на свой трон. Шамяля очень беспокоило, что между правителями двух главных мусульманских держав могла разгореться война. Тем более что в ней пришлось бы принять участие кавказским мухаджирам, которые теперь служили в обеих армиях. Шамиль сказал Исмаил-паше: «Не надлежит, чтобы был между вами обоими спор, которому радуются неверные», а затем посоветовал послать к турецкому султану своего сына. Султан выдал за сына паши свою дочь, конфликт был улажен, а союз скреплен родственными узами.

В Каире Шамиль встретился и с героем алжирского сопротивления Абд аль-Кадиром, который столь горячо хлопотал перед российским правительством о разрешении Шамялю отправиться в хадж. Они вместе посетили Алебастровую мечеть, а затем совершили прогулку на катере по Нилу.

В Гизе Шамиль долго стоял перед сфинксом, охранявшим пирамиды, как имам охранял свои горы. Загадочное существо смотрело на него глазами вечности, в которой уже было отведено место и для самого Шамяля. Во всяком случае, глядя на вечные вершины Кавказа, горцы видят в них и лик имама.

Не менее грандиозным, чем пирамиды, сооружением был только что законченный Суэцкий канал. Исмаил-паша пригласил Шамяля и Абд аль-Кадира принять участие в торжественном открытии навигации.

Канал между Средиземным и Красным морями, ставший также самым коротким путем между Атлантическим и Индийским океанами, имел многовековую историю. Фараоны прорыли первый канал между Красным морем и Нилом. Затем он множество раз менял свое русло, приходил в негодность из-за песчаных заносов и снова восстанавливался.

От моря до моря канал был прорыт арабами-мусульманами в VIII веке. Песчаные бури и растущие размеры судов заставляли правителей Египта углублять и расширять канал. Но он вновь и вновь приходил в негодность. Наконец за дело взялся правитель Египта Саид-паша, который предоставил право на сооружение канала иностранным компаниям с условием, что

через 99 лет канал вернется в собственность Египта.

Опасаясь, что сооружение канала приведет к усилению Египта, турецкий султан с трудом согласился утвердить этот проект, хотя формально Египет все еще считался частью Османской империи.

Англичанам тоже не хотелось открывать конкурентам короткий путь в Индию, но помешать строительству канала они не смогли. Гигантские работы продолжались десять лет, и новый правитель Исмаил-паша по праву считал открытие навигации своим триумфом.

Канал шириной 100 метров, глубиной 8 метров и длиной 160 километров был открыт 16 ноября 1869 года.

Грандиозная церемония начиналась в Порт-Саиде. Пароход с египетскими вельможами и почетными гостями возглавил большой караван торговых судов. Путешествие длилось два дня и закончилось в Суэце, за которым простирались воды Красного моря.

МЕККА

Приближалось время хаджа, совершаемого в месяц зулхиджжа по лунному календарю, и Шамиль вместе с многочисленными паломниками отправился по Красному морю в Джидду. Из этого аравийского города караванные пути вели в Мекку и Медину. Когда корабль проплывал там, где море когда-то поглотило войско фараона, гнавшегося за Моисеем, уводившим соплеменников из египетского плена, началась буря. Предание гласит, что Шамиль написал несколько слов на клочке бумаги и бросил его в море, которое тут же успокоилось.

Из Джидды паломники отправились на верблюдах в Мекку. Путь длиной в 75 километров по каменистой пустыне они проделали за три дня.

Паломники устремлялись в Мекку со всего света, и у всех был свой микат — место, где начинался их хадж. Здесь паломники снимали привычную одежду и облачались в их-рам, состоящий из двух кусков белой материи, которых не касалась игла (считается, что именно в таком виде мусульмане предстанут перед Аллахом в Судный день). Принимая ихрам, Шамиль и его спутники помолились, объявляя о намерении совершить хадж. Теперь они были освобождены от мирских забот и должны были соблюдать определенные запреты, дабы не нарушить чистоту обряда. Причем мужчины оставались с непокрытой головой, а женщины уже не закрывали лица.

Приближаясь к священной Мекке, паломники пели тальбию, взывая: «Ляббейка, Аллахумма, ляббейка!.. (Вот я перед тобой, о Аллах!..)»

В этом и в остальных обрядах паломники подражали Пророку Мухаммеду, который установил порядок исполнения хаджа, совершая в 631 году свое «прощальное» паломничество.

Мекка лежала в горной долине. Еще до рождения Пророка она была известна как богатый город, в котором сходились пути торговых караванов. Здесь же аравийские племена поклонялись своим многочисленным идолам.

В Мекке родился и сам основатель ислама. Мухаммеду было около 40 лет, когда на него снизошло откровение Аллаха, избравшего его своим последним Пророком.

Его страстные проповеди оказались сильнее армий язычников, а его смиренные молитвы сокрушили богомерзких идолов.

Когда Пророк начинал свою миссию, он был один, как песчинка в пустыне, но божественная сила Корана помогла ему изменить историю

человечества.

Завидев купола мекканских мечетей, паломники запели тальбию с новой силой. Навстречу имаму вышли главные лица Мекки, сопровождаемые множеством почтенных жителей и паломников. Среди них были и дагестанские ученые, пользовавшиеся большим уважением в исламском мире.

Хадж — серьезное физическое и нравственное испытание. Считается, что совершивший его становится безгрешен, как только что родившийся младенец. Считается также, что умерший во время хаджа попадает в рай.

Добравшись до Мекки, паломники совершили омовение, помолились и направились в Заповедную мечеть — аль-Масджид аль-Харам, в центре которой и находится священная Кааба. Там Шамиля с почетом возвели на минбар — кафедру мечети, «чтобы видели его и знатные, и простой народ».

Предание гласит, что Кааба была сооружена еще Адамом над знаменитым Черным камнем, который изначально был белым яхонтом, подаренным Аллахом первому человеку, когда тот оказался на земле. В глубине яхонта можно было увидеть рай, который ожидал праведников. Но от людских грехов камень со временем стал черным. Потоп не причинил Каабе вреда, потому что храм был на время вознесен над стихией. Позже здание начало разрушаться, и его восстановил уже Пророк Ибрагим (Авраам), первый проповедник единобожия, со своим сыном Исмаилом.

Поцеловать Черный камень или дотронуться до него — мечта каждого пилигрима. Камень вделан в Восточный угол Каабы, от которого и начинается ритуальный семикратный обход храма с произношением особых молитв.

И скоро уже Шамиль со своими женами и дочерьми влился в этот нескончаемый человеческий круговорот. Он шел среди братьев и сестер всех цветов кожи, рас и возрастов, лица которых были одухотворены раскаянием, счастьем и любовью. И Кааба обретала для них значение оси мира, вокруг которой восходили к Всевышнему искренние молитвы его чад.

После обхода Каабы паломники совершили молитву у Макама Ибрагима, места, где остались отпечатки ног Пророка, когда он восстанавливал Каабу. Затем они испили воды из чудесного источника Замзам, исцеляющего от недугов и исполняющего сокровенные желания паломников. По преданию, источник был открыт ангелом Джабраилом, дабы страждущая Хаджар (Агарь), жена Ибрагима, смогла утолить жажду своего сына Исмаила.

Следующий ритуал, Сай, заключался в семикратном беге между

холмами Сафа и Марва, расположенными рядом с источником Замзам. Людям пожилым, каким был Шамиль, позволялось просто быстро идти и пробегать лишь определенный участок, отмеченный зелеными линиями. Людей вовсе немощных несли на носилках.

После Мекки паломники собирались к горе Арафат. На ней они предавались раскаянию и молитвам, которые, как считается, в этот день достигают Аллаха без посредников. После этого паломники устремились в долину Муздалифа, где совершили молитвы и подобрали мелкие камешки для следующего обряда. Муздалифа считается местом, где встретились Адам и Ева после изгнания из рая.

На следующий день паломники направились в долину Мина, где каждый бросил по семь камней в каменный столб, символизирующий дьявола, который искушал Ибрагима (Авраама) отказаться от его великого жертвоприношения.

Затем паломники сами совершили жертвоприношение, купив овец у бедуинов. Этим ритуалом начинался праздник «Ид аль-Адха» (Курбан-байрам). После этого они остригли волосы (мужчины брили головы, а женщины обрезают прядь волос) и направились обратно в Мекку.

Совершив все положенные ритуалы, паломники, именовавшиеся теперь «хаджи» и получившие право носить зеленую чалму, отправлялись в Медину, чтобы посетить Мечеть Пророка, где и находится могила Божьего посланника Мухаммеда.

Но климат Аравии, слишком жаркий после калужской прохлады, делал свое дело. После хаджа Шамиль сильно занемог и отправился в Медину только в конце марта 1870 года.

«При 15-дневном переезде из Мекки в Медину, — сообщал в своем рапорте Богуславский, — его уже не иначе могли везти, как в особом ящике, прикрепленном на верблюде».

Воодушевленный исполнением своего заветного желания, Шамиль не замечал, как угасает его здоровье. Непривычную аравийскую жару он воспринимал как испытание, увеличивающее благодать от исполнения религиозных обязанностей.

МЕДИНА

Шамиль не смог удержать слезы радости, когда караван вошел в Медину и перед ним засияли купола Мечети Пророка (Аль-Масджид ан-Набави).

Когда Мухаммед прибыл из Мекки в Медину, он построил здесь мечеть. Она была сооружена из сырого кирпича и пальмовых деревьев и находилась рядом с его домом.

После кончины Мухаммеда похоронили в комнате его вдовы Айши. Позже рядом с ним похоронили его тестя и ближайшего сподвижника, первого праведного халифа Абу-Бакра. Второй халиф Омар расширил мечеть, и после своей смерти был похоронен рядом с могилами Мухаммеда и Абу-Бакра. Омар совершил много значительных дел, в числе которых было введение мусульманского летосчисления от хиджры (со времени переселения Мухаммеда из Мекки в Медину). Началом новой эры считается 1-й день 1-го месяца (мухаррама) — 16 июля 622 года. 1-го мухаррама родился и Шамиль.

Количество паломников, стремившихся посетить могилу Пророка, росло так стремительно, что мечеть перестраивалась и расширялась несколько раз. При халифе Малеке и сама могила Пророка стала частью вновь расширенной мечети. Правитель Османской империи султан Махмуд II возвел новый большой купол над могилой Мухаммеда, покрытый свинцом и выкрашенный в зеленый цвет. А в 1861 году султан Абдул-Меджид I полностью реконструировал и значительно расширил мечеть.

Исполненный благоговения, Шамиль вошел в мечеть и совершил приветственную молитву, встав между кафедрой и могилой Пророка, где, как говорил Мухаммед, находился один из райских садов. Затем он смиренно встал у золотой ограды, отделявшей усыпальницу Пророка, и произнес:

«Мир тебе, посланник Аллаха, Его милость и благословение!

Мир тебе, Пророк Аллаха!

Мир тебе, лучшему Его творению!

Мир тебе, господин посланников и имам богобоязненных!

Свидетельствую, что ты довел послание, оправдал доверие, давал искренние советы общине, беззаветно боролся во имя Аллаха!»

После этого Шамиль приветствовал Абу-Бакра, Омара и ангелов, которые, как считается, незримо здесь присутствуют.

В своих молитвах Шамиль благодарил Аллаха за дарованное ему счастье, просил о милости к своему народу и милосердии в Судный день.

Обосновавшись в Медине, Шамиль определил младшего сына в медресе при мечети, а дочь Нажабат выдал замуж за Дауда — сына Магомед-Амина.

Но вскоре на Шамиля обрушилось новое горе. 13 мая скончалась их единственная с Шуайнат дочь Сапият, которой было всего 16 лет. Она заболела еще в Мекке, сильно простудившись. Ее похоронили на кладбище Джаннат аль-Бакия, находившемся неподалеку от Мечети Пророка. Там были упокоены жена Мухаммеда, члены его семьи и еще более десяти тысяч сподвижников Пророка.

Через несколько месяцев скончалась и дочь Шамиля Патимат.

С тех пор глубокая печаль уже не покидала сердце имама. Слабело и его здоровье. Порой он даже не мог встать и вынужден был молиться лежа.

Жены умоляли Шамиля переселиться в Стамбул, где климат был более мягким. Но Шамиль молил Аллаха о другом: «О владыка, о мой господин, если мое намерение, мои старания, усилия и мое сражение за веру перед тобой чисты и находят одобрение у твоего посланца, то не удаляй меня от соседства с твоим Пророком, дай мне умереть в храме твоего любимца, покажи мне его лицо, награди меня его любовью, воскреси меня среди постоянно находящихся при нем и не лишай меня его заступничества».

Богуславский, поддерживавший с Шамилем переписку, теперь писал начальству: «Шамиль, уехавший в отпуск с положительными намерениями вернуться опять в Россию, переменял свои мысли и не думает более возвратиться. Этому может быть единственная причина — материальная для него невозможность предпринять обратное путешествие, долгое и трудное, которое ему уже не по силам».

В августе 1870 года сыновья Шамиля получили письмо, в котором отец сообщал о кончине их сестер и о том, что он болен и желал бы увидеть перед смертью своих сыновей. Братья тут же обратились к военному министру Милютину с просьбой отпустить их на свидание с больным отцом. Министр отнесся к просьбе сочувственно и ходатайствовал перед императором об удовлетворении просьбы детей Шамиля.

Император согласился, но с условием, что в Аравию, в шестимесячный отпуск, поедет лишь Гази-Магомед, а Магомед-Шапи, как состоящий на военной службе, останется в России. Но бюрократические проволочки привели к тому, что Гази-Магомед потерял драгоценное время и смог выехать лишь 23 декабря, оставив в Киеве свою вторую жену Хабибат, на которой женился еще в Калуге, и маленькую дочь.

Путь его лежал через Стамбул, и весть о прибытии наследника имама взбудоражила кавказских мухаджиров. Многие полагали, что Гази-Магомед сделается их новым вождем. Турецкие власти тоже старались вовлечь Гази-Магомеда в орбиту своих интересов.

Обеспокоенный слухами российский посланник в Константинополе генерал-адъютант граф Н. Игнатьев установил за Гази-Магомедом тайный надзор. Однако получаемые сведения свидетельствовали, что Гази-Магомед «вел себя с присущим тактом и осторожностью» и мечтал лишь о том, чтобы успеть увидеть отца живым.

Богуславского в Стамбуле уже не было. 1 сентября 1870 года он вернулся в Россию и занимался переговорами по демаркации границ с Китаем.

Среди множества орденов Богуславского были турецкие ордена Меджидие 2-й и 3-й степени, персидский Льва и Солнца со звездой и испанский орден Изабеллы Католической — большой командорский крест.

В 1871 году Богуславский закончил перевод на русский язык Корана. Это был первый перевод с арабского оригинала. Перевод Корана, выполненный П. Постниковым с французского перевода, был издан еще в 1716 году по приказу Петра I. Другие переводы также делались с французского и английского переводов. Перевод Богуславского был издан лишь через сто с лишним лет, хотя не уступал по качеству переводу, также с оригинала, Г. Саблукова, который был издан в 1878 году.

Умер Богуславский в 1893 году в чине генерал-лейтенанта.

Гази-Магомед отправился из Стамбула в Джидду первым же пароходом. С ним ехало множество паломников, так как начинался очередной хадж. Путь оттуда в Медину оказался прегражденным кочевниками-бедуинами, и Гази-Магомед сначала отправился в Мекку, чтобы совершить паломничество и испросить у Всевышнего милости к его больному отцу. Совершив священный обряд, Гази-Магомед поспешил в Медину.

УХОД ШАМИЛЯ

Жизненные силы Шамиля были исчерпаны.

Предание гласит, что, когда он в последний раз молился у могилы Мухаммеда, ему открылись тайны бытия и явился духовный облик Пророка, и «говорил с ним Пророк ясной речью... И позволил поцеловать свою руку...».

Шамиль вернулся домой в необыкновенном волнении и с трепетом в сердце поведал женам о случившемся. Вслед за этим Шамиль погрузился в светлую безмятежность и устремился душой к владыке всего сотворенного. Как будто ему открылся тот светлый мост, по которому он мечтал повести свой народ к божественной истине. И над которым витал белый орел, некогда спасший Шамиля в Гимрах.

4 февраля 1871 года (10-й день зулхиджжа 1287 года хиджры), в день праздника жертвоприношения, Шамиль завершил свой земной путь и переселился к чистоте милосердия Всевышнего.

Умершего принесли к могиле Мухаммеда, чтобы совершить прощальные молитвы. И тогда вокруг появилось чудесное благоухание, которое, по преданиям, сопровождает обретение рая избранными душами.

Как писал очевидец, собравшиеся для молитвы на его похоронах жители Медины из ученых и суфиев плакали и говорили: «О султан ислама! О венец сражающихся за веру и защитник религии, смерть твоя — великое бедствие».

Тот же очевидец сообщил, что множество народа, собравшегося у могилы Шамиля, стало свидетелем того, как заговорили его останки: «О могила моя, будь светом для души моей и райским садом для моего спокойствия».

Шамиля похоронили на кладбище аль-Бакия неподалеку от могилы дочери Пророка Фатимы, за мавзолеем Аббасидов.

Послесловие

ОВЦЫ БЕЗ ПАСТЫРЯ

В том же 1871 году Александр II посетил Кавказ. В Гунибе он по достоинству оценил величие завершившейся здесь борьбы. Отсюда он направил благодарственный рескрипт Барятинскому и велел узнать, не нуждается ли в чем-либо осиротевшее семейство Шамиля. Вспомнил он и свое приключение в Чечне, когда куринцы спасли ему жизнь. В память о том событии Александр велел навечно включить себя в списки 1-й роты 79-го пехотного Куринского полка, роты Его Высочества.

Гази-Магомед так и не успел попрощаться с отцом. Как писал аль-Карахи, «известие о его смерти пришло к Гази Мухаммеду в славную Мекку. Он произнес: «Истинно, мы от Аллаха и к нему возвращаемся», а затем заплакал. Он стал произносить эту фразу и плакать до того, что его глаза покраснели и распухли. Затем он устроил поминки для всех паломников-дагестанцев...».

Совершив все необходимые обряды над могилами своего отца и сестер, он некоторое время оставался в Медине. Затем Гази-Магомед перевез семью в город Таиф, неподалеку от Мекки. Отпуск его подходил к концу, но вдовы Шамиля умоляли его не оставлять их одних в чужой стране. Однако нравственная необходимость сдержать данное слово заставила Гази-Магомеда вернуться. К тому же у семьи почти не осталось денег. Гази-Магомед нашел их с помощью Игнатьева и отослал в Таиф с верным человеком.

17 июля Гази-Магомед прибыл в Киев, где его уже ждал Магомед-Шапи. Вскоре братья обратились к властям с просьбой о разрешении Гази-Магомеду бессрочного отпуска «для устройства семейства Шамиля, оставшегося после смерти его без всякого надзора и попечения».

О том же просили Барятинского в своих письмах и вдовы Шамиля Загидат и Шуайнат: «Мы, жены и семья покойного шейха Шамиля, остались как овцы без пастыря». Они писали фельдмаршалу, потому что он высоко ценил Шамиля и оказывал ему в России всяческое содействие. Именно ему было адресовано и последнее письмо Шамиля. Барятинский давно уже был не у дел, но огромный авторитет его сделал свое дело.

Последние годы жизни князь провел на лечении за границей и умер в Женеве в 1879 году.

Длительная переписка и консультации закончились тем, что бессрочный отпуск Гази-Магомеду «для опеки над вдовами Шамиля и малолетним сыном» был предоставлен. Ему выдали и пенсию Шамиля, которая была теперь перераспределена между членами оставшегося после Шамиля семейства. В конце ноября 1871 года Гази-Магомед отправился в Аравию. На покрытие расходов по разъездам ему было выдано еще 7 тысяч рублей.

Прибыв в Таиф, он уже не застал в живых свою мачеху Загидат. После кончины мужа она начала стремительно угасать и в октябре умерла. Ее похоронили в Мекке.

После этого Гази-Магомед решил уже не возвращаться.

Несколько лет он жил в Стамбуле, в доме, подаренном Шамилю султаном, куда привез свою вторую жену Хабибат и дочь. Он часто навещал в Таифе Шуайнат и младшего брата Магомед-Камиля, а затем перевез в Стамбул и их.

В 1874 году умерла сестра Гази-Магомеда Нажабат, ненадолго пережившая своего мужа Дауда. Через год умерла и последняя дочь Шамиля Баху-Меседу. Шуайнат скончалась в 1876 году и была похоронена в Стамбуле.

Гази-Магомед долго оставался не у дел, но когда началась новая Русско-турецкая война, эмигрантские круги уговорили его поступить на службу. Он командовал турецкой дивизией. В том же году в Дагестане вспыхнуло новое большое восстание, и горцы ожидали, что сын Шамиля явится к ним на помощь во главе армии горцев-мухаджиров. Но этого не случилось. Турция потерпела поражение. В результате политических интриг Гази-Магомед был отправлен в отставку в чине маршала.

Участие в войне Гази-Магомеда отразилось на карьере его брата Магомед-Шапи. К тому времени он был командиром кавказского взвода императорского конвоя, имел чин полковника, несколько российских и иностранных орденов. Он часто бывал на Кавказе, набирая горцев в Кавказский эскадрон. Узнав, что Гази-Магомед служит в турецкой армии, Магомед-Шапи просился на фронт. Но император не согласился, намекнув, что «с нас и одного Гази-Магомеда хватит».

В 1877 году Магомед-Шапи «по болезни» был отстранен от действительной службы и отошел от дел. Он поселился в Казани, откуда была родом его вторая жена Мариам. В 1885 году он был произведен в генерал-майоры.

Магомед-Шапи стал весьма уважаемым человеком и часто бывал за границей. Однажды, находясь в Париже, он схватил и доставил в русское

посольство самозванца, который выдавал себя за Магомед-Шапи, «сына знаменитого Шамиля, бывшего владыки Кавказа», и предлагал лицезреть себя любому, кто заплатит один франк.

Гази-Магомед последние годы прожил в Медине. Он умер в 1902 году и был похоронен рядом с отцом. Его жена Хабибат скончалась 3 февраля 1903 года, о чем телеграммой на французском языке оповестил Магомед-Шапи его брат Магомед-Камиль.

Магомед-Шапи умер в 1905 году, когда лечился на минеральных водах в Кисловодске, где и был похоронен.

Младший сын Шамиля Магомед-Камиль дослужился до чина маршала турецкой армии, как и его старший брат. Он прожил долгую жизнь и скончался в 1951 году.

Многочисленные потомки Шамиля оказались разбросанными по всему миру.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШАМИЛЯ

1797, 26 июня — родился в аварском ауле Гимры в Дагестане.

1804–1828 — учеба в разных школах у лучших ученых Дагестана.

1829–1832 — ближайший сподвижник первого имама Гази-Магомеда.

1832, 17 октября — гибель Гази-Магомеда в битве под Гимрами, тяжелые ранения Шамиля.

1833–1834 — принимает активное участие в борьбе горцев под руководством имама Гамзат-бека.

1834, 19 сентября — после гибели Гамзат-бека горцы избирают имамом Шамиля.

Конец года — первые бои отрядов Шамиля с регулярной царской армией.

1835–1836 — распространение «мирного шариата», укрепление власти Шамиля. Первые реформы.

1837, май — июль — «Аварская» экспедиция К. Фезе, подписание мирного договора. Рост влияния Шамиля.

Сентябрь — переговоры с Ф. Кюки фон Клюгенау. Отказ Шамиля явиться «с повинной» к прибывшему на Кавказ императору.

1838 — усиление Шамиля и расширение территории Имамата.

1839, май-август — наступление царских войск в Дагестане, бои за Ахульго. Выдача в аманаты сына Шамиля Джамалуддина.

22 августа — взятие Ахульго. Спасение Шамиля и его переход в Чечню.

1840, начало года — избрание Шамиля имамом Чечни. Восстания в Чечне и Дагестане.

Июнь — схватка Шамиля с ослепленным гигантом.

Июль — победа Шамиля над отрядом Кюки фон Клюгенау под Ишкартами.

14 сентября — взятие войсками Клюгенау аула Гимры.

Конец сентября — перенос столицы Имамата в Дарго.

11 октября — набег Ахбердилава на Моздок, пленение Анны Улухановой, ставшей затем женой Шамиля Шуайнат.

Конец года — переход к Шамилю Хаджи-Мурада.
1840–1842 — укрепление Имамата. Военные реформы.
1841, май — бои на Хубарских высотах. Отражение наступления Головина.
1842, май-июнь — разгром экспедиции П. Граббе.
1842 — начало земельной реформы.
1843 — успешные операции Шамиля, утверждение его власти на большей части Дагестана и Чечни. Занятие Хунзаха, блокада Темир-Хан-Шуры. Неудача под Казанищами.
1844–1850 — укрепление и новое расширение Имамата. Государственное строительство, новые реформы, приток мигрантов в Имамат. Создание Низама (Кодекса) Шамиля.
1844, июнь — переход к Шамилю генерала Даниял-бека Элисуйского.
1845, май-июнь — разгром «Сухарной» экспедиции М. Воронцова.
Конец года — строительство новой столицы в Ведено. Строительство крепостей и укреплений — «Шамилевской стены».
1846, апрель — неудачный поход в Кабарду.
Октябрь — бои за Акуша-Дарго.
1847, июнь — оборона Гергебиля.
1847, июль — сентябрь — штурм и взятие аула-крепости Салта войсками М. Аргутинского-Долгорукого.
1848, январь — съезд в Ведено, признание сына Шамиля Гази-Магомеда наследником имамской власти.
Июнь — осада и взятие царскими войсками аула Гергебиль.
Сентябрь — поход Шамиля на юг Дагестана, штурм укрепления Ахты и отступление.
Наиб Шамиля Магомед-Амин возглавляет сопротивление в Черкесии.
1849, 14 апреля — набег Хаджи-Мурада на Темир-Хан-Шуру.
Лето — оборона аула Чох и отступление Аргутинского.
1850 — бои на всех фронтах.
Осень — визит на Кавказ и «боевое крещение» будущего императора Александра II.
1851, лето — неудачные походы в Кайтаг и Табасаран. Отставка Хаджи-Мурада.
Осень — переход Хаджи-Мурада на сторону противника.
1852, январь — март — бои в Чечне.
Апрель — побег и гибель Хаджи-Мурада.
Лето — осень — бои в Чечне.
1853, август — вторжение отрядов Шамиля за Лезгинскую кордонную

линию. Отход до прибытия войск Аргутинского.

1854, июль — вторжение в Кахетию, пленение грузинских княгинь.

1855, 10 марта — обмен княгинь на сына Шамиля Джамалуддина.

Март — перемирие между Шамилем и наместником Н. Муравьевым.

1856–1857 — окончание Крымской войны и нарушение перемирия новым наместником А. Барятинским.

1858, май — восстание назрановских ингушей и неудачная попытка Шамиля оказать им помощь.

1859, 1 апреля — взятие царскими войсками Ведено. Уход Шамиля в Дагестан.

Весна — последний съезд в Хунзахе. Строительство укреплений на реке Андийское Койсу.

Лето — крупномасштабное наступление Барятинского. Уход Шамиля на Гуниб.

Август — блокада Барятинским Гуниба, переговоры с Шамилем.

25 августа — взятие Гуниба. Почетное пленение Шамиля

3 сентября — Шамиль отправляется из Дагестана в Санкт-Петербург.

75 сентября — встреча Шамиля с Александром II в Чугуеве.

22 сентября — прибытие Шамиля в Москву и встреча с генералом А. Ермоловым.

26 сентября — прибытие в Санкт-Петербург.

29 сентября — встреча с императрицей в Царском Селе.

10 октября — прибытие Шамиля в Калугу.

20 ноября — Магомед-Амин прекращает сопротивление на Западном Кавказе.

1860, 5 января — приезд в Калугу семейства Шамиля.

1861, 8 апреля — поступление сына Шамиля Магомед-Шапи на службу в Собственный Его Императорского Величества конвой.

Конец апреля — визит в Калугу Магомед-Амина.

27 июля — приглашение Шамиля в Санкт-Петербург для встречи с императором. Посещение Петергофа и Кронштадта.

29 июля — прием в Царском Селе. Обещание Александра II отпустить Шамиля в хадж.

1862, 1 апреля — пристав А. Руновского сменяет пристав П. Пржецлавский.

1864, 21 мая — официальное окончание Кавказской войны.

1866, 1 февраля — упразднение должности пристава при Шамиле.

26 августа — принятие Шамилем присяги.

1868, ноябрь-декабрь — Шамиль переезжает на жительство в Киев.

1869, 16 февраля — Александр II разрешает Шамилю отправиться в паломничество в Мекку.

12 мая — отъезд Шамиля из Киева.

19 мая — прибытие Шамиля в Стамбул.

30 августа — возведение Александром II Шамиля в потомственное дворянство.

16 ноября — участие Шамиля в открытии навигации на Суэцком канале.

20 ноября — прибытие Шамиля с семьей в Мекку. Совершение хаджа.

1870, конец марта — переезд Шамиля из Мекки в Медину.

23 декабря — сын Шамиля Гази-Магомед отправляется из Киева в Медину для свидания с отцом.

1871, 4 февраля (10-й день зулхиджжа 1287 года хиджры) — кончина имама Шамиля. Похороны на кладбище Джаннат аль-Бакия в Медине.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Имам Шамиль

Сакля Шамиля.

И. Занковский

Кавказская сабля

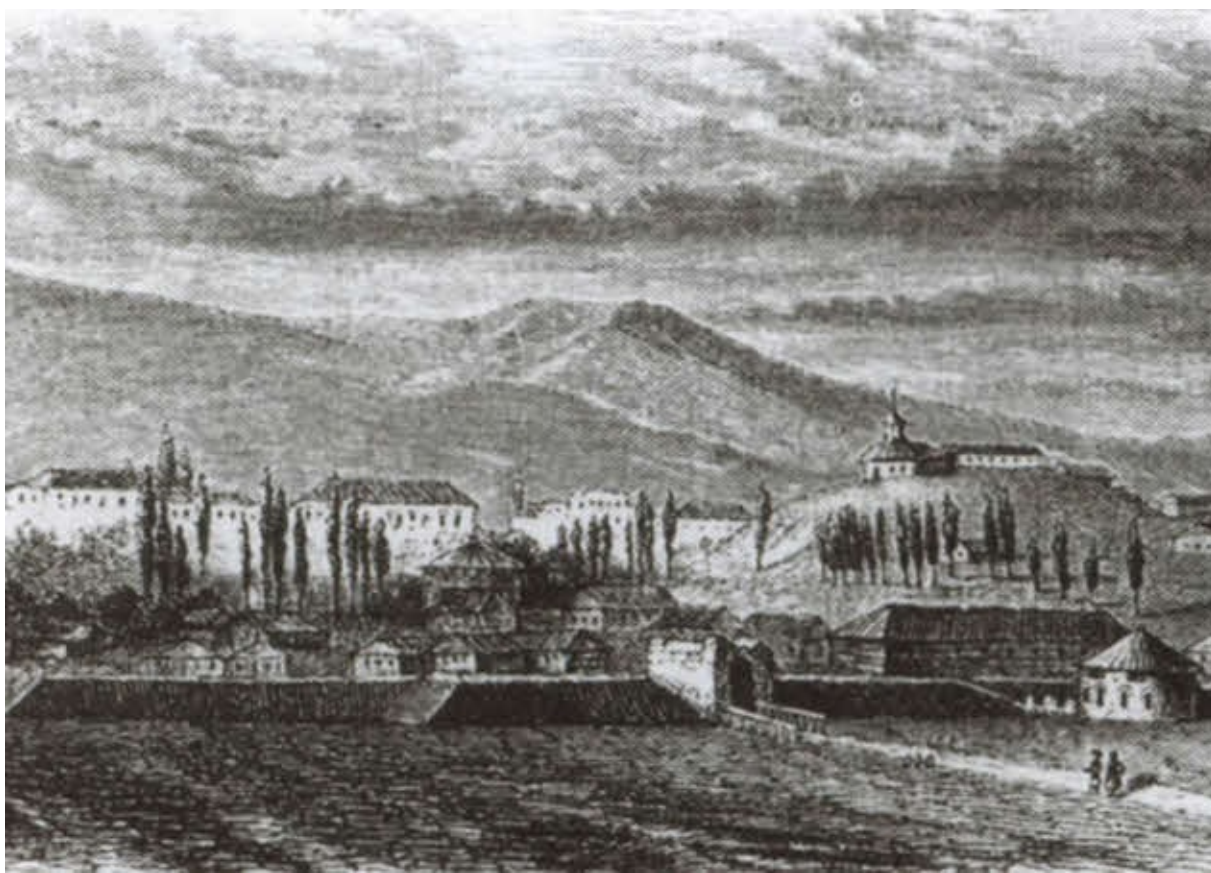
Кавказский воин. А. Орловский

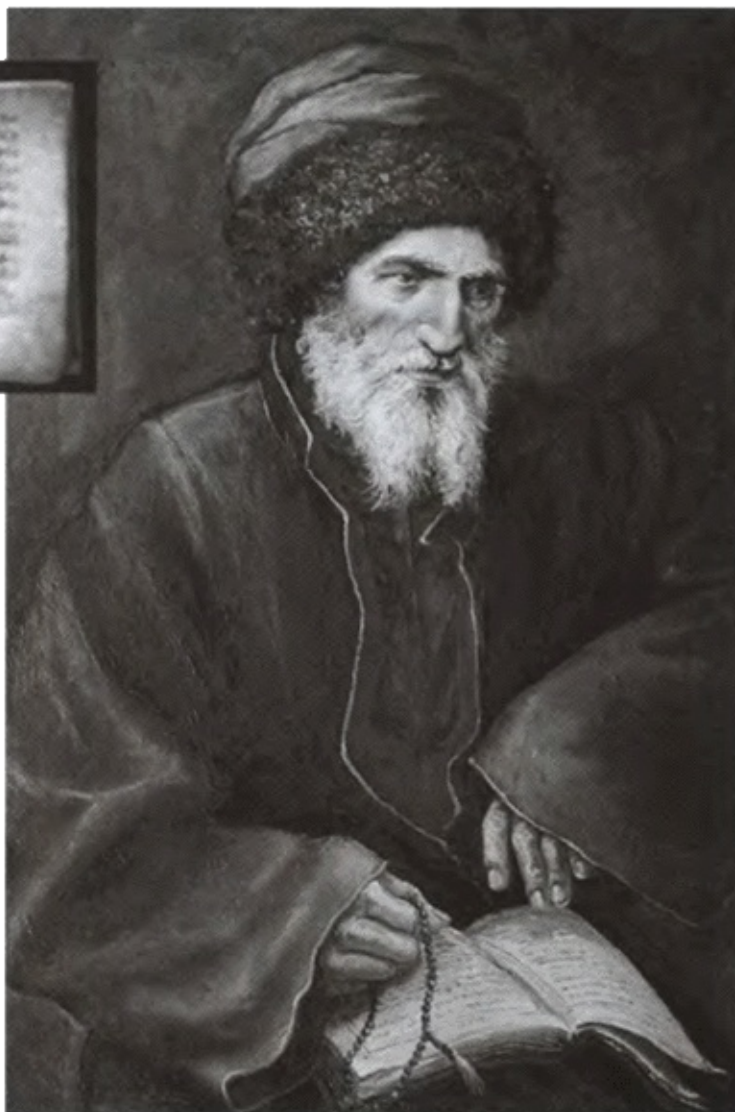
Аул Рича

Военно-Грузинская дорога. Ларс

Темир-Хан-Шура

Книга шейха Джамалуддина

Шейх Джамалуддин Казикумухский.

А. Самарская

Шейх Магомед Ярагинский

Имам Гази-Магомед.

Э. Акуваев

Шамиль. Гимринский бой. А. Самарская

Казаци в засаде.

Т. Горшельт. Фрагмент

Шамиль и Гази-Магомед.

М. Юнусилау

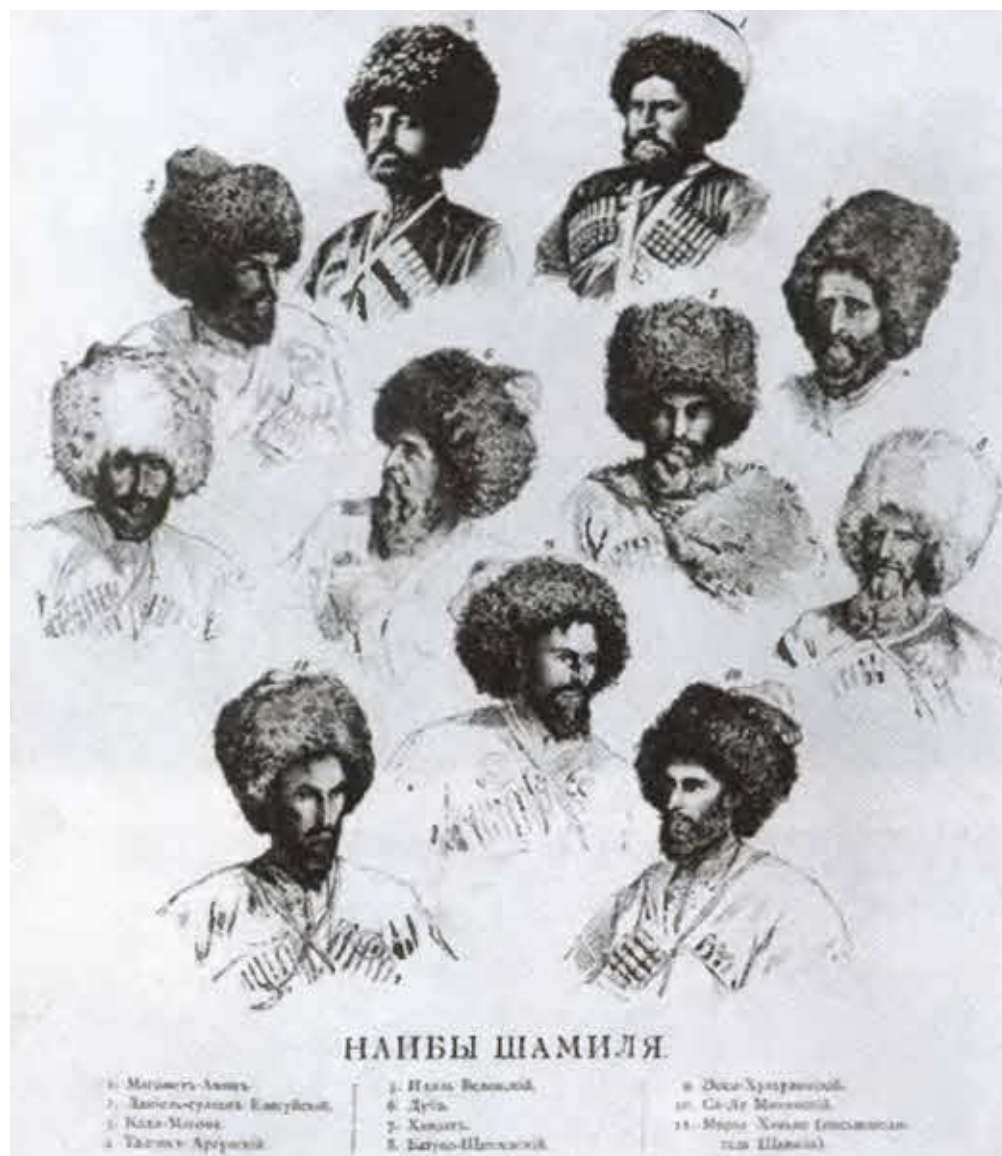
Штурм аула Гимры. Ф. Рубо

Штурм Ахульго. Ф. Рубо

Подъем осадной артиллерии на Турчидат. В. Тимм

Наибы Шамиля

Шамиль с мюридами.

Х.-Б. Мусаяссул

Пушки Шамиля

Чеченец

Типы ружей

Продавец оружия

Император Александр II

Укрепление Кумух. 1851 г.

Офицеры Нижегородского драгунского полка. Г. Коррадини

«При Валерике. 12 июня». Из альбома М. Лермонтова. 1840 г.

Император Александр II

М. З. Аргутинский-Долгоруков

А. П. Ермолов

Е. А. Головин

Ф. К. Клюки фон Клюгенау

А. И. Барятинский

М. С. Воронцов

А. И. Чернышев

Р. К. Фрейтаг

Н. Н. Муравьев-Карский

И. Ф. Паскевич

Хаджи-Мурат. Г. Гагарин

Хаджи-Мурат. Е. Лансере

Шамиль. Гравюра с фотографии С. Левицкого. 1866 г.

Кавказская война. Карта театра военных действий

Переход князя Аргутинского через Кавказский хребет.

Ф. Рубо

ИМАМАТ ШАМИЛЯ

Структура государственного устройства имамата

Суд Шамиля. Е. Лансере

Встреча Шамиля с Клюки фон Клюгенау.

Г. Гагарин. 1837 г.

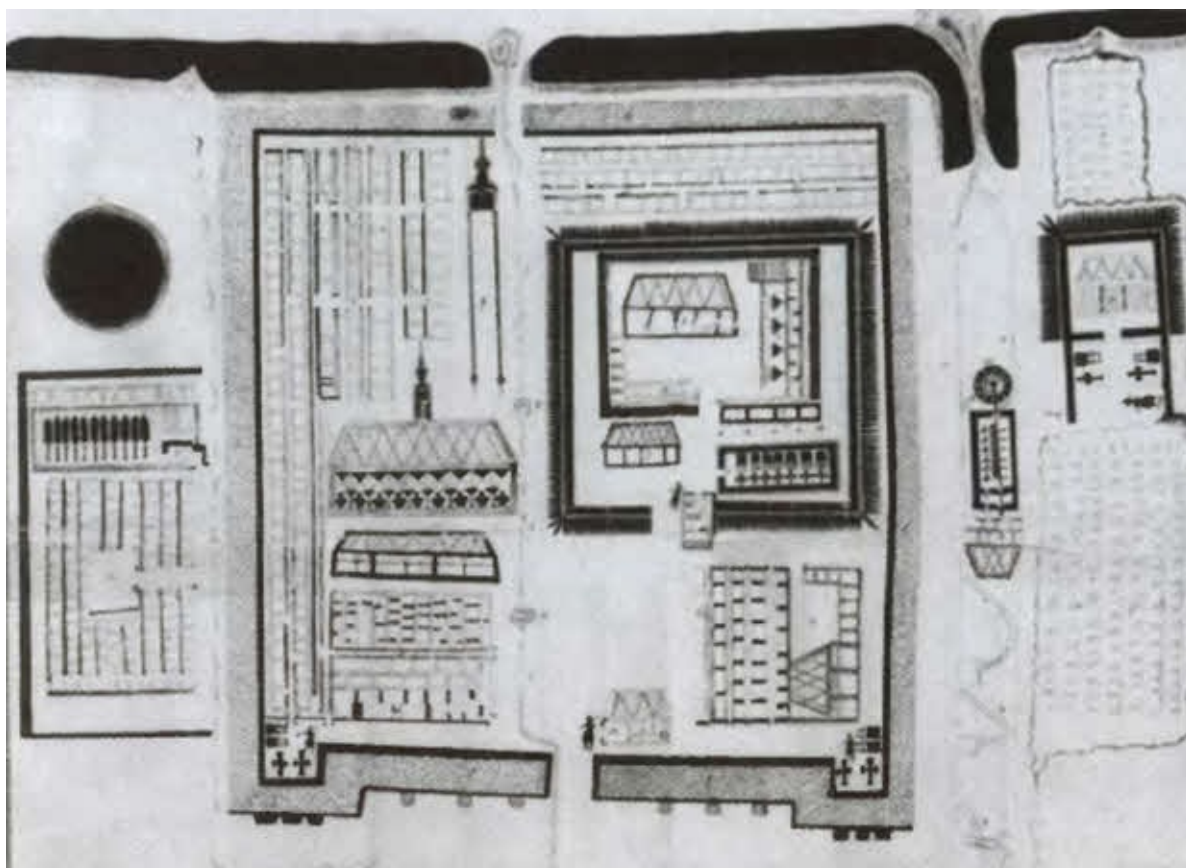
Штурм Гуниба. Т. Горшельт. Фрагмент

Хас-Булат. Г. Гагарин

Штурм аула Кетури. Т. Горшелт

План столицы имамата Ведено

Движение отряда генерала Евдокимова к аулу Ведено.

Т. Горшельт

Пленение Шамиля.

Т. Горшельт

Выход мюридов из Гуниба.

Т. Горшельт

Разорение аула.

Т. Горшельт

Аул Гимры.

Вторая половина XIX в.

Шамиль с сыном Гази-Магомедом и А. Руновским

Дом Шамиля в Калуге, где он жил с 1859 по 1868 год

Прогулка Шамиля по Царскосельскому саду.

В. Тимм

Посещение Шамилем 1-го Кадетского корпуса, в котором обучался его сын Джемал эддин.

В. Тимм

Шамиль с сыновьями в Петербурге

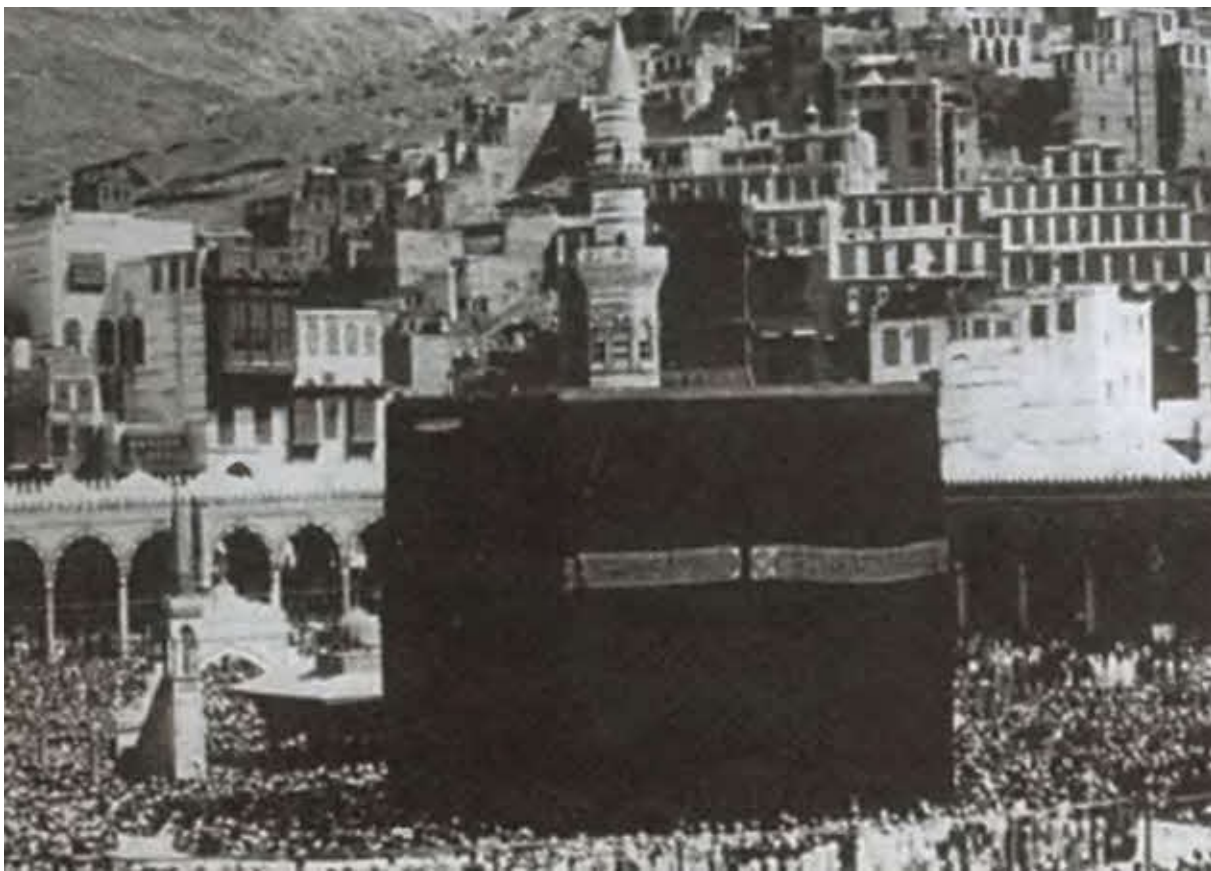
Шамиль принимает присягу.

Фото В. Гольдберга. 1866 г.

Шамиль на открытии Суэцкого канала. Сидят: имам Шамиль (на стуле) и шейх Ал Бани аль-Димашки. Стоят в центре: хедив Египта и Судана Исмаил-паша и принц Абд эль-Кадер. Слева от них: Тоуфик эль-Куватли, представитель принца. Справа: инженер Делеписис и его сотрудники. 1869 г. Копия фотографии С. Харентца, полученная от Гокхана Ментеша в Дамаске из архива Дома аль-Джазейри.

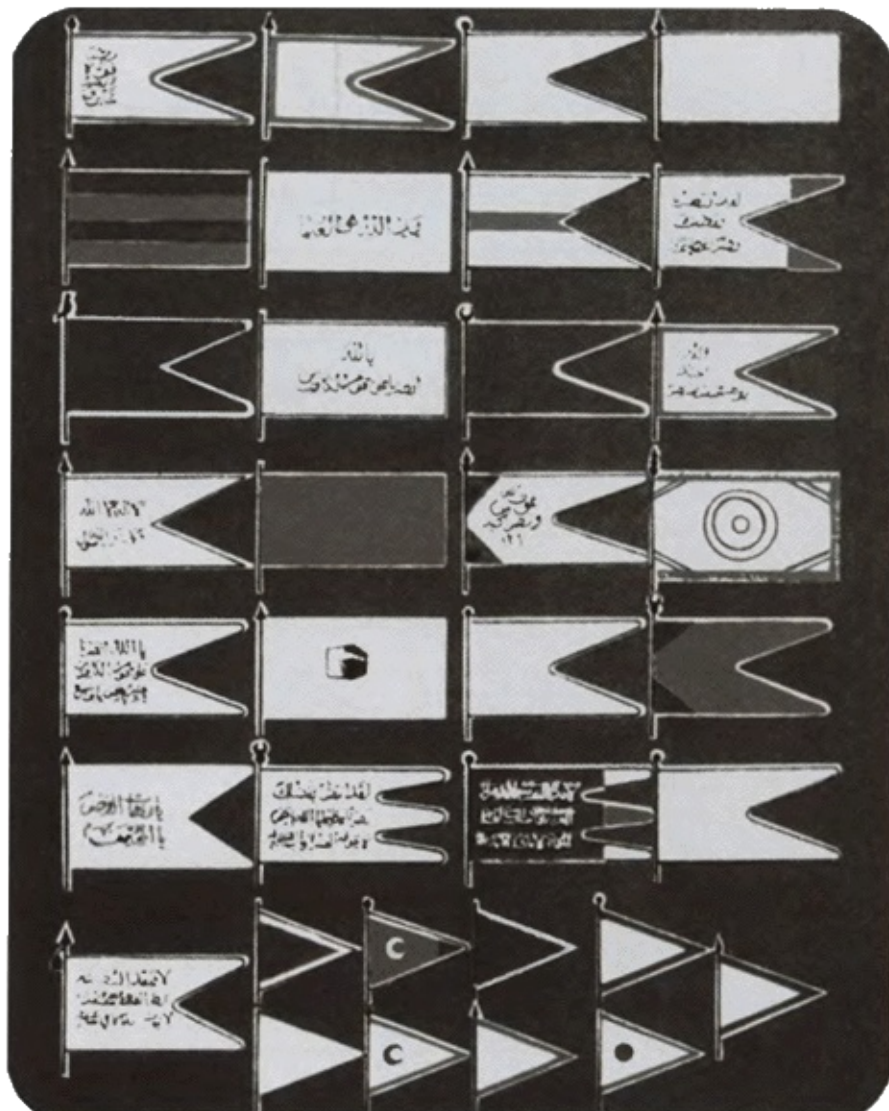
Частное собрание под покровительством принцессы Бадии аль-Хассани аль-Джазейри. Публикуется впервые

Храм Кааба в Мекке

Мечеть Пророка в Медине

Знамена горцев

Почетные наградные знаки, учрежденные Шамилем

Шуайнат, жена Шамиля

Памятник имаму Шамилю.

Авторы А.-Г. Сайгидов и А. Магомедов

Шамиль. Фото Ф. Блюма. Около 1867 г.

Кладбище Джаннат аль-Бакия в Медине, где похоронен Шамиль

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний / Пер. М.-С. Саидова; Коммент. А. Шихсаидова и Х. Омарова. Махачкала, 1997.

Адаты и судопроизводство по ним (Материалы для статистики Дагестанской области). Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис, 1868.

Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Т. 1—12. Тифлис, 1866—1904.

Алкадари Г. Асари-Дагестан. Махачкала, 1926.

Аствацатурян Э. Г. Вооружение горцев // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.

Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа в 1858—1865 гг. // Русская старина. Т. XXXIII. СПб., 1882.

Бирон Н. Проект успокоения дагестанских племен. 1847 г. // РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 38.

Васильев А. А. Русская армия на Кавказе // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.

Васильев А. А. Генералитет // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.

Вердеревский Е. А. Кавказские пленницы, или Плен у Шамиля. М., 1857.

Военный энциклопедический словарь. М., 1986.

Восемь месяцев плена у горцев, проведенных рядовым Грузинского линейного № 10 батальона Иваном Загорским в 1842 г. // РГВИА Ф. 38.

Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990.

Гаджиев В. Г, Дадаев Ю. У. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. М., 2005.

Гаджиев Б. И. Шамиль от Гимр до Медины. Махачкала, 1992.

Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.

Ганичев И. А., Давыдов Б. Б. Просто из горцев. М.: Эхо Кавказа. 1994. № 1.

Гизетти А. Л. Хроника Кавказских войск. Тифлис, 1896.

Дагестан в русской литературе. Махачкала, 1960.

- Дадаев Ю. У. По тропам шамилевских сражений. Махачкала, 1997.
- Данилов Г.-А.Д. Имам Шамиль. Махачкала, 1996.
- Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-е гг. XIX в. Сб. документов. Махачкала, 1959.
- Дибиров М. А. Сильные и стойкие. Махачкала, 1973.
- Дневник полковника Руновского // Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 12. Ч. 2. Тифлис, 1904.
- Доного Х.-М. Жены и дети Шамиля // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.
- Доного Х.-М. Имам Шамиль. Время. Судьба. Память. Махачкала, 1997.
- Доного Х.-М. Ордена Шамиля. Махачкала, 1995.
- Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1—6. СПб., 1871—1888.
- Дюма А. Кавказ. Тбилиси, 1988.
- Живописная Россия. Т. IX. Кавказ. СПб.; М., 1883.
- Записки А. П. Ермолова. 1798—1826. М., 1991.
- Записки генерала Муравьева о характере военных действий против горцев в 1844 году и русской политике на Кавказе // РГВИА. Ф. 37.
- Захарьин (Якунин) И. Н. Кавказ и его герои. СПб., 1901.
- Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 1—2. СПб., 1879.
- Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский. М., 1888—1891.
- Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
- История народов Северного Кавказа. Т. 2. М., 1988.
- Кавказские горцы. Сборник сведений. М., 1992.
- Кавказский календарь на 1858 г. Тифлис, 1857.
- Казем-Бек М. Мюридизм и Шамиль. Махачкала, 1990.
- Калужские губернские ведомости. Калуга, 1859—1868.
- Карнеев И. В. Бог дал мне силу и терпение // Родина. 2000. № 1—2.
- Карнеев И. В. Гази-Магомед // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.
- Карнеев И. В. Завершение Кавказской войны // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.
- Карнеев И. В. Магомед-Шефи // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.
- Карнеев И. В. Хаджи-Мурад // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.
- Карнеев И. В. Шамиль в Турции и Египте // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.

- Каспари А. А.* Покоренный Кавказ. СПб., 1904.
- Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 1–2. М., 1890.
- Ковалевский П. И.* Кавказ. Т. 2. СПб., 1915.
- Кровяков Н.* Шамиль. М., 1989.
- Кудрявцев А. В.* Тарикат // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.
- Лапинский Т. (Теффик-бей).* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Пер. В. Гарданова. Нальчик, 1995.
- Леонтович Ф. Я.* Адамы кавказских горцев. Одесса, 1882–1883.
- Лесли Бланч.* Сабли рая. Махачкала, 1991.
- Линевиц И. П.* Карта горских народов, подвластных Шамилю // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис, 1872.
- Лорер Н. И.* Записки декабриста. М., 1931.
- Магомедов Р. М.* Юность Шамиля. Махачкала, 1941.
- Магомедов Р. М.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991. (Переиздание оригинала 1939 г.)
- Марков Е.* Очерки Кавказа. СПб.; М., 1887.
- Маркс К, Энгельс Ф.* Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 9, 28.
- Материалы по истории Дагестана и Чечни.* Махачкала, 1940.
- Милютин Д. А.* Дневники. М., 1947–1950.
- Муравьев Н. Н.* Война за Кавказом в 1855 г. СПб., 1877.
- Муравьев Н. Н.* Кавказ и его военачальники. СПб., 1884.
- Мухаммед Тахир.* Три имама. Махачкала, 1990.
- Мухаммед-Тахир аль-Карахи.* Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах / Комментар., пер. Т. Айтберова. Махачкала, 1990.
- Низам Шамиля* // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870.
- Обзор войн России от Петра Великого до наших дней* / Сост. Н. Ф. Дубровин. СПб., 1893.
- Омар-оглы (Омаров А.).* Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868.
- Павленко П. А.* Шамиль. Махачкала, 1990.
- Переселение горцев в Турцию.* Сб. документов. Ростов н/Д., 1925.
- Письмо беглого сотника Атарщикова (Хаджерет-Магомета) к русским солдатам с призывом переходить на сторону вольных абадзехов* // РГВИА. Ф. 38.
- Пленницы Шамиля.* Воспоминания г-жи Дрансе. Тифлис, 1858.
- Попов А. В.* Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954.
- Потто В. А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994.

Прозрителев Г. Н. О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 г. СПб., 1914.

Прозрителев Г. Н. Посольство Шамиля к абадзехам. Махачкала, 1927.

Прозрителев Г. Н. Шамиль в г. Ставрополе. Ставрополь, 1913.

Рамазанов А. Х. Внешняя политика // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.

Рамазанов А. Х. Имамат // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.

Рамазанов А. Х. Стратегия и тактика // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.

Розен А. Е. Декабристы на Кавказе в 1826–1850 гг. // Русская старина. 1884. Т. 42.

Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958.

Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860.

Романовский Д. И. Князь Александр Иванович Барятинский и Кавказская война // Русская старина. 1881. Т. 30.

Руновский А. Записки о Шамиле. М., 1989.

Сахаров В. Гвардейский Прометей, или Кавказ А. А. Бестужева-Марлинского // Родина. 1994. № 3–4.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1883.

Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Ч. 1. Тифлис, 1872.

Сказания народов Дагестана о Кавказской войне. Махачкала, 1997.

Слово о Дагестане. Махачкала, 1967.

Служивый (Дубенский Д. Н.). Очерки покорения Кавказа. СПб., 1901.

Султанов К. К. Русская литература XIX в. // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.

Сюкияйнен Л. Р. Ислам // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.

Тарикатские легенды, поучения и письма // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений. Т. 19. М., 1965.

Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. 1864.

Увайсов У. Аулы-крепости (Салта и Гергебиль, 1847–1848 гг.). Махачкала, 2000.

Фадеев Р. А. Очерки покорения Кавказа. СПб., 1901.

Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

- Фатуев Р. Салты // Слово о Дагестане. Махачкала, 1967.
- Хаджи-Мурат. Мемуары. Махачкала, 1927.
- Хайбулаев С. М. Поэтическая летопись Кавказской войны. Махачкала, 2005.
- Хайдарбек Геничутлинский. Историко-биографические и исторические очерки / Пер. Т. Айтберова. Махачкала, 1992.
- Халилов А. М. Ни замы (Кодекс) Шамиля // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.
- Халилов А. М. Социальная политика // Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.
- Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи «О дагестанских войнах в период Шамиля» / Пер. А. Барабанова. М., 1961.
- Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. СПб., 1889.
- Шигабудинов М. Ш. Аул Обода. Махачкала, 1999.
- Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал кн. И. Ф. Паскевич. Т. 1—17. СПб., 1888—1904.
- Энциклопедический словарь Русского библиографического института. Гранат. 7-е изд. М., 1935.
- Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890—1907.
- Эсадзе С. С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Тифлис, 1909.
- Эсадзе С. С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914.
- 100 писем Шамиля. Махачкала, 1997.
- Письма Шамиля и членов его семьи из личного архива Ш. М. Казиева. Документы Калужского государственного архива.
- Документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), выявленные И. В. Карпеевым и Л. И. Цвижбой.

К 14

Казиев Ш. М.

Имам Шамиль / Шапи Казиев. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 383[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1234).

ISBN 978-5-235-03332-0

УДК 94(47:479)(092)"18"

ББК 63.3(2)521-69

Казиев Шапи Магомедович
ИМАМ ШАМИЛЬ

Главный редактор *А. В. Петров*
Редакторы *В. М. Петров, А. Ю. Карпов, И. И. Никифорова*
Художественный редактор *А. В. Никитин*
Технические редакторы *М. П. Качурина, В. В. Пилкова*
Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. А. Мещерякова, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина*

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Подписано в печать с готовой электронной версии 30.12.2009. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 20,16+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 93300

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Суцевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии:

127994, Москва, Сущевская ул., 21

notes

Примечания

Искаж. *герилья* — испанские партизаны, воевавшие с Наполеоном в 1805–1813 годах после капитуляции армии и бегства короля. Среди предводителей народной войны было много монахов. После десанта англичан в Гибралтаре Наполеон был вынужден вывести войска из Испании для борьбы против коалиции во главе с Россией.